

ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией.
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1958

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1958

**Гравюры художника
А. ГОНЧАРОВА**

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Перевод

Т. ЩЕПКИНОЙ - КУПЕРНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, герцог Веронский.

Парис, молодой дворянин, родственник герцога.

Монтекки } главы двух
Капулетти } враждебных домов.

Старик, родственник Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник герцога и друг Ромео.

Бенволио, племянник Монтекки и друг Ромео.

Тибальт, племянник синьоры Капулетти.

Брат Лоренцо } францисканские
Брат Джованни } монахи.

Бальтазар, слуга Ромео.

Самсон } слуги Капулетти.
Грегори }

Пьетро, слуга кормилицы Джульетты.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь.

Три музыканта.

Паж Меркуцио.

Паж Париса.

Пристав.

Синьора Монтекки, жена Монтекки.

Синьора Капулетти, жена Капулетти.

Джульетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джульетты.

**Горожане Вероны, родственники
обоих домов, мужчины и женщины,
маски, стража, часовые и слуги,
Хор.**

Место действия — Верона и Мантуя.

П Р О Л О Г

Входит Х о р.

Х о р

В двух семьях, равных знатностью и славой,
В Вероне пышной разгорелся вновь
Вражды минувших дней раздор кровавый,
Заставил литься мирных граждан кровь.

Из чресл враждебных, под звездой злосчастной,
Любовников чета произошла.
По совершенье их судьбы ужасной
Вражда отцов с их смертью умерла.

Весь ход любви их, смерти обреченной,
И ярый гнев их близких, что угас
Лишь после гибели четы влюбленной,—
Часа на два займут, быть может, вас.

Коль подарите нас своим вниманьем,
Изъяны все загладим мы стараньем.

(Уходит.)

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Площадь в Вероне.

Входят Самсон и Грегори, вооруженные мечами и щитами.

Самсон

Уж поверь моему слову, Грегори, мы бобов разводить не станем.

Грегори

Конечно, нет, а то мы были бы огородниками.

Самсон

Я хочу сказать: чуть что — я огород городить не намерен, сразу схвачусь за меч!

Грегори

Смотри, хватисься, а уж попал в беду.

Самсон

Стоит меня затронуть — я сейчас в драку.

Грегори

Да затронуть-то тебя трудно так, чтобы ты раскачался.

Самсон

Любая собака из дома Монтекки уже затрагивает меня.

Г р е г о р и

Кто затронут, тот трогается с места; смелый — стоит на месте. Значит, если тебя затронут, ты удерешь?

С а м с о н

Нет уж, ни от одной собаки из этого дома не побегу! На стену полезу и возьму верх над любым мужчиной, над любой девкой из дома Монтекки.

Г р е г о р и

Вот и значит, что ты слабый трус: только слабому стена служит защитой.

С а м с о н

Верно! Оттого-то женщин, сосуд скудельный, всегда и припирают к стенке. Так вот: всех мужчин из дома Монтекки я сброшу со стены, а всех девок — припру к стене.

Г р е г о р и

Да ведь ссорятся-то наши хозяева, а мы — только их слуги.

С а м с о н

Это все равно. Я покажу свое злодейство. Когда справлюсь с мужчинами, жестоко примусь за девок; всем головы долой!

Г р е г о р и

Головы долой?

С а м с о н

Ну да, головы или что другое, понимай сам как знаешь.

Г р е г о р и

Это уж им придется понимать, смотря по тому, что они почувствуют.

С а м с о н

Меня-то они почувствуют, пока я в силах держаться. А я ведь, известно, не плохой кус мяса!

Г р е г о р и

Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты вяленой треской. Вытаскивай свой меч: сюда идут двое из дома Монтекки!

Входят А б р а м Б а л ь т а з а р.

С а м с о н

Мой меч наготове! Начинай ссору, я — за тобой.

Г р е г о р и

Как, спрячешься за мной — и наутек?

С а м с о н

За меня не бойся!

Г р е г о р и

Боюсь, что улепетнешь.

С а м с о н

Надо, чтоб закон был на нашей стороне: пусть они начнут ссору.

Г р е г о р и

Я нахмурюсь, проходя мимо них; пусть они это примут, как хотят.

С а м с о н

Нет, как посмеют! Я им кукиш покажу. Такого оскорбления они не стерпят.

А б р а м

Это вы нам показываете кукиш, синьор?

С а м с о н

Я просто показываю кукиш, синьор.

А б р а м

Вы нам показываете кукиш, синьор?

С а м с о н

(тихо, к Грегори)

Будет на нашей стороне закон, если я отвечу да?

Г р е г о р и

Нет.

С а м с о н

Нет, синьор! Я не вам показываю кукиш, синьор! Я его просто показываю, синьор!

Г р е г о р и

Вы желаете завести ссору, синьор?

А б р а м

Ссору, синьор? О нет, синьор!

С а м с о н

Но если вы желаете, синьор, то я к вашим услугам. Я служу такому же хорошему хозяину, как вы.

А б р а м

Да уж не лучшему!

С а м с о н

Так, синьор!

Входит Бенволио.

Г р е г о р и

(тихо, Самсону)

Скажи — лучшему: сюда идет племянник нашего хозяина.

С а м с о н

Нет — лучшему, синьор!

А б р а м

Вы лжете!

С а м с о н.

Мечи наголо, если вы мужчины! Грегори, вспомни свой хваленый удар.

Дерутся.

Б е н в о л и о

Стой, дурачье! Мечи в ножны вложите!

Не знаете, что делаете вы!

(Ударом меча вышибает у них из рук оружие.)

Входит Тибальт.

Т и б а л ь т

Как, бьешься ты средь челяди трусливой?

Сюда, Бенволио, смерть свою встречай!

Б е н в о л и о

Я их мирил. Вложи свой меч в ножны

Иль в ход его пусти, чтоб их разнять.

Т и б а л ь т

С мечом в руках — о мире говорить?

Мне даже слово это ненавистно.

Как ад, как все Монтекки, как ты сам!

Трус, начинай!

Сражаются.

Входят приверженцы обоих домов, которые присоединяются к драке; затем горожане и пристава с дубинками.

Первый пристав

Эй, топоры, дубины, алебарды!
Бей их! Бей Капулетти! Бей Монтекки!

Входит Капулетти в халате, за ним синьора Капулетти.

Капулетти

Что здесь за шум? Подать мой длинный меч!

Синьора Капулетти

Костыль, костыль! К чему тебе твой меч?

Капулетти

Меч, говорят! Гляди, старик Монтекки
Мне будто назло так мечом и машет.

Входят Монтекки и синьора Монтекки.

Монтекки

Ты, подлый Капулетти!

(Жене.)

Не держи!

Синьора Монтекки

Не дам тебе приблизиться к врагу.

Входит герцог Эскал со свитой.

Герцог

Бунтовщики! Кто нарушает мир?
Кто оскверняет меч свой кровью ближних?
Не слушают! Эй, эй, вы, люди! Звери!
Вы гасите огонь преступной злобы
Потоком пурпурным из жил своих.
Под страхом пытки, из кровавых рук
Оружье бросьте наземь и внимайте,
Что герцог ваш разгневанный решил.
Три раза уж при мне междоусобья,
Нашедшие начало и рождение
В словах, тобою, старый Капулетти,
Тобой, Монтекки, брошенных на ветер,
Смущали мир на улицах Вероны
И заставляли престарелых граждан,
Уборы сняв пристойные, хватать
Рукою дряхлой дряхлое оружие,
Изгрызанное ржавчиною мира,

Чтоб унимать грызущую вас злобу.
Но, если вы хоть раз еще дерзнете
Покой нарушить наших мирных улиц,—
Заплатите за это жизнью вы.
Теперь же все немедленно разойдитесь.
За мною, Капулетти... Вы ж, Монтекки,
Явитесь днем — узнать решение наше —
К нам в Виллафранку, где вершим мы суд.
Итак, под страхом смерти — разойдитесь!

Все, кроме Монтекки, синьоры Монтекки и Бенволио, уходят.

Монтекки

Кто снова начал этот давний спор?
Скажи, племянник, был ли ты при этом?

Бенволио

Я здесь застал в ожесточенной драке
Двух ваших слуг и двух от Капулетти
И вынул меч, чтоб их разнять; но тут
Явился вспыльчивый Тибальт с мечом.
Мне, бросив вызов, стал над головою
Мечом он ветер разрезать, а ветер,
Не поврежден, освистывал его.
Пока меж нами схватка продолжалась,
Народ сбегаться начал отовсюду,
И драка тут пошла со всех сторон.
Явился герцог — спор был прекращен.

Синьора Монтекки

Но где Ромео — ты не знаешь? Счастье,
Что в ссоре он не принимал участия!

Бенволио

За час до той поры, как солнца луч
Взглянул в окно востока золотое,
Пошел пройтись я, чтоб развеять грусть,—
И вот, в тенистой роще сикомор,
Что тянется от города на запад,
Увидел сына вашего, синьора.
Пошел к нему я. Он меня заметил
И скрылся от меня в лесной глуши.
Но об его желаниях судил
Я по своим, прекрасно понимая,

Что чувствам в одиночестве вольней.
Так я, не следуя за ним, пошел
Своим путем, и рад был избежать я
Того, кто от меня был рад бежать.

Монтекки

Его там часто по утрам встречают:
Слезам множит утра он росу
И к тучам тучи вздохов прибавляет.
Но стоит оживляющему солнцу
Далеко на востоке приподнять
Тенистый полог над Авроры ложем —
От света прочь бежит мой сын печальный
И замыкается в своих покоях;
Завесит окна, свет дневной прогонит
И сделает искусственную ночь.
Ждать можно бедствий от такой кручины,
Коль что-нибудь не устранил причины.

Бенволио

Известна ль вам она, мой добрый дядя?

Монтекки

Нет! И ее дознаться не могу.

Бенволио

Пытались вы расспрашивать его?

Монтекки

И я и наши многие друзья;
Но он один — советчик чувств своих.
Он — не скажу, что сам себе не верен,
Но так он необщителен и скрытен,
Так недоступен никаким расспросам,
Как почка, где червяк завелся раньше,
Чем нежные листки она раскрыла,
Чтоб солнцу красоту свою отдать.
Узнать бы нам, что значит это горе,—
Его б мы, верно, вылечили вскоре.

Бенволио

Вот он идет. Побудьте в стороне.
Надеюсь, что откроется он мне!

Монтекки

Хотел бы я, чтоб ты услышал скоро
Всю исповедь его! — Идем, синьора!

Монтекки и синьора Монтекки уходят.
Входит Ромео.

Бенволио

Брат, с добрым утром.

Ромео

Утром? Неужели

Так рано?

Бенволио

Било девять.

Ромео

В самом деле?
Как медленно часы тоски ползут!
Скажи, отец мой только что был тут?

Бенволио

Да. Что ж за горе длит часы Ромео?

Ромео

Отсутствие того, что бы могло
Их сделать краткими.

Бенволио

Виной — любовь?

Ромео

Нет!

Бенволио

Не любовь?

Ромео

Да. Нелюбовь ко мне
Возлюбленной.

Бенволио

Увы! Зачем любовь,
Что так красива и нежна на вид,
На деле так жестока и сурова?

Ромео

Увы, любовь желанные пути
Умеет и без глаз себе найти! —
Где нам обедать? Что здесь был за шум?
Не стоит отвечать — я сам все слышал.
Страшна здесь ненависть; любовь страшнее!
О гнев любви! О ненависти нежность!
Из ничего рожденная безбрежность!
О тягость легкости, смысл пустоты!
Бесформенный хаос прекрасных форм,
Свинцовый пух и ледяное пламя,
Недуг целебный, дым, блестящий ярко,
Бессонный сон, как будто и не сон!
Такой любовью дух мой поражен.
Смеешься ты?

Бенволио

Нет, брат,— скорее плачу.

Ромео

Сердечный друг, о чем?

Бенволио

О сердце друга.

Ромео

Да, злее нет любви недуга.
Печаль, как тяжесть, грудь мою гнетет.
Прибавь свою — ты увеличишь гнет:
Своей тоской — сильней меня придавишь,
Своей любовью — горя мне прибавишь.
Любовь летит от вздохов ввысь, как дым.
Влюбленный счастлив — и огнем живым
Сияет взор его; влюбленный в горе —
Слезами может переполнить море.
Любовь — безумье мудрое: оно
И горечи и сладости полно.
Прощай, однако, брат мой дорогой.

Бенволио

Ромео, подожди, и я с тобой.
Расставшись так со мной, меня обидишь.

Ромео

Тсс... нет меня! Где ты Ромео видишь?
Я потерял себя. Ромео нет.

Бенволио

Скажи серьезно мне: кого ты любишь?

Ромео

Сказать со стоном?

Бенволио

Но к чему тут стон?

Скажи, в кого влюблен?

Ромео

Вели больному сделать завещанье —
Как будет больно это пожеланье!
Серьезно, брат, я в женщину влюблен.

Бенволио

Я так и думал: в цель попал я верно.

Ромео

Стрелок ты славный. И она прекрасна.

Бенволио

Чем лучше цель, тем попадешь верней.

Ромео

О, ты неправ по отношению к ней.
Неуязвима для любовных стрел,
Она Дианы предпочла удел,
Закована в невинность, точно в латы,
И ей не страшен Купидон крылатый.
Не поддается нежных слов осаде,
Не допускает поединка взоров
И даже золоту — святых соблазну —
Объятий не откроет никогда.
Богата красотой. Бедна лишь тем,
Что вместе с ней умрет ее богатство.

Бенволио

Иль целомудрия обет дала?

Ромео

Да, в этом нерасчетлива была:
Ведь красота от чистоты увянет
И жить в потомстве красотой не станет.
О, слишком уж прекрасна и умна,
Умно-прекрасна чересчур она!

Но заслужить ли ей блаженство рая,
Меня так незаслуженно терзая?
Я заживо убит ее обетом!
Я мертв — хоть жив и говорю об этом.

Бенволио

Послушайся меня: забудь о ней.

Ромео

О, научи, как разучиться думать!

Бенволио

Глазам дай волю: на других красавиц
Внимательно гляди.

Ромео

Вот лучший способ
Назвать ее прелестной лишней раз.
Под черной маской милых дам всегда
Мы ожидаем красоту увидеть.
Ослепший никогда не позабудет
Сокровища утраченного — зренья.
Мне покажи красавицу любую —
В ее красе я лишь прочту о том,
Что милой красота — гораздо выше.
Так не учи; забыть я не могу.

Бенволио

Свой долг исполню или умру в долгу.

Уходят.

СЦЕНА 2

Улица.

Входят Капулетти, Парис слуга.

Капулетти

Мы оба одинаково с Монтекки
Наказаны; и, думаю, не трудно
Нам, старым людям, было б в мире жить.

Парис

Достоинствами вы равны друг другу;
И жаль, что ваш раздор так долго длится.
Но что вы мне ответите, синьор?

Капулетти

Я повторю, что говорил и раньше:
Мое дитя еще не знает жизни;
Ей нет еще четырнадцати лет;
Пускай умрут еще два пышных лета —
Тогда женою сможет стать Джульетта.

Парис

Я матерей счастливых знал моложе.

Капулетти

Созрев так рано, раньше увядают.
Земля мои надежды поглотила,
И дочь — одна наследница моя.
Но попытайтесь, граф мой благородный, —
Пусть вам любовь отдаст она свободно;
В ее согласии мое — лишь часть;
Я ей решение отдаю во власть.
Сегодня праздник в доме у меня:
Друзья мои сойдутся и родня;
Кого люблю, тот зван на торжество:
Вы к их числу прибавьте одного.
Земные звезды озарят мой дом,
Заставив ночь казаться ярким днем.
Ту радость, что апрель несет нам милый,
Явившись следом за зимою хилой,
Вам приготовит мой смиренный кров
Средь девушек, среди живых цветов.
Смотрите, слушайте и наблюдайте,
И лучшей предпочтение отдайте.
Одной из многих будет и она,
Хоть, может быть, ценой им не равна.
Войдем со мною, граф. — А ты, любезный,
Верону всю обегай, всех найди,
Кто здесь записан

(дает слуге бумагу)

и проси потом

Мне сделать честь — пожаловать в мой дом.

Капулетти и Парис уходят.

Слуга

«Всех найди, кто здесь записан!» А может, здесь записано:
знай сапожник свой аршин, а портной свою колодку, рыбак —

свою кисть, а маляр — свой невод. Меня посылают пайти всех тех, чьи имена здесь написаны. А как же я разберу, какие имена здесь написаны? Надо разыскать какого-нибудь ученого человека.

Входят Бенволио Ромео.

А, вот это кстати!

Бенволио

Коль чувствуешь ты головокруженье,
Кружись в другую сторону — поможет!
Один огонь другого выжжет жженье,
Любую боль прогнать другая может.
Пусть новую заразу встретит взгляд —
Вмиг пропадет болезни старой яд.

Ромео

Да, это вылечит твой подорожник.

Бенволио

Что — это?

Ромео

Поврежденную коленку.

Бенволио

Ромео, право, ты сошел с ума!

Ромео

Нет, но несчастней я, чем сумасшедший:
В темницу заперт, голодом измучен,
Избит, истерзан...— Добрый день, приятель.

Слуга

Синьор, умеете ли вы читать?

Ромео

О да, — мою судьбу в моих несчастьях.

Слуга

Этому вы, может, и не по книгам научились; но будьте добры, скажите, умеете ли вы читать по писаному?

Ромео

Да, если знаю буквы и язык.

С л у г а

Шутить угодно? Бог с вами!

(Хочет уйти.)

Р о м е о

Стой, стой, я умею читать.

(Читает.)

«Синьор Мартино с супругой и дочерью. Граф Ансельмо и его прекрасная сестрица. Вдовствующая синьора Витрувио. Синьор Плаченцио с его прелестными племянницами. Меркуцио и его брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерью. Моя прекрасная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валенцио и его двоюродный брат Тибальт. Люцио и резвушка Елена».

(Отдает список.)

На славу общество! Куда же их приглашают?

С л у г а

Туда.

Р о м е о

Куда?

С л у г а

На ужин, к нам в дом.

Р о м е о

В чей дом?

С л у г а

Хозяина моего.

Р о м е о

Да, мне следовало спросить об этом раньше.

С л у г а

А я и без спросу вам скажу: мой хозяин — известный богач, синьор Капулетти, и если только вы не из дома Монтекки, так милости просим к нам — опрокинуть стаканчик винца. Будьте здоровы.

(Уходит.)

Б е н в о л и о

На празднике обычном Капулетти
Среди веронских признанных красавиц
За ужином и Розалина будет —
Красавица, любимая тобою.
Ступай туда, пусть беспристрастный взгляд
Сравнит ее кой с кем из жен Вероны —
И станет лебедь твой черней вороны.

Ромео

Коль святотатством погрешу таким,
Пусть слезы жгут мои глаза, как пламя;
Смерть от огня пусть карой будет им
За то, что сделались еретиками.
Прекраснее ее под солнцем нет
И не было с тех пор, как создан свет.

Бенволио

Брось! Ты другой не видел красоты,
И сравнивать не мог, конечно, ты.
Глаза твои, хрустальные весы,
Пусть взвесят прелесть и другой красы.
На празднике — красавиц целый ряд
Я укажу, что блеск твоей затмят.

Ромео

Пойду не с тем, чтоб ими любоваться,
Но чтоб красой любимой наслаждаться.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната в доме Капулетти.

Входят синьора Капулетти и кормилица.

Синьора Капулетти

Где дочь моя? Пошли ее ко мне,
Кормилица!

Кормилица

Невинностью моей

В двенадцать лет — клянусь, уж я давно
Звала ее. — Ягненок мой, птичка!
Куда ж она девалась? А? Джульетта!

Входит Джульетта.

Джульетта

Что там? Кто звал меня?

Кормилица

Зовет синьора.

Дж у л ь е т т а

Вот я, синьора. Что угодно вам?

Синьора Капулетти

Вот что...— Кормилица, ступай. Нам надо
Поговорить наедине. А впрочем,
Кормилица, постой, останься лучше.
Ты дочь мою с младенчества ведь знаешь.

Кормилица

На час не ошибусь в ее годах.

Синьора Капулетти

Ей нет еще четырнадцати лет.

Кормилица

Четырнадцать своих зубов отдам
(Хоть жаль — их всех-то у меня четыре),
Что ей еще четырнадцати нет.
До дня Петрова сколько остается?

Синьора Капулетти

Недели две.

Кормилица

Ну вот, в Петров день к ночи
И минет ей четырнадцать годков.
Она была с моей Сусанной (царство
Небесное всем христианским душам!)
Ровесница. Сусанну бог прибрал.
Ох, я не стоила ее! А вашей
Четырнадцать в Петров день будет точно.
Вот, помнится, одиннадцать годов
Тому минуло, в год землетрясения,
Как я ее от груди отняла.
Не позабыть! Все помню, как сегодня.
Соски себе натерла я полынью,
На солнце сидя возле голубятни.
Вы в Мантуе тогда с синьором были.
Да, помню, как сейчас: когда она
Почуяла, что горькие соски,—
Как рассердилась дурочка-малышка,
Как замахнулась ручкой на соски!
А тут вдруг зашаталась голубятня.
Я — опрометью прочь!

С тех пор прошло одиннадцать годков.
Она тогда на ножках уж стояла.
Ох, что я, вот вам крест! Да ведь она
Уж вперевалку бегала повсюду.
В тот день она себе разбила лобик,
А муж мой (упокой его господь —
Вот весельчак-то был!) малютку поднял.
«Что,— говорит,— упала ты на лобик?
А подрастешь — на спинку будешь падать.
Не правда ли, малюточка?» И что же!
Клянусь мадонной, сразу перестала
Плутовка плакать и сказала: «Да».
Как долго шутка помнится, ей-богу,—
Хоть проживи сто лет, а не забыть;
«Не правда ли, малюточка?» А крошка
Утешилась и отвечает: «Да».

Синьора Капулетти

Ну, будет уж об этом, помолчи.

Кормилица

Да, только так вот смех и разбирает,
Что вспомню, как она забыла слезы
И отвечала: «Да». А ведь, однако,
На лобике у ней вскочила шишка
Не меньше петушиного личка!
Так стукнулась и плакала так горько,
А он: «Теперь упала ты на лобик,
А подрастешь, на спинку будешь падать.
Не правда ли, малюточка?» И что же!
Она сказала: «Да» — и замолчала.

Джужетта

Ну, замолчи и ты, прошу тебя.

Кормилица

Ну, ладно уж, молчу, господь с тобой.
Милей тебя детей я не кормила.
Ох, только б до твоей дожить мне свадьбы —
Так больше ничего я не хочу.

Синьора Капулетти

Вот-вот, как раз о свадьбе и хочу я
Поговорить.— Скажи, Джужетта, дочка,
Была бы ты согласна выйти замуж?

Джюльетта

Я о подобной чести не мечтала.

Кормилица

О чести! Каб не я тебя вскормила,
Сказала б: ум ты с молоком всосала.

Синьора Капулетти

Так о замужестве пора подумать.
В Вероне многие из знатных дам
Тебя моложе, а детей имеют.
Что до меня — в твои года давно уж
Я матерью твоей была. Ну, словом, —
Твоей руки Парис достойный просит.

Кормилица

Вот кавалер-то, ах, моя синьора!
Что за мужчина! Восковой красавчик!

Синьора Капулетти

В веронском цветнике — цветок он самый лучший.

Кормилица

Ох, да, цветок, уж подлинно цветок!

Синьора Капулетти

Скажи, могла бы его ты полюбить?
На празднике у нас он вынче будет.
Читай, как книгу, юный лик Париса,
В нем красотой начертанную прелесть.
Вглядишься в черты, которых сочетание
Особое таит очарованье;
И все, что скрыто в чудной книге той,
Ты в выражение глаз его открой.
Как книга без обложки, он лишь ждет,
Какой его украсит переплет.
Но не поймал никто еще той рыбы,
Чью кожу взять на переплет могли бы.
Да, смело может красота гордиться,
Коль эти заключит в себе страницы.
Когда рассказ прекрасный в книге скрыт,
То ею всякий больше дорожит.
Ценней ее застежка золотая,
Смысл золотой собою охраняя.

Так раздели, что есть в его судьбе;
Не станешь меньше, взяв его себе.

Кормилица

Нет, толще станет — так уже ведется.

Синьора Капулетти

Как смотришь на любовь его, ответь.

Джульетта

Я постараюсь ласково смотреть,
Но буду стрелы посылать из глаз
Не дальше, чем велит мне ваш приказ.

Входит слуга.

Слуга

Синьора, гости собрались, ужин готов, вас просят, молодую синьору зовут, кормилицу клинут в буфетной; и все дошло до крайней точки. Мне приказано скорей подавать. Умоляю вас, пожалуйста сейчас же. *(Уходит.)*

Синьора Капулетти

Идем, Джульетта, граф уже пришел!

Кормилица

Иди, дитя, и вслед счастливых дней
Ищи себе счастливых ты ночей.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Ромео, Меркуцио и Бенволио с пятью или шестью другими масками, за ними слуги с факелами.

Ромео

Ну что ж, мы скажем в извиненье речь
Иль так войдем, без всяких объяснений?

Бенволио

Нет, нынче уж не в моде многословье.
У нас с собой не будет Купидона
С повязкой на глазах, с татарским луком,

Похожего на пугало воронье
И ужас наводящего на женщин,
Ни устного Пролога, что с запинкой
Сопровождает вход наш под суфлера.
Пусть думают о нас, что им угодно,—
Мы только протанцуем и уйдем.

Ромео

Мне факел дайте: для веселой пляски
Я слишком грустен; я светить вам буду.

Меркуцио

Нет, милый друг, ты должен танцевать.

Ромео

О нет, вы в танцевальных башмаках
На легоньких подошвах; у меня же
Свинец на сердце: тянет он к земле
И двигаться легко не позволяет.

Меркуцио

Но ты влюблен. Займи же пару крыльев
У Купидона и порхай на них!

Ромео

Стрелой его я ранен слишком сильно,
Чтоб на крылах парить, и связан так,
Что мне моей тоски не перепрыгнуть.
Любовь, как груз, гнетет меня к земле.

Меркуцио

Чтобы совсем ты погрузился, надо
Любви на шею камень привязать.
Но груз тяжел для этой нежной вещи.

Ромео

Ужель любовь нежна? Она жестока,
Груба, свирепа, ранит, как шипы.

Меркуцио

За рану — рань ее и победишь.
Ну, дайте же футляр мне для лица.

(Надевает маску.)

Личина — на личину. Ну, теперь,

Коль строгий взор во мне изъян заметит,
Пусть за меня краснеет эта харя.

Бенволио

Ну, постучимся и войдем,— и сразу,
Без разговоров, пустимся мы, в пляс.

Ромео

Мне факел! Пусть беспечные танцоры
Камыш бездушный каблуками топчут.
Я вспоминаю поговорку дедов:
Внесу вам свет и зрителем останусь.
Разгар игры — а я уже пропал!

Меркуцио

Попалась мышь! Но полно, не горюй!
Коль ты устал, так мы тебе поможем,
И вытащим тебя мы из трясины,
Из этой, с позволения сказать,
Любви, в которой по уши завяз ты.
Однако даром свечи днем мы тратим.

Ромео

О, нет!

Меркуцио

Да, в промедлении своем
Мы тратим время, точно лампы днем,
Прими совет наш мудрый пятикратно.
Здесь пять голов; в них пять умов. Понятно?

Ромео

Как знать? На этот маскарад умно ль
Идти нам?

Меркуцио

Почему — узнать позволь?

Ромео

Я видел сон.

Меркуцио

Я тоже,— чем хвалиться?

Ромео

Что видел ты?

М е р к у р ц и о

Что часто лгут сновидцы.

Р о м е о

Нет, сон бывает вестником судеб.

М е р к у р ц и о

А, так с тобой была царица Меб!
То повитуха фей. Она не больше
Агата, что у олдермена в перстне.
Она в упряжке из мельчайших мошек
Катается у спящих по носам.
В ее повозке спицы у колес
Из длинных сделаны паучьих лапок;
Из крыльев травяной кобылки — фартук;
Постромки — из тончайшей паутины,
А хомуты — из лунного луча;
Бич — тонкий волосок, и кнутовище —
Из косточки сверчка; а за возницу —
Комарик — крошка, вроде червячков,
Живущих у ленивиц под ногтями.
Из скорлупы ореха — колесница,
Сработана иль белкой-столяром,
Или жучком-точильщиком, давнишним
Каретником у фей. И так она
За ночью ночь катается в мозгу
Любовников — и снится им любовь;
Заедет ли к придворным на колени —
И снятся им поклоны; к адвокату
На пальцы — и во сне он видит деньги;
На женские уста — и поделуи
Сейчас же сниться начинают дамам
(Но часто Меб, разгневавшись, болячки
Им насылает — оттого, что портят
Конфетами они свое дыханье);
Порой промчится по носу она
Придворного — во сне он милость чувствует;
А иногда щетинкой поросенка,
Уплаченного церкви в десятину,
Попу она во сне щекочет нос —
И новые ему доходы снятся;
Проседется ль у воина по шее —
И рубит он во сне врагов и видит

Испанские клинки, бои и кубки
Заздравные — в пять футов глубины;
Но прямо в ухо вдруг она ему
Забарабанит — вскочит он спросонья,
Испуганный прочтет две-три молитвы
И вновь заснет. Все это — Меб. А ночью
Коням она же заплетает гривы,
А людям насыляет колтуны,
Которые расчесывать опасно.
Все это — Меб.

Ромео

Меркуцио, довольно!
Ты о пустом болтаешь.

Меркуцио

Да, о снах.
Они ведь дети праздного ума,
Фантазии бесцельной порождение,
Которое, как воздух, невесомо,
Непостоянней ветра, что ласкает
Грудь ледяного севера и сразу
Разгневанный летит оттуда прочь,
Свой лик на юг росистый обращая.

Бенволио

Пусть этот ветер нас отсюда сдует.
Окончен ужин, и придем мы поздно.

Ромео

Боюсь, что слишком рано мы придем.
Предчувствует душа, что волей звезд
Началом несказанных бедствий будет
Ночное это празднество. Оно
Конец ускорит ненавистной жизни,
Что теплится в груди моей, послав
Мне страшную, безвременную смерть.
Но тот, кто держит руль моей судьбы,
Пусть направит парус мой. — Идем!

Бенволио

Бей в барабан!

Уходят.

СЦЕНА 5

Зал в доме Капулетти.

Музыканты ждут. Входят слуги с салфетками.

Первый слуга

Где же Потпен? Что он не помогает убирать? Хоть бы блюдо унес да почистил тарелки!

Второй слуга

Плохо дело, когда все отдано в руки одному-двоим, да еще в руки немытые!

Первый слуга

Уносите стулья, отодвигайте поставцы, присматривайте за серебром! Эй ты, припрячь для меня кусок марципанового пряника, да будь другом, скажи привратнику, чтобы он пропустил сюда Сусанну Грайндстон и Нелли. Антон! Потпен!

Второй слуга

Ладно, будет сделано.

Первый слуга

Вас ищут, вас зовут, вас требуют, вас ждут в большом зале.

Третий слуга

Да не можем же мы быть тут и там зараз. Веселее, ребята! Поторапливайтесь! Кто других переживет, все заберет.

Уходят.

Входят Капулетти с Джульеттой и другими домочадцами; они встречают гостей и масок.

Капулетти

Добро пожаловать! И пусть те дамы,
Чьи ножки не страдают от мозолей,
Попляшут с вами! Готов поклясться,
Что кто начнет жеманиться, у тех
Мозоли есть!

(Одной из дам.)

Ага, я вас поймал?

(К Ромео и его спутникам.)

Привет, мои синьоры! Было время,
Я тоже маску надевал и нежно
Шептал признанья на ушко красотке;
Но все это прошло, прошло, прошло.
Привет мой вам! — Играйте, музыканты.—
Эй, места, места! — Ну же, в пляс, девицы!

Музыка; гости танцуют.

Эй вы, побольше света! Прочь столы!
Камин гасите: стало слишком жарко.
Как кстати нам неожиданная забава!

(Старику, своему родственнику.)

Присядь, присядь, любезный братец мой!
Для нас с тобой дни танцев уж прошли.
Когда в последний раз с тобою были
Мы в масках?

Старик Капулетти

Да уж лет тридцать будет.

Капулетти

Нет, что ты, — меньше, друг, конечно, меньше!
На свадьбе у Люченцио то было.
На троицу, лет двадцать пять назад,
Не более, мы надевали маски.

Старик Капулетти

Нет, больше, больше: сын его ведь старше;
Ему за тридцать.

Капулетти

Что ты мне толкуешь?
Каких-нибудь назад тому два года
Он был еще несовершеннолетним.

Ромео

(своему слуге)

Скажи, кто та, чья прелесть украшает
Танцующего с ней?

Слуга

Синьор, не знаю.

Ромео

Она затмила факелов лучи!
Сияет красота ее в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный.
Редчайший дар, для мира слишком ценный!
Как белый голубь в стае воронья —
Среди подруг красавица моя.
Как кончат танец, улучу мгновенье —
Коснусь ее руки в благоговенье.

И я любил? Нет, отрекайся взор:
Я красоты не видел до сих пор!

Т и б а л ь т

Как, этот голос! Среди нас — Монтекки!
Эй, паж, мой меч! Как! Негодяй посмел
Сюда явиться под прикрытьем маски,
Чтобы над нашим празднеством глумиться?
О пет, клянусь я честью предков всех,
Убить его я не сочту за грех!

К а п у л е т т и

Что ты, племянник, так разбушевался?

Т и б а л ь т

Но, дядя, здесь Монтекки! Здесь наш враг!
К нам этот негодяй прокрался в дом:
Над нашим он глумится торжеством.

К а п у л е т т и

Ромео здесь?

Т и б а л ь т

Да, негодяй Ромео!

К а п у л е т т и

Друг, успокойся и оставь его.
Себя он держит истым дворянином;
Сказать по правде — вся Верона хвалит
Его за добродетель и учтивость.
Не дам его здесь в доме оскорблять я.
Не обращай вниманья на него.
Когда мою ты волю уважаешь,
Прими спокойный вид, брось хмурить брови:
На празднике так неуместна злость.

Т и б а л ь т

Она уместна, коль нам мерзок гость.
Я не стерплю его!

К а п у л е т т и

Ого! Не стерпишь?

Отлично стерпишь — слышишь ты, мальчишка?
Я здесь хозяин или ты? Ступай!
Не стерпит он! А? Бог меня прости!

Ты средь моих гостей заводишь смуту.
Ишь, вздумал петушиться! Я тебя!

Т и б а л ь т

Но, дядя, это срам.

Ка пу л е т т и

Да, как же, как же!
Мальчишка дерзкий ты! Вот как! Смотри,
Чтоб пожалуй потом не привелось!
Не повреди себе — я знаю чем...
Сердить меня — как раз тебе пристало.—
Отлично, детки.— Дерзкий ты мальчишка!
Веди себя прилично, а не то...—
Побольше света, света! — Стыд какой!
Притихнешь у меня.— Живей, дружки!

Т и б а л ь т

Мой гнев и принужденное терпенье
Вступили в бой. Дрожу я от волнения.
Пока уйду я, но его приход
Ему не радость — горе принесет.

(Уходит.)

Р о м е о

(Джульетте)

Когда рукою недостойной грубо
Я осквернил святой алтарь — прости.
Как два смиренных пилигрима, губы
Лобзаньем смогут след греха смести.

Д ж у л ь е т т а

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей.

Р о м е о

Даны ль уста святым и пилигримам?

Д ж у л ь е т т а

Да,— для молитвы, добрый пилигрим.

Р о м е о

Святая! Так позволь устам моим
Прильнуть к твоим — не будь неумолима.

Дж у л ь е т т а

Не двигаясь, святые внемлют нам.

Р о м е о

Недвижно дай ответ моим мольбам.

(Целует ее.)

Твои уста с моих весь грех снимают.

Дж у л ь е т т а

Так принял твой грех мои уста?

Р о м е о

Мой грех... О, твой упрек меня смущает!
Верни ж мой грех.

Дж у л ь е т т а

Вина с тебя снята.

К о р м и л и ц а

Синьора, ваша матушка вас просит.

Дж у л ь е т т а уходит.

Р о м е о

Кто мать ее?

К о р м и л и ц а

Как, молодой синьор?

Хозяйка дома этого ей мать —

Достойная и мудрая синьора.

А я вскормила дочь, с которой здесь

Вы говорили. Кто ее получит,

Тому достанется и вся казна.

(Уходит.)

Р о м е о

Дочь Капулетти!

Так в долг врагу вся жизнь моя дана.

Б е н в о л и о

Идем. Забава славно удалась:

Р о м е о

Боюсь, моя беда лишь началась.

Капулетти

Нет, уходить не думайте, синьоры.
Хоть ужин кончен, мы кое-чем закусим.
Идете все же? Ну, благодарю,
Благодарю вас всех. Спокойной ночи.—
Подайте факелы! — Ну спать, так спать.
О, черт возьми, и в самом деле поздно!
Пора в постель.

Все, кроме Джульетты и кормилицы, уходят.

Джульетта

Кормилица, скажи, кто тот синьор?

Кормилица

Сын и наследник старого Тиберно.

Джульетта

А этот, что сейчас выходит в дверь?

Кормилица

Как будто это молодой Петруччо.

Джульетта

А тот, за ним, тот, кто не танцевал?

Кормилица

Не знаю я.

Джульетта

Поди узнай.— И если он женат,
То мне могила будет брачным ложем.

Кормилица

(возвращаясь)

Зовут его Ромео, он Монтекки,
Сын вашего врага,— один наследник.

Джульетта

Одна лишь в сердце ненависть была —
И жизнь любви единственной дала.
Не зная, слишком рано увидала
И слишком поздно я, увы, узнала.
Но победить я чувство не могу:
Горю любовью к злейшему врагу.

К о р м и л и ц а

Что? Что это?

Д ж у л ь е т т а

Стихи. Мой кавалер
Им научил меня.

Голос за сценой: «Джульетта!»

К о р м и л и ц а

Идем, идем! —
Ступай, — последний гость покинул дом.
Уходят.

А К Т II

П Р О Л О Г

Входит Х о р.

Х о р

Былая страсть поглощена могилой —
Страсть новая ее наследства ждет,
И та померкла пред Джульеттой милой,
Кто ранее была венцом красот.

Ромео любит и любим прекрасной.
В обоих красота рождает страсть.
Врага он молит; с удочки опасной
Она должна любви приманку красть.

Как враг семьи заклятый, он не смеет
Ей нежных слов и клятв любви шепнуть.
Настолько же надежды не имеет
Она его увидеть где-нибудь.

Но страсть даст силы, время даст свиданье
И сладостью смягчит все их страданья.

(Уходит.)

СЦЕНА 1

Переулок, стена перед садом Капулетти. Входит Ромео.

Ромео

Могу ль уйти, когда все сердце здесь?
За ним ты, прах земной! Найди свой центр!
(*Перелезает через стену и исчезает за ней.*)

Входят Бенволио и Меркуцио.

Бенволио

Ромео! Брат Ромео!

Меркуцио

Он разумен
И, верно, уж давно лежит в постели.

Бенволио

Нет, нет, сюда он прыгнул, через стену.
Позвать сго?

Меркуцио

Да, вызвать заклинанием!
Ромео, страсть, любовь, безумец пылкий,
Причудник! Появись хоть в виде вздоха!
Одну лишь рифму — и с меня довольно.
Воскликни: «ах»; вздохни: «любовь» и «вновь».
Скажи словечко кумушке Венере,
Посмейся над слепым ее сынком,
Пад Купидоном, целившим так метко,
Когда влюбился в нищую король
Кофетуа. Ни отклика, ни вздоха?
Плут умер. Я прибегну к заклинанию.
Тебя я заклинаю ясным взором
Прекрасной Розалины, благородным
Ее челом, пунцовыми устами,
Ногою стройной, трепетным бедром
И прелестями прочими ее,—
Явись, явись нам в образе своем!

Бенволио

Коль слышит он, рассердится, паверно.

Меркуцио

Не думаю. Он мог бы рассердиться,
Когда б к его возлюбленной я вызвал

Другого духа, предоставив ей
И победить и вновь заковать его:
Вот это было б для него обидно.
Но заклинание мое невинно.
Ведь именем возлюбленной я только
Его явиться заклинаю к нам.

Бенволио

Он, верно, спрятался в тени деревьев,
Чтоб слиться воедино с влажной ночью:
Любовь его слепа — ей мрак подходит.

Меркуцио

Но будь любовь слепа, она так метко
Не попадала б в цель. Теперь сидит
Он где-нибудь под деревом плодовым,
Мечтая, чтоб любимая его,
Как спелый плод, ему свалилась в руки.
О, будь она, о, будь она, Ромео,
От спелости растрескавшейся грушей!
Прощай, Ромео, я иду в постель.
Мне под открытым небом спать прохладно.
Пойдем.

Бенволио

Пойдем — искать того напрасно,
Кто не желает, чтоб его нашли.

Уходят.

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

Над шрамом шутит тот, кто не был ранен.

Джюльетта появляется на балконе.

Но тише! Что за свет блеснул в окне?
О, там восток! Джюльетта — это солнце.
Встань, солнце ясное, убей луну —
Завистницу: она и без того
Совсем больна, бледна от огорченья,

Что, ей служа, ты все ж ее прекрасней.
Не будь служанкою луны ревнивой!
Цвет девственных одежд зелено-бледный
Одни шуты лишь носят: брось его.
О, вот моя любовь, моя царица!
Ах, знай она, что это так!
Она заговорила? Нет, молчит.
Взор говорит. Я на него отвечаю!
Я слишком дерзок: эта речь — не мне.
Прекраснейшие в небе две звезды,
Принуждены на время отлучиться,
Глазам ее свое моление шлют —
Сиять за них, пока они вернутся.
Но будь ее глаза на небесах,
А звезды на ее лице останься,—
Затмил бы звезды блеск ее ланит,
Как свет дневной лампаду затмевает;
Глаза ж ее с небес струили б в воздух
Такие лучезарные потоки,
Что птицы бы запели, в ночь не веря.
Вот подперла рукой прекрасной щеку.
О, если бы я был ее перчаткой,
Чтобы коснуться мне ее щеки!

Д ж у л ь е т т а

О, горе мне!

Р о м е о

Она сказала что-то.
О, говори, мой светозарный ангел!
Ты падо мной снешь в мраке ночи,
Как легкокрылый посланец небес
Пред изумленными глазами смертных,
Глядящих, головы закинув ввысь,
Как в медленных парит он облаках
И плавает по воздуху.

Д ж у л ь е т т а

Ромео!

Ромео, о зачем же ты Ромео!
Покинь отца и отрекись навеки
От имени родного, а не хочешь —
Так поклянись, что любишь ты меня,—
И больше я не буду Капулетти.

Ромео

Ждать мне еще или сразу ей ответить?

Джульетта

Одно ведь имя лишь твое — мне враг,
А ты — ведь это ты, а не Монтекки.
Монтекки — что такое это значит?
Ведь это не рука, и не нога,
И не лицо твое, и не любая
Часть тела. О, возьми другое имя!
Что в имени? То, что зовем мы розой, —
И под другим названием сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени. Так сбрось же это имя!
Оно ведь даже и не часть тебя.
Взамен его меня возьми ты всю!

Ромео

Ловлю тебя на слове: назови
Меня любовью — вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео.

Джульетта

Ах, кто же ты, что под покровом ночи
Подслушал тайну сердца?

Ромео

Я не знаю,
Как мне себя по имени назвать.
Мне это имя стало ненавистно,
Моя святыня: ведь оно — твой враг.
Когда б его написанным я видел,
Я б это слово тотчас разорвал.

Джульетта

Мой слух еще и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Ромео

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не правятся они.

Д ж у л ь е т т а

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждет тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Р о м е о

Я перенесся на крылах любви:
Ей не преграда — каменные стены.
Любовь на все дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Д ж у л ь е т т а

Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Р о м е о

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечях. Взгляни лишь нежно —
И перед их враждой я устою.

Д ж у л ь е т т а

О, только бы тебя не увидали!

Р о м е о

Меня укроет ночь своим плащом.
Но коль не любишь — пусть меня увидят.
Мне легче жизнь от их вражды окончить,
Чем смерть отсрочить без твоей любви.

Д ж у л ь е т т а

Кто указал тебе сюда дорогу?

Р о м е о

Любовь! Она к расспросам понудила,
Совет дала, а я ей дал глаза.
Не кормчий я, но будь ты так далеко,
Как самый дальний берег океана,—
Я б за такой отважился добычей.

Д ж у л ь е т т а

Мое лицо под маской ночи скрыто,
Но все оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,

Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеется.
О милый мой Ромео, если любишь —
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня,—
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!
Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг,— и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет.
И я могла б казаться равнодушной,
Когда б ты не застал меня врасплох
И не подслушал бы моих признаний.
Прости ж меня, прошу, и не считай
За легкомыслие порыв мой страстный,
Который ночи мрак тебе открыл.

Р о м е о

Клянусь тебе священной луной,
Что серебрит цветущие деревья...

Д ж у л ь е т т а

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто,
Чтсб и твоя любовь не изменилась.

Р о м е о

Так чем поклясться?

Д ж у л ь е т т а

Вовсе не клянись;
Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой — души моей кумиром,—
И я поверю.

Р о м е о

Если чувство сердца...

Д ж у л ь е т т а

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.

Он слишком скор, внезапен, необдуман —
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье теплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!
В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди.

Ромео

Ужель, не уплатив, меня покинешь?

Джульетта

Какой же платы хочешь ты сегодня?

Ромео

Любовной клятвы за мою в обмен.

Джульетта

Ее дала я раньше, чем просил ты,
Но хорошо б ее обратно взять.

Ромео

Обратно взять! Зачем, любовь моя?

Джульетта

Чтоб искренне опять отдать тебе.
Но я хочу того, чем я владею:
Моя, как море, безгранична нежность
И глубока любовь. Чем больше я
Тебе даю, тем больше остается:
Ведь обе — бесконечны.

Кормилица зовет за сценой.

В доме шум!

Прости, мой друг. — Кормилица, иду! —
Прекрасный мой Монтекки, будь мне верен.
Но подожди немного, — я вернусь.

(Уходит.)

Ромео

Счастливая, счастливейшая ночь!
Но, если ночь — боюсь, не сон ли это?
Сон, слишком для действительности сладкий!

Входит снова Джульетта.

Д ж у л ь е т т а

Три слова, мой Ромео, и тогда уж
Простимся. Если искренне ты любишь
И думаешь о браке — завтра утром
Ты с посланной моею дай мне знать,
Где и когда обряд свершить ты хочешь,—
И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край вселенной.

Голос кормилицы за сценой: «Синьора!»

Сейчас иду! — Но если ты замыслил
Дурное, то молю...

Голос кормилицы за сценой: «Синьора!»

Иду, иду! —

Тогда, молю, оставь свои исканья
И предоставь меня моей тоске.
Так завтра я пришлю.

Р о м е о

Души спасеньем...

Д ж у л ь е т т а

Желаю доброй ночи сотню раз.

(Уходит.)

Р о м е о

Ночь не добра без света милых глаз.
Как школьники от книг, спешим мы к **милой**;
Как в школу, от нее бредем уныло.
(Делает несколько шагов, чтобы уйти.)

Д ж у л ь е т т а

(выходит снова на балкон)

Ромео, тсс... Ромео!.. Если бы мне
Сокольников голос, чтобы снова
Мне сокола-красавца приманить!
Неволя громко говорить не смеет,—
Не то б я потрясла пещеру Эхо
И сделался б ее воздушный голос
Слабее моего от повторенья
Возлюбленного имени Ромео.

Ромео

Любимая опять меня зовет!
Речь милой серебром звучит в ночи,
Нежнейшею гармонией для слуха.

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

Когда мне завтра
Прислать к тебе с утра?

Ромео

Пришли в девятом.

Джульетта

Пришлю я. Двадцать лет до той минуты!
Забыла я, зачем тебя звала...

Ромео

Позволь остаться мне, пока не вспомнишь.

Джульетта

Не стану вспоминать, чтоб ты остался;
Лишь буду помнить, как с тобой мне сладко.

Ромео

А я останусь, чтоб ты все забыла,
И сам я все забуду, что не здесь.

Джульетта

Светает. Я б хотела, чтоб ушел ты
Не дальше птицы, что порой шалуныя
На ниточке спускает полетать,
Как пленницу, закованную в цепи,
И вновь к себе за шелковинку тянет,
Ее к свободе от любви ревнуя.

Ромео

Хотел бы я твоею птицей быть.

Джюльетта

И я, мой милый, этого б хотела;
Но заласкала б до смерти тебя.
Прости, прости. Прощанье в час разлуки
Несет с собою столько сладкой муки,
Что до утра могла б прощаться я.

Ромео

Спокойный сон очам твоим, мир — сердцу.
О, будь я сном и миром, чтобы тут
Найти подобный сладостный приют.
Теперь к отцу духовному, чтоб это
Все рассказать и попросить совета.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо с корзиной.

Брат Лоренцо

Рассвет уж улыбнулся сероокий,
Пятная светом облака востока.
Как пьяница, неверною стопой
С дороги дня, шатаясь, мрак ночной
Бежит от огненных колес Титана.
Пока не вышло солнце из тумана,
Чтоб жгучий взор веселье дню принес
И осушил ночную влагу рос,
Наполнил всю корзину я, набрав
Цветов целебных, ядовитых трав.
Земля, природы мать,— ее ж могила:
Что породила, то и схоронила.
Припав к ее груди, мы целый ряд
Найдем рожденных ею разных чад.
Все — свойства превосходные хранят;
Различно каждый чем-нибудь богат.
Великие в себе благословенья
Таят цветы, и травы, и каменья.
Нет в мире самой гнусной из вещей,
Чтоб не могли найти мы пользы в ней.
Но лучшее возьмем мы вещество,
И, если только отвратим его

От верного его предназначенья,—
В нем будут лишь обман и обольщенья:
И добродетель стать пороком может,
Когда ее неправильно приложат.
Наоборот, деянием иным
Порок мы в добродетель обратим.
Вот так и в этом маленьком цветочке:
Яд и лекарство — в нежной оболочке;
Его понюхать — и прибудет сил,
Но стоит проглотить, чтоб он убил.
Вот так добро и зло между собой
И в людях, как в цветах, вступают в бой;
И если победить добро не сможет,
То скоро смерть, как червь, растение сгложет.

Входит Ромео.

Ромео

Отец мой, добрый день!

Брат Лоренцо

Господь да будет
Благословен! Но кто же слух мой будит
Приветом нежным в ранний час такой?
О сын мой, должен быть гоним тоской
Тот, кто так рано расстаётся с ложем.
Мы, старики, спать от забот не можем.
Где сторожем забота — нету сна;
Но юность беззаботна и ясна,
Сон золотой ее делеет ложе,—
И твой приход меня смущает. Что же?
Иль ты в беде? Иль можно угадать,
Что вовсе не ложился ты в кровать?

Ромео

Ты прав. Мой отдых слаще был сегодня.

Брат Лоренцо

Ты с Розалиной был? О, власть господня!

Ромео

Я — с Розалиной? Нет! Забыты мной
И это имя и весь бред былой.

Брат Лоренцо

Хвалю, мой сын. Но где ж ночной порою
Ты нынче был?

Ромео

Я все тебе открою:

Я пировал всю ночь с врагом моим,
И невзначай — смертельно ранен им,
И ранил сам его, а исцеленья
Мы оба ждем от твоего умения.
Как видишь, ненавидеть не могу —
Помочь прошу и моему врагу.

Брат Лоренцо

Ясней, мой сын! Играть не надо в прятки,
Чтобы в ответ не получить загадки.

Ромео

Я буду ясен: сердцу дорога
Дочь Капулетти, нашего врага.
Мы с ней друг другу отдались всецело;
Все решено, и за тобою дело.
Отец, ты должен освятить наш брак,
Навек связать нас. Где, когда и как
Мы встретились, друг друга полюбили —
Тебе дорогой рассказать успею.
Но об одном молю тебя, отец,—
Сегодня ж возложи на нас венец.

Брат Лоренцо

Святой Франциск! Какое превращенье!
А твой предмет любви и восхищенья,
А Розалина! Ты ее забыл?
В глазах у вас — не в сердце страсти пыл.
Из-за нее какие слез потоки
На бледные твои струились щеки!
Воды извел соленой сколько ты,
Чтобы любви прибавить остроты!
Еще кругом от вздохов все в тумане,
Еще я слышу скорбь твоих стенаний;
Я вижу — на щеке твоей блестит
След от бывшей слезы, еще не смывает.
Но это ведь был ты, и вся причина
Твоей тоски была ведь Розалина!
Так измениться! Где ж бывшая страсть?
Нет, женщине простительней упасть,
Когда так мало силы у мужчины.

Ромео

Но ты ж сердился из-за Розалины,
Бранил меня, что я ее любил.

Брат Лоренцо

Не за любовь, мой сын,— за глупый пыл.

Ромео

Убить любовь найти велел мне силы.

Брат Лоренцо

Но не за тем, чтоб из ее могилы
Любовь иную к жизни вызвать вновь.

Ромео

О, не сердись, теперь моя любовь
За чувство чувством платит мне сердечно —
Не то, что та.

Брат Лоренцо

Та видела, конечно,
Что вызубрил любовь ты наизусть,
Не зная букв. Но, юный флюгер, пусть
Все будет так; пойдем теперь со мною.
Все, что возможно, я для вас устрою:
От этого союза — счастья жду,
В любовь он может превратить вражду.

Ромео

Идем же, я горю от нетерпенья.

Брат Лоренцо

Будь мудр: тем, кто спешит, грозит паденье.

Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

Меркуцио

Куда ж, черт побери, Ромео делся?
Он так и не был дома?

Бенволио

Нет, я с его слугою говорил.

Меркуцио

Все это из-за бледной Розалины;
Его жестокосердная девчонка
Так мучает, что он с ума сойдет.

Бенволио

Ему Тибальт, племянник Капулетти,
Прислал какую-ту записку на дом.

Меркуцио

Клянусь душою, вызов!

Бенволио

Наш друг ответить на него сумеет.

Меркуцио

Любой грамотный человек сумеет ответить на письмо.

Бенволио

Нет, он ответит писавшему письмо, показав, как он поступает, когда на него наступают.

Меркуцио

О бедный Ромео, он и так уж убит: насмерть поражен черными глазами белолицей девчонки. Любовная песенка попала ему прямо в ухо. Стрела слепого мальчишки угодила в самую середку его сердца. Как же ему теперь справиться с Тибальтом?

Бенволио

Да что особенного представляет собой этот Тибальт?

Меркуцио

Он почище кошачьего царя Тиберта. Настоящий мастер всяких церемоний! Фехтует он — вот как ты песенку поешь: соблюдает такт, время и дистанцию; даст тебе минутку передохнуть — раз, два и на третий ты готов. Он настоящий губитель шелковых пуговиц, дуэлянт, дуэлянт; дворянин с ног до головы, знаток первых и вторых поводов к дуэли. Ах, бессмертное *passado!* *punto revesso!* hai¹...

¹ Выпад! Отбой! Тропул! (Итальянские фехтовальные термины.—Ред.)

Бенволио

Что это такое?

Меркуцио

Чума на всех этих сюсюкающих, жеманных, нелепых ломак, настройщиков речи на новый лад! «Клянусь Иисусом, весьма хороший клинок! Весьма высокий мужчина! Весьма прелестная шляха!» Ну не ужасно ли, сударь мой, что нас так одолели эти иностранные мухи, эти заграничные модники, эти *ragdop-nez-moi*¹, которые так любят новые манеры, что не могут даже сесть попросту на старую скамью. Ох уж эти их «*bon, bon*»²!»

Входит Ромео.

Бенволио

А вот и Ромео, вот и Ромео!

Меркуцио

Совсем вяленая селедка без молока. Эх, мясо, мясо, ты совсем стало рыбой! Теперь у него в голове только стихи, вроде тех, какие сочинял Петрарка. По сравнению с его возлюбленной Лаура — судомойка (правду сказать, ее любовник лучше ее воспевал), Дидона — неряха, Клеопатра — цыганка, Елена и Геро — негодные развратницы, а Фисба, хоть у нее и были хорошенькие глазки, все же не выдерживает с нею сравнения. Сивьор Ромео, *bonjour*³! Вот вам французское приветствие в честь ваших французских штанов. Хорошую штуку ты с нами вчера сыграл!

Ромео

Доброе утро вам обоим. Какую штуку?

Меркуцио

Сбежал от нас, сбежал! Хорошо это?

Ромео

Прости, милый Меркуцио, у меня было очень важное дело. В таких случаях, как мой, дозвоительно проститься с учтивостью.

Меркуцио

Это все равно, что сказать — проститься учтиво.

Ромео

Ударение на проститься, а не на учтивости.

¹ Извините меня. (Франц.)

² Хорошо, хорошо. (Франц.)

³ Здравствуйте. (Франц.)

Меркуцио

Этим ударением ты ударил в самую цель.

Ромео

Как ты учтиво выражаешься!

Меркуцио

О, я — цвет учтивости.

Ромео

Цвет — в смысле «цветок»?

Меркуцио

Именно.

Ромео

Я признаю цветы только на розетках бальных туфель.

Меркуцио

Прекрасно сказано. Продолжай шутить в таком же роде, пока не износишь своих туфель. Если хоть одна подошва уцелеет, шутка может пригодиться, хоть и сильно изношенная.

Ромео

О бедная шутка об одной подошве, — как ей не износиться!

Меркуцио

На помощь, друг Бенволио, мое остроумие ослабевает.

Ромео

Подхлестни-ка его да пришпорь, подхлестни да пришпорь, а то я крикну: «Выиграл!»

Меркуцио

Ну, если твои остроуты полетят, как на охоте за дикими гусями, я сдаюсь, потому что у тебя в каждом из твоих пяти чувств больше дичи, чем у меня во всех зараз. Не принимаешь ли ты и меня за гуся?

Ромео

Да ты никогда ничем другим и не был.

Меркуцио

За эту шутку я тебя ушипну за ухо.

Ромео

Нет, добрый гусь, не надо щипаться.

Меркуцио

У твоих шуток едкий вкус: они похожи на острый соус.

Ромео

А разве острый соус не хорош для такого жирного гуся?

Меркуцио

Однако твое остроумие — точно из лайки, которую легко растянуть и в длину и в ширину.

Ромео

Я растяну слово «гусь» в длину и в ширину — и ты окажешься величайшим гусем во всей округе.

Меркуцио

Ну вот, разве это не лучше, чем стонать от любви? Теперь с тобой можно разговаривать, ты прежний Ромео; ты то, чем сделали тебя природа и воспитание. А эта дурацкая любовь похожа на шута, который бежит взад и вперед, не зная, куда ему сунуть свою погремушку.

Бенволио

Ну-ну, довольно.

Меркуцио

Ты хочешь, чтобы я обрубил моему красноречию хвост?

Бенволио

Да, иначе ты его слишком растянешь.

Меркуцио

Ошибаешься, я хотел сократить свою речь; я уже дошел до конца и продолжать не собирался.

Входят кормилица и Пьетро.

Ромео

Вот замечательный наряд!

Меркуцио

Парус, парус!

Бенволио

Два: юбка и штаны.

Кормилица

Пьетро!

Пьетро

Что угодно?

Кормилица

Мой веер, Пьетро.

Меркуцио

Любезный Пьетро, закрой ей лицо: ее веер красивее.

Кормилица

Пошли вам бог доброе утро, синьоры.

Меркуцио

Пошли вам бог прекрасный вечер, прекрасная синьора.

Кормилица

Да разве сейчас вечер?

Меркуцио

Дело идет к вечеру: шаловливая стрелка часов уже указывает на полдень.

Кормилица

Ну вас! Что вы за человек?

Ромео

Человек, синьора, которого бог создал во вред самому себе.

Кормилица

Честное слово, хорошо сказано: «Во вред самому себе». Синьоры, не скажет ли мне кто-нибудь из вас, где мне найти молодого Ромео?

Ромео

Я могу сказать, хотя молодой Ромео станет старше, когда вы найдете его, чем он был в ту минуту, когда вы начали искать его. Из всех людей, носящих это имя, я — младший, если не худший.

Кормилица

Хорошо сказано.

Меркуцио

Разве худший может быть хорошим? Нечего сказать, умно сказано!

Кормилица

Если вы Ромео, синьор, мне надо поговорить с вами наедине.

Бенволио

Она его заманит на какой-нибудь ужин.

Меркуцио

Сводня, сводня, сводня! Ату ее!

Ромео

Кого ты травишь?

Меркуцио

Не зайца, синьор; разве что этот заяц из постного пирога, который успел засохнуть и зачерстветь раньше, чем его съели. *(Поет.)*

Старый заяц-русак,
Старый заяц-беляк,
Для поста ведь и он пригодится.
Но не съесть натошак,
Если заяц-беляк
Поседел до того, как свариться.

Ну, Ромео, идешь ты домой? Мы ведь у вас обедаем.

Ромео

Сейчас приду.

Меркуцио

Прощайте, древняя синьора. Прощайте! *(Поет.)*

Синьора, синьора, синьора!..

Бенволио и Меркуцио уходят.

Кормилица

Ладно, ладно, прощайте! — Скажите, пожалуйста, синьор, что это за дерзкий молодчик, — все время так нагло издевается!

Ромео

Это человек, кормилица, который любит слушать самого себя. Он в одну минуту больше наговорит, чем за месяц выслушает.

Кормилица

А пусть-ка попробует со мной поговорить. Я ему покажу. Да я не только с ним справлюсь, а с двадцатью такими молодчиками, как он. А если бы я сама с ним не справилась — не бойтесь, найдется кому за меня постоять. Ах он, нахал этакий! Что я ему — милашка, что ли, или его собутыльник? *(К Пьетро.)* А ты тут стоишь, развеся уши, и позволяешь всякому нахалу тешиться надо мной как угодно?

Пьетро

Я не видел, чтобы тут кто-нибудь тешился над вами как угодно, а то бы мигом выхватил меч, ручаюсь вам. Я не хуже

кого другого умею выхватить вовремя меч, если случится хорошая ссора и закон будет на моей стороне.

К о р м и л и ц а

Бог свидетель, я так расстроена, что во мне каждая жилка трясется. Гнусный негодяй! Ну, синьор, на два слова. Я уже вам сказала, что моя молодая синьора приказала мне разыскать вас; а что она мне велела передать вам — это я пока оставлю при себе. Позвольте мне сначала сказать вам, что если вы собираетесь с ней только поиграть, то это будет очень бесчестно с вашей стороны. Синьора — такая молоденькая; если вы хотите, как говорится, оплести ее, то это будет очень плохо по отношению к такой благородной девице, будет очень неблагородным поступком.

Р о м е о

Передай от меня привет своей синьоре и госпоже; клянусь тебе, что...

К о р м и л и ц а

Ох, голубчик ты мой, — так я ей и скажу. Господи, господи, то-то она обрадуется!

Р о м е о

Что же ты ей скажешь, кормилица? Ты ведь не дослушала меня.

К о р м и л и ц а

Скажу, синьор, что вы клянетесь, — а это, как я понимаю, означает благородное предложение.

Р о м е о

Скажи ей, чтобы под вечер она
На исповедь пошла, — и брат Лоренцо
Нас исповедует и обвенчает.
Вот за труды тебе.

К о р м и л и ц а

Нет, ни за что!

Р о м е о

Возьми, возьми!

К о р м и л и ц а

Так нынче под вечер? Придет, придет!

Ромео

Ты у ворот монастыря постой,
И мой слуга придет к тебе туда
С веревочною лестницей: сегодня
По ней на мачту счастья моего
Взберусь я смело под покровом ночи.
Прошу, будь нам верна. Вознагражу я.
Прощай; привет мой госпоже твоей.

Кормилица

Дай бог вам счастья. Но, синьор...

Ромео

Что скажешь?

Кормилица

Надежен ли слуга ваш? Говорят —
Тогда лишь двое тайну соблюдают,
Когда один из них ее не знает.

Ромео

Ручаюсь за него — он тверд как сталь.

Кормилица

Прекрасно, синьор. Моя синьора — прелестнейшая девица. Господи, господи, когда она была еще малюткой несмышленной... Да, есть в городе один дворянин, некий Парис: он охотно бы подцепил ее, да она-то, голубушка моя, — ей приятнее жабу, настоящую жабу увидеть, чем его. Я иной раз подражаю ей — скажу, что, мол, граф Парис — как раз для нее жених; так, верите ли, она, как услышит, так белей полотна станет. А что — «розмарин» и «Ромео» с одной буквы начинаются?

Ромео

Да, кормилица, с одной и той же буквы Р.

Кормилица

Ох, шутник! Рррр — это собачья буква... Нет, нет, я наверно знаю, что они с другой буквы начинаются, потому что она такие нежные стишки сочиняет про вас и про розмарин, что вам бы любо было послушать.

Ромео

Кланяйся же своей госпоже.

Кормилица

Тысячу раз поклонюсь.

Ромео уходит.

Пьетро!

Пьетро

Что угодно?

Кормилица

Пьетро, бери мой веер и ступай вперед.

Уходит.

СЦЕНА 5

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Послала я кормилицу, как только
Пробило девять. Через полчаса
Она мне обещала возвратиться.
Быть может, не нашла его? Но нет!
Она хромая, а любви послами
Должны бы мысли быть, что в десять раз
Летят скорее солнечных лучей,
Когда они с холмов сгоняют сумрак.
Недаром быстролетные голубки
Всегда несут Венеры колесницу,
А крылья Купидона — легче ветра.
Достигло солнце самой высшей точки
В дневном пути; и с девяти до полдня
Три долгие часа прошли — ее ж
Все нет. О, если б знала страсть она
И молодая кровь бы в ней кипела,
Тогда она летала б точно мячик:
Мои слова к нему ее бросали б,
Его слова — ко мне.
Но старый человек — почти мертвец:
Тяжел, недвижим, бледен, как свинец.
Ах, вот она!

Входят кормилица и Пьетро.

Кормилица, голубка!

Ну что, видала? Отошли слугу.

К о р м и л и ц а

Пьетро, жди у ворот.

Пьетро уходит.

Д ж у л ь е т т а

Ну, дорогая, милая!.. О боже!
Что ты глядишь так строго? Все равно,
Коль весть плоха, скажи ее с улыбкой;
Коль хороша, то музыки отрадной
Не порти мне, играя с мрачным видом.

К о р м и л и ц а

Устала я, дай мне передохнуть.
Ох, косточки болят! Ну и прогулка!

Д ж у л ь е т т а

Ах, отдала б тебе свои все кости
Охотно я за новости твои.
Но говори — скорей, прошу, скорее!

К о р м и л и ц а

Куда спешить? Не можешь подождать?
Ты видишь — дух едва перевожу я?

Д ж у л ь е т т а

Однако у тебя хватает духу,
Чтоб мне сказать, что ты дышать не можешь.
Ведь объяснения твои длиннее,
Чем весть сама, с которой ты так медлишь.
Хорошая ль, дурная ль весть — ответь.
Скажи хоть это — и согласна ждать я.
Одно скажи — дурна иль хороша.

К о р м и л и ц а

Нельзя сказать, чтобы выбор твой был удачен; не умеешь ты разбираться в людях. Ромео... Нет, я бы его не выбрала... Правда, лицом он красивей любого мужчины, а уж ноги — других таких не найти. А плечи, стан — хоть об этом говорить не полагается, но они выше всяких сравнений. Нельзя сказать, что он образец учтивости... но ручаюсь — кроток, как ягненок. Ну, иди своей дорогой, девушка, и бойся бога. А что — у нас уж пообедали?

Д ж у л ь е т т а

Нет, нет,— но это все давно я знаю...
А что про нашу свадьбу он сказал?

К о р м и л и ц а

О господи! Вот голова болит!
Трешит, как будто хочет разломиться.
А уж спина моя, а поясница...
Не грех тебе кормилицу гонять?
Ведь так меня ты насмерть загоняешь!

Д ж у л ь е т т а

Как жаль мне, что неможется тебе.
Но, милая, голубушка, родная,
Скажи — что мой возлюбленный сказал?

К о р м и л и ц а

Ну, вот что ваш возлюбленный сказал...
Как человек учтивый, благородный
И честный, поручусь... Где ваша мать?

Д ж у л ь е т т а

Где мать моя? Как — где? Конечно, дома.
Да где ж ей быть? И что ты отвечаешь
Так странно: «Ваш возлюбленный сказал.
Как честный человек, — где ваша мать?»

К о р м и л и ц а

Ах, матерь божия, что за горячка!
Так вот моим больным костям припарка?
Ну что же, делай все сама вперед.

Д ж у л ь е т т а

Уж рассердилась! Что сказал Ромео?

К о р м и л и ц а

На исповедь ты отпросилась нынче?

Д ж у л ь е т т а

Да.

К о р м и л и ц а

Ступай же ты на исповедь: у брата
Лоренцо в келье будет ждать жених,
Чтобы тебя своей женою сделать.
А, кровь так и прихлынула к щекам!
Ступай же в церковь. Я — другой дорогой
Пойду за лестницей; по ней твой милый
В гнездо взберется к пташечке впотьмах.

Из-за тебя песу хлопот я бремя:
Но и тебе хлопот настанет время!
Ну, мне обедать, а тебе — идти.

Д ж у л ь е т т а

Идти к блаженству. Добрый друг, прости!

Уходят.

С Ц Е Н А 6

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Ромео.

Б р а т Л о р е н ц о

Пусть небо этот брак благословит,
Чтоб горе нас потом не покарало.

Р о м е о

Аминь, аминь! Но пусть приходит горе:
Оно не сможет радости превысить,
Что мне дает одно мгновение с ней.
Соедини лишь нас святым обрядом,
И пусть любви убийца — смерть — придет:
Успеть бы мне назвать ее своею!

Б р а т Л о р е н ц о

Таких страстей конец бывает страшен,
И смерть их ждет в разгаре торжества.
Так пламя с порохом в лобзание жгучем
Взаимно гибнут, и сладчайший мед
Нам от избытка сладости противен:
Излишеством он портит аппетит.
Люби умеренней — и будет длиться
Твоя любовь. Кто слишком поспешает —
Опаздывает, как и тот, кто медлит.

Входит Д ж у л ь е т т а.

Вот и она. Подобной легкой ножке
Не вытоптать вовеки прочных плит.
Любовники пройдут по паутинке,
Что в легком летнем воздухе летает, —
И не сорвутся. Суета легка!

Д ж у л ь е т т а

О мой отец духовный, добрый вечер.

Б р а т Л о р е н ц о

За нас обоих поблагодарит
Тебя Ромео.

Д ж у л ь е т т а

И ему привет мой,
Чтобы не даром он благодарил.

Р о м е о

О, если мера счастья моего
Равняется твоей, моя Джульетта,
Но больше у тебя искусства есть,
Чтоб выразить ее,— то улади
Окрестный воздух нежными речами.
Пусть слов твоих мелодия живая
Опишет несказанное блаженство,
Что чувствуем мы оба в этот миг.

Д ж у л ь е т т а

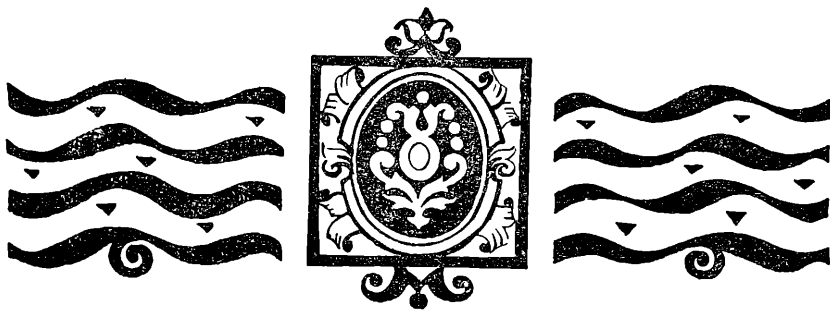
Любовь богаче делом, чем словами:
Не украшением — сущностью гордится.
Лишь нищий может счесть свое имянье;
Моя ж любовь так возросла безмерно,
Что половины мне ее не счесть.

Б р а т Л о р е н ц о

Идем, идем, терять не будем время,
Вдвоем вас не оставлю все равно,
Пока не свяжет церковь вас в одно.

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Площадь в Вероне.

Входят Меркуцио, Бенволио, пажи и слуги.

Бенволио

Прошу тебя, Меркуцио, друг, уйдем:
День жаркий, всюду бродят Капулетти;
Коль встретимся, не миновать нам ссоры.
В жару всегда сильнее бушует кровь.

Меркуцио

Ты мне напоминаешь одного из тех молодцов, которые, взойдя в таверну, хлопают своей шпагой по столу и восклицают: «Дай бог, чтобы ты мне не понадобилась!» — а после второго кубка тычут шпагой в слугу, когда в этом нет никакой надобности.

Бенволио

Неужели я похож на такого молодца?

Меркуцио

Еще бы! Ты один из самых вспыльчивых малых во всей Италии. Чуть тебя заденут — ты сердишься; а чуть рассердишься — всех задеваешь.

Бенволио

Ну и что же?

М е р к у ц и о

А вот что: сойдиcь таких двое — скоро не осталось бы ни одного, потому что они бы друг друга прикончили. Да ты можешь поссориться с человеком из-за того, что у него в бороде одним волосом больше или меньше, чем у тебя; ты можешь поссориться с человеком, который щелкает орехи, только из-за того, что у тебя глаза орехового цвета. Какой глаз, кроме твоего, увидит в этом повод для ссоры? Голова твоя полна задора, как яйцо полно желтка, хотя ее столько раз били во время ссор, что удивительно, как она до сих пор не разбита, как яйцо. Раз ты сцепился с человеком из-за того, что он кашлял на улице и этим будто бы разбудил твоего пса, спавшего на солнце. А не попал ли ты как-то на портного за то, что он осмелился надеть свой новый камзол до пасхи, а еще на кого-то — за то, что он позые башмаки зашнуровал старыми тесемками? И это ты уговариваешь меня не заводить ссоры!

Б е н в о л и о

Ну, будь я таким забиякой, как ты, всякий охотно купил бы право на мое наследство, и ждать ему пришлось бы не больше, чем час с четвертью.

М е р к у ц и о

Безголовый ты малый!

Б е н в о л и о

Клянусь моей головой, сюда идут Капулетти.

М е р к у ц и о

Клянусь моей пяткой, мне это совершенно безразлично.

Входят Тибальт и другие.

Т и б а л ь т

За мной, друзья, заговорю я с ними.—
Синьоры, добрый день! Мне очень надо
Сказать словечко одному из вас.

М е р к у ц и о

Как, словечко одному из нас — и только? Прибавьте к словечку еще что-нибудь. Ну, хотя бы удар.

Т и б а л ь т

Я всегда готов это сделать, синьор, если вы подадите мне повод.

М е р к у ц и о

Неужели вам трудно самому найти повод?

Т и б а л ь т

Меркуцио, ты поешь в один голос с Ромео!

М е р к у ц и о

Пою в один голос? Что это значит? Ты из нас хочешь сделать странствующих музыкантов? Берегись, можешь услышать очень нестройные звуки. Вот мой смычок. Он тебя заставит плясать. Черт побери! Пою в один голос!

Б е н в о л и о

Мы разговор на улице ведем.
Не лучше ль нам отсюда удалиться
И разобрать обиды хладнокровно
Иль разойтись? Тут все на нас glareют.

М е р к у ц и о

Затем глаза даны им: пусть glareют.
Отсюда я ни для кого не сдвинусь.

Входит Ромео.

Т и б а л ь т

Бог с вами! Вот пришел мой человек.

М е р к у ц и о

Ого, синьор, пускай меня повесят,
Коль он в ливрее вашей. Отправляйтесь
На поле — так за вами он пойдет!
Поймете там, что он за человек.

Т и б а л ь т

Ромео, ненависть моя к тебе
Другого слова не найдет: ты подлый!

Р о м е о

Но у меня, Тибальт, причина есть
Любить тебя; она тебе прощает
Всю ярость гневных слов. Я не подлец.
Прощай! Я вижу, ты меня не знаешь.

(Хочет уйти.)

Т и б а л ь т

Мальчишка, это извинить не может
Обид, тобою нанесенных мне.
Сейчас вернись и обнажи свой меч.

Р о м е о

Клянусь, что я тебя не оскорблял!
Люблю тебя сильней, чем можешь думать,
Пока любви причину не узнаешь.
Так, милый Капулетти мой, чье имя
Мне дорого, как и мое. Прощай!

М е р к у ц и о

О низкое, презренное смирение!
Его загладит лишь *alla stoccata*¹.

(Обнажает шпагу.)

Тибальт, ты, крысолов,— что ж, выходи!

Т и б а л ь т

Чего ты хочешь от меня?

М е р к у ц и о

Любезный кошачий царь, я хочу взять всего лишь одну из ваших девяти жизней, а затем, если понадобится, выколотить из вас и остальные восемь. Угодно вам вытащить вашу шпагу за уши из футляра? Поторопитесь, а не то моя раньше отрежет вам оба уха.

Т и б а л ь т

К вашим услугам.

(Обнажает шпагу.)

Р о м е о

Меркуцио, друг, вложи свой меч в ножны!

М е р к у ц и о

Пожалуйте, синьор,— удар за вами.

Дерутся.

Р о м е о

Бенволио, обнажим и мы мечи,
Чтоб их разнять.— Синьоры, примиритесь!

¹ Колющий удар. *(Итальянский фехтовальный термин.— Ред.)*

Тибальт, Меркуцио, герцог запретил
На улицах Вероны столкновенья!
Тибальт, оставь! Меркуцио, друг!

Тибальт из-под руки Ромео ранит Меркуцио и убегает со своими
спутниками.

Меркуцио

Я ранен!

Чума на оба ваши дома! Я пропал.
А он! Ужель остался цел?

Бенволио

Ты ранен?

Меркуцио

Царапина, царапина пустая;
Но и ее довольно. Где мой паж?
Скорей беги, негодный, за врачом!

Паж уходит.

Ромео

Друг, ободрись. Ведь рана не опасна.

Меркуцио

Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные ворота. Но и этого хватит: она свое дело сделает. Приходи завтра, и ты найдешь меня спокойным человеком. Из этого мира я получил отставку, ручаюсь. Чума на оба ваши дома! Черт возьми! Собака, крыса, мышь, кошка исцарапала человека насмерть! Хвостун, мерзавец, негодяй, который дерется по правилам арифметики! Какого дьявола ты сунулся между нами? Он меня ранил из-под твоей руки!

Ромео

Я думал сделать лучше.

Меркуцио

Бенволио, сведи меня ты в дом
Куда-нибудь, иль я лишусь сознания.
Чума, чума на оба ваши дома!
Я из-за них пойду червям на пищу,
Пропал, погиб. Чума на оба ваши дома!

Бенволио уводит Меркуцио.

Ромео

Меркуцио, близкий герцогскому дому,
Мой лучший друг,— и что ж, смертельно ранен
Из-за меня! Тибальтом честь моя
Поругана! Тибальтом — тем, с которым
Я породнился час тому назад!
Моя Джульетта, красота твоя
Женоподобным сделала меня
И чести сталь в душе моей смягчила!

Входит Бенволио.

Бенволио

Ромео, смелый наш Меркуцио умер.
Вознесся к небу благородный дух,
Презревший слишком рано эту землю.

Ромео

О черный день! Он лишь начало бед!
Придут за ним еще другие вслед.

Входит Тибальт.

Бенволио

Опять Тибальт спешит к нам разъяренный!

Ромео

Жив, торжествует,— а наш друг убит!
Лети ж на небо, благостная кротость!
Будь мне вождем пламенноокий гнев! —
Тибальт, возьми назад ты слово «подлый»,
Что кинул мне в лицо. Душа Меркуцио
Еще недалеко от нас витает
И хочет в спутницы себе — твою.
Ты, я иль оба — с ним должны пойти.

Тибальт

Мальчишка, здесь ты был с ним неразлучен —
Так будь и там!

Ромео

А это меч решит!

Дерутся. Тибальт падает.

Бенволио

Ромео, прочь, спасайся!
Народ бежит сюда! Тибальт убит!
Беги, не стой, как камень! Или герцог
Велит тебя казнить! Беги, ну что ж?

Ромео

Судьба играет мной!

Бенволио

Чего ты ждешь?

Ромео убегает.

Входят горожане.

Первый горожанин

Куда бежал тот, кто убил Меркуцио?
Куда Тибальт-убийца убежал?

Бенволио

Вот здесь лежит Тибальт.

Первый горожанин

Синьор, за мной!

Ты арестован именем закона.

Входят герцог, свита, Монтекки и Капулетти с женами
и другие.

Герцог

Где гнусные зачинщики резни?

Бенволио

Мой государь, известны мне они.
Сражен рукой Ромео, здесь лежит
Тот, кем Меркуцио доблестный убит.

Синьора Капулетти

Тибальт, родной, сын брата моего!
О герцог! Муж! Кровь пролита его!
О государь, ты будешь справедлив,
За нашу кровь Монтекки кровь пролив! —
Увы, племянник милый!

Герцог

Бенволио, кто кровавый начал бой?

Бенволио

Тибальт. Ромео он сражен рукой!
Ромео с ним заговорил учтиво,
Указывал, как пуст предлог для ссоры,
Предупреждал, что гнев ваш будет грозен,—
Все так спокойно, кротко и смиренно,—
Но ярости его не обуздал;
И, к увещаниям глух, Тибальт направил
Свой острый меч на славного Меркуцио.
Тот вспыхнул, меч свой также обнажил;
В воинственном пылу одной рукою
Смерть отражал, другой — грозил он смертью
Тибальту, столь же ловкому в защите.
«Друзья, довольно вам!» — Ромео крикнул.
Быстрее слов своей рукой проворпой
Развел он роковые их клинки
И кинулся меж них. Удар коварный
Из-под его руки нанес Тибальт
Меркуцио храброму и убежал.
Но вскоре возвратился он к Ромео,
Который загорелся жаждой мести.
Молниеносно вспыхнул бой меж ними.
Я не успел разнять их, как Ромео
Сразил Тибальта насмерть и бежал.
Пусть я умру, коль что-нибудь солгал.

Синьора Капулетти

Он лжет, он лжет, он родственник Монтекки:
Пристрастие дружбы в этом человеке!
Их двадцать на Тибальта здесь пошли
И только одного убить могли.
Иль правосудья нету в нашем веке?
За жизнь его отдай мне жизнь Монтекки!

Герцог

Тибальт рукой Ромео был сражен,
Но раньше сам убил Меркуцио он,—
С кого же мне за кровь причтется плата?

Монтекки

Ужель с Ромео? Он любил, как брата,
Меркуцио, и то свершил лишь он,
К чему и так бы присудил закон:
Тибальта он казнил.

Герцог

И в наказанье

Его мы осуждаем на изгнание.
Затронут вашею враждой и я:
За вашей распрей — льется кровь моя.
Но вам грозит жестокая расплата,
И будет всем горька моя утрата.
Я буду глух и к просьбам и к словам.
Не тратьте ж их: я им цены не дам.
Ромео — прочь! Коль он отъезд затянет,
Здесь лишний час его последним станет.—
Труп унести! Ждать моего решения.
Прощать убийство — то же преступленье.
Уходят.

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта

Быстрой, огнем подкованные кони,
К палатам Феба мчитесь! Ваш возница,
Как Фартон, на запад гонит вас
И ускоряет ход туманной ночи.
Раскинь скорей свою завесу, ночь,
Пособница любви, закрой глаза
Идущим мимо людям, чтобы мог
Ромео мой попасть в мои объятья
Невидимо, неведомо для всех.
Влюбленным нужен для обрядов тайных
Лишь свет их красоты; к тому ж любовь
Слепа, и ночи мрак подходит к ней.
Ночь, добрая и строгая матрона,
Вся в черном, приходи и научи,
Как, проиграв, мне выиграть игру,
В которой оба игрока невинны.
Овей ланит бушующую кровь
Своим плащом, пока любовь моя,
Осмелившись, считать меня заставит
Лишь долгом скромности — дела любви.
Приди, о ночь, приди, о мой Ромео,
Мой день в ночи, блесни на крыльях мрака
Белей, чем снег на ворона крыле!

Ночь кроткая, о ласковая ночь,
Ночь темноокая, дай мне Ромео!
Когда же он умрет, возьми его
И раздоби на маленькие звезды:
Тогда он лик небес так озарит,
Что мир влюбиться должен будет в ночь
И перестанет поклоняться солнцу.
О, я дворец любви себе купила,
Но не вошла в него! Я продалась,
Но мной не овладели. День мне скучен,
Как ночь нетерпеливому ребенку,
Когда наутро праздника он ждет,
Чтоб наконец надеть свою обнову.
Ах, вот кормилица несет мне вести.
Язык, что лишь произнесет «Ромео»,
Уж одарен небесным красноречьем.

Входит кормилица с веревочной лестницей.

Ну что, ну что? Что это у тебя?
Ах, лестница!

К о р м и л и ц а

(бросает веревочную лестницу)

Да, лестница!

Д ж у л ь е т т а

Но что же
Случилось? Ах, что ты ломаешь руки?

К о р м и л и ц а

Ох, горький день! Он умер, умер, умер!
Погибли мы, синьора! Ох, погибли!
Ужасный день! Погиб, убит, скончался!

Д ж у л ь е т т а

Ужели зависть знают небеса?

К о р м и л и ц а

Ромео знает, коль не знает небо.
Ромео, ах, Ромео! Кто б мог думать?

Д ж у л ь е т т а

Что ты за дьявол, что меня так мучишь?
От этой пытки ад бы застонал!
Ромео сам себя убил, скажи?

Одно лишь «да» — и этот слог короткий
Скорей меня убьет, чем смертоносный
Взор василиска. Если он убит,
Ответь мне «да», а если жив, — так «нет».
Всю жизнь решит короткий твой ответ!

К о р м и л и ц а

Я рану видела сама, о боже,
Вот этими глазами! Прямо в грудь!
О, жалостный, кровавый, страшный труп!
Бледнее пепла, весь в крови лежал.
Я так и обмерла, как увидела.

Д ж у л ь е т т а

О сердце, разорвись, банкрот несчастный!
В тюрьму, глаза! Не видеть вам свободы!
Одна могила нас с Ромео скрой!

К о р м и л и ц а

Увы, Тибальт! Он был моим любимцем.
Увы, Тибальт, учтивый, благородный!
Пришлось дожить мне до твоей кончины!

Д ж у л ь е т т а

Но что за буря вдруг разбушевалась?
Убит Ромео? Умер и Тибальт?
Мой милый брат и мой супруг любимый?
О трубный глас, вещай кончину мира!
Кто будет жить, коль этих двух не стало?

К о р м и л и ц а

Тибальт скончался, а Ромео изгнан.
Тибальта он убил — за это изгнан.

Д ж у л ь е т т а

Мой бог! Ромео пролил кровь Тибальта?

К о р м и л и ц а

Да, да! Ужасный день! Он это сделал!

Д ж у л ь е т т а

О, сердце змея, скрытого в цветах!
Так жил дракон в пещере этой дивной?
Злодей прекрасный, ангел-искуситель,
О, ворон в оперении голубки,

Ягненок, кровожаднее, чем волк.
Верх низости в божественном обличье,
Святой проклятый, честный негодяй!
Что ж аду ты оставила, природа,
Когда бесовский дух ты поместила
В живой Эдем подобной красоты?
У книг с таким ужасным содержанием —
Такой красивый был ли переплет?
О, почему ж обман живет в таком
Дворце роскошном?

К о р м и л и ц а

Ох, в мужчинах нет
Ни совести, ни чести; все — лгуны,
Обманщики, безбожники, злодеи. —
Где мой слуга? Подай мне аквавиты!
Печали и тоска меня состарят.
Позор Ромео!

Д ж у л ь е т т а

Будь язык твой проклят
За это слово! Он не для позора
Рожден. Позор стыдился б сам коснуться
Его чела. Оно — священный трон,
Где может быть увенчана достойно
Одна царица всей вселенной — честь.
Какой я зверь, что я его бранила!

К о р м и л и ц а

А что ж тебе — хвалить убийцу брата?

Д ж у л ь е т т а

Мне ль осуждать супруга моего?
О бедный мой, кто ж пощадит тебя,
Коль я, твоя жена трехчасовая,
Не пощадила? Но зачем, злодей,
Убил ты брата моего? Но брат ведь
Злодейски б моего убил супруга!
Прочь, слезы глупые, вернитесь снова
В источник свой. Дань скорби — капли ваши;
Вы ж их, ошибкой, радости несете.
Супруг мой жив; Тибальт его убил бы;
Тибальт убит — иль стал бы сам убийцей.
Вот утешенье! Так чего ж я плачу?
Но слово есть страшней, чем смерть Тибальта,—

Оно меня убило. Я б хотела
Его забыть, но скована им память,
Как злодеяньем грешная душа.
Тибальт убит, Ромео же — в изгнание!
В изгнание! Слово лишь одно «изгнание»
Убило сразу десять тысяч братьев.
Тибальт убит — и так довольно горя.
Когда бы этим кончилось одним!
Но если горю нужно соучастье
И горестей сообщество других —
Зачем во след за этими словами:
«Тибальт убит!» — не услышала я
«Отец» или «мать скончалась», или «оба»?
Оплакала б я их, как подобает.
Но в заключение гибели Тибальта —
Изгнание Ромео! Это значит,
Что все убиты: мать, отец, Тибальт,
Ромео и Джульетта — все погибли!
Изгнание Ромео! Нет границ,
Пределов, меры смерти в этом звуке!
Не высказать словами силу муки.
Но где ж отец, где мать?

К о р м и л и ц а

Тибальта прах
Оплакивают в горе и в слезах.
Пойдешь туда? Я провожу тебя

Д ж у л ь е т т а

Пусть слезы их омоют рану.
Я плакать об одном Ромео стану!
Возьми отсюда лестницу скорей.
О бедная! Обмануты мы с ней.
Ромео изгнан! Ты ко мне на ложе
Должна была служить путем — и что же?
Теперь умру я девушкой-вдовой.
Возьму тебя, в покой пойду я свой.
Идем ко мне, и не супругу там,
А смерти девственность свою отдам.

К о р м и л и ц а

Ступай к себе. Я приведу Ромео
Тебя утешить; знаю я, где он.
Ну, слышишь? Ночью будет он с тобой.
Успел он в келье у монаха скрыться.

Джюльетта

Да, да! Отдай ему ты перстень мой,
И пусть придет со мной навек проститься.

Уходят.

СЦЕНА 3

Келья брата Лоренцо.

Входит брат Лоренцо.

Брат Лоренцо

Ну, выходи, Ромео, выходи,
Несчастный человек: влюбилось горе
В твою судьбу; обвенчан ты с несчастьем.

Входит Ромео.

Ромео

Ну что, отец, к чему приговорен я?
Какое мне неведомое горе
Со мной знакомства ищет?

Брат Лоренцо

Милый сын,
Ты слишком уж с невзгодами сдружился!
Суд герцога свершен. Узнай решение.

Ромео

Оно страшнее Страшного суда?

Брат Лоренцо

Нет! Герцога был мягок приговор.
Не к смерти ты приговорен — к изгнанию.

Ромео

К изгнанию? Нет, о нет, будь милосерден!
Скажи, что к смерти. Страшный лик изгнанья
Грозней, чем смерть. Не говори: «изгнание»!

Брат Лоренцо

Но ты же изгнан только из Вероны:
Смирись. Ведь мир велик, разнообразен.

Ромео

По мира нет за стенами Вероны:
Чистилище там, пытка, самый ад!
Изгнав отсюда, этим изгоняет
Из мира он меня; а это — смерть!
Изгнание — ложное познание смерти.
Изгнанием, называя смерть, ты рубишь
Мне голову секирой золотой,
Смотря с улыбкой на удар смертельный.

Брат Лоренцо

О смертный грех! Что за неблагодарность!
Твою вину закон карает смертью,
Но добрый герцог отстранил закон,
И слово «смерть» он обратил в «изгнание».
Вот милость. Ты же ее не хочешь видеть.

Ромео

Нет, казнь — не милость! Небеса мои —
Там, где Джульетта. Каждый пес, иль кошка,
Иль мышь презренная, любая тварь
Здесь может жить в раю — Джульетту видеть;
Один Ромео — нет! Любая муха
Достойнее, счастливей, чем Ромео:
Она касаться может без помехи
Руки Джульетты — чуда белизны,
Иль красть блаженство рая с милых уст,
Что в девственной невинности как будто
Краснеют от взаимного касанья,
Грехом считая целовать друг друга.
Любая муха; а Ромео — нет!
Свобода ей дана; а он — изгнанник.
И говоришь ты, что не смерть — изгнание?
И не нашел ужаснее ты яда,
Ножа острей, орудья смертоносней
Изгнания, чтоб убить меня! Изгнание!
Твердят то слово грешники, стеная
В аду! Как у тебя достало духу?
Ты, исповедник, мой отец духовный,
Прощающий грехи, мой друг давнишний,
И ты — меня убил, сказав «изгнание».

Брат Лоренцо

Да выслушай, безумец ты влюбленный...

Ромео

Ты об изгнание будешь говорить!

Брат Лоренцо

Против него я дам тебе оружие.

В несчастиях философия — целебный
Бальзам: она утешит, хоть ты изгнан.

Ромео

Вновь это слово «изгнан»! О, к чертям
Всю философию! Она не может
Создать Джульетту, передвинуть город
Иль уничтожить этот приговор.
Так что в ней пользы? Даром слов не трать.

Брат Лоренцо

О, вижу я, что все безумцы глухи.

Ромео

Как им не быть, коль слепы мудрецы?

Брат Лоренцо

Давай твоё обсудим положенье.

Ромео

Как можем мы с тобою говорить
О том, чего ты чувствовать не можешь?
Будь молод ты, как я, влюблен в Джульетту,
Обвенчан с ней, убийцей будь Тибальта,
Люби, как я, будь изгнан навсегда, —
Тогда бы мог ты говорить об этом,
Рвать волосы, как я, и падать наземь,
Чтобы могилу вымерять свою!

Стук в дверь.

Брат Лоренцо

Встань, там стучат. Ромео, милый, спрячься.

Ромео

Не спрячусь! Разве паром горьких вздохов
Укроюсь, как туманом, от людей.

Стук.

Б р а т Л о р е н ц о

Ты слышишь, как стучат? — Кто там?

Вставай!

Тебя захватят...— Подождите! — Встань же!

Беги в моленную.— Слышу! — Божья воля!

Что за упрямство! — Я иду, иду!

Стук.

Кто так стучит? Кто там? Чего вам надо?

К о р м и л и ц а

(за сценой)

Впустите — так узнаете. Джульетта

Меня прислала.

Б р а т Л о р е н ц о

В добрый час. Войдите.

Входит кормилица.

К о р м и л и ц а

Отец, святой отец, скажите мне,

Где, где супруг синьоры? Где Ромео?

Б р а т Л о р е н ц о

Здесь, на полу. Он пьян от слез своих.

К о р м и л и ц а

Ох, точно так же, как моя синьора.

Точь-в-точь она.

Б р а т Л о р е н ц о

О горькое согласие!

О сходство грустное!

К о р м и л и ц а

Вот так лежит,

Вопит и плачет, плачет и вопит.—

Ну, встаньте, встаньте, будьте же мужчиной!

Хоть для Джульетты, для нее, вставайте.

Зачем уж так в отчаянье впадать?

Р о м е о

Кормилица!

К о р м и л и ц а

Ох, ох, синьор, ну что ж, смерть — наш удел.

Р о м е о

Сказала ты — Джульетта? Что же с нею?
Она меня убийцею считает?
Я запятнал в расцвете наше счастье
Родной ей кровью? Где она и что
Супруга тайная моя о нашей
Любви, навек погибшей, говорит?

К о р м и л и ц а

Да ничего она не говорит,
А только плачет, плачет; на кровати
Лежит пластом, — вдруг вскочит, начинаст
Тибальта звать иль закричит: «Ромео!» —
И упадет опять.

Р о м е о

О, это имя,
Подобно выстрелу смертельной пули,
Ее убило так же, как вот эта
Проклятая рука — ее родного!
О мой отец, скажи, где поместилось
В моем презренном теле это имя,
Чтоб мне разрушить гнусное жилье!
(*Вынимает шпагу.*)

Б р а т Л о р е н ц о

Стой, удержи отчаянную руку.
Мужчина ль ты! Да, с виду ты мужчина,
Но плачешь ты по-жовски, а поступки
Гнев зверя неразумный выдают.
Ты — женщина во образе мужчины
Иль дикий зверь во образе обоих.
Ты изумил меня, клянусь святыми.
Благоразумней я тебя считал!
Тибальта ты убил — теперь ты хочешь,
Свершивши над собою злое дело,
Убить себя, убить свою супругу,
Которая живет одним тобой!
Восстал ты против своего рожденья,
И неба, и земли: ведь и рожденье,
И небо, и земля — в тебе самом,
Как три единства. Сразу все погибнет!

Стыдись! Стыдись! Позоришь ты свой образ,
Свою любовь, свой разум; ими щедро
Ты наделен, но сам, как лихоимец,
Не пользуешься всем, как подобает,
Чтоб совершенствовать всегда свой образ,
Свою любовь, свой разум. Образ твой —
Лишь восковая форма, если ты
Отступишься от доблести мужичны.
Любовь твоя — лишь клятвopеcтyплeнe, —
Коль ты нарушишь клятвy и убьeшь
Любовь, которую клялся лeдeять;
И разум твой, что должен украшать
Твой образ и любовь твою, их только
Испортит неумелым обращeнeм:
Как иногда в порохoвницe порох
У воина неопытного вспыхнeт,
Так вспыхнeт от нeлoвкoсти твoей
То, что тебе должно служить зaщитoй, —
Тебя ж взорвeт нa вoздyх. Ну, встaвaй!
Мужчиной бyдь! Живa твoя Джyльeттa,
Из-зa кoгo хoтeл ты yмepeть, —
Вeдь этo счacтиe! Тибaльт тeбя
Хoтeл yбить, a ты yбил eгo, —
И этo счacтиe! Зaкoн, чтo cмepтью
Грoзил тeбe, кaк дpyг к тeбe oтнecся
И cмepть тeбe изгнaнeм зaмeнил, —
И этo счacтиe! Ты взыcкaл нeбoм,
И счacтиe лacкaть тeбя гoтoвo;
Ты ж дyeшьcя нa жизнь и нa лyбoвь,
Кaк глyпaя, кaпpизнaя дeвчoнкa!
Смoтpи, тaким гpoзит плoхoй кoнeц.
Стyпaй к лyбимoй, кaк рeшили мы,
Пpойди к нeй в кoмнaтy, yтeшь ee,
Нo yхoди, пoкa дoзop нe вышeл,
Иль в Мaнтyю нe cмoжeшь ты пpобpaтьcя.
Тaм бyдeшь жить, пoкa нaйдeм вoзмoжнocть
Бpак oбъявить, c ним пpимирить дpyзeй,
У гepцoгa пpoщeнe иcпpocить
И c рaдocтью тaкoй cюдa вepнyтьcя,
Чтo в двaдцaть тыcяч рaз пpeвыcит гoрe,
Кoтopoe ceйчac ты oщyщaeшь.
Стyпaй, кopмилицa, cкaжи cиньope,
Чтoб лeчь yгoвopилa вceх дoмaшних,
И бeз тoгo измyчeнных oт гoря:
Рoмeo к нeй пpидeт.

Кормилица

О господи, всю ночь бы так стояла
Да слушала: вот что ученье значит! —
Синьор, я ей скажу, что вы придете.

Ромео

Скажи, скажи, что я готов к упрекам.

Кормилица

Вот, вам она кольцо отдать велела.
Ступайте! Поспешите: ведь уж поздно.

(Уходит.)

Ромео

О, как опять душою ожил я!

Брат Лоренцо

Иди же, доброй ночи. Только помни —
От этого судьба зависит ваша:
Или уйдешь ты до вечерней стражи,
Иль на заре беги переодетым
Ты в Мантую. Найду я твоего
Слугу и буду сообщать тебе
Все то, что здесь хорошего случится.
Прощай, дай руку. Поздно; доброй ночи!

Ромео

Когда б не радости великой зов,
С тобой я век остаться бы готов.
Прости!

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, синьора Капулетти и Парис.

Капулетти

Синьор, все эти грустные события
Нам помешали подготовить дочь.
Она любила брата очень нежно,
Как я. Ну что ж, родимся мы для смерти!
Уж поздно; к вам она теперь не выйдет.

Признаться, если бы не ваш приход,
Я сам давно лежал бы уж в постели.

П а р и с

Да, в час беды — как говорить о свадьбе?
Синьора, доброй ночи. Передайте
Привет мой вашей дочери, прошу.

С и н ь о р а К а п у л е т т и

Охотно. Завтра с ней поговорю.
Сейчас она в плену своей печали.

К а п у л е т т и

Синьор, могу вполне ручаться вам
За чувства дочери моей: уверен,
Что будет мне она повиноваться.
Жена, зайди к ней прежде чем ложиться:
Ей о любви Париса ты скажи,
Изволь предупредить ее, что в среду...
Нет, стой: какой сегодня день?

П а р и с

Синьор,

Сегодня понедельник.

К а п у л е т т и

Понедельник?

Вот как! Нет, в среду будет слишком рано.
В четверг. Скажи ей, что ее в четверг
Мы с благородным графом обвенчаем.
Готовы ль вы? По сердцу ль вам поспешность?
Без шума справим свадьбу: двое-трое
Друзей... Тибальт ведь так недавно умер:
Нас могут упрекнуть, что не горюем
Мы об усопшем, если пир задать.
Мы пригласим полдюжины друзей —
И все.— Что скажете о четверге?

П а р и с

Что я хотел бы, чтоб четверг был завтра.

К а п у л е т т и

Ступайте же домой. Итак, в четверг.—
Смотри, зайди к Джульетте перед сном,

Жена, да подготовь ее ты к свадьбе.—
Прощайте, граф.— Эй, дайте света в спальню!
Уже так поздно, что мы скоро сможем
Сказать, что очень рано.— Доброй ночи!

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Сад Капулетти.

Наверху, в окне, видны Ромео и Джульетта.

Д ж у л ь е т т а

Ты хочешь уходить? Но день не скоро:
То соловей — не жаворонок был,
Что пением смутил твой слух пугливый;
Он здесь всю ночь поет в кусте гранатном.
Поверь мне, милый, то был соловей.

Р о м е о

То жаворонок был, предвестник утра,—
Не соловей. Смотри, любовь моя,—
Завистливым лучом уж на востоке
Заря завесу облак прорезает.
Ночь тушит свечи: радостное утро
На цыпочки встает на горных кручах.
Уйти — мне жить; остаться — умереть.

Д ж у л ь е т т а

Нет, то не утра свет — я это знаю:
То метеор от солнца отделился,
Чтобы служить тебе факеломосцем
И в Мантую дорогу озарить.
Побудь еще, не надо торопиться.

Р о м е о

Что ж, пусть меня застанут, пусть убьют!
Останусь я, коль этого ты хочешь.
Скажу, что бледный свет — не утра око,
А Цитии чела туманный отблеск,
И звуки те, что свод небес пронзают
Там, в вышине,— не жаворонка трель.
Остаться легче мне — уйти нет воли.

Привет, о смерть! Джульетта хочет так.
Ну что ж, поговорим с тобой, мой ангел:
День не настал, есть время впереди.

Д ж у л ь е т т а

Настал, настал! Нет, милый, уходи!
То жаворонок так поет фальшиво,
Внося лишь несозвучность и разлад.
А говорят, что он поет так сладко!
Но это ложь, коль нас он разлучает.
Слыхала я, что жаворонок с жабой
Глазами обменялся: ах, когда бы
И голосом он с нею обменялся!
Он нам велит объятья разомкнуть,
Он — вестник дня; тебя он гонит в путь.
Ступай: уж все светлее и светлее.

Р о м е о

Светлей? А наше горе все темнее.

К о р м и л и ц а

(за сценой)

Синьора!

Д ж у л ь е т т а

Няня!

Входит кормилица.

К о р м и л и ц а

Джульетта, матушка идет к тебе.
Уж рассвело, — так будьте осторожны.
(Уходит.)

Д ж у л ь е т т а

Впусти же день, окно, — а жизнь возьми.

Р о м е о

Прости, прости! Последний поцелуй —
И я спущусь.
(Спускается из окна.)

Д ж у л ь е т т а

Как, ты уже ушел?
Возлюбленный, супруг мой, друг мой нежный!
Смотри же, шли мне вести каждый час.

В одной минуте — много, много дней.
Как по такому счету я состарюсь,
Пока опять Ромео я увижу!

Р о м е о

(внизу)

Прости! Ловить я буду каждый случай,
Чтобы послать тебе привет, мой ангел.

Д ж у л ь е т т а

Ты думаешь, мы свидимся еще?

Р о м е о

Уверен я; и будут дни печали
Служить предметом сладостных бесед.

Д ж у л ь е т т а

Душа моя полна предчувствий мрачных:
Мне чудится — ты там стоишь внизу,
Как будто бы мертвец на дне могилы.
Я плохо вижу — иль ты страшно бледен?

Р о м е о

И ты бледна, мой ангел. Нашу кровь
Сосет печаль. Прости, моя любовь!

(Уходит.)

Д ж у л ь е т т а

Судьба, тебя зовут непостоянной!
Коль это так — что до него тебе?
Ромео — постоянства образец!
Так будь непостоянна; я надеюсь,
Тогда его держать не станешь долго
И мне вернешь.

С и н ь о р а К а п у л е т т и

(за сценой)

Джульетта, ты не спишь?

Д ж у л ь е т т а

Кто там зовет? Синьора мать моя?
Так поздно не легла иль рано встала?
Какой привел ее неожиданный повод?

Входит синьора Капулетти.

Синьора Капулетти
Джульетта, что с тобой?

Джульетта

Я нездорова.

Синьора Капулетти
Ты все еще оплакиваешь брата?
Но слезы из могилы не поднимут,
А подняли б, так не вернули б к жизни.
Брось плакать: есть любви избыток в горе,
В избытке ж горя — только недостаток
Благоразумья.

Джульетта

Дайте плакать мне.

Чувствительна моя утрата слишком.

Синьора Капулетти
От слез она чувствительнее будет
И все ж не возвратит тебе того,
О ком ты плачешь.

Джульетта

Чувствуя утрату,
Могу ли не оплакивать я друга?

Синьора Капулетти
Дитя, не так о нем ты плачешь, сколько
О том, что жив злодей, его убийца.

Джульетта

Какой злодей?

Синьора Капулетти
Один злодей — Ромео.

Джульетта
(в сторону)

На сотню миль далек он от злодейства.
(Громко.)

Прости его господь, как я прощаю,
Хоть так никто не ранил сердца мне.

Синьора Капулетти
Да, потому что жив убийца гнусный.

Джультетта
А мне его руками не достать.
О, если б я могла отомстить за брата!

Синьора Капулетти
Не бойся, мы сумеем отомстить.
Дитя, не плачь; я в Мантуе, где скрылся
Беглец презренный, знаю человека:
Он поднесет ему такого зелья,
Что сразу он отправится к Тибальту.
Тогда, надеюсь, будешь ты довольна.

Джультетта
Нет, до тех пор не буду я довольна,
Пока Ромео не увижу... мертвым,—
Так мысль о брате сердце мне терзает.
О, если б человека вы нашли,
Чтоб отнести тот яд, что я смешаю.
Отведавши его, Ромео скоро
Заснет спокойно. О, трепещет сердце
При имени его, и не могу я
Лететь к нему, чтобы излить всю силу
Моей любви к Тибальту — на убийцу!

Синьора Капулетти
Готовь же яд,— найду я человека.
Но с вестью радостной к тебе пришла я.

Джультетта
Как кстати радость в этот скорбный час!
Какие ж вести, матушка, скажите?

Синьора Капулетти
Заботливый родитель у тебя,
Дитя мое: чтоб грусть твою рассеять,
Тебе готовит день такого счастья,
Какого и не ждали мы с тобой.

Джультетта
Дай бог, синьора. Что же это будет?

Синьора Капулетти

А вот, дитя мое: в четверг поутру
Прекрасный, юный, благородный граф
Парис введет тебя во храм Петра
Счастливою и радостной невестой.

Джультетта

Кляпуться я храмом и самим Петром,
Что мне не быть счастливою невестой!
Что за поспешность? Я должна венчаться
С тем, кто меня и не просил об этом!
Прошу вас, передайте вы синьору
Отцу, что замуж не хочу. Я лучше
Пошла б за ненавистного Ромео,
Чем за Париса. Вот уж вправду — радость!

Синьора Капулетти

Вот твой отец; сама с ним объясняйся.
Посмотрим, как он примет твой ответ.

Входят Капулетти и кормилица.

Капулетти

Спускается роса с заходом солнца;
Но по уходе бедного Тибальта
Льет ливня дождь.
Что, девочка-фонтап, ты вся в слезах?
Все ливень? В маленьком и юном теле
Все сразу — море, ветер и ладья!
В твоих глазах, что назову я морем,—
Приливы и отливы горьких слез;
Как утлая ладья, ты утопаешь
В струях соленых; вздохи — это ветер.
Бушуя вперемежку со слезами,—
Коль не настанет штиль,— они потопят
Твое взметаемое бурей тело.—
Жена, сказала ты, что мы решили?

Синьора Капулетти

Да, но она благодарить не хочет.
С могилой бы мне дуру обвенчать!

Капулетти

Как! Объясни мне, объясни, жена!
Не хочет? Как! И не благодарит?

И не гордится? Не почла за счастье,
Что ей, несдобящей, мы подыскали
Достойного такого жениха?

Д ж у л ь е т т а

Я не горжусь, что вы его нашли,
Но благодарна, что его искали.
Как мне гордиться тем, что ненавистно?
Но все же я вам благодарна даже
За ненависть, коль от любви она.

К а п у л е т т и

Бессмыслица! Что это означает?
«Горда» — и «благодарна», «не желаю» —
И «не горжусь»! Нет, дерзкая девчонка!
Нет, гордость, благодарность — все к чертям!
Ты, неженка, будь к четвергу готова
Отправиться с Парисом в храм Петра —
Иль на вожжах тебя поволоку.
Прочь, дура, прочь, беспутная девчонка!
Прочь, немочь бледная!

С и н ь о р а К а п у л е т т и

С ума ты сходишь!

Д ж у л ь е т т а

Отец мой, умоляю на коленях,
Одно лишь слово дайте мне сказать.

К а п у л е т т и

Черт побери, негодная девчонка!
Тварь непокорная! Я говорю:
В четверг пойдешь смирихонько ты в церковь!
Иль больше мне не смей смотреть в лицо.
Молчать! Не отвечать! Не возражать!
Ох, руки чешутся... А мы жалели,
Жена, что бог одну лишь дочь нам дал!
Я вижу, что и этой слишком много
И что она для нас — одно проклятье.
Прочь, подлая!

К о р м и л и ц а

Спаси ее господь!
Нехорошо так говорить, синьор.

Капулетти

Эй, умница, попридержи язык!
Советчица, толкуй с бабьем! Ступай!

Кормилица

Что ж я плохого говорю?

Капулетти

Ну, с богом!

Кормилица

И слова не скажи?

Капулетти

Молчи ты, дура!

За чаркой с кумушками проповедуй!
Нам это ни к чему.

Синьора Капулетти

Ты слишком вспыльчив.

Капулетти

Клянусь душою, тут с ума сойдешь:
Днем, ночью, дома, в обществе, за делом
И за игрой — одной моею было
Заботою — найти ей жениха.
И вот, нашел из герцогского рода,
Богат, красив, воспитан превосходно,
Все говорят — прекрасных полон свойств,
Сложен — как лучше быть нельзя мужчинам.
И вот, имей плаксивую девчонку,
Пустую куклу, что в такой удаче
Изволит отвечать: «не выйду замуж»,
«Я не желаю», «я любви не знаю»,
«Я слишком молода», «прошу прощенья»!
Не выйдешь замуж? Как тебе угодно!
Пасись, где хочешь, только вон из дома!
Смотри, обдумай, я ведь не шучу.
Коль ты моя — отдам тебя ему,
А не моя, так убирайся к черту!
Хоть нищенствуй, подохни под забором —
Клянусь, ты будешь для меня чужой.
Мое добро тебе не будет в помощь.
Так поразмысли: клятву я сдержу!

(Уходит.)

Дж у л ь е т т а

Ужели в небесах нет милосердья,
Чтоб в глубину тоски моей взглянуть?
Родная, не гони меня, молю!
Отсрочь мой брак на месяц, на неделю;
А нет — мне ложе брачное готовьте
В том темном склепе, где лежит Тибальт.

С и н ь о р а К а п у л е т т и

Не говори со мной — я не отвечаю.
Как хочешь, поступай: ты мне не дочь.

(Уходит.)

Дж у л ь е т т а

О боже мой! Кормилица, что делать?
Супруг мой на земле, а клятва — в небе.
Как ей вернуться на землю, пока
Супруг мой не вернет ее мне с неба,
Покинув землю? Дай совет! Утешь!
Увы, увы, как могут небеса
Терзать такое слабое создание,
Как я? Хоть чем-нибудь порадуй, няня!
Ужель нет утешенья?

К о р м и л и ц а

Есть, конечно.

Ромео изгнан; об заклад побьюсь —
Он не вернется требовать тебя,
А если и вернется, — только тайно,
И если уж так дело обстоит,
Я толлагаю — выходи за графа.
Вот славный кавалер!
Пред ним Ромео — кухонная тряпка.
Орлиный глаз, зеленый, быстрый. Верь,
С таким супругом будет больше счастья.
Он — лучше; ну, а если и не лучше, —
Тот умер или все равно, что умер:
Живи он даже здесь — тебе нет пользы.

Дж у л ь е т т а

И это ты мне говоришь от сердца?

К о р м и л и ц а

И от души! Иль бог меня убей.

Д ж у л ь е т т а
Аминь!

К о р м и л и ц а
Что?

Д ж у л ь е т т а
Ты утешила прекрасно,
Ступай и матушке скажи, что я
К духовнику покаяться пошла
В том, что отца так сильно рассердила
И получить прощение грехам.

К о р м и л и ц а
Скажу, скажу. Вот это так умно!
(Уходит.)

Д ж у л ь е т т а
Проклятая старуха, злобный дьявол!
Где хуже грех? Подучивать меня
Нарушить верность моему супругу
Или вот так хулить его устами,
Которыми расхваливала раньше
Сто тысяч раз? Советчица, ступай!
Тебя из сердца изгоню навек!
Пойду к духовнику я за советом:
Быть может, он предотвратит беду;
А нет — я силы умереть найду.

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Келья брата Лоренцо.

Входят брат Лоренцо и Парис

Б р а т Л о р е н ц о

В четверг, синьор? Какой короткий срок!

П а р и с

Отец мой, Капулетти так желает;
Не мне его поспешность замедлять.

Б р а т Л о р е н ц о

Но неизвестны вам невесты чувства.
Путь не прямой. Он мне не по душе!

П а р и с

Она без меры плачет о Тибальте,
С ней о любви не мог я говорить:
В приюте слез Венера не смеется.
Но кажется отцу ее опасным,
Что так она печали предается,
И мудро он решил наш брак ускорить,
Чтоб наводнение слез остановить.
Способствует тоске уединенье;
Ей станет легче в обществе супруга,—
Вот в чем такой поспешности причина.

Б р а т Л о р е н ц о

(в сторону)

О, если бы не знал я той причины,
Что нам велит замедлить этот брак!

(Громко.)

Но вот сюда идет сама синьора.

Входит Джульетта.

П а р и с

Я счастлив встретить здесь мою супругу!

Д ж у л ь е т т а

Да, если я смогу вам стать супругой.

П а р и с

Так будет, быть должно: в четверг — наш брак.

Д ж у л ь е т т а

Что быть должно, то будет.

Б р а т Л о р е н ц о

Это так.

П а р и с

Пришли вы исповедаться отцу?

Д ж у л ь е т т а

Ответив, исповедалась бы вам.

П а р и с

Не скройте от него любви ко мне.

Д ж у л ь е т т а

Признаюсь вам, что я люблю его.

П а р и с

И также, что вы любите меня?

Д ж у л ь е т т а

Цены в моем признании будет больше,
Коль не скажу вам этого в лицо.

П а р и с

Твое лицо от слез так изменилось,
Бедняжка!

Д ж у л ь е т т а

Слез не велика победа:
И раньше было мало в нем красы.

П а р и с

Ты хуже слез вредишь ему словами.

Д ж у л ь е т т а

Но правда ведь не клевета, синьор;
И говорю я о моем лице.

П а р и с

Оно — мое; ты ж на него клеветешь.

Д ж у л ь е т т а

Возможно: ведь оно уж не мое.—
Святой отец, свободны вы сейчас?
Иль, может быть, прийти перед вечерней?

Б р а т Л о р е н ц о

Свободен я, дочь грустная моя.—
Граф, мы должны наедине остаться.

П а р и с

О, я мешать не смею благочестью,—
В четверг тебя, Джульетта, разбуду я;
Пока — прими священный поцелуй.

(Целует ее и уходит.)

Д ж у л ь е т т а

Запри же дверь — и плачь со мною вместе.
Ни жизни! Ни надежды! Ни спасенья!

Б р а т Л о р е н ц о

Твоя беда известна мне, Джульетта;
Что делать нам — ума не приложу..
Я слышал, что отсрочка невозможна:
В четверг должна ты стать женою графа.

Д ж у л ь е т т а

Не говори об этом, коль не в силах
Придумать, как нам этого избежать.
Коль не поможешь мудростью своей,

Так назови мое решение мудрым —
И мой кинжал пошлет мне избавленье.
Бог нам сердца соединил с Ромео,
Ты наши руки здесь соединил;
И раньше, чем моя рука, тобою
Врученная Ромео, закрепит
Другой союз, иль любящее сердце
Изменит и отдаст себя другому, —
И руку уничтожу я и сердце.
Так пусть мне даст твой многолетний опыт
Немедленный совет: иначе — видишь? —
Между моим несчастьем и мною
Борьбу рассудит этот острый нож
И то решит, чему твой ум и годы
Достойного исхода не подыщут.
Не медли же, скорее мне ответь!
Коль средства нет, я жажду умереть.

Б р а т Л о р е н ц о

О дочь моя, есть слабый луч надежды.
Для этого должна моя решимость
Такой же быть отчаянной, как то,
Что мы хотели бы предотвратить.
Когда — скорей, чем стать женой Париса, —
Убить себя ты хочешь добровольно,
То, может быть, ты испытать решишься
Подобье смерти, чтоб стыда избежать.
Коль ты согласна, средство я найду.

Д ж у л ь е т т а

Отец, скорей чем стать женой Париса,
Вели мне прыгнуть со стены той башни,
Пошли меня к разбойникам в вертеп,
В змеинный лог, свяжи одною цепью
С ревущими медведями меня
Иль на всю ночь запри меня в мертвецкой,
Наполненной гремящими костями
И грудями безглазых черепов,
Зарой меня ты в свежую могилу
И с мертвецом в один закутай саван —
Все, все, о чем, лишь слушая, трепещешь,
Все сделаю без страха, чтоб остаться
Возлюбленному верною женой.

Б р а т Л о р е н ц о

Так вот: иди домой; будь весела
И дай согласие стать женой Париса.
А завтра, в среду, постарайся на ночь
Одна остаться: в эту ночь пускай
Кормилица с тобою не ночует.
Возьми вот эту склянку — и в постели
Ты выпей все до капли; и мгновенно
По жилам разольются у тебя
Дремотный холод и оцепененье,
Биенье пульса сразу прекратится,
Ни теплота, ни вздох не обличат,
Что ты жива, и розы на ланитах
И на устах подернет бледность пепла;
И окна глаз закроются, как будто
От света жизни смерть их заградила;
Все члены, лишены упругой силы,
Застынут, станут мертвенно-недвижны;
И вот в таком подобье страшной смерти
Ты ровно сорок два часа пробудешь,
Чтобы потом проснуться, как от сна.
Итак, когда жених придет поутру,
Чтоб разбудить тебя, ты будешь мертвой.
Тогда тебя, как наш велит обычай,
В наряде брачном и в гробу открытом
Перенесут в старинный склеп фамильный,
Приют последний рода Капулетти.
Я обо всем дам знать письмом Ромео,
Он явится, — с ним вместе ждать мы будем,
Пока проснешься ты, и в ту же ночь
Ромео в Мантую с тобой уедет.
Так спасена ты будешь от позора,
Коль нерешительность и женский страх
Тебе не помешают в смелом деле.

Д ж у л ь е т т а

О, дай мне, дай! Не говори о страхе!

Б р а т Л о р е н ц о

Возьми, ступай. Будь твердой и отважной
В решение этом. Тотчас же пошлю
Я в Мантую Ромео донесенье.

Д ж у л ь е т т а
Любовь, дай сил! Они ж дадут спасенье.
Прости, отец мой!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Зал в доме Капулетти.

Входят Капулетти, синьора Капулетти, кормилица
и двое слуг.

Капулетти
(*слуге*)

Проси же всех, кто в список помещен.

Первый слуга уходит.

Ты, малый, отправляйся и найми
Десятка два искусных поваров.

Второй слуга

Я вам плохих не подберу, синьор: я посмотрю, облизывают ли
они себе пальцы.

Капулетти

И что же ты по этому узнаешь?

Второй слуга

Да как же, синьор, плох тот повар, который не облизывает
себе пальцев; так я и не найму таких, которые пальцев не обли-
зывают.

Капулетти

Ступай, ступай.

Второй слуга уходит.

Не знаю, как мы справимся со всем.
Что, дочь моя пошла к духовнику?

Кормилица

Да, синьор.

Капулетти

Ну, может быть, он вразумит ее.
В ней говорит упрямство и строптивость.

К о р м и л и ц а

Глядите-ка, вот и она вернулась
От исповеди: весело так смотрит!

Входит Д ж у л ь е т т а.

К а п у л е т т и

Ну что, упрямица? Где ты шаталась?

Д ж у л ь е т т а

Там, где я раскаянью научилась
В грехе непослушанья вашей воле.
Святой отец велел мне — на коленях
Молить прощенья. Я молю: простите!
Отныне я покорна вам во всем.

К а п у л е т т и

Послать за графом! Известить его!
Я завтра ж утром обвенчаю вас.

Д ж у л ь е т т а

С ним встретилась я в келье у Лоренцо
И выразила, как могла, любовь,
Границ приличья не переступая.

К а п у л е т т и

Ну вот, я очень рад, прекрасно. Встань.
Вот так и следует. Теперь я должен
Увидеть графа. — Эй, послать за ним! —
Клянусь душою, наш монах — святой:
Весь город наш ему обязан многим.

Д ж у л ь е т т а

Кормилица, пойдем ко мне наверх:
Ты мне должна помочь сейчас же выбрать
Наряд, достойный завтрашнего дня.

С и н ь о р а К а п у л е т т и

До четверга успеете еще.

К а п у л е т т и

Нет, нет, ступайте: завтра же вам в церковь.

Д ж у л ь е т т а и к о р м и л и ц а у х о д я т.

Синьора Капулетти

Нам невозможно будет все устроить:
Уж ночь почти.

Капулетти

Тсс... Я примусь за дело.
На славу будет все, жена, ручаюсь.
Ступай к Джульетте выбирать наряды.
Не лягу я; оставь меня в покое;
Хозяйкой буду нынче я.— Эй, вы!
Все разбежались? Хорошо: я сам
Пройду к Парису, сообщу ему,
Что свадьба завтра. Отлегло от сердца,
Когда капризница моя смирилась.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната Джульетты.

Входят Джульетта и кормилица.

Джульетта

Да, это платье лучше всех.— Теперь,
Кормилица, оставь меня одну:
Всю ночь молиться надо мне, чтоб небо
Моей судьбе печальной улыбнулось:
Ты знаешь ведь, как тяжело я грешна. —

Входит синьора Капулетти.

Синьора Капулетти.

Хлопочете? Не нужно ль вам помочь?

Джульетта

Нет, матушка: мы выбрали уж все,
Что к завтрашнему дню необходимо.
Прошу, позвольте мне одной остаться.
Пускай кормилица вам помогает:
Я думаю, у вас хлопот немало —
Такая спешка.

Синьора Капулетти

Ну, спокойной ночи,
Ложись и ты: тебе ведь нужен отдых.

Синьора Капулетти и кормилица уходят.

Дж у л ь е т т а

Прощайте! — Свидимся ль еще? Кто знает!
Холодный страх по жилам пробегает
И жизни теплоту в них леденит.—
Верну их, чтоб утешили меня.—
Кормилица! — Нет! Что ей делать здесь?
Одна сыграть должна я эту сцену.
Сюда, фиал!
Что если не подействует напиток?
Ужель придется утром мне венчаться?
Нет! Это помешает. Здесь лежи.

(Кладет рядом с собой кинжал.)

А если яд монах мне дал коварно,
Чтобы убить меня, боясь бесчестья,
Когда б открылось, что меня с Ромео
Уж обвинчал он раньше, чем с Парисом?
Боюсь, что так... Но нет, не может быть:
Известен он своей святою жизнью!
Не допущу такой недоброй мысли.
А если... если вдруг в моем гробу
Очнусь я раньше, чем придет Ромео
Освободить меня? Вот это — страшно!
Тогда могу я задохнуться в склепе,
В чью пасть не проникает чистый воздух,
И до его прихода умереть!
А коль жива останусь — лишь представить
Ужасную картину: смерть и ночь,
Могильный склеп, пугающее место,
Приют, где сотни лет слагают кости
Всех наших предков, где лежит Тибальт
И в саване гниет, где, говорят,
В известный час выходят привиденья...
Что если слишком рано я проснусь?
О боже мой! Воображаю живо:
Кругом — ужасный смрад, глухие стоны,
Похожие на стоны мандрагоры,
Когда ее с корнями вырывают,—
Тот звук ввергает смертного в безумье...
Что если я от ужаса, проснувшись,
Сойду с ума во тьме и буду дико
Играть костями предков погребенных,
И вырву я из савана Тибальта,
И в иступленьи прадедовской костью,
Как палицей, свой череп разможжу?

Мой бог! Тибальта призрак здесь — он ждет
Ромео, поразившего его
Своим мечом... Стой, стой, Тибальт! — Ромео,
Иду к тебе! Пью — за тебя!

(Выливает содержимое склянки и падает на постель.)

СЦЕНА 4

Зал в доме Капулетти.

Входят синьора Капулетти и кормилица.

Синьора Капулетти

Возьми ключи и приностей достань.

Кормилица

Айвы и фиников на кухню просят.

Входит Капулетти.

Капулетти

Живей! Вторые петухи пропели.

Звонили к утрени: уж три часа.

Голубушка, смотри за пирогами;

Припасов не жалей.

Кормилица

Да полно, сударь!

Охота заниматься бабьим делом?

Ложитесь-ка: не спавши ночь, наутро

Вы будете больны.

Капулетти

Э, мало ли мне в жизни приходилось

Из-за пустых причин не спать ночей,—

И никогда я болен не бывал.

Синьора Капулетти

Да, да, ты был порядочным кутилой.

Теперь-то уж я посмотрю за тем,

Чтоб по ночам ты спал.

Синьора Капулетти и кормилица уходит.

Капулетти

Ах, ревность, ревность!

Входят слуги с дровами, корзинами, вертелами и пр.

Первый слуга

Синьор, для кухни что — и сам не знаю.

(Уходит.)

Капулетти

Живей, живей! Возьми посуше дров;
Да Пьетро позови: он скажет где.

Второй слуга

Синьор, и я ведь не без головы,—
Мы вам дрова разыщем и без Пьетро.

Капулетти

Ответ хорош... Веселый подзаборник!
Будь дровяною головой!

Второй слуга уходит.

Светает.

Граф скоро с музыкантами придет,—
Он обещал.

Музыка за сценой.

Да вот уж я их слышу.
Кормилица! Жена! Эй вы! Да где же вы?

Входит кормилица.

Ступай — буди и наряжай Джульетту.
Париса встречу я. Да поскорее!
Поторопись! Жених уже явился.
Поторопись, ты слышишь?

Уходят.

СЦЕНА 5

Спальня Джульетты.

Входит кормилица.

Кормилица

Синьора, а, синьора! А, Джульетта!
Моя овечка! Фу, какая соня!
Синьора! Душенька моя! Невеста!
Ни слова? Выспаться вперед решила
За всю неделю. Дело: нынче ночью

Уж граф Парис себя побеспокоит,
Чтоб отдыха тебе не дать. Что ж это,
Прости мне бог? Вот крепко как заснула!
Не добудиться. Как же быть? Синьора!
Ну, пусть в постели граф застанет вас:
Уж он сумеет вас поднять, не так ли?

(Отдергивает занавеску.)

Смотрите-ка! Одета, в платье спит! —
Проснитесь же, синьора, — а, синьора? —
О господи помилуй! Умерла!
Ах, ах! Зачем я родилась на свет!
Ах! Аквавиты мне! Синьор! Синьора!

Входит синьора Капулетти

Синьора Капулетти

Что здесь за шум?

Кормилица

О злополучный день!

Синьора Капулетти

Да что случилось?

Кормилица

Вот! Смотрите! Горе!

Синьора Капулетти

О! Жизнь моя, дитя мое, Джульетта!
Проснись! Взгляни! Иль я умру с тобой! —
На помощь! Помогите!

Входит Капулетти.

Капулетти

Не стыдно ль вам? Ведите же Джульетту:
Жених уж здесь.

Кормилица

Увы! Она скончалась!
Мертва, мертва, мертва! Ужасный день!

Синьора Капулетти

Дай поглядеть. Увы! Похолодела!
Застыла кровь, и члены онемели!

С ее устами жизнь давно рассталась.
Смерть, как мороз безвременный, убила
Прекраснейший из всех цветов в саду.

К о р м и л и ц а

О горький день!

С и н ь о р а К а п у л е т т и

О страшная беда!

К а п у л е т т и

Смерть, взявшая ее, чтоб возроптал я,
Связала мне уста,— и я безмолвен.

Входят брат Лоренцо, Парис и музыканты.

Б р а т Л о р е н ц о

Готова ли во храм идти невеста?

К а п у л е т т и

Готова, да, чтоб больше не вернуться!

(Парису.)

О сын мой, в ночь перед твоею свадьбой
Легла в постель с твоей невестой смерть.
Вот здесь лежит цветок, растленный смертью.
Смерть — вот теперь мне зять, вот мне наследник:
Дочь отняла она. Умру и я!
Богатство, жизнь — я все оставлю смерти.

П а р и с

О, как я ждал увидеть утра лик!
И что же он глазам моим являет!

С и н ь о р а К а п у л е т т и

Проклятый, страшный, ненавистный день!
Страшнейший час из всех часов, что время
Встречало в вечном странствии своем!
Одна, одна ведь у меня была,
Единственная радость и утеха!
Жестокой смертью отнята навек!

К о р м и л и ц а

О горе! Горький, горький, горький день
Из всех, что в этой жизни я видала!
Ужасный день! О ненавистный день!

Чернее дня на свете не бывало!
О горький день! О горький день!

П а р и с

Обманут, разведен, сражен, убит!
Смерть гнусная, обманут я тобою!
Жестокая! Сразила ты меня!
Любовь моя! О жизнь моя! Но нет —
Не смерть, а лишь любовь и после смерти!

К а п у л е т т и

Поруган, оскорблен, казнен, убит!
Ужасное несчастье! Для чего ты
Пришло, — чтобы убить, убить наш праздник?
Дитя мое, дитя! Душа моя!
Ты больше не дитя мое! Мертва!
Увы, она мертва, и вместе с нею
Вся радость сердца умерла навек.

Б р а т Л о р е н ц о

Довольно, постыдитесь! Вопли горя
Ведь не излечат горя! В милой деве
Имали долю вы — и небеса.
Но вся она теперь досталась небу,
Тем лучше для нее! Не в силах были
Свою вы долю удержать от смерти;
А небо сохранило часть свою:
Небесным счастьем это вы считали —
И плачете теперь, когда она
Возвышена превыше туч, до неба.
Вы плохо любите свое дитя,
Коль ропщете, ее блаженство видя.
В замужестве счастливее не та,
Что долго женщиной живет замужней:
Счастливей та, что рано умерла.
Отрите ваши слезы. Розмарином
Прекрасное ее усыпьте тело
И, как велит обычай, отнесите
Ее в наряде подвенечном в церковь.
Скорбь — свойство есть природное людей,
Но разум наш смеется лишь над ней.

К а п у л е т т и

Увы, наш праздник будет превращен
В обряд печальный пышных похорон.

Звон погребальный музыку заменит,
В поминки обратится брачный пир,
Ликующие гимны — в панихиду.
Венок венчальный — к трупу перейдет.
Все превращенье страшное претерпит!

Б р а т Л о р е н ц о

Ступайте же, синьор, и вы, синьора,
И граф, и приготовьтесь проводить
Прекрасную усопшую в могилу.
Карает вас небес святая воля.
Пусть ропот ваш не прогневит их боле.

Капулетти с женой, Парис и брат Лоренцо уходят.

П е р в ы й м у з ы к а н т

Что ж, флейты нам убрать, да и убраться?

К о р м и л и ц а

Да, люди добрые, уж уберите:
Вы видите, какой плачевный случай.

(Уходит.)

П е р в ы й м у з ы к а н т

Хоть и плачевный, заплатить нам надо.

Входит Пь е т р о.

П ь е т р о

Музыканты, ах, музыканты! Если вы хотите, чтоб я остался жив,— сыграйте вы мне «Радость сердца».

П е р в ы й м у з ы к а н т

Почему «Радость сердца»?

П ь е т р о

Ах, музыканты! Потому, что мое сердце само наигрывает:
«Как сердце печали полно!» Сыграйте-ка мне какую-нибудь раз-
веселую песенку, вроде элегии, чтобы меня утешить.

П е р в ы й м у з ы к а н т

Какие теперь песенки! Тут не до песенок.

П ь е т р о

Так вы не желаете?

Первый музыкант

Нет.

Пьетро

А я бы вам здорово отплатил.

Первый музыкант

Чем же бы ты это нам отплатил?

Пьетро

Разумеется, не деньгами, а тоже песенкой. И я ведь могу быть музыкантом.

Первый музыкант

Скорее я могу быть лакеем.

Пьетро

Тогда твоя башка отведаст моего лакейского ножа. Что это еще за крючки такие? Я вас сейчас на все лады перефасолю.

Первый музыкант

Если ты перефасолишь, твое дело пойдет на лад.

Второй музыкант

Убери-ка свой острый нож; лучше покажи нам свой острый ум.

Пьетро

Ладно. Я покажу вам свой острый ум и без ножа вас зарезу. Ну-ка, отвечайте, как подобает разумным людям:

«Коль изнывает грудь от муки
И душу думы грустные мрачат,
То музыки серебряные звуки...»

Почему «серебряные звуки»? Почему «музыки серебряные звуки»? Что скажешь, Симон-Смычок?

Первый музыкант

Ясное дело: потому, что звон серебра очень приятен.

Пьетро

Недурно. А ты что скажешь, Гуго-Гудок?

Второй музыкант

Я скажу: потому серебряные звуки, что музыканты играют за серебро.

Пь е т р о

Тоже недурно. А ты что скажешь, Джемс-Дудка?

Т р е т и й м у з ы к а н т

Ей-богу, не знаю, что сказать.

Пь е т р о

Ну, тебя я помилую: ты ведь только певец. Я за тебя отвечу. Потому «серебряные», что музыканты редко получают за свою игру золото.

«То музыки серебряные звуки
Мне быстро горе облегчат».

(Уходит.)

П е р в ы й м у з ы к а н т

Вот проклятый проходимец!

В т о р о й м у з ы к а н т

Повесить бы его, негодяя! Пойдем-ка в дом: подождем погребального шествия и останемся пообедать.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Улица в Мантуе.

Входит Ромео

Р о м е о

Коль можно верить сновиденьям сладким,
Мне сны мои предсказывают радость.
В груди моей — как царь на троне — сердце.
Весь день меня какой-то дух уносит
Ввысь над землею в радостных мечтах.
Мне снилось, что меня моя супруга
Нашла умершим. Что за странный сон,
Где мертвецу дана возможность мыслить!
И вот она горячим поцелуем
Такую жизнь в уста мои вдохнула,
Что ожил я и сделался царем.
Как сладостно владеть самой любовью,
Коль тень ее уже богата счастьем.

Входит Бальтазар.

Ах, вести из Вероны! Бальтазар!
Привет! Привез письмо ты от Лоренцо?
Ну, как синьора? Батюшка здоров ли?
Здорова ли моя Джульетта? Если
Ей хорошо, дурного быть не может!

Б а л ь т а з а р

Ей хорошо, дурного быть не может!
Синьоры тело в склепе Капулетти,
Бессмертная ж душа — на небесах.
Я видел сам, как в склеп ее несли,
И тотчас же помчался к вам с вестями.
Простите мне, что так они печальны.

Р о м е о

Так вот что! Звезды, вызов вам бросаю! —
Беги в мой дом. Дай мне чернил, бумаги
И лошадей найми: я еду в ночь.

Б а л ь т а з а р

Синьор мой, умоляю, успокойтесь;
Вы бледны, ваш безумный взгляд сулит
Недоброе.

Р о м е о

Молчи, ты в заблужденье.
Ступай и сделай все, что я велел.
Ты не привез письма мне от монаха?

Б а л ь т а з а р

Нет, мой синьор.

Р о м е о

Ну все равно, — ступай
И лошадей найми. Приду я скоро.

Б а л ь т а з а р уходит.

С тобой, Джульетта, лягу в эту ночь.
Где средство взять? Как скоро злая мысль
Является несчастному на помощь.
Мне вспомнился аптекарь: он живет
Поблизости; его недавно видел;
В лохмотьях жалких и с угрюмым видом
Он травы разбирал, худой, несчастный,
Изглоданный жестокой нищетой.
В его лавчонке жалкой черепаха
Висела, и набитый аллигатор,
И кожи всяких страшных рыб; на полках
Склад нищенский пустых коробок, склянок,
Зеленых глиняных горшков, бичевок,
Семян, засохших розовых пастилок —

Убого красовался напоказ.
Ту нищету заметив, я подумал:
Будь человеку нужен яд смертельный,
Который в Мантуе запрещено
Под страхом смерти продавать,— вот этот
Несчастный плут его б, наверно, продал.
Мысль эта предвосхитила потребность;
И этот-то бедняк продаст мне яду.
Мне помнится, его домишко здесь.
Сегодня праздник,— заперта лавчонка.
Эй, эй, аптекарь!

Выходит из лавки аптекарь.

А п т е к а р ь

Кто зовет так громко?

Р о м е о

Поди сюда. Ты беден, вижу я.
Бери, вот сорок золотых. За них
Продай мне драхму яду, но такого,
Чтоб он мгновенно разлился по жилам,
Чтоб мертвым пал тот, кто измучен жизнью,
И отлетел бы дух его от тела
С той быстротой, с какой зажженный порох
Из грозной пасти пушек вылетает.

А п т е к а р ь

Есть много у меня смертельных зелий,
Но за продажу ядов, мой синьор,
Законы Мантуи карают смертью.

Р о м е о

Ты гол и нищ — и так боишься смерти?
Я вижу голод на щеках увядших,
В глазах — немую скорбь и угнетенность,
А за спиной — презрение и бедность.
Не друг тебе — весь мир, не друг — закон.
Когда такого в мире нет закона,
Чтобы тебя богатым сделал он,—
Брось нищету, нарушь закон, бери.

А п т е к а р ь

Не воля соглашается, а бедность.

Р о м е о

Я бедности твоей плачу — не воле.

А п т е к а р ь

Всыпь этот порошок в любую жидкость
И выпей все. Имей ты больше сил,
Чем двадцать человек,— умрешь мгновенно.

(Дает ему яд.)

Р о м е о

Вот золото, возьми. Для душ людских
В нем яд похуже. В этом жалком мире
Оно убийств куда свершает больше,
Чем эта смесь несчастная твоя,
Которую ты продавать боишься.
Не ты мне — я тебе сейчас дал яду.
Прощай! Купи еды и потолстей!
Не яд с собой — лекарство я возьму
К Джульетте в склеп. Прибегну там к нему!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Келья брата Лоренцо.

Входит б р а т Д ж о в а н н и.

Б р а т Д ж о в а н н и

Смиранный францисканец, брат, где ты?

Входит б р а т Л о р е н ц о.

Б р а т Л о р е н ц о

Я слышу голос доброго монаха
Из Мантуи... Ну, что сказал Ромео?
Иль пишет он? Давай скорей письмо.

Б р а т Д ж о в а н н и

Пошел искать я спутника себе,
Из нашего же ордена монаха,
Что в городе здесь навещал больных;
Нашел его, но городская стража,
Подозревая, что мы были в доме,
Заразою чумною пораженном,

Вход запечатав, задержала нас.
Так в Мантую попасть не удалось нам.

Б р а т Л о р е н ц о

Но кто ж отвез мое письмо Ромео?

Б р а т Д ж о в а н н и

Его послать не мог я: вот оно;
Я не нашел, с кем возвратить тебе:
Так все боялись роковой заразы.

Б р а т Л о р е н ц о

Жестокий рок! Клянусь я нашим братством,
Письмо то было чрезвычайно важно,
И то, что не доставлено оно,—
Грозит большой бедой. Ступай же, брат,
Сыщи железный лом и прямо в келью
Мне принеси.

Б р а т Д ж о в а н н и

Брат, принесу немедленно.

(Уходит.)

Б р а т Л о р е н ц о

Мне одному пойти придется в склеп.
Джюльетта через три часа проснется.
О, заслужу я горькие упреки,
Что не сумел Ромео известить!
Но в Мантую опять я напишу,
Ее же в келье у себя я спрячу.
О бедный труп живой в приюте мертвых!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 3

Кладбище, склеп Капулетти.

Входят Парис и его паж, несущий цветы и факел.

П а р и с

Дай факел, мальчик. Отойди подальше.
Иль нет,— задуй, а то меня увидят.
Ступай же в чащу тисовых деревьев,
Ложись там и к земле прикинни ухом,

Так, чтоб малейший шаг по этой почве,
Нетвердой, рыхлой от рытья могил,
Услышал ты; тогда погромче свистни —
Я буду знать, что кто-нибудь идет.
Дай мне цветы. Исполни, что сказал я.

П а ж
(в сторону)

Мне страшно оставаться одному на кладбище, но все же я
решусь.

(Уходит.)

П а р и с

Цветы — цветку на брачную кровать.
Увы, твой балдахин — земля и камни.
Когда воды не хватит поливать,
То для цветов даст влагу слез тоска мне.
Мне каждой ночью будет долг святой
Носить цветы и плакать над тобой.

Паж свистит.

Входят Ромео и Бальтазар с факелами и ломом.

Р о м е о

Подай мне заступ и железный лом,
Возьми письмо и завтра рано утром
Вручи его ты моему отцу.
Дай факел мне. Смотри, под страхом смерти,
Что б ты ни увидал и ни услышал,—
Стой вдалеке и мне не смей мешать.
Затем хочу сойти в обитель смерти,
Чтоб увидеть еще мою супругу;
Но главное— чтоб снять с ее руки
Бесценный перстень. Он необходим мне
Для важной цели. Уходи теперь.
Но если ты подсматривать посмеешь,
Выслеживать, что я здесь буду делать,—
Клянусь, я разорву тебя на части
И кладбище голодное усею
Останками твоими. Место, время,
Мое решение — грозны и зловещи;
Они ужаснее, чем тигр голодный,
Они грозней, чем бурный океан.

Б а л ь т а з а р

Я ухожу, синьор, я повинуюсь.

Ромео

Ты этим мне свою любовь докажешь.
Возьми.

(Дает ему деньги.)

Живи, будь счастлив и прощай.

Бальтазар

(в сторону)

Я все же спрячусь здесь: меня страшит
И замысел его и грозный вид.

(Уходит.)

Ромео

Проклятая утроба, чрево смерти,
Пожравшее прекраснейшее в мире!
Я пасть твою прогнившую раскрою
И накормлю тебя еще — насильно.

(Выламывает дверь склепа.)

Парис

Как, это изгнанный гордец Монтеки!
Моей невесты брата он убил;
Она же, это нежное создание, —
Как слышал я, — от горя умерла.
Сюда пришел он, верно, надругаться
Над милым прахом. Я схвачу его!

(Выходит вперед.)

Брось твой преступный замысел, Монтеки!
Ужели месть живет и после смерти?
Ты осужден — тебя я арестую.
Иди за мной: ты должен умереть.

Ромео

Да, должен, и затем пришел сюда.
О милый юноша, не искушай
Отчаянья души моей — беги.
Оставь меня, подумай об умерших;
Пусть это устрасит тебя. Молю,
Не вовлекай меня ты в новый грех.
Тебя люблю я больше, чем себя:
Я лишь против себя вооружился,
Беги отсюда и скажи потом:
Он спас меня в безумии своем.

П а р и с

Я презираю все твои мольбы.
Злодей! Тебя на бой я вызываю.

Р о м е о

Ты хочешь драться? Берегись же, мальчик!

Они дерутся.

П а ж

Мой бог, дерутся! Побегу за стражей.

(Убегает.)

П а р и с

(падая)

О, я убит! Когда ты милосерден —
Вскрой склеп и положи меня с Джульеттой.

(Умирает.)

Р о м е о

Я обещаю.— Погляжу в лицо.
Как! Родственник Меркуцио! Граф Парис!
Что говорил слуга мой по дороге,
Когда его я слушал, не внимая?
Как будто был Парис — жених Джульетты,—
Сказал он так, иль это мне приснилось?
Иль, слушая о ней, в своем безумье
Вообразил я это? Дай же руку,
Товарищ мой, записанный со мною
В одной и той же книге злой судьбы!
Я схороню твой прах в могиле пышной.
В могиле? Нет, в чертоге лучезарном.
О юноша, ведь здесь лежит Джульетта,
И эти своды красота ее
В блестящий тронный зал преображает.
(Кладет Париса в склеп.)

Лежи здесь, смерть тебя мертвец хоронит.
Нередко люди в свой последний час
Бывают веселы. Зовут сиделки
Веселье это «молнией пред смертью»,
Ужели это «молния» моя? —
О ты, любовь моя, моя супруга?
Смерть выпила мед твоего дыхания,
Но красотой твоей не овладела.

Ты не побеждена. Еще румянец
Красой уста и щеки озаряет,
И смерти знамя бледное не веет.—
И ты, Тибальт, здесь в саване кровавом.
Что больше мог бы для тебя я сделать,
Чем этой же рукой, убившей юность
Твою, убить и твоего врага?
Прости мне, брат! О милая Джульетта!
Зачем ты так прекрасна? Можно думать,
Что смерть бесплотная в тебя влюбилась,
Что страшное чудовище здесь прячет
Во мраке, как любовницу, тебя!
Так лучше я останусь здесь с тобой:
Из этого дворца зловещей ночи
Я больше не уйду; здесь, здесь останусь,
С могильными червями, что отныне —
Прислужники твои. О, здесь себе
Найду покой, навеки нерушимый;
Страхну я иго несчастливых звезд
С моей усталой плоти! — Ну, взгляните —
В последний раз, глаза мои! Вы, руки,
В последний раз объятия раскройте!
А вы, мои уста, врата дыхания,—
Священным поцелуем закрепите
Союз бессрочный со скупою смертью!
Сюда, мой горький спутник, проводник
Зловещий мой, отчаянный мой кормчий!
Разбей о скалы мой усталый челн! —
Любовь моя, пью за тебя!

(Пьет.)

О честный
Аптекарь! Быстро действует твой яд.
Вот так я умираю с поцелуем.

(Умирает.)

Входит с другой стороны кладбища брат Лоренцо с фонарем,
домом и заступом.

Б р а т Л о р е н ц о

Святой Франциск, мне помощи! Все время
Я старыми ногами спотыкаюсь
О насыпи могильные.— Кто тут?

Б а л ь т а з а р
(выступая вперед)

Свой человек, вам хорошо знакомый.

Б р а т Л о р е н ц о

Спаси вас бог! Скажите мне, чей факел
Я вижу там, что свет дарит напрасно
Одним червям и черепам безглазым?
Огонь сияет в склепе Капулетти...

Б а л ь т а з а р

Да, мой отец; и там мой господин,
Любимый вами.

Б р а т Л о р е н ц о

Кто такой?

Б а л ь т а з а р

Ромео!

Б р а т Л о р е н ц о

Давно ль он здесь?

Б а л ь т а з а р

Уж добрых полчаса.

Б р а т Л о р е н ц о

Войдем со мною в склеп.

Б а л ь т а з а р

Отец, не смею:

Мой господин не знает, что я здесь;
Он угрожал мне страшной смертью, если
Я здесь останусь, чтоб следить за ним.

Б р а т Л о р е н ц о

Останься, я пойду один. Мне жутко:
Предчувствую ужасную беду.

Б а л ь т а з а р

Я спал под тисом здесь, и мне приснилось,
Что господин мой с кем-то здесь сражался,
Что он убил противника.

Б р а т Л о р е н ц о

(подходит к склепу)

Ромео!

Увы! Но чья же обагрят кровь

Ступени этой каменной могилы?
Кем брошены кровавые мечи
Здесь, на пороге вечного покоя?
(*Входит в склеп.*)

Ромео — бледный как мертвец! Парис!
И весь в крови! Какой недобрый час
Виною этих роковых событий?

Джульетта просыпается.

Она пошевелилась.

Д ж у л ь е т т а

Ах, отец мой!
Мой утешитель! Где же мой супруг?
Я помню все, и где я быть должна.
И вот я здесь. Но где же мой Ромео?

Шум за сценой.

Б р а т Л о р е н ц о

Шум слышу я. Уйдем же из гнезда
Заразы, смерти, тягостного сна.
Противиться нельзя нам высшей воле:
Надежды все разрушены. Идем!
У ног твоих лежит супруг твой, мертвый;
И с ним Парис. Идем, идем, я скрою
Тебя в обители святых монахинь.
Не спрашивай, бежим, уж близко стража.
Бежим, Джульетта, медлить мне нельзя.

Д ж у л ь е т т а

Иди, иди же. Здесь останусь я.

Б р а т Л о р е н ц о уходит.

Что вижу я! В руке Ромео склянка!
Так яд принес безвременную смерть.
О жадный! Выпил все и не оставил
Ни капли милосердной мне на помощь!
Тебя я прямо в губы поцелую.
Быть может, яд на них еще остался,—
Он мне поможет умереть блаженно.

(*Целует Ромео.*)

Уста твои теплы.

Первый стражник
(за сценой)

Веди нас, мальчик.

Джюльетта

Сюда идут? Я поспешу. Как кстати —
Кинжал Ромео!

(Хватает кинжал Ромео.)

Вот твои ножны!

(Закалывает себя.)

Останься в них и дай мне умереть.
(Падает на труп Ромео и умирает.)

Входит стража с пажом Париса.

Паж

Здесь это было — где пылает факел.

Первый стражник

Кровь на земле! — Эй, обыскать кладбище!
Ступайте. Всех, кто встретится, хватайте.

Несколько стражников уходят.

Нашли мы место страшных происшествий;
Но верную причину всех несчастий
Без следствия узнать нам невозможно.

Часть стражи возвращается с Бальтазаром.

Второй стражник

Вот, мы слугу Ромео здесь нашли.

Первый стражник

Пока его под стражею держите.

Другая часть стражи возвращается с братом Лоренцо.

Третий стражник

Вот тут монах — дрожит, вздыхает, плачет.
При нем нашли и взяли заступ с ломом,
Когда он шел с того конца кладбища.

Первый стражник

Да, здесь улика. Задержать монаха.

Входят герцог и свита.

Герцог

Что за несчастье рано так случилось,
Чтобы смутить наш утренний покой?

Входят Капулетти, синьора Капулетти и другие.

Капулетти

Что тут за шум и крики? Что случилось?

Синьора Капулетти

На улицах народ кричит: «Ромео!» —
«Джульетта!» — «Граф Парис!» — и все бегут
В ту сторону, где наш фамильный склеп.

Герцог

Какой здесь ужас нам смущает слух?

Первый стражник

Вот, государь; здесь граф лежит убитый,
Ромео мертвый и Джульетта рядом.
Покойница еще совсем тепла,
Она, как видно, только что убита.

Герцог

Немедленно ищите, разузнайте,
Как страшные убийства совершились!

Первый стражник

Вот здесь монах; а здесь — слуга Ромео,
При них нашли орудия для взлома.

Капулетти

О небеса! Взгляни, жена моя,
Как наша дочь здесь истекает кровью!
Кинжал ошибся! Вот его жилище
Висит пустым на поясе Ромео,
А он попал в грудь дочери моей!

Синьора Капулетти

О, эта смерть, как погребальный звон,
Зовет меня в холодную могилу!

Входят Монтекки и другие.

Г е р ц о г

Сюда, Монтеки! Встал ты нынче рано,
Чтоб увидеть, как рано лег твой сын.

М о н т е к к и

Сегодня в ночь жена моя скончалась —
О сыне грусть свела ее в могилу.
Какая скорбь еще мне угрожает
На склоне лет?

Г е р ц о г

Взгляни — и ты увидишь.

М о н т е к к и

Мой сын! Зачем же ты забыл приличие
И ранее отца спесишь в могилу?

Г е р ц о г

Замкни уста отчаянью на время,
Пока не разъяснили мы событий —
Источник их, начало и конец.
Тогда вождем я стану вашей скорби,
Опорой вам до смерти; а пока
Пушай печаль терпенью покорится.
Я допрошу всех тех, кто в подозренье.

Б р а т Л о р е н ц о

Я больше всех быть должен в подозренье,
Хоть меньше всех для этого гожусь.
Но час и место — все против меня
В убийствах этих. Я стою пред вами,
Чтоб обвинять себя и оправдаться,—
Свой обвинитель и защитник вместе.

Г е р ц о г

Так говори скорее все, что знаешь.

Б р а т Л о р е н ц о

Я буду кратким. Дней моих остаток
Короче, чем рассказ об их несчастьях.
Ромео, что лежит здесь мертвый, был
С покойною Джульеттою обвенчан:
Она была ему женой законной;
Я их венчал. День тайного их брака

Был для Тибальта роковым; в тот день
Был из Вероны изгнан новобрачный;
О нем — не о Тибальте — были слезы.
Вы, чтоб ее избавить от печали;
Решили с графом обвенчать насильно;
Тогда она пришла ко мне в тоске,
С безумным взором и меня молила
От двоемужия спасти ее —
Не то себя убить грозила тут же.
Тогда я ей, руководясь наукой,
Дал сонного питья; его лишь выпив,
Она мгновенно погрузилась в сон,
Подобный смерти. Я послал к Ромео,
Чтоб он ее из временной могилы
Освободить явился к той минуте,
Как перестанет действовать питье.
Но мой посол случайно был задержан
И возвратил вчера мое письмо.
Тогда один, в тот час, когда проснуться
Должна была она, сюда пришел я,
Чтобы ее из склепа увести;
Хотел ее в своей я спрятать келье
И отвезти ее потом к Ромео.
Когда ж сюда пришел я — за минуту
До пробуждения ее, — увидел,
Что мертвыми лежат передо мной
Ромео верный и Парис достойный.
Она проснулась. Я ее молил
Уйти со мной и покориться небу.
Но шум меня заставил склеп покинуть,
Она ж в отчаянье не захотела
Пойти со мной и, как я полагаю,
Покончила с собой. Вот все, что знаю.
Кормилице был брак ее известен.
И если я отчасти хоть виновен
Во всем, — пускай жизнь старая моя
Падет немного раньше срока жертвой
Суровейшего нашего закона.

Г е р ц о г

Твое всегда мы знали благочестье, —
Но где слуга Ромео? Что он скажет?

Б а л ь т а з а р

Я господину весть принес о смерти

Джульетты, и из Мантуи тогда же
Он кинулся сюда — и прямо к склепу.
Письмо отцу велел вручить он утром,
А в склеп спускаясь, угрожал мне смертью,
Коль одного его я не оставлю.

Г е р ц о г

Дай мне письмо — я сам его прочту,—
Где графа паж, сюда приведший стражу?

Паж Нариса подходит к герцогу.

Скажи, что делал здесь твой господин?

П а ж

Принес цветов на гроб своей невесты,
А мне велел подальше отойти,
Вдруг кто-то с факелом явился к склепу.
Тут господин мой выхватил свой меч —
И я скорее побежал за стражей.

Г е р ц о г

Письмо рассказ монаха подтверждает,
Течение их любви и весть о смерти;
И дальше пишет он о том, что яду
У нищего аптекаря купил
И в склеп пришел, чтоб лечь с Джульеттой

рядом.—

А где ж враги — Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви!
А я за то, что ваш раздор терпел,
Утратою родных наказан также.

К а п у л е т т и

О брат Монтекки, дай свою мне руку.
Вот вдовья часть Джульетты: я другой
Просить не стану.

М о н т е к к и

Дам тебе я больше:
Из золота ей статую воздвигну.
Пусть людям всем, пока стоит Верона,
Та статуя напоминает вновь
Джульетты бедной верность и любовь.

Капулетти

Ромео статую воздвигну рядом:
Ведь оба нашим сгублены разладом.

Герцог

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идем, рассудим обо всем, что было.
Одних — прощенье, кара ждет других.
Но нет печальней повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Уходят.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Перевод

Т. ЩЕПКИНОЙ - КУПЕРНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тезей, герцог афинский.

Эгей, отец Гермии.

Лизандр }
Деметрий } влюбленные в Гермию.

Филострат, распорядитель увеселений при дворе Тезея.

Пигва, плотник.

Миляга, столяр.

Основа, ткач.

Дудка, починщик раздувальных мехов.

Рыло, медник.

Заморыш, портной.

Ипполита, царица амазонок, обрученная с Тезеем.

Гермия, влюбленная в Лизандра.

Елена, влюбленная в Деметрия.

Оберон, царь фей и эльфов.

Титания, царица фей и эльфов.

Пэк, или Добрый Малый Робин, маленький эльф.

Душистый Горошек }
Паутинка } эльфы.
Мотылек }
Горчичное Зерно }

Фей и эльфы, покорные Оберону и Титании, свита.

Место действия — Афины и лес поблизости.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Афины, дворец Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат и свита.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час все ближе:
Четыре дня счастливых — новый месяц
Нам приведут. Но ах, как медлит старый!
Стоит он на пути к моим желаньям,
Как мачеха иль старая вдова,
Что юноши доходы заедает.

Ипполита

Четыре дня в ночах потонут быстро;
Четыре ночи в снах так быстро канут...
И полумесяц — лук из серебра,
Натянутый на небе, — озарит
Ночь нашей свадьбы!

Тезей

Филострат, ступай!

Расшевели всю молодежь в Афинах
И резвый дух веселья пробуди.
Печаль для похорон пусть остается:
Нам на пиру не нужно бледной гостыи.

Филострат уходит.

Тезей

Тебя мечом я добыл, Ипполита,
Угрозами любви твоей добился,
Но свадьбу я в ином ключе сыграю:
Торжественно, и весело, и пышно!

Входят Эгей, Гермия, Лизандр и Деметрий.

Эгей

Будь счастлив, славный герцог наш Тезей!

Тезей

Благодарю тебя, Эгей! Что скажешь?

Эгей

Я в огорченье, с жалобой к тебе
На Гермию — да, на родную дочь! —
Деметрий, подойди! — Мой государь,
Вот тот, кому хотел отдать я дочь. —
Лизандр, и ты приблизься! — Государь мой!
А этот вот околдовал ей сердце. —
Ты, ты, Лизандр! Ты ей писал стихи,
Залогом любви менялся с ней,
Под окнами ее при лунном свете
Притворно пел любви притворной песни!
Ты в ход пускал, чтобы пленить ей сердце,
Браслеты, кольца из волос, конфеты,
Цветы, безделки, побрякушки — все,
Что юности неискuschenной мило!
Коварством ты ее любовь похитил,
Ты послушанье, должное отцу,
В упрямство злое превратил! — Так если
Она при вас, мой государь, не даст
Согласия Деметрию, взываю
К старинному афинскому закону:
Раз дочь моя, могу всецело ею
Располагать; а я решил: Деметрий
Или — как предусмотрено законом
В подобных случаях — немедля смерть!

Тезей

Ну, Гермия, прекрасная девица
Что скажешь ты? Обдумай хорошенько.
Отца должна считать ты как бы богом:
Он создал красоту твою, и ты

Им отлитая восковая форма;
Ее оставить иль разбить — он вправе.
Деметрий — человек вполне достойный.

Гермия

Лизандр мой — также.

Тезей

Да, сам по себе;
Но если твой отец не за него,
То, значит, тот достойней.

Гермия

Как бы я
Хотела, чтоб отец смотрел моими
Глазами!

Тезей

Нет! Скорей твои глаза
Должны его суждению подчиняться.

Гермия

Простите, ваша светлость, умоляю.
Сама не знаю, где нашла я смелость,
И можно ли, не оскорбляя скромность,
При всех мне так свободно говорить.
Но заклинаю, мне узнать позвольте:
Что самое плохое предстоит мне,
Когда я за Деметрия не выйду?

Тезей

Что? Смерть! Иль отречение навеки
От общества мужчин. Вот почему,
О Гермия, проверь себя. Подумай:
Ты молода... Свою спроси ты душу,
Когда пойдешь против отцовской воли:
Способна ль ты надеть наряд монашки,
Навек быть заключенной в монастырь,
Всю жизнь прожить монахиней бесплодной
И грустно петь луне холодной гимны?
Стократ блажен, кто кровь свою смиряет,
Чтоб на земле путь девственный свершить;
Но роза, в благовонье растворясь,
Счастливей той, что на кусте невинном
Цветет, живет, умрет — все одинокой!

Гермия

Так я цвести, и жить, и умереть
Хочу скорей, чем девичьи права
Отдать ему во власть! Его ярму
Душа моя не хочет покориться.

Тезей

Обдумай, Гермия! В день новолуния
(В день, что меня с моей любовью свяжет
На вечное содружество) должна
Ты быть готова: или умереть
За нарушение отцовской воли,
Иль обвенчаться с тем, кого он выбрал,
Иль дать навек у алтаря Дианы
Обет безбрачья и суровой жизни.

Деметрий

Смягчись, о Гермия! — А ты, Лизандр,
Моим правам бесспорным уступи.

Лизандр

Деметрий, раз отец тебя так любит,
Отдай мне дочь, а сам женись на нем!

Эгей

Насмешник дерзкий! Да, любовь отца —
За ним и с ней все то, чем я владею.
Но дочь — моя, и все права над нею
Я отдаю Деметрию сполна!

Лизандр

Но, государь, с ним равен я рождением,
Да и богатством; я люблю сильней;
По положенью я ничем не ниже,
Скорее даже выше, чем Деметрий;
А главное — что превышает все —
Я Гермией прекрасною любим!
К чему ж от прав моих мне отрекаться?
Деметрий — да, скажу ему в лицо —
В Елену, дочь Недара, был влюблен.
Ее увлек он. Нежная Елена
Непостоянного безумно любит,
Боготворит пустого человека!

Тезей

Признаться, я кой-что об этом слышал
И даже думал с ним потолковать;
Но, занятый важнейшими делами,
Забыл о том.— Иди со мной, Деметрий,
И ты, Эгей! Со мной идите оба,
И мы найдем, о чем поговорить! —
Ты ж, Гермия, старайся подчинить
Свои мечты желанию отца,
Не то предаст тебя закон афинский
(Которого мы изменить не в силах)
На смерть или на вечное безбрачье.—
Ну, Ипполита... Что, любовь моя?
Идем...— Деметрий и Эгей — за мною:
Я поручу вам кое-что устроить
К торжественному дню и потолкую
О том, что вас касается обоих.

Эгей

Исполнить долг наш рады мы всегда.

Тезей, Ипполита, Эгей, Деметрий и свита уходят.

Лизандр

Ну что, моя любовь? Как бледны щеки!
Как быстро вдруг на них увяли розы!

Гермия

Не оттого ль, что нет дождя, который
Из бури глаз моих легко добыть.

Лизандр

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль,—
Чтоб гладким был путь истинной любви.
По — или разница в происхожденье...

Гермия

О горе! Вышему — плениться пизшей!..

Лизандр

Или различье в летах...

Гермия

О насмешка!
Быть слишком старым для невесты юной!

Л и з а н д р

Иль выбор близких и друзей...

Г е р м и я

О мука!

Но как любить по выбору чужому?

Л и з а н д р

А если выбор всем хорош,— война,
Болезнь иль смерть всегда грозят любви
И делают ее, как звук, мгновенной,
Как тень, летучей и, как сон, короткой.
Так молния, блеснув во мраке ночи,
Разверзнет гневно небеса и землю,
И раньше, чем воскликнем мы: «Смотри!» —
Ее уже поглотит бездна мрака —
Все яркое так быстро исчезает.

Г е р м и я

Но если для влюбленных неизбежно
Страданье и таков закон судьбы,
Так будем в испытаньях терпеливы:
Ведь это для любви обычной крест,
Приличный ей,— мечты, томленья, слезы,
Желанья, сны — любви несчастной свита!

Л и з а н д р

Да, ты права... Но, Гермия, послушай:
Есть тетка у меня. Она вдова,
Богатая, бездетная притом.
Живет отсюда милях так в семи.
Так вот: она меня как сына любит!
Там, Гермия, мы можем обвенчаться.
Жестокие афинские законы
Там не найдут нас. Если правда любишь,
Ты завтра в ночь уйди тайком из дома.
В лесу, в трех милях от Афин, в том 'месте,
Где встретил вас с Еленой (вы пришли
Свершать обряды майским утром, помнишь?),
Тебя я буду ждать.

Г е р м и я

О мой Лизандр!

Клянусь крепчайшим луком Купидона,
Его стрелою лучшей, золотой,

Венериних голубок чистотой,
Огнем, в который бросилась Дидона,
Когда троянец поднял паруса,—
Всем, чем любовь свяжут небеса,
Тьмой клятв мужских, нарушенных безбожно
(В чем женщинам догнать их невозможно),
Клянусь: в лесу, указанном тобой,
Я буду завтра ночью, милый мой!

Входит Е л е н а.

Л и з а н д р

Ты сдержишь клятву... Но смотри — Елена!

Г е р м и я

Привет! Куда идешь, мой друг прекрасный?

Е л е н а

Прекрасна — я? О, не шути напрасно.
Твоя краса Деметрия пленяет,
Счастливица! Твой взор ему сияет
Светлей, чем звезды, голос твой милей,
Чем жаворонка песнь среди полей...
Будь красота прилипчивый недуг,—
Я б заразилась у тебя, мой друг!
Переняла бы у тебя украдкой
И блеск очей и нежность речи сладкой...
Будь мой весь мир,— Деметрия скорей
Взяла б себе я; всем другим — владей!
Но научи меня: каким искусством
Деметрия ты завладела чувством?

Г е р м и я

Я хмурю бровь — он любит все сильнее.

Е л е н а

Такую власть — улыбке бы моей!

Г е р м и я

Клянусь его — в нем только ярче пламя!

Е л е н а

О, если б мне смягчить его мольбами!

Г е р м и я

Чем жестче я, тем он нежнее со мной!

Е л е н а

Чем я нежней, тем жестче он со мной!

Г е р м и я

В его безумье — не моя вина.

Е л е н а

Твоей красы! О, будь моей,— вина!

Г е р м и я

Я больше с ним не встречусь: не страдай.
Мы навсегда покинем этот край!
Пока я здесь жила, любви не зная,
Афины мне казались лучше рая...
И вот — любовь! Чем хороша она,
Когда из рая сделать ад вольна?

Л и з а н д р

Елена, друг, открою все тебе я:
Позавтра в ночь, едва узрит Фебея
Свой лик серебристый в зеркале речном,
Камыш усыпав жидким жемчугом,—
В час, что влюбленных тайны бережет,
Мы выйдем с ней из городских ворот.

Г е р м и я

В лесу, где часто, лежа меж цветами,
Делились мы девичьими мечтами,
Лизандр мой должен встретиться со мной,
И мы покинем город наш родной,
Ища иных друзей, иного круга.
Прощай же, детских игр моих подруга!
Прошу, о нашей помолись судьбе,
И бог пошли Деметрия тебе.—
Так помни уговор, Лизандр: до ночи
Должны поститься будут наши очи.

Л и з а н д р

Да, Гермия моя...

Г е р м и я уходит.

Прощай, Елена!

Деметрия любви тебе желаю.

(Уходит.)

Е л е н а

Как счастлива одна в ущерб другой!
В Афинах с ней равна я красотой...
Что из того? Он слеп к моей красе:
Не хочет знать того, что знают все.
Он в заблужденье, Гермией плененный;
Я — также, им любясь ослепленно.
Любовь способна низкое прощать
И в доблести пороки превращать,
И не глазами — сердцем выбирает:
За то ее слепой изображают.
Ей с здравым смыслом примириться трудно.
Без глаз — и крылья: символ безрассудной
Поспешности!.. Ее зовут — дитя;
Ведь обмануть легко ее шутя.
И как в игре божатся мальчуганы,
Так ей легки и нипочем обманы.
Пока он не был Гермией пленен,
То градом клятв в любви мне клялся он;
Но лишь от Гермии дохнуло жаром,—
Растаял град, а с ним все клятвы даром.
Пойду, ему их замыслы открою:
Он, верно, в лес пойдет ночной порою;
И если благодарность получу,
Я дорого за это заплачу.
Но мне в моей тоске и это много —
С ним вместе в лес и из лесу дорога!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Афины. Комната в хижине.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и Заморыш.

П и г в а

Вся ли наша компания в сборе?

О с н о в а

А ты лучше сделай перекличку: вызови нас всех по списку.

П и г в а

Вот список с именами всех, кого нашли мало-мальски пригодными, чтобы представить нашу интермедию перед герцогом и герцогиней вечером в день их бракосочетанья.

О с н о в а

Прежде всего, добрейший Питер Пигва, скажи нам, в чем состоит пьеса, потом прочти имена актеров,— так и дойдешь до точки!

П и г в а

Правильно! Пьеса наша — «Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы».

О с н о в а

Превосходная штучка, заверяю вас словом, и превеселая! Ну, добрейший Питер Пигва, теперь вызови всех актеров по списку. Граждане, стройтесь в ряд!

П и г в а

Отвечайте по вызову!.. Ник Основа!

О с н о в а

Есть! Назови мою роль и продолжай переключку.

П и г в а

Тебя, Ник Основа, наметили на Пирама.

О с н о в а

Что такое Пирам? Любовник или злодей?

П и г в а

Любовник, который предоблестно убивает себя из-за любви.

О с н о в а

Ага! Значит, тут требуются слезы, чтобы сыграть его как следует. Ну, если я возьмусь за эту роль,— готовь, публика, носовые платки! Я бурю подниму... Я в некоторой степени сокрушаться буду... Но, сказать по правде, главное мое призвание — роли злодеев. Е р к у л е с а я бы на редкость сыграл или вообще такую роль, чтобы землю грызть и все кругом в щепки разносить!

Послышится рев,
Удары бойцов —
И рухнет засов
Жестокой темницы.
А Фиб, светлый бог,
Далек и высок,
Изменит злой рок
Со своей колесницы!

Каково это было? Отменно, а? Ну, вызывай других актеров. Вот вам была манера Еркулеса, характер злодея; любовник — куда слезоточивее.

П и г в а

Френсис Дудка, починщик раздувальных мехов!

Д у д к а

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Ты должен взять на себя роль Фисбы.

Д у д к а

А кто это будет Фисба? Странствующий рыцарь?

П и г в а

Нет, это дама, в которую влюблен Пирам.

Д у д к а

Нет, честию прошу, не заставляйте меня играть женщину: у меня борода пробивается!

П и г в а

Ничего не значит; можешь играть в маске и будешь пищать самым тоненьким голоском.

О с н о в а

А! Если можно играть в маске,— давайте, я вам и Фисбу сыграю: я могу говорить чудовишно тоненьким голосом. «Твоя, твоя... Ах, Пирам, мой любовник дорогой! Я твоя Фисба дорогая, я твоя дама дорогая!»

П и г в а

Нет! нет! Ты должен играть Пирама, а ты, Дудка,— Фисбу.

О с н о в а

Ну ладно. Валяй дальше!

П и г в а

Робин Заморыш, портной!

З а м о р ы ш

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Заморыш, ты будешь играть мать Фисбы.— Томас Рыло, медник!

Р ы л о

Есть, Питер Пигва!

П и г в а

Ты — Пирамов отец. Я сыграю Фисбина отца. Миляга, столяр, ты получаешь роль Льва. Ну вот, надеюсь, что пьеса расходится у нас прекрасно.

М и л я г а

А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дадите, а то у меня память очень туга на ученье.

П и г в а

Тут и учить-то нечего, и так сыграешь: тебе придется только рычать.

О с н о в а

Давайте, я вам и Льва сыграю! Я так буду рычать, что у вас сердце радоваться будет; я так буду рычать, что сам герцог обязательно скажет: «А ну-ка, пусть его еще порычит, пусть еще порычит!»

П и г в а

Ну, если ты будешь так страшно рычать, ты, пожалуй, герцогиню и всех дам насмерть перепугаешь; они тоже завопят, а этого будет довольно, чтобы нас всех перевешали!

В с е

Да, да, персвешают всех до одного!

О с н о в а

Это я с вами, друзья, согласен, что если мы настрашаем дам, так лучшего ничего не придумают, как нас всех вздернуть. Но я сумею так переделать мой голос, что буду рычать нежно, что твой птенчик-голубенок; буду вам рычать, что твой соловушка!

П и г в а

Никакой тебе роли нельзя играть, кроме Пирама, потому что Пирам — красивый молодец, как раз такой настоящий мужчина во цвете лет, первосортный мужчина, благовоспитанный, с манерами, ну, словом, точь-в-точь такой, как ты... Тебе только и играть Пирама.

О с н о в а

Ладно, согласен, беру роль. А в какой бороде мне ее играть?

П и г в а

Да в какой хочешь.

О с н о в а

Ладно. Я вам его представляю в бороде соломенного цвета. Или лучше в оранжево-бурой? Или в пурпурово-рыжей! Или, может быть, цвета французской кроны — чисто желтого цвета?

П и г в а

У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет, и придется тебе играть с голой физиономией...— Ну, граждане, вот вам ваши роли, и я прошу вас, умоляю вас и заклинаю вас — вызубрить их наизусть к завтрашнему вечеру. А вечером приходите в дворцовый лес, в одной миле от города: там мы при лунном свете устроим репетицию. А то, если будем собираться в городе, об этом пронюхают и выболтают нашу затею. А пока что я составляю список бутафории, которая нам нужна для пьесы. И прошу вас — не подведите меня.

О с н о в а

Придем обязательно. Там можно будет репетировать, как говорится, бесцеремоннее, вольнее. Постарайтесь, не ударьте в грязь лицом! Пока будьте здоровы!

П и г в а

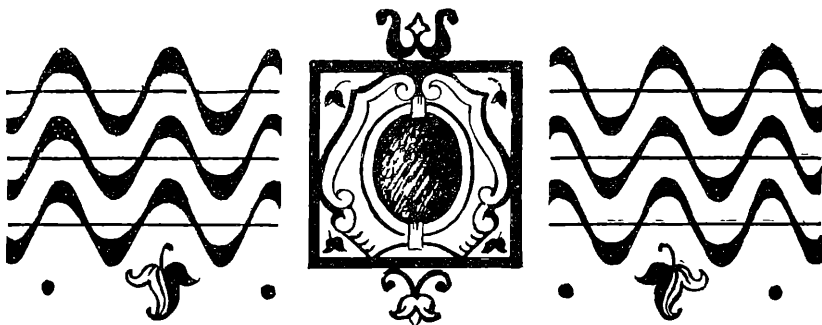
Встреча — у герцогского дуба.

О с н о в а

Ладно. Хоть удавитесь, а будьте на месте.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Лес поблизости от Афин.

Появляются с разных сторон фея и Пэк.

П э к

А, фея! Здравствуй! А куда твой путь?

Ф е я

Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой.
Буквицы — ее конвой.
Видишь золотой наряд?
Пятнышки на нем горят:
То рубины, цвет царицы,
В них весь аромат тaitся.

Для буквиц мне запас росинок нужен —
Вдеть каждой в ушки серьги из жемчужин.
Прощай, дух-увалень! Лечу вперед.
Сюда ж царица с эльфами придет.

П э к

Мой царь здесь ночью будет веселиться,—
Смотри, чтоб с ним не встретилась царица!
Он на нее взбешен, разгневан — страх!
Из-за ребенка, что при ней в пажах
(Похищен у индийского султана).
Она балует, рядит мальчугана,
А Оберон-ревнивец хочет взять
Его себе, чтоб с ним в лесах блуждать.
Царица же всю радость видит в нем,
Не отдает! С тех пор лишь над ручьем,
На озаренной светом звезд полянке
Они сойдутся — вмиг за перебранки,
Да так, что эльфы все со страху — прочь,
Залезут в желудь и дрожат всю ночь!

Ф е я

Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты — Добрый Малый Робин?
Тот, что пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружкой,—
Тем помогает, счастье носит в дом.
Ты — Пэк?

П э к

Ну да, я — Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый.
В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну — тррах! — тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопааясь от смеха,

И, за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор...
Но, фея, прочь! Вот царь. Ступай отсюда.

Ф е я

А вот она! Ах, не было бы худо!

Входит с одной стороны Оберон со своей свитой, с другой
Титания со своей.

Оберон

Не в добрый час я при сиянье лунном
Надменную Титанию встречаю.

Титания

Как, это ты, ревнивец Оберон? —
Летимте, эльфы, прочь! Я отреклась
От общества и ложа Оберона.

Оберон

Постой, негодная! Не я ль супруг твой?

Титания

Так, я — твоя супруга! Но я знаю,
Как ты тайком волшебный край покинул
И в образе Корина на свирели
Играл весь день и пел стихи любви
Филлиде нежной. А зачем ты здесь?
Из дальней Индии затем явился,
Что дерзкую любовницу твою,
В котурнах амазонку, нынче в жены
Берет Тезей, и хочешь ты их ложу
И счастье и радость даровать?

Оберон

Стыдись, стыдись, Титания! Тебе ли
Меня за Ипполиту упрекать?
Я знаю ведь твою любовь к Тезею!
Не ты ль его в мерцанье звездной ночи
От бедной Перигены увела?
Не для тебя ль безжалостно он бросил
Эгмею, Ариадну, Антиопу?

Титания

Всё измышленья ревности твоей!
Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,

У камнем обнесенного ключа,
На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра,
Чтоб криком не мешал ты нашим играм!
И ветры нам напрасно пели песни.
В отместку подняли они из моря
Зловредные туманы. Те дождем
На землю пали. Реки рассердились
И вышли, возгордясь, из берегов.
С тех пор напрасно тянет вол ярмо,
Напрасно пахарь льет свой пот: хлеба
Сгнивают, усиков не отрастив.
Пусты загоны в залитых полях,
От падали вороны разжирели...
Грязь занесла следы веселых игр;
Тропинок нет в зеленых лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!
Уж смертные зимы скорее просят;
Не слышно песен по ночам у них...
И вот луна, властительница вод,
Бледна от гнева, воздух весь омыла
И ревматизмы всюду развела.
Мешаются все времена в смятенье:
И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятия;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплен. Весна и лето,
Рождающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумленный различить времен!
Но бедствия такие появились
Все из-за наших ссор и несогласий:
Мы — их причина, мы их создаем.

Оберон

В твоих руках все изменить: к чему
Титания перечит Оберону?
Ведь я прошу немного: отдай
Ты мальчика в пажу мне!

Титания

Будь спокоен:
За весь твой край волшебный не отдам!
Ведь мать его была моею жрицей

С ней в прямом воздухе ночей индийских
На золотых нептуновых песках
Сидели часто мы, суда считая.
Смеялись с ней, смотря, как паруса,
Беременные ветром, надувались...
Она шутя им мило подражала
(В то время тяжела она была
Моим любимцем) и плыла, как будто
С какой-нибудь безделкой возвращаясь
Ко мне, как бы из плаванья с товаром...
Но смертною была моя подруга,
И этот мальчик стоил жизни ей.
Любя ее, ребенка я взлелею;
Любя ее, я не отдам его!

О б е р о н

Как долго ты пробудешь здесь в лесу?

Т и т а н и я

Должно быть, до венчания Тезея.
Коль хочешь с нами мирно танцевать
И веселиться при луне,— останься.
Коль нет,— ступай, и я уйду подальше.

О б е р о н

Отдай ребенка, я пойду с тобой!

Т и т а н и я

Ни за волшебный край! — За мною, эльфы!
Коль не уйду,— поссоримся навек.

Титания и ее свита уходят.

О б е р о н

Иди! Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу.—
Мой милый Пэк, пойди сюда! Ты помнишь,
Как слушал я у моря песнь сирены,
Взобравшейся к дельфину на хребет?
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...

П э к

Я помню!

О б е р о н

В тот миг я увидал (хоть ты не видел):
Между луной холодной и землею
Летел вооруженный Купидон.
В царящую на Западе Весталку
Он целился и так пустил стрелу,
Что тысячи сердец пронзить бы мог!
Но огненная стрелка вдруг погасла
Во влажности лучей луны невинной,
А царственная жрица удалилась
В раздумье девственном, чужда любви.
Но видел я, куда стрела упала:
На Западе есть маленький цветок;
Из белого он алым стал от раны!
«Любовью в праздности» его зовут.
Найди его! Как он растет, ты знаешь...
И если соком этого цветка
Мы смажем веки спящему,— проснувшись,
Он в первое живое существо,
Что он увидит, влюбится безумно.
Найди цветок и возвратись скорее,
Чем милю проплывет Левиафан.

П э к

Весь шар земной готов я облететь
За полчаса.

(Исчезает.)

О б е р о н

Добывши этот сок,
Титанию застигну спящей я,
В глаза ей брызну жидкостью волшебной,
И первый, на кого она посмотрит,
Проснувшись,— будь то лев, медведь, иль волк,
Иль бык, иль хлопотливая мартышка,—
За ним она душою устремится,
И раньше, чем с нее сниму я чары
(Что я могу другой травой сделать),
Она сама мне мальчика отдаст!
Но кто сюда идет? Я невидимкой
Могу подслушать смертных разговор.

Входит Деметрий; Елена следует за ним.

Д е м е т р и й

Я не люблю тебя! Оставь меня!
Ну, где же Гермия и где Лизандр?
Хочу убить его, — убит я ею!
Сказала ты: они бежали в лес...
Ну вот, я здесь — я пнем стою в лесу,
А Гермии здесь нету и в помине!
Пошла ты прочь и не тянись за мной!

Е л е н а

Ты притянул меня, магнит жестокий,
Хоть не железо тянешь ты, а сердце,
Которое в любви верней, чем сталь.
Брось привлекать — не стапу я тянуться.

Д е м е т р и й

Да разве я любезничал с тобою?
Я завлекал тебя? Сказал я прямо,
Что не люблю, не полюблю тебя.

Е л е н а

А я зато люблю тебя все больше.
Ведь я твоя собачка: бей сильнее —
Я буду лишь в ответ вилять хвостом.
Ну, поступай со мной, как с собачонкой:
Пинай ногою, бей, гони меня;
Позволь одно мне только, недостойной
(Могла ли бы я меньшее просить?) —
Чтоб, как собаку, ты меня терпел.

Д е м е т р и й

Не искушай ты ненависть мою.
Меня тошнит, когда тебя я вижу.

Е л е н а

А я больна, когда тебя не вижу.

Д е м е т р и й

Свою ты скромность подвергаешь риску,
Покинув город и отдав себя
Тому на волю, кто тебя не любит:
Ты доверяешь искушениям ночи
И злым внушениям этих мест пустынных
Сокровище невинности своей.

Е л е н а

Твоя же честь защитой будст мне!
Твое лицо мне освещает ночь.
Пустынным этот лес я не считаю;
Ты здесь со мной, ты для меня — весь мир.
Как я могу сказать, что я одна,
Когда весь мир здесь смотрит на меня?

Д е м е т р и й

Я убегу и спрячусь в чаще леса,
Тебя ж зверям я брошу на съеденье.

Е л е н а

Ах! Самый лютый зверь добрей! Ну что ж,
Беги. Пусть переменятся все сказки:
Пусть гонится за Аполлоном Дафна,
Голубка — за грифоном, лань — за тигром,—
Бесцельная погоня, если храбрость
Бежит, а робость гонится за пей!

Д е м е т р и й

Довольно, не хочу я больше слушать!
Пусти! А если побежишь за мною,
Тебе в лесу я причину обиду!

Е л е н а

Ах, ты давно обиды мне наносишь
Везде — во храме, в городе и в поле.
Стыдись! Во мне ты оскорбил всех женщин.
Нам не пристало за любовь сражаться:
Нас молят, ваше дело — умолять.
Я не отстану. Ад бывает раем,
Коль от руки любимой умираем.

Деметрий и Елена уходят.

О б е р о н

Путь добрый, нимфа! Минет ночь — и будешь
Ты убегать, он гнаться за тобой!

Появляется Пэ к.

Привет мой, странник! Что, нашел цветок?

П э к

Да, вот он!

Оберон

О! Давай его скорей!

Есть холм в лесу: там дикий тмин растет,
Фиалка рядом с буквицей цветет,
И жимолость свой полог ароматный
Сплела с душистой розою мускатной;
Там, утомясь веселою игрой,
Царица любит отдыхать порой;
Из сброшенной змеей блестящей кожи —
Для феи покрывало там на ложе.
Там ей в глаза впишу волшебный сок,
Чтоб странный бред Титанию увлек.
Но часть — возьми: блуждает здесь по лесу
Красавица, в надменного повесу
Влюбленная. Ему глаза ты смажь,
Но постарайся, чтоб красавец наш
Ее увидел, чуть откроет вежды.
Ищи: на нем афинские одежды.
Да сделай так, смотри, чтоб непременно
Сильней ее влюбился он мгновенно.
Вернись, покуда не пропел петух.

П а к

Не бойся, все исполнит верный дух.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входит Титания со своей свитой.

Т и т а н и я

Составьте круг теперь и спойте песню!
Потом на треть минуты — все отсюда:
Кто — убивать червей в мускатных розах,
Кто — добывать мышей летучих крылья
Для эльфов на плащи, кто — сов гонять,
Что ухают всю ночь, дивясь на нас.
Теперь вы убаюкайте меня,
Потом ступайте: я хочу уснуть.

Первый эльф (поет)

В пестрых пятнах медяницы
И колючие сжи,

Прочь, подальше от царицы,
Змеи, черви и ужи!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю, баю, баю, баю, баю,
бай!

Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю, бай!

П е р в ы й э л ь ф

Вы не смейте делать худа,
Долгоножки-пауки!
Все улитки, прочь отсюда!
Сгиньте, черные жуки!

Х о р

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю... и т. д.

В т о р о й э л ь ф

Спокойно все... Теперь — летим.
Один — останься часовым!

Э л ь ф ы исчезают. Титания засыпает. Появляется О б е р о н.

О б е р о н

(выжимая цветок на глаза Титании)

Что увидишь, как проснешься,
Всей душой тем увлечешься.
Пусть любовь тебя гнетет:
Будь то волк, медведь, иль кот,
Иль с щетиной жесткой боров.—
Для твоих влюбленных взоров
Станет он всего милей.
Как придет, проснись скорей!

(Исчезает.)

Входят Лизандр и Гермия.

Л и з а н д р

Любовь моя! Устала ты блуждать,
Но признаюсь, что сбился я с дороги.

Не хочешь ли прилечь и подождать,
Чтоб новый день рассеял все тревоги?

Гермия

Ну что ж, тогда найди себе приют;
А я на мшистый склон прилягу тут.

Лизандр

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Гермия

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю,
Но ляг подальше, я о том молю!

Лизандр

Мой друг, пойми невинность слов моих,
Любовь тебе понять поможет их.
Хотел сказать я, что любовь чудесно
В одно слила два наших сердца тесно
И клятвою их так связала оба,
Что верность в них одна живет до гроба.
В местечке рядом мне не откажи:
Поверь, что не способен я ко лжи.

Гермия

Словами ты играешь преискусно;
Но гордости моей как было б грустно,
Когда в тебе я допустила б ложь!
Но уваженье и любовь ты все ж
Докажешь мне, коль дальше отойдешь:
Для юноши с девицей стыд людской
Не допускает близости такой..
Ляг дальше. Спи спокойно, без забот;
И только с жизнью пусть любовь пройдет.

Лизандр

Аминь, аминь,— вослед твоей мольбе,
И пусть умру, коль изменю тебе.
Здесь лягу я. Во сне найди вновь силы!

Гермия

Того же и тебе желаю, милый!

Засыпают.
Входит Пэк.

П э к

Я прошел весь лес насквозь:
Никого там не нашлось,
Чтоб на нем проверить мог
Я цветка волшебный сок.
Ночь... Молчанье... Тсс! Кто там?
Да не он ли это сам?
Это он, сомненья нет:
По-афински он одет.
Вот и девушка здесь тоже
Сладко спит на влажном ложе.
Ах, бедняжка! Так нежна...
И не смела лечь она
К бессердечному поближе?
О злодей! Ну, погоди же!

(Выжимает сок цветка на глаза Лизандру.)

Властью чар порабощен,
Пусть, едва проснется он,
От любви утратит сон.
Я ж лечу: ждет Оберон!

(Исчезает.)

Входит Деметрий, за ним бежит Елена.

Е л е н а

О, подожди! Убей меня, убей!

Д е м е т р и й

Я говорю: прочь с глаз моих скорей!

Е л е н а

Одну меня ты бросишь? Пощади!

Д е м е т р и й

Оставь меня, не то... Пусти! Уйди!

(Убегает.)

Е л е н а

Нет сил! В погоне я изнемогаю.
Чем больше просьб, тем меньше достигаю.
О, счастье ей,— где б ни была она,—
Что прелесть звезд глазам ее дана!

И почему те звезды так блестящи?
Не от соленых слез: я плачу чаще!
Нет, я дурна, противна, как медведь!
Зверь на меня боится посмотреть.
Так как же мне Деметрию дивиться,
Что он, как зверь, прочь от меня стремится?
Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?
Но что это? Лизандр? Он здесь лежит!
Но мертв иль спит? Нет крови: не убит.
Проснитесь, о Лизандр, мой друг! Что с вами?

Л и з а н д р
(просыпаясь)

Я за тебя с восторгом кинусь в пламя,
Прозрачная Елена! Вижу я,
Как в красоте сквозит душа твоя.
Дсметрий где? Вот имя для того,
Кто от меча погибнет моего!

Е л е н а

Нет, нет, Лизандр, вы так не говорите.
Пускай ее он любит; но поймите:
Она вас любит — этого довольно!

Л и з а н д р

Довольно? Нет! Мне тяжело и больно,
Что с ней я время тратил добровольно!
Не Гермину люблю — люблю Елену.
Голубку взял вороне я в замену.
Ведь у рассудка воля в подчиненье,
А он сказал: ты выше без сравненья!
До времени ведь не созреть плодам:
Я молод был доселе по годам,
Но разум мой созрел до основанья
И ныне стал вождем моим желаньям.
В твоих глазах читаю в этот миг
Рассказ любви в прекраснейшей из книг.

Е л е н а

За что обречена я на мученья?
Чем заслужила эти оскорбленья?
Иль мало вам, иль мало вам того,
Что ласки я не вижу от него,

Что надо мной смеялись вы безбожно?
Нет, хуже поступить едва ль возможно!
Стыдиться б надо шутики вам дурной:
В насмешку вдруг ухаживать за мной!
Прощайте! Но должна я вам заметить,
Что больше рыцарства ждала в вас встретить.
О боги! Быть отвергнутой одним,
Чтоб грубо быть осмеянной другим!

(Убегает.)

Л и з а н д р

А! Гермии не видела она!
Спи, Гермия! Ты мне уж не нужна.
Да, так в нас вызывает отвращенье
Излишек в лакомстве иль пресыщенье.
Так ересь после возмущает тех,
Кого прельщала,— точно тяжкий грех.
Была такой ты ересью моей:
Пусть все тебя клянут, я — всех сильнее!
Все силы я отдам во власть Елены:
Любить ее, служить ей без измены.

(Убегает.)

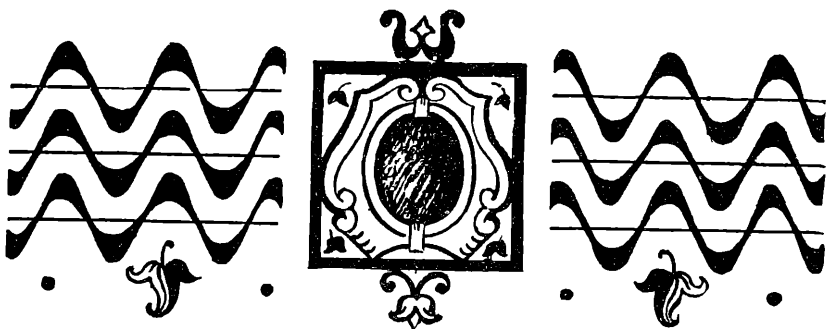
Г е р м и я

(просыпаясь)

Лизандр мой, помоги! Скорей приди,
Ползучую змею сорви с груди!..
О страшный сон!.. Дрожу от страха я.
Мне снилось, что ужасная змея
Мне грызла сердце. Было тяжело, душно,
А ты смотрел с улыбкой равнодушно.
Лизандр! Как! Нет? Ушел? О мой супруг!..
Не слышит он? Откликнись, милый друг,
Во имя всей любви! Да что же это?
Лишаюсь чувств от страха. Нет ответа?
Так, значит, мне на поиски идти?
Найти его — иль смерть свою найти!

(Убегает.)

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Лес.

Титания спит.

Входят Пигва, Миляга, Основа, Дудка, Рыло и Заморыш.

О с н о в а

Вся ли наша компания в сборе?

П и г в а

Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции. Вот эта зеленая лужайка будет нашей сценой, эти кусты боярышника — уборной, и мы можем представлять все в точности, как перед самым герцогом.

О с н о в а

Питер Пигва!

П и г в а

Что скажешь, удалец Основа?

О с н о в а

А то, что в этой комедии о Пираме и Фисбе есть вещи, которые никому не понравятся. Во-первых, Пираму придется вынуть меч, чтобы заколоться; а дамы этого совершенно не выносят. Что же вы на это можете ответить?

Р ы л о

Ах ты, сделай милость,— это опасная штука!

З а м о р ы ш

Я полагаю, что придется нам в конце концов самоубийство вымарать.

О с н о в а

Ничего подобного! Я придумал такую хитрую штуку, что все великолепно обойдется. Напишите вы мне пролог, и пусть этот Пролог доложит публике, что, мол, мечи наши никакой беды наделать не могут и что Пирам на самом деле вовсе не закаляется; а чтобы окончательно их уверить в этом, пусть он скажет, что, мол, я, Пирам, вовсе и не Пирам, а ткач Основа: это всех совершенно и успокоит.

П и г в а

Отлично, закажем пролог, велим его написать восьмисложными и шестисложными стихами.

О с н о в а

Не пожалейте лишних двух стоп: пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными.

Р ы л о

А не испугаются дамы Льва?

З а м о р ы ш

Ох, боюсь, что испугаются,— ручаюсь вам.

О с н о в а

Друзья, об этом надо хорошенько подумать! Вывести льва к дамам!.. Сохрани нас бог! Это страшная затея. Ведь опаснее дичины нет, чем лев, да еще живой! Надо это иметь в виду.

Р ы л о

Так пускай другой Пролог объяснит, что Лев совсем не лев.

О с н о в а

Нет, вот что: надо, чтобы он назвал себя по имени. Потом, чтобы полфизиономии его было видно из-под львиной шкуры. А он сам пусть заговорит и скажет что-нибудь в таком роде: «сударыня, позвольте мне просить вас...» или: «позвольте мне умолять вас...» или: «позвольте мне заклинать вас — не дрожать и не бояться: я готов за вас жизнь свою отдать! Будь я в самом деле львом — плохо мне пришлось бы здесь. Но я вовсе не лев, ни-

чего подобного, я такой же человек, как и все другие». И тут пусть он себя назовет: так прямо и скажет, что он, мол, столяр Миляга!

П и г в а

Ладно, так и порешим. Теперь остаются еще две трудности. Как устроить лунный свет в комнате? Потому что, знаете ли, у Пирама и Фисбы — свидание при лунном свете.

Р ы л о

А будет луна в вечер нашего представления?

О с н о в а

Календарь, календарь! Поглядите в альманах: найдите луну, найдите луну!

П и г в а

Да, будет луна.

О с н о в а

Так чего проще — открыть пошире окно в той комнате, где мы будем играть: луну и будет видно.

П и г в а

Пожалуй. А то можно еще так: кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет. Отлично! А второе вот что: в комнате еще необходима стена, потому что, по пьесе, Пирам и Фисба разговаривают через щель в стене.

Р ы л о

Стену в комнату втащить никак невозможно. Что ты скажешь, Основа?

О с н о в а

Опять-таки кто-нибудь нам сыграет стену! Мы его подмажем штукатуркой, глиной и цементом; это и будет значить, что он — стена. А пальцы он пускай вот так растопырит, и сквозь эту щель Пирам и Фисба и будут шептаться.

П и г в а

Ну, раз все так хорошо устраивается, то у нас все обстоит благополучно. Садитесь, и пусть каждый твердит свою роль. Пирам, тебе начинать! Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты. И так — каждый, сообразно своей роли.

Сзади них появляется П р к.

П р к

Что здесь за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы? Ба! Тут пьеса!
Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером!

П и г в а

Начинай, Пирам! А ты, Фисба, приготовься.

О с н о в а

«О Фисба, цвет цветочков бездыханных!»

П и г в а

«Цветов благоуханных!»

О с н о в а

«...цветов благоуханных!
Твое дыхание, о Фисба, друг драгой!
Но чу! Я слышу глас! Останься здесь покуда:
А вскоре, вскоре вновь я здесь с тобою буду!»
(Уходит.)

П р к

(в сторону)

Чуднее я не видывал Пирама!

(Исчезает.)

Д у д к а

Теперь мне говорить?

П и г в а

Ну да, тебе. Имей в виду, он только пошел взглянуть, что там за шум, и сейчас должен вернуться.

Д у д к а

«Блистательный Пирам, чей лик, белей лилей
И алых роз алей, предивно расцветает!
Юнейший юноша, всех миленьких милей,
Верней, чем верный конь, что устали не знает...
Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы...».

П и г в а

«У Ниновой гробницы», малый. Да только это еще рано говорить: это ты отвечаешь Пираму. А ты хочешь всю роль сразу отбарабанить! Пирам, ну что же ты! Ты реплику прозевал; твою реплика: «Что устали не знает...».

Д у д к а

О! «Верный конь, что устали не знает!»

Входят П э к и О с н о в а с ослиной головой.

О с н о в а

«Будь я прекрасней всех, о Фисба, все ж я твой!..»

П и г в а

О ужас! О чудо! Здесь нечистая сила! Молитесь, друзья! Спасайтесь, друзья!.. На помощь!

Пигва, Дудка, Миляга, Рыло и Заморыш убегают.

П э к

Я за вами пойду, я вас в круг заведу;
Сквозь кусты, через гать буду гнать и пугать.
То прикинусь конем, то зажгусь огоньком,
Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,
То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!

(Убегает.)

О с н о в а

Чего это они все удирают? Знаю я: это штуки, чтобы напугать меня.

Вбегает Рыло.

Р ы л о

Ох, Основа! Тебя подменили! Что это я на тебе вижу?

О с н о в а

Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы?

Р ы л о убегает.

Вбегает Пигва.

П и г в а

Спаси тебя бог, Основа, спаси тебя бог! Ты стал оборотнем!
(Убегает.)

О с н о в а

Вижу я их плутни! Они хотят осла из меня сделать. Напугать меня! Кабы могли... А я и с места не сдвинулся, что бы они ни вытворяли. Буду здесь разгуливать да песни петь: пускай слышат, что я и не думаю бояться. *(Поет.)*

«Эй, черный дрозд, эй, черный хвост,

Оранжевый носок.
И сладкозвучный певчий дрозд,
И крошка-королек!»

Т и т а н и я
(просыпаясь)

О, что за ангел пробудил меня
Среди цветов?

О с н о в а
(поет)

«Щегленок, зяблик, воробей,
Кукушка с песнею своей,
Которой человек в ответ
Сказать не часто смеет: нет!»

Да и правда: кто станет спорить с такой глупой птицей? Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала свое «ку-ку»?

Т и т а н и я

Прошу, прекрасный смертный, спой еще!
Твой голос мне чарует слух, твой образ
Пленяет взор. Достоинства твои
Меня невольно вынуждают сразу
Сказать, поклясться, что тебя люблю я!

О с н о в а

По-моему, сударыня, у вас для этого не очень-то много резону. А впрочем, правду говоря, любовь с рассудком редко живут в ладу в наше время,— разве какие-нибудь добрые соседи возьмутся помирить их. Что? Разве я не умею пошутить при случае?

Т и т а н и я

Ты так же мудр, как и хорош собой!

О с н о в а

Ну, это, положим, преувеличение. Но будь у меня достаточно смекалки, чтобы выбраться из этого леса,— вот бы с меня и хватило.

Т и т а н и я

Покинуть лес!.. Не думай и пытаться.
Желай иль нет — ты должен здесь остаться.
Могуществом я высшая из фей.
Весна всегда царит в стране моей.

Тебя люблю я. Следуй же за мной!
К тебе приставлю эльфов легкий рой,
Чтоб жемчуг доставать тебе со дна,
Баюкать средь цветов во время сна.
Я изменю твой грубый смертный прах:
Как эльф витать ты будешь в облаках.
Скорей ко мне, Горчичное Зерно,
Горошек, Паутинка, Мотылек!

Появляются четыре эльфа.

Душистый Горошек
Я здесь!

Паутинка

И я!

Мотылек и Горчичное Зерно

И мы!

Все четверо

Куда лететь нам?

Титания

Вот господин ваш: вы ему служите,
Его воздушной пляской окружите,
Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему от пчелки дикой,
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных;
О звезды светляков их зажигайте
И милого на отдых провожайте,
Взяв крылья мотыльков на опахала,
Чтоб спать ему луна не помешала.
Склонитесь и приветствуйте его!

Эльфы

Привет тебе! Привет! Привет, о смертный!

Основа

Сердечно признателен вашей милости. Нельзя ли узнать, как
имя вашей милости?

Паутинка

Паутинка.

О с н о в а

Очень рад буду с вами ближе познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрежу себе палец, я обращусь к вам за помощью.— А ваше имя, почтеннейший?

Душистый Горошек

Душистый Горошек.

О с н о в а

Позвольте попросить вас передать поклон госпоже Горошине, вашей матушке, и господину Стручку, вашему батюшке. Очень рад буду с вами поближе познакомиться.— А как вас зовут, сударь мой, прошу вас?

Горчичное Зерно

Горчичное Зерно.

О с н о в а

Добрейший господин Горчичное Зерно! Я хорошо знаю ваше долготерпение. Этот бессовестный великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи. Уверяю вас, я не раз проливал слезы из-за вашей родни. Очень, очень рад буду с вами поближе познакомиться.

Т и т а н и я

Идите ж с милым к моему покою.
Луна как будто плачет в высоте.
Она в слезах; цветы полны тоскою
О чьей-нибудь погибшей чистоте.
Связав ему уста, ведите молча.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Другая часть леса.

Входит Оберон.

О б е р о н

Хотел бы знать, проснулась ли царица
И кто ей первый на глаза попался
И стал предметом страсти роковой.

Появляется Пэк.

Вот мой посол.— Ну, дух безумный мой,
Что нового в лесу у нас случилось?

П э к

В чудовище Титания влюбилась.
Пока в священном уголке своем
Покоилась царица крепким сном,
Поблизости толпа афинской черни —
Мастеровых, свободных в час вечерний, —
На репетицию явилась в лес,
Чтоб разучить глупейшую из пьес.
Сыграть ее взбрела им в ум затея
В день свадьбы благородного Тезея.
Нелепей всех в той кучке был Пирам.
Лишь он в кусты, я вмиг за ним и там
Дурацкую башку сменил ослиной.
Как только вышел с этой образиной
Он к Фисбе, тут все сразу — наутек,
Как гуси дикие, едва стрелок
Покажется, как пестрых галок стая
От выстрелов, крикливо улетаю,
В безумии взмывает к небесам, —
Все кинулись. В лесу и шум и гам:
Зовут на помощь; все в них ослабело.
Немые вещи тут взяли за дело:
Терновники протягивают лапки,
Хватают за руки, сбивают шапки,
Бежать мешают им кусты и пни...
Я их завел: пусть кружатся они!
Не выбраться оторопелой шайке.
Герой Пирам остался на лужайке,
Титания разбужена была;
Она влюбилась в тот же миг в осла.

О б е р о н

Удачней вышло все на этот раз,
Чем мог я ждать. А мой другой приказ?
Ты юноше глаза обрызгал соком?

П э к

Обрызгал. Он лежал во сне глубоком,
С ним рядом я афинянку застиг:
Открыв глаза, ее увидит вмиг!

Входят Деметрий и Гермия.

О б е р о н

Стой! Вот и он!

П р к

Кто? Я не разумею:
Вот девушка, но ведь другой был с нею!

Д е м е т р и й

Не мучь того, кому ты дорога!
Оставь свой гнев для злейшего врага.

Г е р м и я

Боюсь, ты стал врагом мне настоящим;
Что, если ты убил Лизандра спящим?
По горло ты в крови; тебя клян
Недаром я... Ныряй же в глубину
И с ним меня убей!
Как солнце — дню, был милый верен мне.
Чтоб бросил он меня, одну, во сне?
Скорей могла бы я себе представить,
Что шар земной возможно пробуравить
И, проскочив через него, луна
Смутит сиянье дня у антиподов.
Да, ты его убил! Не надо слов:
Глядишь убийцей, мрачен и суров.

Д е м е т р и й

Гляжу убитым я: убит тобою.
Да, ты пронзила сердце мне враждою.
Убийца же прекрасна и горда,
Как в небесах Венерина звезда.

Г е р м и я

Ах, что мне в том? О мой Лизандр, где ты? —
Отдай его, во имя доброты.

Д е м е т р и й

Отдать бы труп его собачьей своре!

Г е р м и я

О, сам ты пес! Собака! Горе! Горе!
Нет сил стерпеть. Так ты убил, злодей?
Отныне будь ты проклят средь людей!
Раз в жизни правду мне скажи! Ответь:
В глаза ему боялся ты смотреть?
Его убил ты спящим? Так постыдно
Мог поступить лишь гад, змея, ехидна.

Но что я? Нет, твой яд еще сильнее:
Так не ужалить ни одной из змей.

Д е м е т р и й

Ты сердисься... Но гнев твой беспричинен,
И я в крови Лизандра неповинен.
Да вряд ли что и приключилось с ним.

Г е р м и я

Скажи скорей: он жив и невредим?

Д е м е т р и й

А что за это будет мне наградой?

Г е р м и я

Что? Право на меня не кинуть взгляда.
О, ненавистен мне один твой вид:
Прочь от тебя, жив он или убит!

(Убегает.)

Д е м е т р и й

Она сейчас раздражена смертельно.
Останусь здесь: бежать за ней бесцельно.
Скорбь — тяжелей, когда не отдает
Своих долгов ей бедный Сон-банкрот.
Попробую заснуть хоть ненадолго:
Быть может, он вернет частицу долга.

(Ложится и засыпает.)

О б е р о н

Что сделал ты? Кого в беду вовлек?
Ты не тому впустил волшебный сок
И верность чьей-нибудь любви сердечной
Нарушил ты небрежностью беспечной.

П э к

Что делать? Уж таков судьбы закон:
Па верную — фальшивых клятв миллион.

О б е р о н

Ступай, несись, как вихрь, лети быстрее!
Елену из Афин найди скорее.
Она бледна: болезнь ее — любовь.
Ей вздохи грусти отравляют кровь.

Сюда ее заманишь, в глубь лесную,
Пока его во сне я зачарую.

П р к

Я в путь готов! Смотри, как полетел!
Помчусь быстрее всех татарских стрел.

(Исчезает.)

О б е р о н

Ты, цветок пурпурный мой,
Ранен Эроса стрелой,
Сок в глаза ему пролей:
Пусть, проснувшись рядом с ней,
Он найдет ее прекрасной,
Как Венеру в тверди ясной.
Пробудясь, моли ее
Сердце вылечить твое.

Появляется П р к.

П р к

Мой великий властелин,
Вот Елена из Афин.
Юноша пленен Еленой,
Полюбуйся этой сценой:
Молит он любви с тоской.
Как безумен род людской!

О б е р о н

Стань подальше. Что-то будет?
Шум Дементрия разбудит.

П р к

Два — в погоне за одной:
Это случай пресмешной.
Чем нелепей приключенье,
Тем мне больше развлечения.

Входят Л и з а н д р и Е л е н а.

Л и з а н д р

В чем видишь ты насмешку? Я не знаю.
Где видела в слезах насмешку ты?
Но плачу я, смотри; я заклинаю.
Рожденные в слезах слова чисты.
Возможно ль счесть насмешкою пустою
То, что сияет правды чистотою?

Е л е н а

О, как хитро вы боретесь со мной!
Убьет ли правда правдой? Клятвы ваши
Принадлежат лишь Гермии одной.
Кладите ж клятвы ей и мне на чаши,
И равный вес получите на двух:
И тут и там — неуловимый пух.

Л и з а н д р

Утратил разум я, когда ей клялся.

Е л е н а

С изменою он к вам не возвращался.

Л и з а н д р

Ее Деметрий любит, не тебя.

Д е м е т р и й
(просыпаясь)

Елена! О богиня, свет, блаженство!
С чем глаз твоих сравню я совершенство?
Кристалл — тусклей! Уста твои цветут,
Они как вишни, что лобзанья ждут.
А белизна вершины Тавра снежной
Черна в сравненье с этой ручкой нежной.
О, дай же мне, о, дай поцеловать
Верх белизны и счастья печать!

Е л е н а

О стыд! О ад! Откуда эта злоба?
Терзать меня вы сговорились оба.
Будь вам учтивость не совсем чужда,
Вы б так не поступили никогда.
Мужчинами не будь вы только с виду,
Вы б женщине не нанесли обиду.
Довольно, что не терпите меня;
Но, издевательства соединя,
Хвалить меня и клясться так бесчестно,
Когда мне ваша ненависть известна!
Соперники вы были в страсти к ней,—
Соперники теперь — в беде моей.
О рыцарство, о подвиг благородный!
Чтоб вызвать слезы скорби безысходной
У бедной девы шуткою холодной,

Насмешкою! О, как вы недобры!
Шутить над беззащитной — для игры!

Л и з а н д р

Нехорошо, Деметрий, неуместно!
Что Гермию ты любишь, всем известно.
Ее любовь тебе я уступлю
От всей души: другую я люблю.
Мне уступи любовь Елены милой:
Ее любить клянусь я до могилы.

Е л е н а

Пустых насмешек слушать нету силы!

Д е м е т р и й

Лизандр! Знай, Гермия мне не нужна.
Была любовь, теперь прошла она.
Ведь сердце только у нее гостило:
Теперь домой к Елене поспешило,
Чтоб с нею быть.

Л и з а н д р

Не верь его словам!

Д е м е т р и й

Смотри — любви, какой не знаешь сам,
Ты не порочь, иль будешь ты наказан!
Вот — та, кого ты любишь, с кем ты связан.

Входит Гермия.

Г е р м и я

Ночная тьма глаза лишает зренья,
Но обостряет слух наш, без сомненья,
И если нам мешает видеть ночь,
С двойною силой может слух помочь.
Тебя, Лизандр, хоть взор мой не нашел,
Но, к счастью, слух меня к тебе привел.
Как мог меня покинуть ты?

Л и з а н д р

Где ж тот,
Кто станет медлить, если страсть зовет?

Г е р м и я

Какая страсть могла тебя заставить
Прочь от меня бежать, меня оставить?

Л и з а н д р

Любовь к Елене, блещущей средь ночи
Прекрасней, чем созвездий ярких очи.
Что хочешь ты? Ужель тебе вполне
Не ясно, как ты ненавистна мне?

Г е р м и я

Не думаешь того, что говоришь ты.
Не может быть!

Е л е н а

Как! С ними заодно?
Так вы все трое сговорились вместе,
Чтоб злую шутку надо мной сыграть?
О Гермия, коварная подруга!
И ты могла в их заговор вступить,
Чтоб сделать из меня себе потеху?
Так все, что прежде мы с тобой делили,
Как сестры, клятвы и часы досуга,
Когда мы время горько упрекали,
Что разлучает нас,— ах, все забыто?
Забыта дружба школьных дней невинных,
Когда, как два искусных божества,
Мы, сидя рядом, вместе вышивали
Один цветок по одному узору,
Одну и ту же песню пели в лад,
И наши души, голоса и руки —
Все было неразлучно. Мы росли
Двояншкой-вишнею, хотя по виду
Разделены, но в сущности одно:
Две ягоды на стебельке одном,
Два тела, но одна душа в обеих,
Как бы два поля, что в одном гербе
Увенчаны нашлемником единым.
И хочешь ты порвать любовь былую,
С мужчинами глумиться над подругой?
Не дружеский, не девичий поступок!
Тебя за это весь наш пол осудит,
Хоть и одна обиду я терплю.

Г е р м и я

Не понимаю страстных слов твоих.
Я не глумлюсь, скорее ты глумишься.

Е л е н а

Кто ж, как не ты, Лизандру приказал
Преследовать меня и восхвалять?
А твоему поклоннику другому,
Что чуть меня ногою не толкал,—
Вдруг величать меня богиней, нимфой,
Божественной, и дивной, и небесной?
К чему так говорит он с ненавистной?
Зачем Лизандр отрекся от тебя
И мне клянется пламенно в любви?
Конечно, только с твоего согласия.
Увы, не так я счастлива, как ты,
Не так окружена любовью общей;
Несчастлива я: люблю — и не любима.
Тебе б жалеть, не презирать меня!

Г е р м и я

Не понимаю, что все это значит?

Е л е н а

Так, так. Глядя печально, притворяйся
И строй гримасы за моей спиной.
Перемигнувшись, продолжайте шутку,
Она, пожалуй, может вас прославить.
Когда б была в вас жалость или честь,
Вы б надо мною так не издевались.
Прощайте же! Тут и моя вина.
Но все исправит смерть или разлука.

Л и з а н д р

Стой, милая! Дай оправдаться мне,
Душа моя, любовь и жизнь, Елена!

Е л е н а

Чудесно!

Г е р м и я

Милый, не шути над ней!

Д е м е т р и й

Ты не упросишь,— я его заставлю.

Л и з а н д р

Ты не заставишь, ей — не упросить.
Здесь и угрозы и мольбы бессильны.

Клянусь я жизнью, что люблю Елену,
И жизнь отдам, чтоб доказать, что лжет,
Кто скажет, что Елену не люблю я!

Д е м е т р и й

А я клянусь, что я люблю сильнее.

Л и з а н д р

Так докажи своим мечом мне это.

Д е м е т р и й

Идем — сейчас!

Г е р м и я

Лизандр, да что же это?

Л и з а н д р

Прочь, эфиопка!

Д е м е т р и й

Славно, сударь, славно!

Ха-ха! Он притворился, что взбешен,
А сам ни с места — смирный малый, право!

Л и з а н д р

Прочь, кошка! Отцепись, отстань, репейник,
Не то тебя страхну я, как змею!

Г е р м и я

Как груб со мной ты! Что за перемена?
Мой друг...

Л и з а н д р

Твой друг? Прочь, смуглая татарка!
Прочь, гадкое лекарство, прочь, микстура!

Г е р м и я

Ты шутишь?

Е л е н а

Да, он шутит, как и ты.

Л и з а н д р

Деметрий, слово я свое сдержу.

Д е м е т р и й

Не худо б нам условие подписать:
Тебя легко удерживает слабость.

Л и з а н д р

Что ж, мне ее побить, убить? Ей боли
Не причину я, как ни ненавижу.

Г е р м и я

Какая боль мне может быть ужасней,
Чем ненависть твоя? Ко мне? За что?
Иль я не Гермия? Ты не Лизандр?
Я так же хороша, как и была.
Ты в эту ночь еще меня любил.
Но в эту ночь меня ты и покинул.
Так ты меня покинул не шутя?

Л и з а н д р

Какие шутки? Я ушел навек.
Оставь сомненья, просьбы и надежды
И знай вернее верного: тебя
Я ненавижу, а люблю Елену.

Г е р м и я

Так вот что! Ты — обманщица, ты — язва,
Воровка! Значит, ночью ты прокралась
И сердце у него украла?

Е л е н а

Славно!

Нет у тебя ни робости, ни капли
Девичьего стыда; ты хочешь вызвать
Мой кроткий дух на резкие слова.
Стыдись, стыдись, ты, лицемерка, кукла!

Г е р м и я

Что? Кукла я? Ах, вот твоя игра!
Так ты наш рост сравнила перед ним
И похвалялась вышиной своей,
Своей фигурой, длинною фигурой...
Высоким ростом ты его пленила
И выросла во мнении его
Лишь потому, что ростом я мала?
Как, я мала, раскрашенная жердь?

Как, я мала? Не так уж я мала,
Чтоб не достать до глаз твоих ногтями!

Е л е н а

(Деметрию и Лизандру)

Хоть вы смеетесь надо мной, у вас же
Прошу защиты: так меня никто
Не проклинал! На брань не мастерица,
Я робости девической полна.
Она меня побьет! Хотя она
И ниже ростом, я не справлюсь с нею.

Г е р м и я

Пониже ростом! Слышите, опять!

Е л е н а

Но, Гермия, не надо так сердиться.
Тебя всегда я, милая, любила,
Я слушалась тебя, не обижала.
Одно лишь — что, Деметрия любя,
Ваш план ему открыла. Он за вами
Отправился; я из любви — за ним.
Но он меня прогнал и угрожал
Меня ударить, да: прибить, убить.
Пустите же меня: вернусь в Афины
С своим безумьем и за вами больше
Я следовать не буду. Отпустите!
Ты видишь, как проста я и кротка.

Г е р м и я

Ступай же прочь! Да кто тебя здесь держит?

Е л е н а

То сердце глупое, что здесь оставлю.

Г е р м и я

С Лизандром?

Е л е н а

Нет, с Деметрием.

Л и з а н д р

(Елене)

Не бойся,

Она тебя и тронуть не посмеет.

Д е м е т р и й

О да, хотя б и ты ей помогал.

Е л е н а

Но Гермия страшна бывает в гневе;
Она была уже и в школе злючкой,
Хоть и мала, неистова и зла.

Г е р м и я

Опять «мала»! И все о малом росте!
Зачем вы ей даете издеваться?
Пустите к ней!

Л и з а н д р

Прочь, карлица, пигмейка,
Зачатая на спорынье! Прочь, желудь!
Прочь, бусинка!

Д е м е т р и й

Ты чересчур услужлив
Для тех, кто у тебя услуг не просит.
Оставь! Не смей Елену защищать
И о любви к ней говорить не смей,
Не то расквасишься!

Л и з а н д р

А, я свободен!
Иди ж за мной, коль смеешь, чтоб решить,
Кто больше прав имеет на Елену.

Д е м е т р и й

Я — за тобой? Ну нет, пойдем мы вместе.

Лизандр и Деметрий уходят.

Г е р м и я

Ну, милая, из-за тебя все это!..
Куда ты? Стой!

Е л е н а

Тебе не верю я.
И ненавистна близость мне твоя.
Хоть в драке руки у тебя сильнее,—
Чтоб бегать, ноги у меня длинней.

(Убегает.)

Г е р м и я

Как странно все! Не знаю, что подумать.

(Уходит.)

О б е р о н

Твоя оплошность! Вечные ошибки!
Но ты нарочно сплутовал, злодей!

П э к

Нет, верь мне: я ошибся, царь теней.
Подумай: мне велел искать героя
Ты по плащу афинского покроя.
Кого нашел я — тоже из Афин;
Так, значит, я был прав, мой властелин.
Но я-то рад, что вышло так забавно;
Над распрей их мы посмеемся славно.

О б е р о н

Для поединка в глушь пошли они.
Скорее, Робин, ночь им затемни
И зятни все звезды небосклона
Туманной мглой чернее Ахерона.
Соперников упрямых сбей с пути,
Чтоб им никак друг друга не найти.
То, голосу Лизандра подражая,
Дразни Деметрия не умолкая;
То за Деметрия — его брани,
Пока из сил не выбьются они.
Подобный смерти, встанет над врагами
Сон-нетопырь с свинцовыми ногами;
Тогда Лизандру веки смажь травой,
Чей сок своею силою благой
Рассеять может пагубный обман;
В глазах его прояснится туман.
Проснувшимся бывшие заблужденья
Покажутся игрою сновиденья.
Вернутся вновь они к местам родным;
Союз их будет вечно нерушим.
Пока займешься этим, поспешу
К царице я; отдать мне упрощу
Ребенка. Чары я сниму — очнется
Титания, и всюду мир вернется.

П э к

Не торопись: наш срок ведь все короче.
Быстрее летят драконы черной ночи,
Взошла звезда Авроры в небесах;
Ее завидев, духи впопыхах
Спешат домой скорее на кладбище,
А грешники, чье вечное жилище —
Дорог распустье иль речное дно,
Вернулись в мрачный свой приют давно;
Чтоб ясный день не видел их стыда,
Они сдружились с ночью навсегда.

О б е р о н

Но духи мы совсем другого рода.
Играть с зарею мне дана свобода.
В лесу мне, как охотнику, дан срок,
Пока огнем не заблестит восток
И в золото лучей блестящих струны
Не превратят зеленых волн Нептуна.
Однако все ж лети, спешу: пора!
Свои дела мы кончим до утра.

(Уходит.)

П э к

Их поведу я там и сям.
Меня боятся здесь и там,
По городам и по полям.
Веди их, дух, то здесь, то там!
Один пришел.

Входит Л и з а н д р.

Л и з а н д р

Где ж ты, гордец Деметрий? Отвечай!

П э к

Здесь! Меч готов! А ты где, негодяй?

Л и з а н д р

Иду к тебе.

П э к

Скорее! Тут ровней:
Иди за мной.

Л и з а н д р уходит на голос Пэка.

Д е м е т р и й
(входя)

Откликнись же, злодей!
Лизандр, эй, жалкий трус, да где же ты?
Куда со страха спрятался в кусты?

П э к

Сам трус! Ты что же, хвалишься кустам,
Звездам кричишь, что рвешься в бой, а сам
Скрываешься? Мальчишка! Проучу
Тебя я розгой: нечего мечу
С тобою делать.

Д е м е т р и й

А, ты здесь? Постой!

П э к

Не место драться здесь: иди за мной!

Уходят.

Л и з а н д р
(входя)

Он прочь бежит, меня же вызывает.
Приближусь я — он снова убегает.
Куда проворнее меня, злодей!
Как я ни мчался, он бежал скорей.
Я наконец упал во тьме ужасной.
Прилягу здесь...

(Ложится.)

Приди, о день прекрасный!
Блеснуть лишь стоит первому лучу —
Найду врага и мстью отплачу.

Входят П э к и Д е м е т р и й.

П э к

Го-го! Чего ж ты прячешься трусливо?..

Д е м е т р и й

Так подожди! Скрываешься ты живо;
Чуть догоню, ты прячешься, как тать:
Не смеешь посмотреть, не смеешь встать.
Да где же ты?

П э к

Я здесь. Иди-ка ближе!

Д е м е т р и й

Смеешься надо мной? Ну, погоди же!
Дай встретиться с тобой при свете дня.
Ступай! Усталость вынудит меня
Холодную постель собой измерить.
Жди утром гостя — можешь мне поверить.
(Ложится и засыпает.)

Входит Е л е н а.

Е л е н а

О долгая, мучительная ночь!
Умерь часы, пошли хоть луч с востока,
Чтоб я могла уйти в Афины прочь
От тех, чья ненависть ко мне жестока.
Сон, взор тоски смыкающий порой,
Ты от себя самой меня укрой.
(Ложится и засыпает.)

П э к

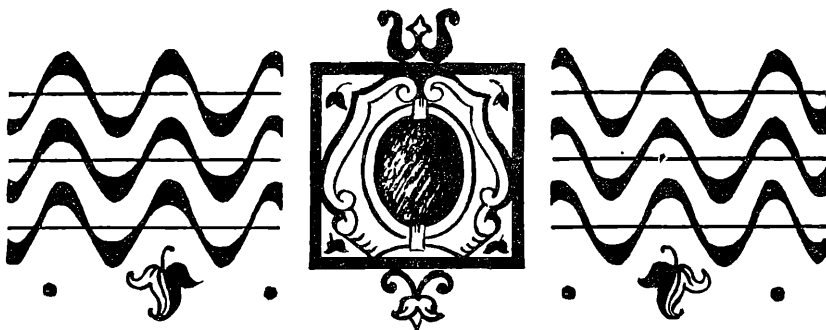
Спите, спите сладким сном.
Я тайком своим цветком
Исцелю тебя, влюбленный.

(Выжимает сок на глаза Лизандра.)

Пробудись, в нее взглядишь,
Прежним счастьем упоенный.
Пусть пословица на вас
Оправдается сейчас:
Всяк сверчок знай свой шесток,
Всякий будь с своею милой,
Всяк ездок — с своей кобылой,
А конец — всему венец.

(Исчезает.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Там же.

Лизандр, Гермия, Деметрий, Елена спят. Входят Титания с Основой, за ними эльфы. В глубине Оберон, невидимый для них.

Т и т а н и я

Любовь моя, здесь на цветы присядь!
Я голову поглажу дорогую.
Дай розами тебя мне увенчать.
Дай уши я большие расцелую.

О с н о в а

Где Душистый Горошек?

Д у ш и с т ы й Г о р о ш е к

Я здесь.

О с н о в а

Почешите-ка мне голову, Душистый Горошек.— А где Паутинка?

П а у т и н к а

Здесь!

О с н о в а

Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите-ка оружие в руки и убейте вон того красноногого шмеля, что сидит на репейнике, и, милейшая моя, принесите мне его медовый ме-

шочек. Да смотрите, милейшая госпожа Паутинка, берегитесь, чтобы мешочек не лопнул: мне будет очень прискорбно, если вы обольетесь медом, синьора.— А где господин Горчичное Зернышко?

Горчичное Зерно

Я здесь!

О с н о в а

Пожалуйте-ка сюда вашу лапку, господин Горчичное Зернышко. Да бросьте всякие церемонии, прошу вас, любезный мой господин Горчичное Зернышко.

Горчичное Зерно

Что вам угодно приказать?

О с н о в а

Ничего особенного, почтеннейший, только помогите кавалеру Душистому Горошку чесать меня. Надо бы мне к цирюльнику, любезнейший: мне сдается, что у меня лицо слишком уж заросло волосами. А я такой нежный осел: чуть меня волосок где-нибудь пощекочет — я должен скрестись.

Т и т а н и я

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Любовь моя?

О с н о в а

О, что до музыки — у меня отличное ухо. Ну что ж, пожалуй, сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках.

Грустная музыка.

Т и т а н и я

А может быть, скажи мне, нежный друг.
Желаешь ты чего-нибудь покушать?

О с н о в а

Что ж, я, пожалуй, съел бы гарнец-другой корму: пожалуй, пожевал бы хорошего, сухого овсеца. Нет, вот что: самое лучшее — дайте мне охапку сена. С хорошим, сладким сеном ничто не сравнится.

Т и т а н и я

Есть у меня один отважный эльф:
У белочек обыщут склады он
И принесет тебе орешков свежих.

О с н о в а

Я бы предпочел пригоршни две сухого гороха. Впрочем, пожалуйста, пусть ваш народец пока отстанет от меня: я чувствую, что меня одолевает сон.

Т и т а н и я

Спи! Я тебя руками обовью.
Ступайте, эльфы, все рассейтесь прочь.

Э л ь ф ы улетают.

Так жимолость душистая ствол дуба
Любовно обвивает; пальцы вяза
Корявые плющ женственный сжимает.
Как я люблю тебя, как обожаю!

Засыпают.
Входит Пэ к.

О б е р о н

Ты видишь эту нежную картину?
Становится мне жаль ее безумья.
Недавно я ее за лесом встретил,
Цветы сбиравшей гнусному уроду.
Я стал ее стыдить и упрекать,
Что голову косматую ему
Украсила она венком душистым;
И та роса, что на цветах обычно
Светлей восточных жемчугов сверкает,
Теперь стояла у цветов в глазах,
Как слезы об их собственном позоре.
Когда ж над ней я вдоволь насмеялся,
Она прощенья кротко попросила,
И я тогда потребовал ребенка.
Она сейчас же уступила, эльфов
Послала отнести его ко мне.
Теперь он мой, и я хочу прогнать
Очей ее пустое заблуждение.
Ты тоже это украшеньё, Пэк,
Сними с башки афинского бродяги.
Пусть он проснется вместе с остальными,
В Афины вместе с ними возвратится
И приключенья этой ночи вспомнит
Лишь как нелепую проделку сна.
Но раньше я царицу расколдую.

(Дотрагивается до ее глаз волшебным цветком.)

Будь ты прежней с этих пор:
Пусть, как раньше, видит взор.
Прогони, цветок Дианы,
Купидона все обмань!
Титания! Проснись, моя царица!

Т и т а н и я

Мой Оберон! Что может нам присниться!
Мне снилось, что влюбилась я в осла!

О б е р о н

Вот милый твой.

Т и т а н и я

— Так правда? Я была...
О, на него теперь глядеть мне страшно.

О б е р о н

Тсс... тише! — Прэк, личину прочь с него!
Пусть музыки волшебной колдовство
На спящих сон глубокий навевает.

Т и т а н и я

Эй, музыку, чтоб сон наколдовать!

Тихая музыка.

П р э к

Проснувшись, станешь дураком опять.

О б е р о н

Летите, звуки! Мы ж с тобой вдвоем
Своею пляской землю всколыхнем.
Отныне мы с тобою в дружбе, фея,
И завтра в полночь во дворце Тезея
Торжественную пляску поведем,
Благословим союз его и дом.
Влюбленных этих тут же, вместе с ним,
Мы в радостный союз соединим.

П р э к

Тише... Слышишь, Оберон,
В небе жаворонка звон?

Оберон

(Титании)

Дай же руку! Улетим
Молча с сумраком ночным
И мгновенно опояшем
Шар земной в полете нашем.

Титания

Да, летим! О мой супруг,
Ты расскажешь, как случилось,
Что заснула я и вдруг
Между смертных очутилась.

Улетают.

Звуки рогов.

Входят Тезей, Иполита, Эгей и свита.

Тезей

Пусть кто-нибудь лесничего найдет.
Закончены все майские обряды,
И так как мы опередили день,
Могу перед возлюбленной похвастать
Я музыкою гончих.— Всех спустите
Со своры в западной долине! Живо!
На горную вершину мы взойдем.
Оттуда мы с моей царицей будем
Внимать слиянью эха с звонким лаем.

Иполита

В лесах на Крите как-то с Геркулесом
И с Кадмом затравили мы медведя
Спартакскими собаками. Я в жизни
Прекрасней не слыхала ничего:
Все — небо, горы, лес кругом — слилось
В сплошной могучий шум,— я не слыхала
Разлада музыкальней, грома — слаще.

Тезей

А псы мои спартанской ведь породы:
По челюстям, по масти их узнаешь.
С подгрудками они, как у быков,
Небыстрый бег, но голосов подбор —
Что колокольный звон. Стройнее сворам
Не улюлюкали, рога не пели

Ни в Спарте, ни в Фессалии, нигде.
Суди сама! Но что это за нимфы?

Эгей

Я вижу — дочь, мой государь, спит крепко.
А вот Лизандр. А рядом здесь Деметрий.
А вот Елена, дочь Недара-старца.
Зачем они все вместе здесь сошлись?

Тезей

Обряды майские свершали, верно,
И, зная, что мы явимся сюда,
Остались здесь дожидаться торжества.
Но, друг Эгей, скажи мне, не сегодня ль
Свой выбор сделать Гермия должна?

Эгей

Да, государь.

Тезей

Пушай же их разбудят
Охотники игрою на рогах.

Звуки рогов и крики за сценой.
Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена просыпаются.

Друзья, ведь Валентинов день прошел,
А пташки только начали слетаться.

Лизандр

Простите, государь!

Все опускаются на колени.

Тезей

Прошу вас, встаньте.
Я знаю, вы соперники в любви:
Что ж это за согласие стало в мире,
Что ненависть спит с ненавистью рядом
И не боится злобы и вражды?

Лизандр

Я, государь, не знаю, что ответить;
Во сне иль наяву я — сам не знаю;
И как сюда попал — не знаю тоже.
Но кажется... сказать бы только правду...

Нет, пет, вот как все это было,— вспомнил:
Мы с Гермией пришли сюда; решили
Мы из Афин бежать туда, где б можно,
Афинского закона не боясь...

Э г е й

Довольно, государь, довольно с вас.
Закон, закон на голову его!
Они бежали! — Да, они хотели,
Деметрий, нас обоих обмануть:
Тебя — лишить жены, меня же — права
Тебе в супруги Гермия отдать.

Д е м е т р и й

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мне их замысел. Взбешенный
За ними я погнался в этот лес.
Елена ж из любви пошла за мною.
И тут... я сам не знаю, государь,
Чья власть, но — несомненно, чья-то власть —
Заставила любовь мою растаять.
Она мне кажется пустой игрушкой,
Которую в дни детства я любил.
Страсть, цель и радость глаз моих теперь —
Не Гермия, а милая Елена.
Одна Елена! С ней я был помолвлен,
Когда еще я Гермии не знал.
Но как в болезни ненавидят пищу,
В здоровье ж возвращается к ней вкус,
Теперь ее люблю, хочу, желаю
И ей останусь верен всю жизнь!

Т е з е й

Влюбленные, я в добрый час вас встретил;
Об этом мы еще поговорим.
Эгей, тебе придется уступить.
Сегодня ж в храме две четы влюбленных
Соединятся, как и мы, навеки.
Но утро далеко ушло вперед,
А потому отложим мы охоту.
Скорее все в Афины! Нас три пары:
Торжественно три свадьбы справим там.
Пойдем же, Ипполита!

Тезей, Ипполита, Эгей и свита уходят.

Д е м е т р и й

Все кажется мне малым и неясным,
Как будто горы в тучи расплылись.

Г е р м и я

Я точно вижу разными глазами,
Когда двоится все.

Е л е н а

Я точно так же.
Как будто драгоценность, я нашла
Дементрия; он — мой, и он — не мой.

Д е м е т р и й

Мне кажется, мы спим и видим сны.
Был герцог здесь? Велел идти за ним?

Г е р м и я

И мой отец был здесь.

Е л е н а

И Ипполита.

Л и з а н д р

И герцог в храм за ним прийти велел.

Д е м е т р и й

Так, значит, мы не спим. Пойдем скорее;
Дорогою расскажем наши сны.

Уходят

О с н о в а

(просыпаясь)

Когда будет моя реплика, вы меня только кликните — и я тут как тут. Следующая моя реплика: «Прекраснейший Пирам!» Эй, Питер Пигва! Дудка, починщик мехов! Рыло, медник! Заморыш! Господи помилуй! Удрали, оставили меня тут спать одного. Ну и чудной же мне сон приснился! Такой сон мне приснился, что не хватит ума человеческого объяснить его! Ослом будет тот, кто станет рассказывать этот сон. Мне снилось, что я был... сказать невозможно чем! Мне снилось, что я был... что у меня была... Круглым дураком будет тот, кто вздумает сказать, что у меня было. Глаз человеческий не слышал, ухо челове-

ческое не видало, рука человеческая не осилила, сердце бы лопнуло, если бы рассказать, какой мне сон снился. Я заставлю Пигву написать балладу про этот сон; она будет называться: «Сон Основы», потому что в ней нет никакой основы. И я ее спою в конце пьесы перед герцогом. Даже вот что: чтобы вышло полюбезнее, я спою ее во время Фисбиной смерти. (*Уходит.*)

СЦЕНА 2

Афины. Комната в доме Пигвы.

Входят Пигва, Дудка, Рыло и Заморыш.

Пигва

Ну что, посылали к Основе? Вернулся он домой?

Заморыш

О нем ничего не слышно: не иначе, как его унесла нечистая сила.

Дудка

Если он не вернется, пропала наша пьеса: ничего не выйдет.

Пигва

Да, без него играть нельзя. Во всех Афинах не найти человека, подходящего для Пирама.

Дудка

Не найти! Изо всех афинских ремесленников у Основы самая умная голова.

Пигва

И к тому же он у нас самый красивый. А уж по голосу так настоящий любовник.

Дудка

Какое непристойное слово — «любовник»! Скажи лучше: «любитель».

Входит Миляга.

Миляга

Друзья, герцог возвратился из храма; там с ним заодно обвенчали двух или трех дам и кавалеров. Ох, кабы наша пьеса пошла, мы бы все людьми стали.

Дудка

Ах, милый наш удалец Основа! Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь. Не миновать бы ему шести пенсов в день по-

жизненно: пусть бы меня повесили, если бы герцог не назначил ему шести пенсов в день. Шесть пенсов — и никаких!

Входит О с н о в а.

О с н о в а

Где они, мои молодчики? Где они, мои сердечные дружки?

П и г в а

Основа! Вот благословенный день, вот счастливый час!

О с н о в а

Ну, куманьки, и есть же у меня что пересказать вам. Чудеса! Но не спрашивайте меня ни о чем. Не будь я честный афинянин, если я не расскажу вам, что со мной было. Я вам все до точности расскажу, как что случилось.

П и г в а

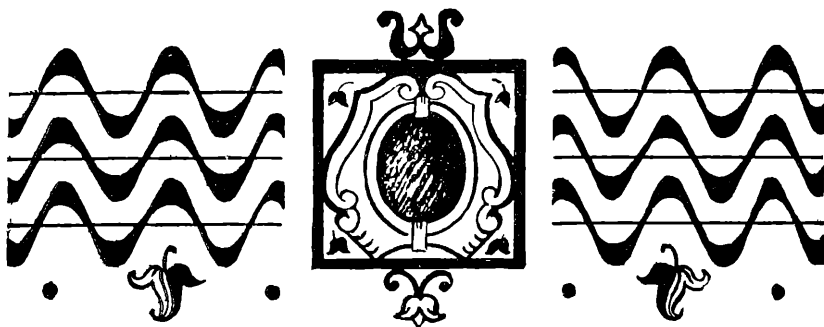
Рассказывай, рассказывай, драгоценный Основа!

О с н о в а

Ни слова обо мне. Все, что я вам пока скажу, — это вот что: герцог уже отобедал. Собирайте ваши пожитки. Привяжите новые шнурки к бородам и новые банты к туфлям. Велено нам всем сойтись у дворца. Каждый просмотри хорошенько свою роль. Короче сказать, наша пьеса выбрана. Во всяком случае, Фисба пусть наденет чистое белье, а Лев чтобы не вздумал обрезать ногти: они должны выглядывать из-под львиной шкуры, как когти. А главное, дорогие мои актеры, не ешьте ни луку, ни чесноку. Мы должны испускать сладостное благоуханье, и я не сомневаюсь, что зрители скажут: вот сладчайшая пьеса. Без всяких рассуждений! Марш вперед без дальних слов!

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Афины. Зал во дворце Тезея.

Входят Тезей, Ипполита, Филострат, вельможи и свита.

И п п о л и т а

Как странен, мой Тезей, рассказ влюбленных!

Т е з е й

Скорее странен, чем правдив. Не верю
Смешным я басням и волшебным сказкам.
У всех влюбленных, как у сумасшедших,
Кипят мозги: воображение их
Всегда сильнее холодного рассудка.
Безумные, любовники, поэты —
Все из фантазий созданы одних.
Безумец видит больше чертовщины,
Чем есть в аду. Безумец же влюбленный
В цыганке видит красоту Елены.
Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображение формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя.
Да, пылкая фантазия так часто
Играет: ждет ли радости она —

Ей чудится той радости предвестник.
Напротив, иногда со страха ночью
Ей темный куст покажется медведем.

И п п о л и т а

Не говори; в событиях этой ночи
Есть не одна игра воображенья.
Как сразу изменились чувства их!
Мне кажется, что правда в этом есть.
Но все-таки как странно и чудесно!

Т е з е й

Вот и они идут, сияя счастьем.

Входят Лизандр, Гермия, Деметрий и Елена.

Привет, друзья! Пусть радость и любовь
Живут среди вас.

Л и з а н д р

Пусть вам сторицей радость
Сопутствует на царственном пути.

Т е з е й

Что ж нам придумать? Маскарад иль танцы?
Чем сократить нам вечность трех часов
От ужина до сна? Где наш придворный
Веселья поставщик? Что у него
В запасе есть? Какая-нибудь пьеса,
Чтоб облегчить тоску часов ползучих?
Где Филострат?

Ф и л о с т р а т

Я здесь, великий герцог.

Т е з е й

Скажи, что ты нам нынче приготовил?
Какие маски, танцы? Чем заполнить
Часы пустые, если не весельем?

Ф и л о с т р а т

Вот список всех готовых развлечений.
Пусть ваша светлость выберет любое,
С чего пачать.

(Подает ему бумагу.)

Тезей
(читает)

«Сражение кентавров,—
Афинский евнух пропоет под арфу».
Не стоит: это я читал жене
В честь Геркуlesa, предка моего.
«Как пьяные вакханки растерзали
Фракийского певца в своем безумье».
Старо: уж это мне играли раз,
Когда из Фив с победой я вернулся.
«Плач муз, скорбящих о судьбе Науки,
Скончавшейся в жестокой нищете».
Какая-нибудь острая сатира,
Негодная для свадебных торжеств.
«Любовь прекрасной Фисбы и Пирама,
Короткая и длительная драма,
Веселая трагедия в стихах».
Короткая и длительная пьеса,
Веселая трагедия притом?
Горячий лед! Но как согласовать
Все эти разногласья?

Филострат

Государь,
Вся эта пьеса — в десять слов длиной;
Короче пьесы нет, насколько помню;
Но лишние все эти десять слов —
Вот чем она длинна. Ни слова в ней
Нет путного, ни путного актера.
Трагедия она лишь потому,
Что в ней герой Пирам с собой копчает.
На репетиции до слез дошел я,
Но признаюсь, что никогда еще
Так весело не плакал я от смеха.

Тезей

А кто актеры?

Филострат

Все простые люди,
Ремесленники из Афин. Привыкли
Не головой работать, а руками,
И вдруг свою неразвитую память
Обременили пьесой в вашу честь.

Тезей

И мы ее посмотрим.

Филострат

Нет, мой герцог,
Нет, это не для вас; я слушал пьесу:
В ней ничего нет, ровно ничего!
Но, может быть, вас все же позабавят
Их тяжкие усилия вас развлечь.

Тезей

Да, эту пьесу будем мы смотреть!
Не может никогда быть слишком плохо,
Что преданность смиренно предлагает,—
Зови их! Дам прошу занять места.

Филострат уходит.

Ипполита

Я не люблю над нищетой смеяться
И видеть, как усердье гибнет даром.

Тезей

Нет, милая, здесь этого не будет.

Ипполита

Сказал он: ничего они не стоят.

Тезей

Тем будем мы добрей, благодаря
Их за ничто. Мы примем добродушно
Ошибки их. Где преданность бессильна,
Она усердьем искупает все.
Меня в моих поездках иногда
Ученые встречать хотели речью,
Заране приготовленной, и вдруг
Теряли нить: бледнели, забывали
Готовые слова и в заключение,
Не кончив, обрывали речь свою.
И, веришь ли, любимая моя,
В молчанье их я находил привет,
И в скромности смущенного почтения
Читал я большее, чем в болтовне
Напыщенных и смелых краснобаев.

Мне кажется, что у любви правдивой
Чем меньше слов, тем больше будет чувства.

Входит Филострат.

Филострат

Итак, коль вашей светлости угодно,
Пролог готов.

Тезей

Пускай войдет сюда!

Звуки труб.

Входит Пигва, он же Пролог.

Пролог

«Не думайте. Коль мы не угодим,
Что может быть. У нас желанья мало
Искусством скромным вас занять своим.
Вот нашего конца сейчас начало.
Мы не жалеем своего труда
Вас оскорбить. Не входит в наши цели
Вас развлекать. Явились мы сюда
Не с тем. Чтоб вы об этом пожалели,
Актеры здесь. Их стоит показать,
Чтоб вы узнали все, что надо знать».

Тезей

Этот молодец не очень-то считается со знаками препинания.

Лизандр

Он пустил свой пролог, как необъезженного жеребца: он не знает, где ему остановиться. Отсюда мораль, государь: недостаточно говорить, надо еще говорить правильно.

Ипполита

Действительно, он сыграл свой пролог, как ребенок играет на флейте: звук есть, но управлять им он не умеет.

Тезей

Его речь похожа на спутанную цепь: все звенья целы, но в беспорядке. А теперь что будет?

Входят Пирам, Фисба, Стена, Лунный Свет и Лев,
как в пантомиме.

Пролог

«Почтенные, сей вид не ясен вам?
Дивитесь: скоро все вам станет ясно.
Сей человек, известно будь, Пирам.
Девицу же звать Фисбою прекрасной.
В известке с глиной человек — Стена,
Любовников жестокая преграда:
Сквозь щель ее шептаться (вот она!)
Бедняжечкам — и то уже отрада.
Вот этот малый — Лунный Свет; при нем —
Терновый куст, фонарик и собака,
Чета влюбленных виделась тайком
В лучах луны, сияющей средь мрака.
Зверь. Львом рекомый, что наводит страх,
Завидел Фисбу, что спешила к другу.
Он напугал ее — и вот с испугу
Красавица бежала впопыхах,
Свой плащ при этом уронив, к несчастью.
Лев вмиг его порвал кровавой пастью.
Тут появился, строен и высок,
Пирам. Узрел в крови он плащ девицы
И сразу острый в грудь вонзил клинок.
Тем временем, под сенью шелковицы,
Узрев, что мертвый друг ее лежал,
Вонзила Фисба в грудь свою кинжал.
Подробно вам доскажут остальное
Луна, Стена, Лев и влюбленных двое».

Пролог, Пирам, Фисба, Лев и Лунный Свет уходят.

Тезей

Интересно, заговорит ли и Лев?

Деметрий

В этом ничего не будет удивительного: отчего бы и не поговорить Льву, когда столько ослов разговаривают?

Стена

«В сей интермедье решено так было,
Что Стену я представляю, медник Рыло.
Стена такая я, что есть во мне
Дыра, иль щель, иль трещина в стене.
Влюбленные не раз сквозь эту щелку
Все про любовь шептались втихомолку.
Известка с глиной, с камешком должна

Вам показать, что я и есть Стена.
А вот и щель — направо и налево:
Шептаться будут здесь Пирам и дева».

Т е з е й

Можно ли требовать, чтобы извести и глина говорили лучше?

Д е м е т р и й

Государь, это положительно самая остроумная стена, какую мне приходилось слышать.

Входит Пирам.

Т е з е й

Тише! Пирам подходит к стене.

П и р а м

«О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна!
Ночь, что везде, где дня уж больше нет!
О ночь, о ночь! Увы, увы, увы!
Боюсь, забыла Фисба свой обет!
А ты, Стена, любезная Стена,
Отцов-врагов делящая владенья,—
Пусть станет мне хоть щель в тебе видна
Для моего предмета лицезренья.

Стена растопыривает пальцы.

Пошли тебе Юпитер благодать!
Но ах, увы! — что вижу я сквозь Стену?
Стена-злодейка, девы не видать!
Будь проклята, Стена, ты за измену!»

Т е з е й

По-моему, Стена тоже должна напугаться, раз она обладает всеми чувствами.

П и р а м

Никак это невозможно, ваша светлость: «за измену» — это реплика для Фисбы: она теперь должна войти, а мне надо ее заметить сквозь стену. Вы увидите, что все будет точка в точку, как я сказал. А вот и она идет.

Ф и с б а

«Не ты ль, Стена, внимала вопль печали,
Что от меня отторжен мой Пирам?
Вишневые уста мои лобзали
Твою известку с глиной пополам».

П и р а м

«Я вижу голос; дай взгляну я в шелку.
Услышу ль Фисбы я прекрасный лик?
О Фисба!»

Ф и с б а

«Ты ли к шелке там приник?
Я думаю...»

П и р а м

«Что думаешь без толку?
Я, как Лимандр, не ведаю измены».

Ф и с б а

«И я, пока жива, верней Елены».

П и р а м

«Шафал Прокрусу так не обожал».

Ф и с б а

«И я верна не меньше, чем Шафал».

П и р а м

«Целуй сквозь щель: уста твои так сладки».

Ф и с б а

«Целую не уста — дыру в стене!»

П и р а м

«К гробнице Ниньевой придешь ко мне?»

Ф и с б а

«Хоть умереть, приду, и без оглядки!»

П и р а м и Ф и с б а уходят.

С т е н а

«Тут роль свою закончила Стена,
И может хоть совсем уйти она».

(Уходит.)

Т е з е й

Вот и нет больше преграды между соседями.

Д е м е т р и й

Это неизбежно, государь, если стены имеют уши и подслушивают без разрешения.

И п п о л и т а

Я никогда ничего глупее не слыхала!

Т е з е й

Лучшие пьесы такого рода — и то только тени; а худшие не будут слишком плохи, если воображение поможет им.

И п п о л и т а

Но это должно сделать наше воображение, а не их.

Т е з е й

Если мы будем воображать о них не меньше того, что они сами о себе воображают, они могут представиться отличными людьми. А вот идут два благородных зверя: Луна и Лев.

Входят Лев и Лунный Свет.

Л е в

«Сударыни, в ком нежных чувств излишек
Пугается при виде малых мышек,
Боюсь, чтоб вы не начали кричать,
Коль будет грозный лев при вас рычать.
Но я не лев и не его подруга;
Я лишь столяр; не надобно испуга.
Когда б, как лев, забрался я сюда,
Ведь мне была бы самому беда».

Т е з е й

Какое кроткое животное и какое рассудительное!

Д е м е т р и й

Самое милое животное, государь, какое я видел.

Л и з а н д р

Этот лев по храбрости — настоящая лисица.

Т е з е й

Верно, а по благоразумию — настоящий гусь.

Д е м е т р и й

Не совсем так, государь, потому что его храбрость не пересиливает его благоразумия, а лисица всегда пересилит гуся.

Т е з е й

Во всяком случае, его благоразумие не пересилит его храбрости, потому что гусь никогда не пересилит лисицы. Однако

предоставим его собственному его благоразумию и послушаем, что скажет Луна.

Л у н н ы й С в е т

«Двурогую луну фонарь являет сей,
А я — тот человек, что обитает в ней».

Т е з е й

Вот тут самая большая ошибка: человека надо было поместить в фонаре; какой же он иначе человек на луне?

Д е м е т р и й

Он не решился туда влезть из-за свечки: смотрите, как она нагорела.

И п п о л и т а

Мне надоела эта луна; пора бы ей перемениться!

Т е з е й

Судя по слабому пламени ее разума, она уже на ущербе; но из любезности нам надо дожидаться.

Л и з а н д р

Продолжай, Луна.

Л у н н ы й С в е т

Все, что я должен сказать, это вот что: только объяснить вам, что фонарь — это луна, а я — человек в луне; этот терновый куст — мой терновый куст, а эта собака — моя собака

Д е м е т р и й

Собственно, все это должно бы было находиться в фонаре: ведь это все на луне. Но тише: вот идет Фисба.

Входит Ф и с б а.

Ф и с б а

«Вот Нина старого гробница. Где ж мой милый?..»

Л е в

(рычит)

«У-у-у!..»

Ф и с б а убегает.

Т е з е й

Отлично рычишь, Лев!

И п п о л и т а

Отлично светишь, Луна! Право, Луна светит очень мило.

Лев разрывает плащ Фисбы и убегает.

Т е з е й

Отлично разодрал, Лев!

Д е м е т р и й

Тут является Пирам...

Л и з а н д р

И Лев исчезает.

Входит Пирам.

П и р а м

«Благодарю, Луна, за солнечны лучи,
За то, что ярко так сияешь ты в ночи.
Твой свет мерцающий, златой, лазурно-ясный
Поможет Фисбы мне увидеть лик прекрасный.

Но страх какой!
О рыцарь, стой!
Разит судьбина злая.
Темно в очах...
Возможно ль? Ах!
Друг, дева дорогая!
Твой плащ в крови! Беда!
О фурии, сюда!
Вы, парки, приходите
Разрезать жизни нити,
Ты, злобный рок, спеши:
Рази, грози, убей, добей,
Кончай и сокруши!»

Т е з е й

Такое отчаяние и смерть милого друга, право, могут опечалить.

И п п о л и т а

Клянусь душой, мне жаль этого человека.

П и р а м

«Зачем, Природа, жизнь даруешь львам,
Чтоб красоту твою они губили?
Увы, она была милей всех дам,
Что на земле росли, цвели, любили.

О, лейтесь, токи слезны!
Сюда, мой меч любезный!
Рази меня, клинок,
В тот самый левый бок,
Где слышен сердца стук.
Избавь меня от мук!

(Закалывается.)

И вот я мертв, ах, ах!
Мой дух уж в небесах!
На небо улетаю,
Лишь кости здесь слагаю.
Язык, свой свет сокрой!..
Луна, лети долой!
Лунный свет уходит.
Несчастный, умирай!
Ай-ай-ай-ай-ай-ай!»

(Умирает.)

Д е м е т р и й

Какие же он кости слагает? Всего одно очко: ведь он один.

Л и з а н д р

Меньше, чем одно очко, приятель: он умер — значит он пустышка.

Т е з е й

С помощью хорошего хирурга он мог бы исцелиться и оказаться ослом.

И п п о л и т а

Как же это Лунный Свет ушел раньше, чем Фисба вернулась? Ведь ей надо отыскать своего любовника.

Т е з е й

Она его отыщет при свете звезд. Вот и она: ее отчаянием заканчивается пьеса.

Входит Ф и с б а

И п п о л и т а

По-моему, из-за такого Пирама отчаяние не может быть слишком продолжительным: надеюсь, она будет краткой.

Д е м е т р и й

Пылинка перетянет чашку весов, если начать взвешивать, кто из них лучше, Пирам или Фисба: он как мужчина (боже нас упаси!) или она как женщина (сохрани нас боже!).

Л и з а н д р

Вот она уже высмотрела его своими прелестными глазками.

Д е м е т р и й

И начинает его оплакивать.

Ф и с б а

«Ты спишь ли, голубок?
Как! Умер мой дружок?
Проснись! Ты нем иль мертв совсем,
И очи тьмой покрыты?
Твоя исчезла красота —
Вишневый нос алее роз,
Твои лилейные уста
И желтые ланиты...
Любовники, стенайте все:
Вот он лежит во всей красе!
Ах, чудный взор его очей
Был зеленее, чем порей.
Прощай, мой ненаглядный!
Вы, три сестры, сюда скорей,
С руками молока белей;
Теперь они у вас в крови:
Вы нить шелковую любви
Порвали беспощадно.
Молчи, язык! К чему тут речь?
Приди сюда, мой верный меч!
Рази скорей — вот грудь моя.

(Закалывается.)

Прощайте, все друзья:
Кончает Фисба жизнь свою,—
Адью, адью, адью!»

(Умирает.)

Т е з е й

Лев и Луна остались в живых, чтобы схоронить мертвых.

Д е м е т р и й

Да, и Стена тоже.

О с н о в а

Нет, смею вас уверить, стена, которая разделила их отцов, больше не существует. Угодно вам посмотреть эпилог или прослушать бергамаский танец в исполнении двух наших актеров?

Т е з и с

Не надо эпилога: ваша пьеса в извинении не нуждается. Какие же извинения? Раз все актеры умерли, бранить некого. Если бы сочинитель этой пьесы сыграл Пирама и удавился подвязкой Фисбы, то это была бы отличная трагедия и прекрасно исполненная; но она и так хороша. Покажите нам ваш бергамаский танец, а эпилог не нужен.

Танец.

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.
Боюсь, что утром так же мы проспим,
Как незаметно за ночь засиделись.
Нам пьеса сократила ночи ход.
В постель, друзья,— еще нам две недели
Ночных забав и новых развлечений.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Там же.

Появляется П э к.

П э к

Вот голодный лев рычит,
И на месяц воет волк.
Утомленный пахарь спит.
Труд окончен, шум замолк.
Гаснут рдяные дрова,
В темноте кричит сова,
И больному крик тот злобный
Предвещает холм надгробный.
Час настал, чтоб на погосте
Разверзалась пасть гробов.
Возле церкви всюду гости —
Бродят тени мертвецов.
Мы ж Гекате вслед летим,
И, как сны во тьме, мы таем;
Но пока везде чудим,
Дом счастливый облетаем.
Не мешай ничто покою,
Даже мышь не смей скрести.

Послан я вперед с метлою
Сор за двери весь смести.

Появляются Титания и Оберон со свитой.

Оберон

Осветите спящий дом
Сонным мертвенным огнем.
Каждый эльф и крошка-фея,
Легче птичек всюду рея.
Вторьте песенке моей
И пляшите веселей!

Титания

Прежде песню разучите,
Нота в ноту щебечите;
Легким роем все потом
Освятим мы с пеньем дом.

Поют и танцуют.

Оберон

До зари по всем углам
Разлетитесь здесь и там.
Я же царственное ложе
Прежде всех благословлю;
Остальных влюбленных тоже
Светлым счастьем наделю.
В дар прекрасным новобрачным
Верность чувств мы принесем.
Пусть счастливым и удачным
Будет их союз во всем.
Я породы благородство
Навсегда их детям дам.
Не коснется их уродство,
Знак, пятно, рубец иль шрам —
Все природы поврежденья,
Что бывают от рожденья;
Вы росую полевою
Окропите мирный кров:
Будь над царственной четою
Счастье, мир вовек веков!
Отправляйтесь, разлетайтесь,
На заре ко мне являйтесь.

Оберон, Титания и свита уходят.

П р к

Коль я не смог вас позабавить,
Легко вам будет все исправить:
Представьте, будто вы заснули
И перед вами сны мелькнули.
И вот, плохому представленью,
Как бы пустому сновиденью,
Вы окажите снисхождение.
Мы будем благодарны ввек.
Притом клянусь, как честный Прк,
Что если мы вам угодили
И злобных змей не разбудили,
То лучше все пойдет потом.
Давайте руку мне на том.
Коль мы расстанемся друзьями,
В долгу не буду перед вами.

(Исчезает.)

ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ

Перевод

Т. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дож Венеции.

Принц Марокканский } женихи Порции.
Принц Арагонский }

Антонио, венецианский купец.

Бассанио, его друг.

Салапио }
Саларино } друзья Антонио
Грациано } и Бассанио.
Салерио }

Лоренцо, влюбленный в Джессику.

Шейлок, богатый еврей.

Тубал, еврей, друг его.

Ланчелот Гоббо, шут, слуга Шейлока.

Старый Гоббо, отец Ланчелота.

Леонардо, слуга Бассанио.

Бальтазар }
Стефано } слуги Порции.

Порция, богатая наследница.

Нерисса, ее прислужница.

Джессика, дочь Шейлока.

Венецианские сенаторы, члены
суда, тюремщик, слуги Порции
и другие.

Действие происходит частью в Венеции, частью
в Бельмонте, поместье Порции на материке.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Венеция. Улица.

Входят Антонио, Саларино и Саланио.

А н т о н и о

Не знаю, отчего я так печален.
Мне это в тягость; вам, я слышу, тоже.
Но где я грусть поймал, нашел иль добыл,
Что составляет, что родит ее,—
Хотел бы знать!
Бессмысленная грусть моя виною,
Что самого себя узнать мне трудно.

С а л а р и н о

Вы духом мечетесь по океану,
Где ваши величавые суда,
Как богатеи и вельможи вод
Иль пышная процессия морская,
С презреньем смотрят на торговцев мелких,
Что кланяются низко им с почтеньем,
Когда они летят на тканых крыльях.

С а л а н и о

Поверьте, если б я так рисковал,
Почти все чувства были б там мои —
С моей надеждой. Я бы постоянно

Срывал траву, чтоб знать, откуда ветер,
Искал на картах гавани и бухты;
Любой предмет, что мог бы неудачу
Мне предвещать, меня бы, несомненно,
В грусть повергал.

С а л а р и н о

Студя мой суп дыханьем,
Я в лихорадке бы дрожал от мысли,
Что́ может в море ураган наделать;
Не мог бы видеть я часов песочных,
Не вспомнивши о мелях и о рифах;
Представил бы корабль в песке завязшим,
Главу склонившим ниже, чем бока,
Чтоб целовать свою могилу! В церкви,
Смотря на камни здания святого,
Как мог бы я не вспомнить скал опасных,
Что, хрупкий мой корабль едва толкнув,
Все пряности рассыпали бы в воду
И волны облекли б в мои шелка,—
Ну, словом, что мое богатство стало
Ничем? И мог ли б я об этом думать,
Не думая при том, что если б так
Случилось, мне пришлось бы загрустить?
Не говорите, знаю я: Антонио
Грустит, тревожась за свои товары.

А н т о н и о

Нет, верьте мне: благодарю судьбу —
Мой риск не одному я вверил судну,
Не одному и месту; состояние
Мое не мерится текущим годом:
Я не грущу из-за моих товаров.

С а л а р и н о

Тогда вы, значит, влюблены.

А н т о н и о

Пустое!

С а л а р и н о

Не влюблены? Так скажем: вы печальны,
Затем что вы невеселы, и только!
Могли б смеяться вы, твердя: «Я весел,
Затем что не грущу!» Двуличный Янус!
Клянусь тобой, родит природа странных

Людей: одни глазают и хохочут,
Как попугай, услышавший волюнку;
Другие же на вид, как уксус, кислы,
Так что в улыбке зубы не покажут,
Клянись сам Пестор, что забавна шутка!

Входят Бассанио, Лоренцо и Грациано.

С а л а н и о

Вот благородный родич ваш Бассанио;
Грациано и Лоренцо с ним. Прощайте!
Мы в лучшем обществе оставим вас.

С а л а р и о

Остался б я, чтоб вас развеселить,
Но вот я вижу тех, кто вам дороже.

А н т о н и о

В моих глазах цена вам дорога.
Сдается мне, что вас дела зовут
И рады вы предлогу удалиться.

С а л а р и о

Привет вам, господа.

Б а с с а н и о

Синьоры, но когда ж мы посмеемся?
Когда? Вы что-то стали нелюдимы!

С а л а р и о

Досуг ваш мы делить готовы с вами.

Саларино и Саланио уходят.

Л о р е н ц о

(к Бассанио)

Синьор, раз вы Антонио нашли,
Мы вас оставим; но прошу — к обеду
Не позабыть, где мы должны сойтись.

Б а с с а н и о

Приду наверно.

Г р а ц и а н о

Синьор Антонио, вид у вас плохой;
Печетесь слишком вы о благах мира.

Кто их трудом чрезмерным покупает,
Теряет их. Как изменились вы!

А н т о н и о

Я мир считаю, чем он есть, Грациано:
Мир — сцена, где у всякого есть роль;
Моя — грустна.

Г р а ц и а н о

Мне ж дайте роль шута!
Пускай от смеха буду весь в морщинах;
Пусть лучше печень от вина горит,
Чем стынет сердце от тяжелых вздохов.
Зачем же человеку с теплой кровью
Сидеть подобно мраморному предку?
Спать наяву или хворать желтухой
От раздраженья? Слушай-ка, Антонио:
Тебя люблю я; говорит во мне
Любовь. Есть люди, у которых лица
Покрыты пленкой, точно гладь болота;
Они хранят нарочно неподвижность,
Чтоб общая молва им приписала
Серьезность, мудрость и глубокий ум,
И словно говорят нам: «Я оракул,
Когда вещаю, пусть и пес не лает!»
О мой Антонио! Знаю я таких,
Что мудрыми славят лишь потому,
Что ничего не говорят,— тогда как,
Заговорив, они терзали б уши
Тем, кто, их слыша, ближних дураками
Назвал бы, верно.— Да об этом после.
Но не лови ты на приманку грусти
Такую славу — жалкую рыбешку! —
Пойдем, Лоренцо.— Ну, пока прощай!
А проповедь я кончу, пообедав.

Л о р е н ц о

Итак, вас оставляем — до обеда.
Придется мне быть мудрецом таким
Безмолвным: говорить не даст Грациано!

Г р а ц и а н о

Да, поживи со мною года два —
Звук голоса ты своего забудешь.

А н т о н и о

Пу, для тебя я стану болтуном!

Г р а ц и а н о

Отлично: ведь молчанье хорошо
В копченых языках да в чистых девах.

Грациано и Лоренцо уходят.

А н т о н и о

Где смысл в его словах?

Б а с с а н и о

Грациано говорит бесконечно много пустяков, больше, чем кто-либо в Венеции; его рассуждения — это два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах мякины. Чтобы их найти, надо искать весь день, а найдешь — увидишь, что и искать не стоило.

А н т о н и о

Ну, хорошо. Скажите — кто та дама,
К которой дали вы обет поехать
На поклоненье? Вы мне обещали.

Б а с с а н и о

Небезызвестно вам, Антонио,
Как сильно я дела свои расстроил,
Ведя пышней гораздо образ жизни,
Чем позволяла скромность средств моих.
Я не ропщу, что должен сократить
Роскошный обиход: одна забота —
Как с честью выйти из больших долгов,
В какие мотовство меня втянуло.
Вам должен я, Антонио, больше всех —
И деньгами и дружбой. Эта дружба
Порукой мне, что смело вам могу
Открыть мои намеренья и планы,
Как от долгов очиститься совсем.

А н т о н и о

Скажите все мне, добрый мой Бассанио;
И если ваши планы, как вы сами,
Согласны с честью, — уверяю вас,
Мой кошелек, я сам, мои все средства —
Открыто все, чтоб только вам помочь.

Б а с с а н и о

Еще в дни школы, потеряв стрелу,
За ней я тотчас вслед пускал другую,—
И в ту же цель, следя усердней только,—
Чтоб первую найти; рискнув двумя,
Я часто обе находил. Пример
Беру из детства — так мой план невинен.
Я много должен вам; как безрассудный
Мальчишка, это все я потерял.
Но коль решитесь вы стрелу вторую
Послать за первой вслед,— не сомневаюсь,
Что, целясь метко, иль найду я обе,
Иль возвращу вторую, благодарным
За первую оставшись должником.

А н т о н и о

Вы знаете меня; не тратьте ж время,
Ища окольный путь к моей любви.
Вы больше огорчаете меня,
В моем сильнейшем чувстве сомневаясь,
Чем если б разорили впрах меня.
Скажите просто мне, что надо сделать
И что, по-вашему, я сделать в силах,—
И я готов на все. Так говорите ж!

Б а с с а н и о

Богатая наследница в Бельмонте
Живет; красавица — прекрасней вдвое
Высокой добродетелью; порой
Ее глаза привет мне молча слали.
Ей имя — Порция; она не ниже
Супруги Брута, дочери Катона.
Все знают цену ей: из разных стран
Четыре ветра навевают ей
Искателей. А солнечные кудри
Как золотое светятся руно;
Бельмонт они в Колхиду обращают,
И не один Язон туда стремится.
О, будь возможность у меня, Антонио,
С любым из них достойно состязаться,—
Душа моя предсказывает мне,
Что я бесспорно одержу победу.

А н т о н и о

Ты знаешь, вся моя судьба — на море:
Нет у меня ни денег, ни товаров,
Чтоб капитал достать; ступай, узнай,
Что может сделать мой кредит в Венеции.
Его я выжму весь и до предела,
Чтоб к Порции в Бельмонт тебя отправить.
Ступай,— разузнавать мы будем оба,
Где деньги есть: найдем их, без сомненья,
Под мой кредит иль в виде одолженья.

Уходит.

С Ц Е Н А 2

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Порция и Нерисса.

П о р ц и я

Правду сказать, Нерисса, моя маленькая особа устала от этого большого мира.

Н е р и с с а

Так бы это и было, моя дорогая синьора, если бы у вас несчастий было столько же, сколько счастья. Но, видно, тот, кто слишком много ест, болеет точно так же, как тот, кто мучается от голода. Поэтому счастье — в золотой середине: излишество скорей доводит до седых волос, чем умеренность, которая ведет к долговечности.

П о р ц и я

Прекрасные наставления, и прекрасно сказаны.

Н е р и с с а

Они были бы еще лучше, если бы исполнялись, как должно.

П о р ц и я

Если бы делать было так же легко, как знать, что надо делать, то часовни стали бы храмами, а бедные хижины — царскими дворцами. Хорош тот священник, который поступает по собственным поучениям. Мне легче научить двадцать человек, как надо поступать, чем быть одной из этих двадцати и следовать собственным наставлениям. Рассудок может предписать законы крови; но пылкий темперамент перепрыгивает через все холодные правила. Юность — сумасбродный заяц, который пере-

скакивает через капкан калеки-благоразумия. Но все эти рассуждения не помогут мне выбрать мужа! Бедная я! «Выбрать»! Я не смею ни выбрать того, кого хочу, ни отказать тому, кто мне не нравится: воля живой дочери порабощена волей умершего отца! Не жестоко ли это, Перисса, что я не могу ни выбрать, ни отвергнуть?

Перисса

Ваш отец был всегда добродетельным человеком, а к людям чистым душою в предсмертные минуты иногда приходит благое прозрение: раз он придумал эту лотерею — три ларца, золотой, серебряный и свинцовый, и тот, кто угадает его мысль, получит вас, — так поверьте, угадает, наверно, тот, кто по-настоящему любит. Но скажите: есть ли у вас хоть к одному из бывших царственных женихов какая-нибудь склонность?

Порция

Пожалуйста, назови их по именам; по мере того как ты их будешь называть, я буду описывать их тебе, и из моих описаний ты сможешь судить о степени моей склонности.

Перисса

Во-первых, принц Неаполитанский.

Порция

О, это настоящий жеребенок: говорит только о своей лошади и считает своим главным талантом, что сам может ее подковывать. Боюсь, не согрешила ли его светлейшая матушка с каким-нибудь кузнецом.

Перисса

Затем пфальцграф.

Порция

Этот только и знает, что хмурит брови и точно хочет сказать: «Не желаете меня — воля ваша». Он самые веселые рассказы слушает без улыбки. Раз он в молодости так неприлично угрюм, боюсь, что к старости он превратится в плачущего философа. Да я бы скорей вышла замуж за мертвую голову с костью в зубах, чем за одного из них. Господи, спаси меня от обоих!

Перисса

А что вы скажете о французском вельможе, мосье Ле-Боне?

Порция

Раз уж его бог создал, так пусть слывет за мужчину. Право, я знаю, что насмехаться грех. Но этот! Да, у него лошадь лучше,

чем у неаполитанца; гадко хмурить брови он умеет лучше, чем пфальцграф; он — все и никто. Стоит дрозду запеть, он уже готов прыгать... Он рад фехтовать со своей собственной тенью. Выйди я за него, я бы вышла за двадцать мужей сразу. Если бы он презирал меня, я бы ему это простила, потому что, любя он меня до безумия, я никогда не ответила бы ему любовью.

Н е р и с с а

Ну, а что вы скажете о Фоконбридже, молодом английском бароне?

П о р ц и я

Знаешь, ничего не могу ни о нем, ни ему сказать, потому что ни он меня не понимает, ни я его. Он не говорит ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски, а ты смело можешь дать на суде присягу, что я ни на грош не знаю по-английски. Он — воплощение приличного человека; но, увы, кто может разговаривать с немой фигурой? И как странно он одевается! Я думаю, он купил свой камзол в Италии, широчайшие штаны — во Франции, шляпу — в Германии, а манеры — во всех странах мира.

Н е р и с с а

А что вы думаете о шотландском лорде, его соседе?

П о р ц и я

Что в нем есть добрососедское милосердие: он получил от англичанина взаймы пощечину и поклялся, что отдаст ее при первой возможности. Кажется, француз был его поручителем и подписался за него.

Н е р и с с а

Как вам нравится молодой немец, племянник герцога Саксонского?

П о р ц и я

Он отвратителен по утрам, когда трезв, и еще отвратительнее после обеда, когда пьян. В лучшие свои минуты он немножко хуже, чем человек, а в худшие — немного лучше, чем животное. В самом худшем случае — я уж постараюсь от него избавиться.

Н е р и с с а

Однако, если он пожелает принять участие в выборе и угадает ларец правильно, вам придется согласиться на брак с ним, или же вы нарушите волю вашего отца.

П о р ц и я

Во избежание этого поставь, пожалуйста, большой стакан рейнского вина на невыигрышный ящик; и тогда — будь хоть

сам черт внутри, а снаружи этот соблазн,— я знаю, немец выберет его. Я пойду на все, Нерисса, лишь бы не выйти замуж за губку.

Н е р и с с а

Не бойтесь, синьора: вам не достанется ни один из всех этих господ. Они сообщили мне свое решение: они намерены разъехаться по домам и больше вас не беспокоить своими домогательствами, если нельзя добиться вашей руки каким-нибудь другим способом, кроме выбранного вашим отцом — при помощи этих ларцов.

П о р ц и я

Доживи я до старости Сивиллы, я умру целомудренной, как Диана, если никому не удастся получить меня так, как хотел мой отец. Но я очень рада, что эта партия женихов оказалась такой благоразумной, потому что среди них нет никого, о ком бы я сердечно пожалела; и я прошу создателя даровать им счастливый путь.

Н е р и с с а

А помните вы, синьора, когда отец ваш еще был жив, одного венецианца: он был ученый и воин,— он приезжал к нам с маркизом Монферратским?

П о р ц и я

О, да. Это был Бассанио. Кажется, его так звали?

Н е р и с с а

Верно, синьора. Из всех людей, на которых глядели мои голубые глаза, он всех достойнее прекрасной синьоры.

П о р ц и я

Я хорошо его помню; и помню, что он вполне достоин твоей похвалы.

Входит слуга.

Что там такое? Какие новости?

С л у г а

Четверо иностранцев ищут вас, синьора, чтобы проститься с вами. А, кроме того, прибыл вестник от пятого — принца Марокканского; он сообщает, что принц, его господин, будет здесь сегодня вечером.

П о р ц и я

Если бы я могла сказать этому пятому: «здравствуйте» — так же охотно, как скажу тем четверым: «прощайте», — я была

бы рада его приезду. Будь у него нрав святого, а лицо дьявола, так лучше бы он меня взял в духовные дочери, чем в жены!

Пойдем, Нерисса.— Ты ступай вперед.
Лишь за одним запрем, другой уж у ворот!
Уходит.

С Ц Е Н А 3

Венеция. Площадь.

Входят Бассанио и Шейлок.

Шейлок

Три тысячи дукатов? Хорошо.

Бассанио

Да, синьор, на три месяца.

Шейлок

На три месяца? Хорошо.

Бассанио

За меня, как я уже сказал, поручится Антонио.

Шейлок

Антонио поручится по векселю? Хорошо.

Бассанио

Можете вы мне помочь? Хотите вы обязать меня? Могу я узнать ваш ответ?

Шейлок

Три тысячи червонцев на три месяца и за поручительством Антонио?

Бассанио

Ваш ответ?

Шейлок

Антонио — хороший человек.

Бассанио

Слышали вы когда-нибудь о нем, что это не так?

Шейлок

О, нет, нет, нет, нет! Словами «он хороший человек» я хочу сказать, что он, понимаете, человек состоятельный. Однако капи-

тал его весь в надеждах. У него одно судно плывет в Триполи, другое в Индию; кроме того, на Риальто я слышал, что третье у него сейчас в Мексике, четвертое в Англии и остальные суда тоже разбросаны по всему свету. Но ведь корабли — это только доски, а моряки — только люди; а ведь есть и земляные крысы и водяные крысы, и сухопутные воры и водяные воры, то есть пираты; а кроме того — опасности от воды, ветра и скал. Несмотря на это, он человек состоятельный... Три тысячи червонцев... Пожалуй, вексель его взять можно.

Б а с с а н и о

Будьте уверены, что можно.

Ш е й л о к

Я хочу быть уверенным, что можно; а чтобы быть уверенным, мне нужно обдумать. Могу я поговорить с Антонио?

Б а с с а н и о

Не угодно ли вам отобедать с нами?

Ш е й л о к

Да? Чтобы свинину нюхать? Есть сосуд, в который ваш пророк-назарянин загнал бесов заклинаниями? Я буду покупать у вас, продавать вам, ходить с вами, говорить с вами и прочее, но не стану с вами ни есть, ни пить, ни молиться.— Что нового на Риальто? Кто это идет?

Входит Антонио.

Б а с с а н и о

Вот и сеньор Антонио.

Ш е й л о к

(в сторону)

Вот истинно на вид слащавый мытарь!
Он ненавистен мне как христианин,
Но больше тем, что в жалкой простоте
Взаимы дает он деньги без процентов
И курса рост в Венеции снижает.
Ох, если б мне ему вцепиться в бок!
Уж я вражду старинную насыщу.
Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный

Зовет лихвой. Будь проклят весь мой род,
Коль я ему прошу!

Б а с с а н и о

Ну, что же, Шейлок?

Ш е й л о к

Я обсуждаю мой запас наличный;
По памяти прикинувши, я вижу,
Что сразу мне всей суммы не собрать
В три тысячи червонцев. Что ж такое?
Тубал, еврей, богатый мой сородич,
Поможет мне. Но стойте! Срок какой
Угоден вам?

(К Антонио.)

Привет, синьор добрейший;
Вот только что о вас мы толковали.

А н т о н и о

Я, Шейлок, не даю и не беру
С тем, чтоб платить или взимать проценты,—
Но, чтоб помочь в нужде особой другу,
Парушу правило.

(К Бассанио.)

Он знает, сколько вам нужно?

Ш е й л о к

Да, три тысячи червонцев.

А н т о н и о

И на три месяца.

Ш е й л о к

Забыл! Три месяца: вы так сказали.
И вексель ваш. Подумаем... Но вот что:
Сказали вы, что не берете ссуд
И не даете в рост?

А н т о н и о

Да, никогда.

Ш е й л о к

Когда Иаков пас овец Лавана
(Иаков сей святому Аврааму —

Так мать его устроила премудро —
Преемником был третьим... Так... да, третьим...).

А н т о н и о

При чем же это? Он проценты брал?

Ш е й л о к

Нет, не проценты... То есть, не проценты
В прямом значенье слова; но заметьте,
Что сделал он: условился с Лаваном,
Что всех ягнят пестрых он получит.
Когда же овцы, полные желанья,
Осеннею порой пошли к баранам
И дело зарождения началось
Меж этой пышношерстной породой,—
Хитрец узором ветки обдирал
И в самый миг зачатия их ставил
Он перед зачинающею маткой;
Зачавши так, приплод они несли
Сплошь пестрый; все Иакову досталось.
Вот путь к наживе,— он благословен...
Благословен барыш, коль не украден!

А н т о н и о

Иакову помог счастливый случай;
Совсем не от него исход зависел:
Он небом был задуман и свершен.
Рассказ ваш был, чтоб оправдать проценты?
Иль ваши деньги — овцы и бараны?

Ш е й л о к

Не знаю; я положу их так же быстро.
Но слушайте, синьор...

А н т о н и о

Заметь, Бассанио:
В нужде и черт священный текст приводит.
Порочная душа, коль на святыню
Ссылается, похожа на злодея
С улыбкой на устах иль на красивый,
Румяный плод с гнилою сердцевинной.
О, как на вид красива ложь бывает!

Ш е й л о к

Три тысячи червонцев! Куш немалый...
Три месяца... А сколько годовых?

А н т о н и о

Что ж, Шейлок, вы хотите обязать нас?

Ш е й л о к

Синьор Антонио, много раз и часто
В Риальто поносили вы меня
Из-за моих же денег и процентов.
Я все сносил с пожатьем плеч покорным:
Терпенье — рода нашего примета.
Меня вы звали злобным псом, неверным,
Плевали на жидовский мой кафтан
За то, что я лишь пользуюсь своим.
Так; но теперь, как видно, я вам нужен.
Что ж! Вы ко мне идете, говорите:
«Нам нужны деньги, Шейлок»... Это вы,
Вы просите, плевавший мне в лицо,
Меня пинками гнавший, как собаку,
От своего крыльца? Вам деньги нужны!
Что ж мне сказать вам? Не сказать ли мне:
«Где ж деньги у собак? Как может пес
Давать займы три тысячи червонцев?»
Иль, низко поклонившись, рабским тоном,
Едва дыша и с трепетным смиреньем
Сказать:
«Синьор, вы в среду на меня плевали,
В такой-то день пинка мне дали, после
Назвали псом; и вот, за эти ласки
Я дам займы вам денег».

А н т о н и о

Тебя опять готов я так назвать,
И плюнуть на тебя, и пнуть ногою.
Коль хочешь дать нам денег, так давай их
Не как друзьям. Когда же дружба ищет
Приплода от бесплодного металла?
Скорее одолжи их как врагу,
Чтоб, если обанкротился, спокойно
Взыскать с него.

Ш е й л о к

Смотрите, как вспыхнули!
Хочу вам другом быть, снискать приязнь,
Забывать позор, каким меня клеймили,
Помочь вам и не взять с вас ни гроша

Процентов,— вы же слушать не хотите.
Я говорю по доброте сердечной.

Б а с с а н и о

По доброте?

Ш е й л о к

Я это докажу:

К нотариусу вы со мной пойдите
И напишите вексель; в виде шутки,—
Когда вы не уплатите мне точно
В такой-то день и там-то суммы долга
Указанной,— назначим неустойку:
Фунт вашего прекраснейшего мяса,
Чтоб выбрать мог часть тела я любую
И мясо вырезать, где пожелаю.

А н т о н и о

Отлично, подпишу я этот вексель;
Притом скажу, что жид был очень добр.

Б а с с а н и о

Нет, за меня ты векселя такого
Не дашь; нет, лучше я в пужде останусь!

А н т о н и о

Не бойся, милый друг, я не просрочу.
В ближайшие два месяца — за месяц
До срока, значит,— получить я должен
Раз в десять более, чем эта сумма.

Ш е й л о к

О отче Авраам! Вот каковы
Все эти христиане: их жестокость
Их учит и других подозревать!
Судите сами: если он просрочит —
Что пользы мне от этой неустойки?
Людского мяса фунт — от человека! —
Не столько стоит и не так полезен,
Как от быка, барана или козла.
Помочь хочу, чтоб милость заслужить;
Согласен он — извольте; нет — прощайте;
За дружбу мне обидой не платите.

А н т о н и о

Да, Шейлок, я твой вексель подпишу.

Шейлок

Сойдемся ж у нотариуса. Вексель
Шутливый заготовьте у него,
А я пойду и соберу дукаты;
Зайду в мой дом, оставленный на волю
Небрежного слуги, и очень скоро
Приду я к вам.

Антонио

Ступай же, добрый жид.

Шейлок уходит.

Еврей придет к Христу. Он стал добрей!

Бассанио

Боюсь я сладких слов от злых людей.

Антонио

Идем. Опасность всякая далеко:
Суда придут за тридцать дней до срока.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят принц Марокканский со свитой, Порция, Нерисса
и другие ее прислужницы.

Роговая музыка.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

Не презирай меня за черноту:
Ливреей темной я обязан солнцу;
Я с ним сосед, я вскормлен рядом с ним.
Зови белейшего из северян
Из края, где под солнцем льды не тают,—
Надрежем кожу из любви к тебе,
Чтоб посмотреть, чья кровь краснее будет,—
Синьора, верь: мой вид страшил храбрейших,
Но, я клянусь тебе моей любовью,
Страны моей прекраснейшие девы
Его любили. Цвет мой изменить
Я только для того бы согласился,
Чтоб этим чувства у тебя похитить,
О пежная владычица моя!

П о р ц и я

Я в выборе руковожусь не только
Взыскательным советом глаз девичьих;
Притом моя судьба, как лотерея,

Мне запрещает добровольный выбор.
Но, если б мой отец не ограничил
Меня своею мудростью, назначив
Женой тому, кто угадает ларчик,—
Вы, славный принц, темнее б не казались
Для чувств моих, чем все, кого встречала
Доныне.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

Благодарен и за это!

Ведите же меня к ларцам, чтоб счастье
Мне попытать. Клянусь мечом, которым
Убит был Софи и персидский принц,
Что победил в трех битвах Сулеймана,
Я взглядом самый грозный взгляд сразил бы,
Померялся б с храбрейшим сердцем в мире,
Сосуших медвежат у матки б вырвал
И посмеялся б над голодным львом,—
Чтоб завладеть тобой. Но ах! Когда
Лихас и Геркулес играют в кости,
Решая, кто сильнее, случайно может
Слабейшего рука удачней кинуть —
И победит Алкида паж его.
Так я могу, ведом слепой судьбою,
Утратить, что получит недостойный,
И умереть от горя.

П о р ц и я

Вы должны

Решиться иль совсем не выбирать,
Иль раньше клятву дать — коль ошибетесь,
Не говорить о браке никогда
И ни одной из женщин. Обсудите ж.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

На все согласен; ну, ведите ж к счастью.

П о р ц и я

Сначала в храм; а после, пообедав,
Дерзните.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

Пусть судьба пошлет успех.
Быть мне счастливей иль несчастней всех!

Роговая музыка.

Уходят.

СЦЕНА 2

Венеция. Улица.

Входит Ланчелот.

Ланчелот

Конечно, совесть моя позволит мне сбежать от этого жида, моего хозяина. Бес меня так вот и толкает, так вот и искушает; говорит: «Гоббо, Ланчелот Гоббо, добрый Ланчелот», или: «Добрый Гоббо», или: «Добрый Ланчелот Гоббо, пусти ноги в ход, беги во все тяжкие, удирай отсюда». А совесть говорит: «Нет, постой, честный Ланчелот, постой, честный Гоббо», или, как было сказано: «Честнейший Ланчелот Гоббо, не удирай, топни ногой на эти мысли». Ладно; а храбрый дьявол велит мне складывать пожитки: «В путь!» — говорит бес; «марш!» — говорит бес; «ради бога, соберись с духом, — говорит бес, — и лупи». Ладно; а совесть моя вешается на шею к моему сердцу и мудро говорит: «Мой честный друг Ланчелот, ведь ты сын честного отца...», или, скорее, сын честной матери, потому что, сказать правду, отец-то мой несколько... как бы это выразиться... отдавал чем-то... был у него этаким привкус... Ладно; совесть мне говорит: «Ланчелот, не шевелись!..» — «Пошевеливайся», — говорит бес. «Ни с места!» — говорит совесть. «Совесть, — говорю, — правильно ты советуешь!» Если повиноваться совести, надо мне остаться у жида, моего хозяина; а он-то — прости меня, господи! — сам вроде дьявола; а чтобы удрать от жида, придется повиноваться лукавому, а ведь он-то, с вашего позволения, и есть сам дьявол. И то правда, что жид — воплощенный дьявол; и, по совести говоря, совесть моя — жестокосердная совесть, если она мне советует остаться у жида. Бес мне дает более дружеский совет; я таки удеру, дьявол; мои пятки к твоим услугам; удеру.

Входит старый Гоббо с корзиной.

Гоббо

Молодой синьор, скажите, пожалуйста, как тут пройти к синьору жиду?

Ланчелот

(в сторону)

О небо! Да это мой единородный отец. Он слеп так, словно ему не то что песком, а крупным гравием глаза засыпало. Не узнает меня; сыграю с ним какую-нибудь штуку.

Гоббо

Почтеннейший молодой синьор, сделайте милость: как мне пройти к синьору жиду?

Л а н ч е л о т

А поверните направо — при первом повороте, но при самом первом повороте поверните налево; да смотрите, при настоящем то повороте не поворачивайте ни направо, ни налево, а ворочайте прямехонько к дому жида.

Г о б б о

Святые угодники! Трудно будет попасть на настоящую дорогу. Вы не можете сказать мне: некий Ланчелот, что у него живет, живет у него или нет?

Л а н ч е л о т

Вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте? *(В сторону.)* Вот погодите, какую я сейчас историю разведу. *(Старику.)* Вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте?

Г о б б о

Какой там синьор, ваша милость? Сын бедного человека! Отец его — хоть это я сам говорю — честный, но очень бедный человек, — хотя, благодаря бога, здоровый.

Л а н ч е л о т

Ну, кто бы там ни был его отец, мы говорим о молодом синьоре Ланчелоте.

Г о б б о

О знакомом вашей милости — просто Ланчелоте, сударь.

Л а н ч е л о т

Но прошу вас, старик, то бишь умоляю вас; следственно, вы говорите о молодом синьоре Ланчелоте?

Г о б б о

О Ланчелоте, с позволения вашей милости.

Л а н ч е л о т

Следственно, о синьоре Ланчелоте. Не говорите о синьоре Ланчелоте, батюшка мой, ибо этот молодой синьор (согласно воле судеб и рока и всяких таких ученых вещей, вроде трех сестер Парок и прочих отраслей науки) действительно скончался, или, если можно выразиться проще, отошел в лучший мир.

Г о б б о

Господи упаси! Да ведь мальчуган был истинным посохом моей старости, истинной моей подпорой!

Л а н ч е л о т

Неужто ж я похож на палку или на балку, на посох или на подпорку? Вы меня не узнаете, батюшка?

Г о б б о

Ох, нет! Я вас не знаю, молодой синьор. Но, прошу вас, скажите мне правду: что мой мальчик — упокой, господь, его душу — жив или помер?

Л а н ч е л о т

Неужто вы не узнаете меня, батюшка?

Г о б б о

Ох, горе, я ведь почти что ослеп; не признаю вас.

Л а н ч е л о т

Ну, по правде, даже будь у вас глаза в порядке, вы и то могли бы не узнать меня; умея тот отец, что узнает собственного ребенка. Ладно, старик, я вам все расскажу про вашего сына. *(Становится на колени.)* Благослови меня. Правда должна выйти на свет: убийства долго скрывать нельзя! Кто чей сын, это скрыть можно, но в конце концов правда выйдет наружу.

Г о б б о

Встаньте, синьор, встаньте, пожалуйста; это невозможно, чтобы вы были Ланчелот, мой мальчик.

Л а н ч е л о т

Бросим дурачиться; благослови меня. Я, Ланчелот, был твоим мальчуганом, остался твоим сыном и буду всегда твоим детищем.

Г о б б о

Не могу поверить, что вы мой сын.

Л а н ч е л о т

Не знаю, что мне об этом подумать; но я — Ланчелот, слуга жиды, и уверен в одном: что жена твоя Марджери — моя мать.

Г о б б о

Да, ее зовут Марджери, верно... И могу дать присягу, что если ты Ланчелот, так ты плоть и кровь моя. Господи! Будь благословенно имя твое! Какую ты бороду отрастил! Да у тебя на подбородке больше волос, чем у моего коренника Доббина в хвосте.

Л а н ч е л о т

Значит, у Доббина хвост короче стал; когда я его последний раз видел, у него в хвосте куда больше волос было, чем у меня на подбородке.

Г о б б о

Господи, как ты изменился! Как же ты ладишь со своим хозяином? Я ему подарок принес. Как вы с ним ладите?

Л а н ч е л о т

Ничего, хорошо. Но что до меня, я решил от него убежать; и до тех пор не присяду, пока не продаю хорошего коща. Хозяин мой — настоящий жидюга. Ему — подарки дарить! Подари ему веревку, чтобы удавился; я у него на службе с голодудохну. У меня все ребра можно пальцами пересчитать. Я очень рад, отец, что ты пришел. Отдай-ка свой подарок лучше синьору Бассанио; какие он, говорят, замечательные ливреи своим слугам заказывает! Если мне не удастся поступить к нему, я убегу, на край света убегу. — Вот редкая удача! Он сам сюда идет. К нему, отец! Потому — будь я жид, если еще останусь служить у жида.

Входит Бассанио с Леонардо и другими слугами.

Б а с с а н и о

Это вы можете сделать; но поторопитесь: ужин — не позднее пяти часов. Отправьте эти письма, отдайте ливреи в работу и попросите Грациано зайти ко мне домой.

Один из слуг уходит.

Л а н ч е л о т

Прямо к нему, отец.

Г о б б о

Спаси, господи, вашу милость!

Б а с с а н и о

Очень благодарен. Тебе что-нибудь нужно от меня?

Г о б б о

Вот, синьор, сын мой, бедный малый...

Л а н ч е л о т

Не бедный малый, синьор, а слуга богатого жида, который хотел бы... как вам объяснит мой отец...

Г о б б о

Он, синьор, как говорится, спит и видит...

Л а н ч е л о т

Словом, долго ли, коротко ли, я служу у жида, а желательно мне, как вам объяснит мой отец...

Г о б б о

С позволения вашей милости, нельзя сказать, чтобы он жил со своим хозяином душа в душу.

Л а н ч е л о т

Короче говоря, сущая правда в том, что жид меня всячески притеснял, а это меня и заставляет, как мой отец, старый человек, божьей милостью вам изложит...

Г о б б о

Тут вот у меня блюдо из голубей; я осмелюсь предложить его вашей милости, и просьбица моя...

Л а н ч е л о т

Чтобы не тратить даром слов, просьба эта меня очень интересует, как узнает ваша милость от этого честного старика... потому... хоть я сам это говорю, хоть и старик он, бедняга, а все-таки отец мой.

Б а с с а н и о

Говорите кто-нибудь один. Чего вы хотите?

Л а н ч е л о т

Служить у вас, синьор.

Г о б б о

Вот и весь дефект нашей просьбы!

Б а с с а н и о

Тебя я знаю, и исполню просьбу.
Тебя хвалил мне нынче твой хозяин;
Повышен ты, коль это повышение —
Оставить дом богатого жида,
Чтобы служить такому бедняку.

Л а н ч е л о т

Старая пословица прекрасно поделилась между моим хозяином Шейлоком и вами, синьор: у вас — божья благодать, а у него — деньги.

Б а с с а н и о

Ты хорошо сказал. Ступайте оба;
Простись с хозяином и приходи
Тогда в мой дом.

(Слугам.)

Ему ливрею выдать
Наряднее других. Исполнить точно.

Л а н ч е л о т

Пойдем, отец. А! Так мне не найти себе места? А! Так у меня языка во рту нет? Ладно! *(Смотрит на свою ладонь.)* Найдите-ка во всей Италии еще такую счастливую ладонь. Готов ее положить на библию для присяги, что я буду удачлив. Вы посмотрите-ка, нечего сказать, простая линия жизни: женщин-то, женщин сколько! Пятнадцать женщин, пустое дело; одиннадцать вдов, девять девиц — для одного человека недурной доходец. Кроме того, трижды буду тонуть на краю гибели. Да еще смертельная опасность на краю перины. Это я называю — удачное спасение. Ну, если фортуна женщина, она добрая бабенка в таких делах. Пойдем, отец; я с жидом прощусь в одно мгновенье ока. *(Уходит вместе со старым Гоббо.)*

Б а с с а н и о

Так позаймись, прошу, друг Леонардо,
Всем этим. Закупив и все устроив,
Скорей вернись; я нынче угощаю
Друзей ближайших. Поспеш! Ступай.

Л е о н а р д о

Со всем усердьем все исполню я.

Входит Грациано.

Г р а ц и а н о

Где господин ваш?

Л е о н а р д о

Вот он там, синьор.

(Уходит.)

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио...

Б а с с а н и о

Грациано!

Г р а ц и а н о

К вам просьба есть...

Б а с с а н и о

Заранее согласен.

Г р а ц и а н о

Вы не должны мне отказывать в этом: я должен ехать с вами в Бельмонт.

Б а с с а н и о

Должны? Так едем! — Но, Грациано, слушай:
Ты слишком резок, пылок, неводержан
В речах. Тебе идут такие свойства,—
В глазах у нас все это — не пороки;
Но где тебя не знают, там, пожалуй,
Покажешься ты дерзким; постарайся ж
Прибавить несколько холодных капель
Терпения в свой пылкий дух,— иначе
Ты повредишь мне диким поведением,
И все надежды рухнут!

Г р а ц и а н о

О Бассанио!

Коль не приму я скромный вид, не буду
Учтиво говорить, ругаться редко,
Молитвенник посить, взирать смиренно,
Во время предобеденной молитвы,
Глаза прикрывши шляпою, вздыхать:
«Аминь», и строго соблюдать приличья,
Как тот, кто смотрит бабушке в угоду
Святошей,— больше вы не верьте мне.

Б а с с а н и о

Отлично; мы увидим.

Г р а ц и а н о

Но эта ночь не в счет: вы не судите
Меня по ней.

Б а с с а н и о

Нет, это было б жаль.
Скорей просил бы вас надеть одежды

Смелейшего веселья: жду друзей я
Повеселиться! А теперь прощайте.
Есть дело у меня.

Г р а ц и а н о

А я иду к Лоренцо и к другим,
Но к ужину мы будем все у вас.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Комната в доме Шейлока.

Входят Джессика и Ланчелот.

Д ж е с с и к а

Мне жаль, что ты отца оставить хочешь.
Наш дом ведь ад; а ты, веселый дьявол,
Подчас мне помогал рассеять скуку.
Но — в добрый час... А вот тебе дукат.—
Да, Ланчелот, за ужином увидишь
Ты у Бассанио в гостях Лоренцо:
Отдай ему письмо; но только тайно.
Прощай. Не надо, чтоб отец мой видел,
Что мы с тобою говорим.

Л а н ч е л о т

Будьте здоровы! Слезы застилают мой язык. Прекраснейшая
язычница, очаровательнейшая жидовка! Если какой-нибудь хри-
стианин не пойдет из-за тебя на мошенничество, чтобы только за-
получить тебя,— я буду положительно обманут. Но... будьте здо-
ровы! Эти глупые слезы затопляют мой мужественный дух.
Будьте здоровы! (*Уходит.*)

Д ж е с с и к а

Прощай, друг Ланчелот!
Увы, какой постыдный грех — стыдиться,
Что я ребенок моего отца!
Но я ведь дочь ему по крови только,
Не по душе. Сдержи обет, Лоренцо,—
И стану я, покончивши с борьбой,
И христианкой и твоей женой.

(*Уходит.*)

СЦЕНА 4

Там же. Улица.

Входят Грациано, Лоренцо, Саларино и Саланио.

Лоренцо

Так; мы тайком от ужина сбежим
Ко мне, наденем маски и вернемся;
За час успеем.

Грациано

Но ничего у нас ведь не готово.

Саларино

Не заказали мы факелоносцев.

Саланио

Устраивать кой-как — да это гадость!
Уж лучше не устраивать совсем.

Лоренцо

Сейчас четыре; два часа у нас,
Чтоб все успеть...

Входит Ланчелот с письмом.

Что нового, приятель?

Ланчелот

А вот, если вы изволите распечатать вот это,— так, верно,
узнаете, что нового. *(Дает ему письмо.)*

Лоренцо

Я знаю руку... Дивная рука!
Белей листка, написанного ею,
Та ручка нежная!

Грациано

Письмо любви?

Ланчелот

Разрешите откланяться, синьор.

Лоренцо

Куда идешь ты?

Л а н ч е л о т

Да вот, синьор, иду приглашать моего прежнего хозяина — жиди отужипать у моего нового хозяина — христианина.

Л о р е н ц о

На вот, возьми. И Джессике прелестной
Скажи секретно, что приду. Ступай.

Ланчелот уходит.

Идем готовиться к маскараду.
Факелопосец у меня уж панят.

С а л а р и н о

Пу что ж, иду сейчас же; я готов.

С а л а н и о

Приду и я.

Л о р е н ц о

Так через час сойдемся
Мы все у Грациано на дому.

С а л а р и н о

Придем, отлично.

Саларино Саланио уходит.

Г р а ц и а н о

Письмо от Джессики прекрасной было?

Л о р е н ц о

Тебе доверюсь я. Она мне пишет,
Как от отца ее мне увести;
Что у нее есть золото и камни
И что костюм пажа она достала.
Да, если жид попасть на небо может,
Так только из-за дочери прелестной,
И если ей несчастье посмеет
Путь преградить, так только под предлогом,
Что Джессика — дочь гнусного жиди.
Пойдем со мной; прочти письмо доброй.
Мне милая факелопосцем будет.

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Перед домом Шейлока.

Входят Шейлок и Ланчелот.

Шейлок

Увидишь сам. Твои глаза рассудят;
Меж ним и мною разницу увидишь.—
Эй, Джессика! — Не будешь обжираться,
Как у меня...— Эй, Джессика! — Не будешь
Спать и храпеть и рвать свою одежду.
Да что ж ты, Джессика?

Ланчелот

Эй, Джессика!

Шейлок

Ты что кричишь? Тебя кричать не просят.

Ланчелот

Ваша милость всегда меня бранили, что я ничего не умею
без приказанья.

Входит Джессика.

Джессика

Вы звали? Что угодно?

Шейлок

Я, Джессика, сегодня зван на ужин.
Возьми ключи.— Но стоит ли идти?
Зовет не дружба — лесть. Но я пойду,
Из ненависти буду есть: пусть платит
Мот-христианин.— Ну, мое дитя,
Смотри за домом.— Лучше б не ходить мне.
Грозит несчастье моему покою:
Всю ночь мешки с дукатами мне снились.

Ланчелот

Сделайте милость, пожалуйста, синьор; мой молодой господин надеется на ваше отращение.

Шейлок

Как и я — с его стороны.

Ланчелот

Там целый заговор; я не говорю, что будет маскарад, но увидите, что недаром у меня в чистый понедельник кровь из носу

шла с шести часов утра,— а это был как раз тот день, что четыре года тому назад выпал на покаянную среду.

Шейлок

Как, маскарад? Ну, Джессика, так слушай:
Запрись кругом. Заслышишь барабаны
Иль писк противный флейты кривоносою —
Не смей на окна лазить да не вздумай
На улицу высовывать и носа,
Чтобы глазеть на крашенные хари
Безмозглых христиан; но в нашем доме
Заткни все уши, то есть окна все,
Чтоб не проникнул шум пустых дурачеств
В мой дом почтенный. Ох, клянусь жезлом
Иакова, что мне не до пирушек!
Но я отправлюсь.— Ну, ступай вперед;
Скажи — приду.

Ланчелот

Иду, сеньор! — А вы, сеньора, поглядывайте все-таки в окошко:

Христианин придет сейчас,—
Стоит он еврейки глаз.

(Уходит.)

Шейлок

Что шут сказал, Агари семя? А?

Джессика

Сказал «прощайте», больше ничего.

Шейлок

Не злой бездельник, но обжора страшный.
В работе — что улитка; спит весь день,
Как кот. А мне не надо трутней в улье;
Так я и уступил его другому,—
Пусть он ему опустошать поможет
Заемный кошелек. Ну, дочь, домой!
Быть может, я сейчас же возвращусь.
Все сделай, как сказал я; да запрись.
Запрешь плотней — найдешь верней —
Пословица хозяйственных людей.

(Уходит.)

Д ж е с с и к а

Прощай! Захочет мне судьба помочь —
Отца я потеряю, ты же — дочь.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 6

Там же.

Входят Грациано и Саларино в масках.

Г р а ц и а н о

Вот тот навес, где подождать Лоренцо
Просил нас.

С а л а р и н о

Час его почти прошел.

Г р а ц и а н о

Не чудо ль, что опаздывает он?
Любовники бегут скорей часов.

С а л а р и н о

О! Голуби Венеры в десять раз
Быстрее летят скрепить пыл новой страсти,
Чем прежних клятв спешат сдержать обет.

Г р а ц и а н о

Да, так всегда. Кто ж от стола встает
С таким же аппетитом, как садился?
Где конь, чтобы бежал в обратный путь
Наскучивший с таким же пылким рвением,
Как начал бег? За каждой вещью в мире
Нам слаще гнаться, чем иметь ее.
Как с юным мотом схож корабль, когда,
Весь в флагах, покидает порт родимый,
Ласкаемый непостоянным ветром!
Как, возвращаясь, схож он с блудным сыном:
Бока помяты, паруса в лохмотьях,
Он порван, смят непостоянным ветром!

С а л а р и н о

Вот и Лоренцо. Ну, об этом после.

Входит Лоренцо.

Л о р е н ц о

Друзья мои, простите промедленье.
Не я — дела мои виной задержки.
Когда жену украсть вы захотите,
Я столько ж буду ждать вас. Подойдите;
Живет здесь тесть мой, жид. — Эй! Кто там есть?

В окне показывается Джессика в мужском платье.

Д ж е с с и к а

Кто вы? Для верности скажите мне,
Хоть клятву дам, что голос ваш я знаю.

Л о р е н ц о

Лоренцо я, твоя любовь!

Д ж е с с и к а

Лоренцо — так; моя любовь — да, верно.
Кого ж еще я так люблю? Но вот что:
Кто знает, кроме вас, что я-то — ваша?

Л о р е н ц о

Бог и твой ум — свидетели тому.

Д ж е с с и к а

Лови мой ларчик; этого он стоит.
Я рада ночи: вам меня не видно, —
Так я стыжусь наряда моего.
Но ведь любовь слепа, и тот, кто любит,
Не видит сам своих безумств прелестных;
Не то сам Купидон бы покраснел,
Меня увидев мальчиком одетой.

Л о р е н ц о

Спустишь; ты будешь мне факелоносцем.

Д ж е с с и к а

Как? Мне самой же освещать свой стыд?
Ах, он и без того уж слишком ясен.
Я буду всем видна, — а мне ведь надо
Скрываться, милый.

Л о р е н ц о

Ангел мой, ты скрыта
Прелестнейшим мальчишеским нарядом.

Но выходи!
Ведь ночь уж скоро обратится в бегство, —
А нас Бассанио на ужин ждет.

Д ж е с с и к а

Я все запру, позолочу себя
Еще червонцами — и выйду к вам.

(Скрывается.)

Г р а ц и а н о

Клянусь вам клубуком моим — она
Язычница, но вовсе не жидовка!

Л о р е н ц о

Будь проклят я, коль не люблю ее.
Она умна, как я могу судить;
Прекрасна, коль мои глаза не лгут мне;
Верна, что доказала мне сама.
Такой же умной, верной и прекрасной
Любовь моя к ней вечно в сердце будет!

Входит Д ж е с с и к а.

А, ты уж здесь? Итак, друзья, вперед!
Давно уж масок сборище нас ждет.
(Уходит вместе с Джессикой и Саларино.)

Входит А н т о н и о.

А н т о н и о

Кто это здесь?

Г р а ц и а н о

Синьор Антонио!

А н т о н и о

Фу, стыд, Грациано! Где же остальные?
Девятый час; друзья давно вас ждут.
Пир отменен: подул попутный ветер, —
Бассанио торопится отплыть.
Я двадцать человек послал за вами.

Г р а ц и а н о

Я рад! Мне выше счастья не найти —
Под парусами нынче ж быть в пути.

Уходят.

СЦЕНА 7

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Роговая музыка. Входят Порция, принц Марокканский и их свита.

Порция

Отдерните завесу и откройте
Ларцы для благороднейшего принца.
Ваш выбор, принц?

Принц Марокканский

Вот первый, золотой ларец, и надпись:
«Со мной получишь то, что многие желают».
Второй — серебряный и с обещанием:
«Со мной получишь то, чего достоин ты».
Свинцовый, третий, резко заявляет:
«Со мной ты все отдашь, рискнув всем, что имеешь».
Но как узнаю, правильно ль я выбрал?

Порция

В одном из них — портрет мой. Если, принц,
Он будет вами выбран — с ним я ваша.

Принц Марокканский

Пусть некий бог направит выбор мой!
Посмотрим; надписи перечитаю.
Что говорит свинец?
«Со мной ты все отдашь, рискнув всем, что имеешь».
Дать — за свинец? Рискнуть — из-за свинца?
Ларец грозит. Ведь тот, кто всем рискует,
Надеется на выгоду большую.
Ум золотой не соблазнится шлаком.
Нет, не рискну ничем я за свинец!
Что скажет серебро с невинным цветом?
«Со мной получишь то, чего достоин ты».
Чего достоин?.. Стой, Марокканский принц!
Рукою твердой цену взвесь себе.
Ты много стоишь. Но такое «много»
Быть может малым для прекрасной дамы.
Однако ж сомневаться мне в своих
Достоинствах — бессилие и слабость.
Чего достоин?.. Я ее достоин!
Ее я стою родом и богатством,
И красотой, и также воспитаньем,
Но более всего — моей любовью.

Что если, не колеблясь, выбрать это?
Прочту еще на золоте я надпись:
«Со мной получишь то, что многие желают».
Ее, конечно! Все ее желают,
Со всех концов земли сюда стремятся —
Облобызать алтарь живой святыни;
Гиркании пустыни, даль степной
Аравии — путем проезжим стали
Для принцев, к дивной Порции спешащих.
И царство волн, чьи дерзкие вершины
Плюют в лицо небес, уж не преграда
Для чужестранцев; море, как ручей,
Переплывают, чтоб ее увидеть.
В одном из трех — ее портрет небесный.
Ужель в свинцовом? Нет! Кошунством было б
Так думать; слишком было бы жестоко
Ее в могиле мрачной заключить.
Иль в серебро ее замуровали,
Что золота дешевле в десять раз?
Грех думать так: кто видел ценный перл
В оправе ниже золота? Монета
Есть в Англии: там вычеканен ангел
На золоте; но только он снаружи,
А здесь — внутри, на ложе золотом
Мой ангел! — Дайте ключ — ларец закрыт.
Вот, выбор сделан. Что судьба решит?

П о р ц и я

Вот... Если там портрет найдете мой,—
Я ваша.

П р и н ц М а р о к к а н с к и й

(отпирает золотой ларец)

Смерть и ад! Что предо мной?
Тут череп и в его пустой глазнице
Бумаги свиток. Я прочту его.

(Читает.)

«Не все то злато, что блестит,—
Вот что мудрость говорит.
Жизнь продать иной спешит,
Чтобы лицезреть мой вид.
Червь в злаченном гробе скрыт.
Будь твой ум с отвагой слит,
Разум зрел,— хоть юн твой вид,—

Ты б не был холодом убит.
Так прощай, твой путь открыт».
Холод, да! Мой труд пропал!
Прощай, тепло: мороз настал!

(Порции.)

Прости! Мне тяжко; длить не стану муку.
Так проигравший вынесет разлуку.

(Уходит.)

П о р ц и я

Избавились! — Спустить завесу. Что ж!
Вот так бы всем, кто с ним по виду схож!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 8

Венеция. Улица.

Входят Саларино и Саланио.

С а л а р и н о

Ну что ты, друг? Я видел, как отплыл
Бассанио и вместе с ним Грациано;
Лоренцо, я уверен, с ними нет.

С а л а н и о

Жид поднял дожа воплями с постели;
Он обыскать решил корабль Бассанио.

С а л а р и н о

Он опоздал: корабль уж отошел.
Но дожу в это время сообщили,
Что видели в одной гондоле вместе
Лоренцо с Джессикой его влюбленной.
К тому ж Антонио заверил дожа,
Что их на корабле Бассанио нет.

С а л а н и о

Не видел я страстей подобной смены,
Неистойой и странной, как когда
Собака-жид на улице вопил:
«О дочь моя! Мои дукаты! Дочь
Сбежала с христианином! Пропали
Дукаты христианские! Где суд?

Где правосудье? Дочь моя украла
Мешок — нет, два — червонцев за печатью,
Двойных дукатов! Дочь моя украла!
И камни! Два бесценнейших брильянта
Украла дочь! Найди девчонку, суд!
При ней ведь все — и камни и дукаты!»

С а л а р и н о

Со всей Венеции за ним мальчишки
Бегут, крича: «Где камни? Дочь? Дукаты?»

С а л а н и о

Пусть не просрочит дня Антонио добрый —
Не то за все заплатит он.

С а л а р и н о

Да, кстати,—
Вчера один француз мне рассказал,
Что затонул в проливе нешироком
Меж Францией и Англией корабль
Из наших стран, богато нагруженный.
Мысль об Антонио сразу мне пришла;
Подумал: только б не его корабль!

С а л а н и о

Про это надо бы сказать Антонио,—
Но исподволь, чтоб он не огорчился.

С а л а р и н о

Добрей его нет в мире человека.
Я видел, как с Бассанио он прощался.
Бассанио обещал скорей вернуться;
Он отвечал: «О, нет! Из-за меня
Не делай дела кое-как, Бассанио!
Жди, чтоб оно от времени созрело;
И векселем, что выдал я жиду,
Не омрачай души, любовью полной.
Будь весел; мысли посвети всецело
Ты сватовству и нежным проявлениям
Любви, какие нужными найдешь».
Сказал и со слезами на глазах,
Отворотясь, он руку протянул
И с нежностью глубокою пожал
Бассанио руку; так они расстались.

С а л а н и о

Он любит жизнь из-за Бассанио только,
Мне кажется! Прошу, пойдем к нему,
Чтоб разогнать хоть чем-нибудь веселым
Привычную тоску его.

С а л а р и н о

Отлично.

Уходят.

С Ц Е Н А 9

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входит Нерисса в сопровождении слуги.

Н е р и с с а

Скорей, скорей отдерни занавеску.
Принц Арагонский клятву уж принес,
И к выбору сейчас приступит он.

Роговая музыка. Входят принц Арагонский, Порция и их свита.

П о р ц и я

Вот, благородный принц, здесь три ларца.
Коль правильно ваш выбор будет сделан,
Немедленно свершим союз мы брачный;
Но если нет,— без дальних слов, мой принц,
Тотчас же вы уедете отсюда.

П р и н ц А р а г о н с к и й

Я клятву дал исполнить три условия:
Во-первых, никому не открывать,
Какой ларец я выбрал; во-вторых,
Себе другой невесты не искать;
И, наконец,
Коль в выборе Фортуна не поможет,
Тотчас же вас покинуть и уехать.

П о р ц и я

Клянется в этом каждый, кто рискует
Судьбой за недостойную меня.

П р и н ц А р а г о н с к и й

На все пошел я. Помоги, Фортуна,
Надежде сердца! — Золото я вижу,
И серебро, и низменный свинец.
«Со мной ты всем рискуешь, отдав все, что имеешь».
Будь ты красивой, я б рискнул, быть может!
Что скажет золотой ларец? Посмотрим.
«Со мной получишь то, что многие желают».
Так, «многие»; но многие — ведь это
Та пошлая толпа, что выбирает
По виду, слушается глупых глаз,
Не смотрит внутрь, — как стриж, что на ветру
Гнездо возводит на стене наружной,
Открытое всем прихотям ненастья.
Не выберу по вкусу большинства,
Чтоб не смешаться с пошлыми умами
Или сравняться с варварской толпой.
К тебе, серебряный казнохранитель!
Еще раз повтори мне свой девиз.
«Со мной получишь то, чего ты заслужил».
Прекрасно сказано! И кто же вправе
Обманывать судьбу, искать почета,
Не заслуживши? Пусть никто не смеет
Величье незаслуженно носить.
О, если б званья, должности, чины
Не низкими, бесчестными путями,
А истинной заслугой добывались,
Накрылся б гордо тот, кто спину гнет,
И подчинился б, кто повелевает!
А сколько плевелов бы отмелось
От чистых зерен чести! Сколько славы
От гибели веков бы уделело,
Чтоб снова заблестеть! — Но выбор ждет.
«Со мной получишь то, чего достоин ты».
Возьму — чего достоин. — Дайте ключ,
И пусть моя откроется удача!

(Открывает серебряный ларец.)

П о р ц и я

(в сторону)

Не стоила находка долгой речи.

П р и н ц А р а г о н с к и й

Что вижу я? Бессмысленная рожа
Записку держит! Я ее прочту. —

О, как на Порцию ты не похож,
На все мои надежды и заслуги!
«Со мной получишь то, чего достоин ты».
Ужель достоин я дурацкой рожи?
Вот мне награда? Лучшей я не стою?

П о р ц и я

Ответчик и судья — два разных звания.
Различны свойства их.

П р и н ц А р а г о н с к и й

Что здесь? Посмотрим.

«Семь раз испытан я огнем;
Семь раз испытан разум в том,
Кто ошибок не имел.
Тот, кто тень поймать хотел,
Счастья тень — того удел.
Много есть глупцов кругом,
Как я, покрытых серебром,
Кого бы ты ни взял женой,
Я — портрет навеки твой.
В путь! Покончено с тобой».
Тем глупее я кажусь,
Чем здесь дольше нахожусь.
Пришел с дурацкой головой,—
Две их уношу с собой.
Милая, прости... Молчу:
Свой обет сдержать хочу.

(Уходит.)

П о р ц и я

Моль налетела на свечу...
О мудрые глупцы! Коль выбирают,
То разум свой из-за ума теряют.

Н е р и с с а

В пословице недаром говорится:
«Все от судьбы — жениться ль, удавиться ль».

П о р ц и я

Идем; задерни занавес, Нерисса.

Входит слуга.

С л у г а

Синьора где?

П о р ц и я

Здесь. Что тебе, синьор?

С л у г а

Синьора, к вашим воротам подъехал
Венецианец молодой с известьем,
Что вслед прибудет господин его,
Который шлет вещественный привет:
Помимо слов учтивых и поклонов —
Богатые дары. Я не видал
Приятнее посланника любви.
Апрельский день не возвещал так нежно
Роскошнейшего лета приближенье,
Как своего владыку этот вестник.

П о р ц и я

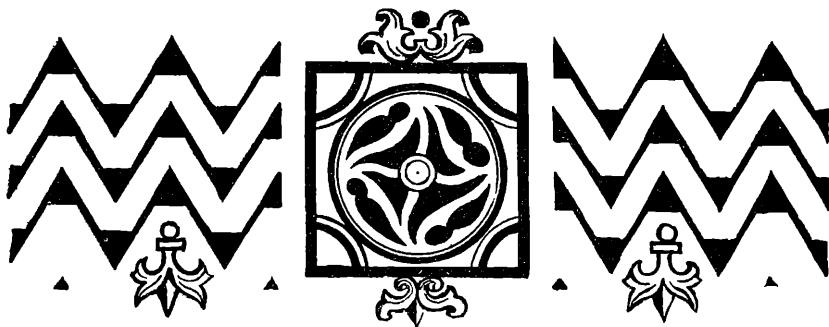
Прошу, довольно. Я боюсь, ты скажешь,
Что он тебе сродни, — так расточаешь
По-праздничному ум на похвалы!
Пойдем, пойдем, Нерисса; жажду видеть
Посла любви, что так учтив и мил.

Н е р и с с а

Дай бог любви, чтоб то Бассанио был.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Венеция. Улица.

Входят Саланио и Саларино.

Саланио

Ну, что нового на Риальто?

Саларино

Да что? По-прежнему упорно держится слух, что корабль Антонио с богатым грузом потерпел крушение в Узком проливе. Гудвинские пески,— кажется, так оно называется,— роковое место, очень опасная мель, где лежит не один остов большого корабля, если только кумушка-молва, от которой я это знаю, честная женщина и говорит правду.

Саланио

Хотел бы я, чтобы в данном случае она оказалась самой отъявленной лгуней из всех кумушек, какие когда-либо грызли имбирные конфеты или уверяли соседей, что оплакивают смерть третьего мужа. Но, видно, правда,— если говорить без всяких околичностей и ничем не преграждать ровной дороги толков,— правда, что добрый Антонио, честный Антонио... О, если бы я нашел эпитет, достойный сопровождать его имя!..

Саларино

Довольно; поставь точку!

С а л а н и о

А? Что ты говоришь? Ну, словом, конец тот, что Антонио потерял корабль.

С а л а р и н о

Хотел бы я, чтобы это было концом его потерь!

С а л а н и о

Дай скорей сказать «аминь», чтобы дьявол не помешал моей молитве; вон он сам идет во образе жида.

Входит Шейлок.

Что скажешь, Шейлок? Что нового в купеческом мире?

Шейлок

Вы же знаете, — никто не знает лучше вас, — что у меня сбежала дочь!

С а л а р и н о

Совершенно верно. Я даже знаю портного, который ей делал крылышки, на которых она улетела.

С а л а н и о

А Шейлок сам знал, что птичка уже оперилась. В эту пору они все улетают от родителей — такова уж их природа.

Шейлок

Будь она за это проклята!

С а л а р и н о

Непременно — если судьей ей будет дьявол.

Шейлок

Моя собственная плоть и кровь взбунтовалась!

С а л а н и о

Ах ты, старая падала! Взбунтовалась в такие годы!

Шейлок

Я говорю: дочь моя, моя собственная плоть и кровь.

С а л а н и о

Между твоей плотью и ее больше разницы, чем между черной амброй и слоновой костью; а между вашей кровью — больше, чем

между красным вином и рейнвейном. Но скажи, что ты слышал: потерял Антонио корабль на море или нет?

Шейлок

Вот еще моя беда! Банкрот, мот, который едва смеет нос показать на Риаљто; нищий, а привык таким щеголем расхаживать по рынку! Пусть попомнит о своем векселе! Он все называл меня ростовщиком — пусть попомнит о своем векселе! Он давал деньги в долг из христианского человеколюбия — пусть попомнит о своем векселе!

Саларино

Ну, я уверен, если он и просрочит, не станешь же ты требовать его мяса: на что оно годится?

Шейлок

Чтобы рыбу на него ловить! Пусть никто не насытится им, — оно насытит месть мою. Он меня опозорил, помешал мне зарабатывать по крайней мере полмиллиона, насмеялся над моими убытками, издевался над моими барышами, поносил мой народ, препятствовал моим делам, охлаждал моих друзей, разгорячал моих врагов; а какая у него для этого была причина? Та, что я жид. Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом. Если жид обидит христианина, что тому внушает его смирение? Мечь! Если христианин обидит жида, каково должно быть его терпение по христианскому примеру? Тоже мечь! Вы нас учите гнусности, — я ее исполню. Уж поверьте, что я превзойду своих учителей!

Входит слуга.

Слуга

Синьоры, мой господин, синьор Антонио, дома и желал бы побеседовать с вами обоими.

Саларино

А мы его сами везде искали.

Входит Тубал.

Саланио

Вот еще один из их племени; третьего им под стать не подберешь — разве сам дьявол обратится в жида!

Саланио, Саларино и слуга уходят.

Шейлок

Ну что, Тубал, какие новости из Генуи? Нашел ты дочь мою?

Тубал

Во многих местах слышал о ней, но найти ее не мог.

Шейлок

Ну так, так, так, так! Пропал брильянт, за который я заплатил во Франкфурте две тысячи дукатов! До сих пор проклятие еще не обрушивалось так тяжело на наше племя; я его никогда не чувствовал так до сих пор. Две тысячи червонцев — в одном этом брильянте, и еще другие драгоценные камни! Хотел бы я, чтобы моя дочь лежала мертвой у ног моих с драгоценными камнями в ушах! Чтобы ее похоронили у моих ног, а червонцы положили в гроб! Так ничего о них не слышно? Ну, конечно! А сколько истрачено на поиски — я и не знаю! О, чтоб тебя! Убыток за убытком! Столько-то украл вор, да столько-то — чтобы найти вора, и никакого удовлетворения, никакого отмщения. Нет такого несчастья, как то, что на меня обрушилось! Нет вздохов, кроме моих; нет слез, кроме тех, что я проливаю.

Тубал

Нет, и у других людей бывают несчастья. Антонио, как я слышал в Генуе...

Шейлок

Что? Что? Что? Несчастье, несчастье?

Тубал

У него потерпел крушение корабль, возвращавшийся из Триполиса.

Шейлок

Благодарю бога! Благодарю бога! Это верно? Это верно?

Тубал

Я говорил с несколькими матросами, спасшимися при кораблекрушении.

Шейлок

Благодарю тебя, добрый Тубал! Добрые вести! Добрые вести! Ха-ха! Где же это? В Генуе?

Тубал

Дочь ваша истратила в Генуе, как я слышал, в один вечер восемьдесят дукатов.

Шейлок

Ты в меня вонзаешь кинжал! Не видать мне никогда больше моего золота! Восемьдесят дукатов зараз! Восемьдесят дукатов!

Тубал

Со мной приехали в Венецию несколько кредиторов Антонио; они клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться.

Шейлок

Очень рад этому! Я его истерзаю! Я его замучаю! Я рад этому!

Тубал

Один из них показывал мне кольцо, которое он получил от вашей дочери за обезьяну.

Шейлок

Проклятье ей! Ты меня терзаешь, Тубал; это была моя бирюза,— я получил ее от Лии, когда был еще холостым. Я бы не отдал ее за целую обезьянью рошу!

Тубал

Но Антонио безусловно пропал.

Шейлок

Да, это верно, это совершенно верно! Ступай, Тубал, найми мне заранее пристава, договори его за две недели до срока. Я вырежу у Антонио сердце, если он только просрочит; когда его не будет в Венеции, тогда я буду волен делать дела, как хочу. Ступай, ступай, Тубал! Мы встретимся в нашей синагоге; ступай, добрый Тубал; в нашей синагоге, Тубал.

Уходят.

СЦЕНА 2

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Бассанио, Порция, Грациано, Нерисса и свита.

Порция

Помедлите, день-два хоть подождите
Вы рисковать; ведь если ошибетесь —
Я потеряю вас; так потерпите.
Мне что-то говорит (хоть не любовь),
Что не хочу терять вас; вам же ясно,
Что ненависть не даст подобной мысли.
Но, если вам не все еще понятно
(Хоть девушке пристойней мысль, чем слово), —
Я б месяц-два хотела задержать вас,
Пока рискнете. Я б вас научила,
Как выбрать... Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что! Итак, возможен промах.
Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим!
Две половины у меня: одна
Вся вам принадлежит; другая — вам...
Мне — я сказать хотела; значит, вам же, —
Так ваше все! Злой рок преграду ставит
Между владельцем и его правами —
И я хоть ваша, но не ваша... Если
Случится, что я зашею не стану, —
Пошлите в ад судьбу, а не меня.
Я слишком много говорю; но это,
Чтоб, время задержав и протянув,
Замедлить выбор ваш.

Бассанио

Позвольте выбрать;
Жить так, как живу я, ведь это пытка.

Порция

Как пытка? А какую же измену
К любви вы примешали? Сознавайтесь.

Бассанио

Лишь гадкую измену — недоверье,
Мешающее мне поверить в счастье.

Меж снегом и огнем возможней дружба,
Чем меж изменой и моей любовью.

П о р ц и я

Боюсь, не говорите ль вы под пыткой:
Под пыткой люди могут все сказать.

Б а с с а н и о

Даруйте жизнь мне — я сознаюсь в правде.

П о р ц и я

Признайтесь — и живите.

Б а с с а п и о

«И любите».

Вот все мое признание. О пытка
Блаженная, когда палач мой сам
Меня ответам учит для спасенья!
Пустите же к моей судьбе — к ларцам.

П о р ц и я

Пусть так!

Открывают занавес, за которым пахотятся ларцы.

В одном из них скрываюсь я.
Коль любите меня вы, так найдете.
Нерисса, стань подальше с остальными.
Пусть музыка сопровождает выбор...
Коль проиграет, кончит он, как лебедь,
Исчезнув с песней. Чтоб сравненье было
Верней, мои глаза потоком будут,
Где влажный смертный одр найдет он. Если ж
Он победит... чем станут эти звуки?
Фанфарой труб, склоняющей народ
Пред нововенчанным его монархом,
Небесно-сладкой песнью на заре,
Что проникает в грезы жениха,
Зовя к венчанью.— Вот, идет, с не меньшим
Величием, но с большею любовью,
Чем молодой Алкид, освобождавший
Скорбящей Трои девственную дань
От чудища морского. Я как жертва
Стою. Вдали — дарданянки с глазами,
Опущенными от слез, глядят, чем подвиг
Окончится. Иди, мой Геркулес!

Живи — я буду жить! Страшной сторицей
Мне видеть битву, чем тебе — сразиться.

ПЕСНЯ

(пока Бассанио рассматривает ларцы)

Скажи мне, где любви начало?
Ум, сердце ль жизнь ей даровало?
И чем питаться ей пристало?

Ответь, ответь!

В глазах впервые возникает,
От взглядов пищу получает,
В своей же люльке умирает.
Пусть отпоеет ее наш звон.
Я начинаю: динь-динь-дон!

В с е

Динь-динь-дон!

Б а с с а н и о

Так внешний вид от сущности далек:
Мир обмануть не трудно украшеньем;
В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии —
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшеньем.
Нет явного порока, что б не принял
Личину добродетели наружно.
А сколько трусов, чьи сердца неверны,
Как лестница песчаная, имеют
На подбородках бороды такие,
Как Геркулес или суровый Марс,—
А вскрой их печень — молока белей,
Но на лице знак мужества являют,
Чтоб страх вселять. На красоту взгляните —
И ту теперь на вес купить возможно;
И часто мы в природе видим чудо,
Что легче те, на ком надето больше.
Так, эти золотые кудри-змейки,
Что шаловливо с ветерком играют
Над мнимую красавицей, нередко
Принадлежат совсем другой головке,
И череп, что их вырастил,— в могиле.

Вся эта пышность — лишь коварный берег
Опаснейшего моря, шарф прелестный,
Сокрывший индианки красоту.
Да, ты личина правды, под которой
Наш хитрый век и самых мудрых ловит,—
Ты, золото блестящее! Мидаса
Ты жесткий корм! Я не хочу тебя! —
И не тебя, посредник тусклый, пошлый
Между людьми! — Но ты, простой свинец,
Скорей грозящий, чем сулящий блага,—
Ты бледностью своей красноречив:
Беру тебя — будь выбор мой счастлив!

П о р ц и я
(в сторону)

Как все другое отлетело вдруг:
Сомнение, отчаянье, испуг
И муки ревности зеленоглазой!
Сдержись, любовь, сдержи порыв восторга;
Дождь радости слегка останови:
О, слишком сильно счастье любви —
Не вынести боюсь!

Б а с с а н и о
(открывает свинцовый ящик)

Что я найду?

Твой дивный лик! О, что за полубог
Природу так постиг? Глаза живут!
Иль потому, что движутся мои,
Так кажется? Уста полуоткрыты,
Разделены дыханьем сладким губы —
Друзьям прелестным милая преграда.
А волосы! Художник, как паук,
Сплел золотую сеть — ловить сердца,
Как мошек в паутину. Но глаза —
Как мог он их создать и не ослепнуть?
Один из них его б лишил обоих,
Неконченным оставшись. Но насколько
Моя хвала на эту тень клеветает,
Не в силах оценить ее,— настолько ж
Хромает тень за сущностью вослед.
Вот свиток: в нем судьбы моей решение.

«На внешность ты не стал смотреть,—
Столь же будь удачлив впредь!

Если рок так повелел —
Оцени ты свой удел;
Коль по сердцу он тебе,
Ты рай нашел в своей судьбе:
Ты красавицей своей
С поцелуем завладей!»

Благой приказ! Позвольте же, синьора
Мне взять и дать согласно приговору.

(Целует Порцию.)

Как тот, кто победил из двух борцов,—
Хотя в успех свой верить был готов,—
А после, слыша крик, рукоплесканья,
В каком-то колебании, растерян,
Не знает, для него ль прием такой,—
Красавица, так я перед тобой
Стою в сомненье и поверю лишь,
Коль ты скрепишь, подпишешь, подтвердишь.

П о р ц и я

Вы видите меня, синьор Бассанно,
Такою, как я есть; хоть для себя
Во мнѣ честолюбивых нет желаний
Быть много лучше, но для вас хотела б
Я в двадцать раз свою утронуть цену:
Быть во сто раз красивей и богаче,
Чтоб высоко подняться в вашем мненье,
Талантов, красоты, друзей, богатства
Иметь без счета. Но итог мой полный —
Вполне ничтожен; в сущности, вот он:
Простая девушка, без всяких знаний,
Тем счастлива, что уж не так стара,
Чтоб не учиться; а еще счастливей —
Что не глупа и сможет научиться;
Счастливей же всего, что дух покорный
Вверяет вам, мой господин, мой царь.
И я и все мое — отныне ваше,
Вам отдано; доныне я была
Хозяйкой замка, госпожою слугам,
Сама себе царицей; ныне ж, ныне
Мой дом и слуги, я сама — все ваше.
Супруг мой, все даю вам с этим перстнем;
Расставшись с ним, отдав иль потеряв,
Предскажете конец своей любви
И повод мне дадите к обвиненью.

Б а с с а н и о

Синьора, вы меня лишили слов!
Лишь в жилах кровь моя вам отвечает.
В моей душе такое же смятенье,
Какое после речи благосклонной
Любимого монарха наступает
В жужжащей, полной радости толпе,
Когда в ней воедино все слилось,
Смешалось в хаос радости всеобщей
С словами и без слов. Коль этот перстень
Расстанется со мной,— расстанусь с жизнью;
Тогда скажите вы: Бассанио умер!

Н е р и с с а

Синьора и синьор, теперь для нас,
Увидевших венец своих желаний,
Настал черед кричать: дай бог вам счастья!

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио, милая синьора,
Желаю вам всего, что вы хотите.
Мне к этому ведь нечего добавить!
Когда же брачных клятв своих обмен
Торжественно свершите вы, прошу —
Тотчас и мне позвольте обвенчаться.

Б а с с а н и о

От всей души, коль ты найдешь жену.

Г р а ц и а н о

Благодарю; вы мне ее нашли.
Мой взгляд, синьор, не меньше быстр, чем ваш;
Вы госпожу увидели, а я —
Прислужницу. Вы полюбили — также
И я. Как вы, я мешкать не люблю.
Вот здесь, в ларцах, судьба таилась ваша,
Но также и моя, как оказалось.
За нею я ухаживал до поту
И клялся так, что в горле пересохло
От пылких клятв; и наконец, вполне
Растрогавши красавицу, добился
Согласия — с условием, если счастье
Отдаст вам госпожу.

П о р ц и я

Нерисса, правда?

Н е р и с с а

Да, госпожа, коль вы на то согласны.

Б а с с а н и о

И ты, Грациано, говоришь серьезно?

Г р а ц и а н о

О да, синьор!

Б а с с а н и о

Наш пир весьма украсит ваша свадьба.

Г р а ц и а н о

Мы с ними побьемся об заклад, у кого родится первый мальчик — на тысячу червонцев.

Н е р и с с а

Как, и поставим все на карту?

Г р а ц и а н о

Нет; в этом случае выиграть нельзя, если все поставить на карту.

Но кто идет сюда? Лоренцо с милой
Язычницей? Как! Старый друг Салерио?

Входят Лоренцо, Джессика и Салерио, посланец из Венеции.

Б а с с а н и о

Лоренцо и Салерио, прошу вас,—
Коль новость положенья моего
Мне власть дает принять вас.— Разрешите,
Мой ангел, мне друзей и земляков
Просить гостями быть?

П о р ц и я

И я прошу их:

Я рада им, супруг мой.

Л о р е н ц о

Благодарю, синьора.— Я, синьор,
Не собирался навестить вас здесь;
Но встретился с Салерио по пути —
И он просил меня, чтоб с ним пошел я,
Не принимая отговорок.

Салерио

Да,
На то причины есть.— Синьор Антонио
Привет вам шлет.

(Отдает Бассанио письмо.)

Бассанио

Еще не вскрыв письма,
Прошу сказать, как друг мой поживает.

Салерио

Не болен он, коль не считать души;
И не здоров — душой. Его письмо
Вам объяснит все дело.

Бассанио читает письмо.

Грациано

Нерисса, чужестранку обласкай.
Салерио, руку. Что в Венеции слышно?
Как царственный купец, Антонио добрый?
Удаче нашей будет рад он, знаю;
Мы, как Язоны, добыли руно.

Салерио

Найди вы то руно, что он утратил!

Порция

Недобрые в письме, должно быть, вести —
Согнали краску всю с его лица.
Друг умер, верно; что б еще могло
Так выражение изменить мужчины
Столь твердого? Как! Хуже все и хуже? —
Бассанио! Я ведь ваша половина;
Позвольте ж мне по праву половину
Того, что есть в письме.

Бассанио

Любовь моя,
Здесь самые ужасные слова,
Когда-либо чернившие бумагу!
Когда я вам открыл свою любовь,
Я честно вам сказал, что все богатство

Мое в крови: я истый дворянин.
И правду вам сказал; но, дорогая,
Себя считая за ничто, и тут
Похвастал я, сказав, что ничего
Я не имею,— должен бы сказать я,
Что меньше я имею, чем ничто.
Себя всего я другу заложил,
А друга — злейшему его врагу,
Чтоб денег мне достать. Вот вам письмо:
Бумага эта — точно тело друга;
На ней слова — зияющие раны —
Кровоточат.— По правда ли, Салерио,
Ужель погибло все, без исключения?
Из Триполи, из берберийских стран,
Из Мексики, двух Индий, Лиссабона,
Из Англии? И ни один корабль
Не спасся? Все разбились об утесы,
Грозу купцов?

С а л е р и о

Нет, ни один, синьор.
Притом теперь, хотя б имел он деньги
Наличные, чтоб уплатить жиду,—
Тот не взял бы. Я не встречал создания
Во образе людском, чтобы так жадно
Стремилось человека погубить!
Он день и ночь не отстает от дожа:
Твердит, что поправа свобода будет
В Венеции, когда ему откажут.
Знатнейшие сенаторы, сам дож,
Купцы — его все тщетно убеждали;
Не хочет он от кляуз злых отречься:
«Просрочка... правосудье... неустойка!»

Д ж е с с и к а

Еще при мне он клялся — я слыхала —
Тубалу с Хусом, землякам своим,
Что хочет получить он лучше мясо
Антонио, чем в двадцать раз ту сумму,
Что задолжал он. И, синьор, я знаю,—
Когда закон, и высший суд, и власти
Не вступятся — погиб Антонио бедный!

П о р ц и я

Ваш близкий друг в такой беде, скажите?

Б а с с а н и о

Ближайший друг, добрейший человек
С душой честнейшею, не устающей
Творить добро; да, человек, в котором
Дух древних римлян больше проявился,
Чем в ком-либо, в Италии рожденном.

П о р ц и я

Что должен он жиду?

Б а с с а н и о

Три тысячи червонцев за меня.

П о р ц и я

Как! Только? Шесть ему вы заплатите
И выкупите вексель; вдвое, втрое —
Скорей!.. Чтоб допустить такого друга
Хоть волос потерять из-за Бассанио!
Пойдем же в храм; меня вы назовете
Женой, а там — скорей в Венецию, к другу!
Вы не должны у Порции в объятьях
Покоиться с тревожною душой.
Дам золота, чтоб в двадцать раз покрыть
Ничтожный долг! Потом вернитесь с другом
Сюда; а мы пока с Нериссой будем,
Как девушки и вдовы, ждать. Вперед!
В день свадьбы вас отъезд немедля ждет.
Приветствуйте друзей с веселым видом:
Так дорого купив, я вас не выдам.
Но прочитайте мне его письмо.

Б а с с а н и о

(читает)

«Милый Бассанио, все корабли мои погибли. Кредиторы мои
делаются жестоки; положение мое очень плохое. Мой вексель
жиду просрочен. И так как, заплатив по нему, мне невозможно
будет остаться в живых, то между нами — все долги уплачены,
и я только хотел бы увидеть тебя перед смертью. Однако по-
ступай по своему усмотрению; если твоя любовь ко мне не по-
будит тебя приехать, пусть не побуждает и мое письмо».

П о р ц и я

Любовь моя, брось все и поезжай!

Бассанио

Коль ехать ты даешь мне позволение,
Спешу! Пока я не вернусь домой,
Постель виной не будет промедленья,
Разлучником не будет отдых мой.

Уходят.

СЦЕНА 3

Венеция. Улица.

Входят Шейлок, Саларино, Антонио и тюремщик.

Шейлок

Смотри за ним, тюремщик! Нет пощады;
Вот он — глупец, ссужавший деньги даром.
Смотри за ним!

Антонио

Послушай, добрый Шейлок...

Шейлок

Мой вексель! Против векселя ни слова!
Я клятву дал, что получу сполна.
Ты звал меня собакой без причины.
Собака я! Страшись моих клыков!
Дож будет справедлив. Я удивляюсь,
Дрянной тюремщик, — слишком уж ты глуп:
Едва попросит, ходишь с ним на волю.

Антонио

Прошу, дай мне сказать...

Шейлок

Мой вексель! Ничего не стану слушать.
Плати по векселю; ни слова больше.
Я не из тех глупцов, унылых, слабых,
Что, охая и головой качая,
На просьбы христиан идут. Довольно!
Не слушаю. По векселю плати!

(Уходит.)

Саларино

Бесчувственнейший пес, какого знаю
Среди людей!

А н т о н и о

Оставь его. Не стану
Бесцельно больше умолять его.
Моей он ищет смерти. Но причину
Я знаю: часто от его сетей
Спасал несчастных я, и вот за это
Меня он ненавидит.

С а л а р и н о

Я уверен —
Такого иска не признает дож.

А н т о н и о

Не может дож законы нарушать:
Ведь он, отняв у чужестранцев льготы,
В Венеции им данные, доверье
К законам государства подорвет;
А наши и торговля и доходы —
В руках всех наций. Потому — довольно.
Я изнурен потерями и горем
Так, что едва-едва себе фунт мяса
Найдет мой кровожадный кредитор.

(Тюремщику.)

Идем! — Дай бог, чтоб увидал Бассанио,
Как долг его я заплачу; а там...
Уходят.

С Ц Е Н А 4

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят Порция, Нерисса, Лоренцо, Джессика
и Бальтазар.

Л о р е н ц о

Синьора, я в глаза вам говорю:
Постигли благородно вы и верно
Божественную дружбу, — доказали
Вы это тем, как сносите разлуку.
Но знай лишь вы, кому вы честь дарите,
Какому благороднейшему мужу,
Какому другу вашего супруга, —
Конечно, больше б вы гордились этим,
Чем свойственно при вашей доброте.

П о р ц и я

Я до сих пор ни разу не жалела
О сделанном добре; так и теперь.
Ведь меж друзей, что вместе жизнь проводят,
Чей дух несет одно ярмо любви,
Гармония должна быть несомненно
В чертах лица, и в нравах, и в душе;
И потому я думаю: Антонио,
Как друг сердечный мужа моего,
С ним, верно, схож. А если это так,
Как мало я истратила на то,
Чтобы спасти души моей подобье
От дьявольской жестокости! Но это
Походит уж на самовосхваленье,—
Так лучше потолкуем о другом.—
Лоренцо, я вручаю все хозяйство
И управление домом в ваши руки
До возвращения моего супруга.
Сама ж дала обет я тайный небу:
С Нериссою, пока мой повелитель
И муж ее не возвратится к нам,
Жить в тихом созерцанье и молитвах.
Есть монастырь отсюда мили за две;
Там будем жить мы. Я бы вас просила
В моем желанье мне не отказать.
Не только дружба — и необходимость
Обязывают вас к услуге этой.

Л о р е н ц о

От всей моей души готов, синьора,
Я выполнить все ваши приказанья.

П о р ц и я

Желания мои известны слугам;
Они вам с Джессикой повиноваться,
Как мне и моему супругу, будут.
Прощайте же, до нового свиданья.

Л о р е н ц о

Дай бог вам светлых мыслей, ясных дней!

Д ж е с с и к а

Я вам желаю радости сердечной.

П о р ц и я

Благодарю за ваши пожеланья
И их охотно возвращаю вам.
Прощайте, Джессика...

Джессика и Лоренцо уходят.

Ну, Бальтазар,

Ты был всегда и верен мне и честен,—
Будь и теперь таков. Возьми письмо
И, сколько хватит сил у человека,
Мчись в Падую. Там доктору Белларию,
Кузену моему, вручишь посланье,
А он тебе бумаги даст и платье;
Затем доставишь все скорей как можно
Ты к перевозу, где паром отходит
В Венецию. Не трать напрасно слов,
Но поспеши; там ждать тебя я буду.

Б а л ь т а з а р

Сиюора, поспешу как хватит сил.

(Уходит.)

П о р ц и я

Идем, Нерисса, у меня есть план.
Не знаешь ты... Мы их скорей увидим,
Чем ждут они.

Н е р и с с а

А вас они увидят?

П о р ц и я

О да, увидят. Но в таких одеждах,
Нерисса, что у нас то заподозрят,
Чего нам не дано. Бьюсь об заклад,
Коль мы с тобой мужской наряд наденем,
Я буду лучший мальчик из двоих.
Изящней меч носить, чем ты, сумею;
Ломать свой голос, как при переходе
От мальчика к мужчине; мелкий шаг
Сменять мужской походкой; хвастать дракой,
Как юный хват, и лгать напропалую
О том, как дамы бегали за мной,
Отвергнутые, чахли, умирали:
«Хоть я не виноват, но мне их жалко,—

Уж лучше бы я их не убивал».
И двадцать небылиц таких прибавлю,
Что поклянутся все, что школу кончил
Я с год уже! Я знаю пропасть шуток
Во вкусе тех болтливых хвастунишек,—
Пушу их в ход!

Ч е р и с с а

Так пол мужской нам нужен?

П о р ц и я

Фу, стыд! Какой вопрос!
Услышь тебя двусмысленные уши!
Пойдем, тебе мой замысел подробно
Я расскажу в карете. Ждет она
У въезда в парк,— теперь же недосужно;
Нам двадцать миль сегодня сделать нужно.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Там же. Сад.

Входят Ланчелот и Джессика.

Л а н ч е л о т

Да, уж это так; потому что, видите ли, грехи отцов взыскиваются на детях. Потому, уверяю вас, я за вас боюсь. Я всегда был с вами откровенен; и теперь выражаю вам свою ажитацию по этому поводу; поэтому, уж будьте спокойны, я уверен, что вы осуждены на вечные муки. Правда, есть еще одна надежда, которая могла бы вам помочь... Да и та вроде как незаконнорожденная надежда...

Д ж е с с и к а

Что же это за надежда?

Л а н ч е л о т

А вот: вы отчасти можете надеяться, что не ваш отец произвел вас на свет и что вы не дочь жида.

Д ж е с с и к а

Действительно, какая-то незаконнорожденная надежда: ведь тогда с меня взыщут грехи моей матери.

Л а н ч е л о т

В таком разе я боюсь, что вы осуждены на вечные муки и по батюшке и по матушке. Избегаю я Сциллы — вашего отца, так попадаю в Харибду — вашу мать. Так ли, сяк ли — пропали вы.

Д ж е с с и к а

Я спасусь через моего мужа: ведь он сделал меня христианкой.

Л а н ч е л о т

Правду говоря, за это его похвалить нельзя; нас, христиан, было и без того довольно: как раз столько, чтобы всем можно было прокормиться. А если еще понаделать христиан, то, пожалуй, повысится цена на свиней: коли мы все начнем есть свинину, так скоро ни за какие деньги ломтя жареного сала не получишь!

Д ж е с с и к а

Все, что вы говорите, я расскажу моему мужу, Ланчелот; кстати, вот он идет.

Входит Л о р е н ц о.

Л о р е н ц о

Я скоро начну ревновать к тебе, Ланчелот, если ты будешь шептаться с моей женой по углам.

Д ж е с с и к а

Нет, вам нечего за нас опасаться, Лоренцо: мы с Ланчелотом не в ладах. Он прямо заявляет, что нет мне милосердия в небесах, потому что я дочь жида; и прибавляет, что вы плохой гражданин республики, потому что, обращая в христианство евреев, вы повышаете цену на свинину.

Л о р е н ц о

Я за это перед республикой меньше отвечу, чем ты за то, что устроил негритянке брюшко; ведь арапка-то от тебя в положении, Ланчелот.

Л а н ч е л о т

Это одно предположение пока; но положим, что это и так... виной ее расположение ко мне.

Л о р е н ц о

Как любой дурак может играть словами! Скоро, действительно, остроумие будет выражаться в молчании, а болтовня будет поощряться только у попугаев. Ступай, скажи, чтобы все было готово к обеду.

Л а н ч е л о т

Все готово, синьор: аппетит имеется у всех.

Л о р е н ц о

Боже милостивый, что за остряк! Ну, так вели им готовить обед.

Л а н ч е л о т

И это сделано, синьор, остается только накрыть.

Л о р е н ц о

Ну, так вы можете накрыть, синьор.

Л а н ч е л о т

Накрыться, синьор? Ни в коем случае! Я знаю свое место.

Л о р е н ц о

Опять придрался к слову! Да что ты, хочешь свое богатство истратить за один раз? Прошу тебя, пойми простые слова просто: пойди к своим товарищам, прикажи им накрыть на стол, подай кушанье, а мы придем обедать.

Л а н ч е л о т

Что касается стола, синьор, он будет подан; что касается кушаний, они будут накрыты; а что касается вашего прихода к обеду, синьор, это уж зависит от вашего каприза и фантазии. *(Уходит.)*

Л о р е н ц о

О, где ты, разум? Сколько лишних слов!
Какое полчище острот дурак
Собрал в своем уме! Я многих знаю
Глупцов, стоящих выше, что, так точно
Вооружась, для острого словца
Вступают с правдой в бой.— Ну что, мой друг?
Как, Джессика? Скажи свое ты мнение.
Как ты нашла Бассанио супругу?

Д ж е с с и к а

Превыше всех похвал. Синьор Бассанио
Теперь примерной жизнью должен жить.
Такую благодать найдя в жене,
Он на земле вкусит всю радость неба;
А не захочет этого понять,
Так он поистине не стоит неба.

Когда б два бога бились об заклад
И на весы двух смертных женщин взяли,—
Будь Порция одной, к другой пришлось бы
Прибавить кое-что; ведь в жалком мире
Второй подобной нет!

Л о р е н ц о

Такого мужа
Во мне имеешь, как он в ней — жену.

Д ж е с с и к а

Не худо б моего спросить вам мненья.

Л о р е н ц о

Спрошу; но раньше мы пойдем обедать.

Д ж е с с и к а

Дай оценить тебя до насыщенья.

Л о р е н ц о

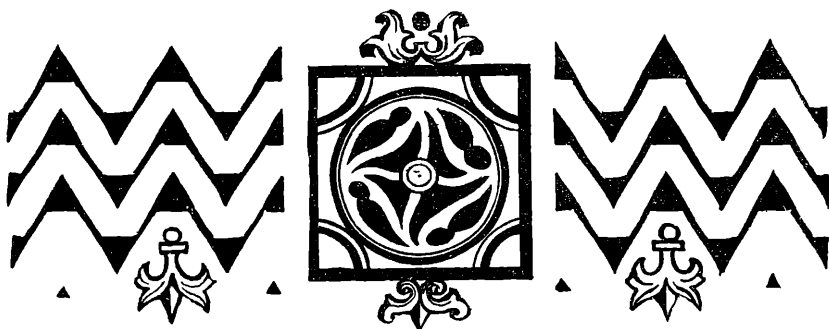
Нет, лучше за застольною беседой.
Тогда, что б ни сказала ты, я легче
Переварю.

Д ж е с с и к а

Так, ждет тебя оценка.

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Венеция. Зал суда.

Входят дож, сенаторы, Антонио, Бассанио, Грациано,
Салерио и другие.

Д о ж

Что, здесь Антонио?

А н т о н и о

Готов я, ваша светлость.

Д о ж

Мне очень жаль тебя: имеешь дело
Ты с каменным врагом. бесчеловечным,
На жалость не способным; нету в нем
Ни капли милосердия.

А н т о н и о

Я слышал,

Что вы, светлейший дож, смягчить старались
Жестокий иск; но раз он так настойчив
И нет законных средств меня спасти
От злобных козней,— противопоставлю
Свое терпенье бешенству его;
Вооружась спокойствием душевным,
Снесу его тиранство и жестокость.

Д о ж

Подите, позовите в зал жид.

С а л е р и о

Он у дверей, светлейший дож; вот он.

Входит Шейлок.

Д о ж

Посторонитесь; пусть пред нами станет.
Все думают,— и я со всеми, Шейлок,—
Что видимость злодейства сохранишь ты
Лишь до развязки дела, а потом
Проявишь милость, поразив сильнее,
Чем мнимою жестокостью своей;
И хоть сейчас ты требуешь в уплату
Фунт мяса у несчастного купца —
Не только не возьмешь ты неустойки,
Но, движим человеческою любовью,
Ему простишь ты половину долга,
Взглянувши с состраданьем на потери,
Что на него обрушились: их хватит,
Чтоб царственный купец был разорен
И возбудил участие в медных душах,
И в каменных сердцах, и в непреклонных
Татарах или турках, не привыкших
К делам любви и жалости. Итак,
Мы все ждем доброго ответа, жид.

Шейлок

Я вашей светлости уж объяснял:
Поклялся я святой субботой нашей,
Что получу по векселю сполна.
Мне отказав, вы ввергнете в опасность
Республики законы и свободу.
Вы спросите, зачем предпочитаю
Фунт падали трем тысячам дукатов?
На это не отвечу. Или, скажем,
Таков мой вкус! Что, это не ответ?
Что, если дом мой беспокоит крыса
И, чтоб ее стравить, хоть десять тысяч
Готов я дать? Что, это не ответ?
Один не любит поросычьей морды;
Другой при виде кошки прямо сходит
С ума; а третий, услышав волюнку,

Не может удержат мочи. Так склонность,
Страстей хозяйка, направляет их
К любви иль отвращенью. Вот ответ мой!
Как объяснить нельзя определенно,
Из-за чего один свиней не любит.
Другой — невинной и полезной кошки,
Волянки — третий, но неодолимо
Он слабости постыдной поддается
И, угнетенный, угнетает сам,—
Так не могу и не хочу назвать
Других причин тому, что я веду
Безвыгодный процесс против Антонио,
Чем ненависть. Что, это не ответ?

Б а с с а н и о

Нет, бессердечный, не такой ответ,
Чтоб мог он оправдать твою жестокость!

Ш е й л о к

Тебе ответом угождать не должен!

Б а с с а н и о

Да можно ль всех убить, кого не любишь?

Ш е й л о к

А можно ль ненавидеть тех, кого
Убить не хочешь?

Б а с с а н и о

Неужели сразу
Должна обида ненависть родить?

Ш е й л о к

Как! Дать змее себя ужалить дважды?

А н т о н и о

Прошу, подумай — споришь ты с жидом.
Скорей ты можешь стать на берегу
И повелеть понизиться приливу;
Скорей у волка спросишь, почему
Овцу заставил плакать о ягненке;
Скорее запретишь ты горным соснам
Качать вершиной и шуметь ветвями,
Когда их клонит ураган небесный;
Скорее ты свершишь труднейший подвиг,

Чем умягчишь (что в мире жестче?) сердце
Его еврейское! Я умоляю,
Оставьте все попытки, все старанья,
Но коротко и ясно: пусть свершится
Мой приговор, как хочет жид того.

Б а с с а н и о

Наместо трех шесть тысяч я даю!

Ш е й л о к

Когда б во всех дукатах этих каждый
На шесть частей делился по дукату,—
Я б не взял их, а взял бы неустойку.

Д о ж

Как можешь ты надеяться на милость,
Когда ее не проявляешь сам?

Ш е й л о к

Какой же суд мне страшен, если прав я?
У вас немало купленных рабов;
Их, как своих ослов, мулов и псов,
Вы гоните на рабский труд презренный,
Раз вы купили их. Ну что ж, сказать вам:
«Рабам вы дайте волю; пожените
На ваших детях; чем потеть под ношей,
Пусть спят в постелях мягких, как у вас,
Едят все то, что вы»? В ответ услышу:
«Они — мои рабы». И я отвечу:
«Фунт мяса, что я требую, купил я
Не дешево; он мой, хочу его!»
Откажете — плюю на ваш закон!
Венеции декреты не надежны.
Я жду суда. Ответьте — будет он?

Д о ж

Я властен заседание отложить,
Пока Белларио, ученый доктор,
За кем послал я для решения дела,
К нам не придет.

С а л е р и о

Ваша светлость, ждет
Здесь посланный от доктора с письмом,
Из Падуи прибывший.

Д о ж

Пусть он войдет; а мне письмо подайте.

Б а с с а н и о

Антонио, бодришь, не все пропало.
Отдам жиду и плоть и кровь я раньше,
Чем за меня прольешь ты каплю крови.

А н т о н и о

Друг, в стаде я паршивая овца,—
Всех ближе к смерти: слабый плод всех раньше
На землю падает. Дай мне упасть.
Тебе ж приличней жить, Бассанио,
И надписью меня почтить надгробной.
Входит Н е р и с с а, одетая пищиком адвоката.

Д о ж

Белларио вас из Падуи прислал?

Н е р и с с а

Да, ваша светлость. Он вам шлет почтеньс.
(Передает ему письмо.)

Б а с с а н и о

(Шейлоку)

Зачем ты так усердно точишь нож?

Ш е й л о к

Чтоб резать у банкрота неустойку.

Г р а ц и а н о

Об душу, гнусный жид, не о подошву
Ты точишь нож; но ни один металл,—
Секира палача не так остра,
Как злость твоя. Мольбы тебя не тронут.

Ш е й л о к

Нет, не найдет твой ум такой мольбы.

Г р а ц и а н о

О, будь ты проклят, пес неумолимый!
Вся жизнь твоя — закону злой укор.
Во мне почти поколебал ты веру;
И я почти поверить с Пифагором

Готов в переселенье душ животных
В тела людей. Твой гнусный дух жил в волке,
Повешенном за то, что грыз людей:
Свирепый дух, освободясь из петли,
В утробе подлой матери твоей
В тебя вселился; да, таков твой дух:
Несытый, волчий, кровожадный, хищный!

Ш е й л о к

Хулой печати с векселя не снимешь,—
Тебе не стоит портить легких криком.
Побереги свой ум, юнец любезный,
Иль даром пропадет.— Я жду суда.

Д о ж

Белларио рекомендует нам
Ученого юриста молодого.
Где он?

Н е р и с с а

Тут, недалеко; ждет ответа.
Угодно будет вам его принять?

Д о ж

О, с радостью.— Пусть кто-нибудь пойдет:
Его сюда учтиво проводите.—
А суд пока заслушает письмо.

П и с е ц

(*читает*)

«Да будет известно вашей светлости, что письмо ваше застало меня тяжело больным; но в момент прибытия вашего гонца у меня находился дружески навестивший меня молодой законовед из Рима,— имя его Бальтазар. Я ознакомил его с делом, возникшим между жидом и купцом Антонио. Мы просмотрели вместе множество книг. Мнение мое он знает и, придав ему своей ученостью, обширность которой я не могу достаточно восхвалить, много бóльшую ценность, он изложит его вам, заняв мое место ввиду полной невозможности мне прибыть. Прошу вас, пусть молодость не препятствует достодожной оценке его; я никогда не встречал в таком юном теле такой старчески мудрой головы. Поручаю его вашей благосклонности; но испытание его на деле будет ему наилучшей рекомендацией».

Д о ж

Вы слышали, что пишет нам Белларио?

Входит Порция, одетая доктором прав.

Д о ж

А вот, должно быть, доктор.— Вашу руку!
Так это вы от старого Белларио?

П о р ц и я

Да, ваша светлость.

Д о ж

Мой привет; садитесь.
Скажите, вы уже знакомы с тяжбой,
Которую здесь разбирает суд?

П о р ц и я

Я с делом ознакомился подробно.
Который здесь купец? Который жид?

Д о ж

Антонио, старый Шейлок,— подойдите.

П о р ц и я

Зовут вас Шейлок?

Ш е й л о к

Шейлок — мое имя.

П о р ц и я

Вы предъявили иск необычайный;
Но все по правилам,— закон Венеции
Не может запретить вам этот иск.

(К Антонио.)

И с вас взыскать он вправе по суду?

А н т о н и о

Он так сказал.

П о р ц и я

Вы признаете вексель?

А н т о н и о

Да.

П о р ц и я

Ну, так должен жид быть милосердным.

Ш е й л о к

А по какой причине должен? А?

П о р ц и я

Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.
И власть ее всего сильней у тех,
Кто властью облечен. Она приличней
Венчанному монарху, чем корона.
Знак власти временной есть царский скипетр:
Он — атрибут величья и почета,
Внушающий пред царской мощью трепет;
Но милость выше мановенья скиптра,
И трон ее живет в сердцах царей.
Она есть свойство бога самого;
Земная власть тогда подобна божьей,
Когда с законом милость сочетает.
Жид, за тебя закон; но вспомни только,
Что если б был без милости закон,
Никто б из нас не спасся. Мы в молитве
О милости взываем — и молитва
Нас учит милости.— Все это я
Сказал, чтобы смягчить тебя; но если
Ты требуешь, то строгий суд Венеции
Обязан вынести приговор купцу.

Ш е й л о к

На голову мою мои дела!
Я требую закона и уплаты.

П о р ц и я

Но разве он внести не может денег?

Б а с с а н и о

О да, я пред судом здесь предлагаю
Удвоить сумму; если это мало,
Я обязуюсь удесятить.
Ручаюсь головой, рукой и сердцем,—
Коль мало этого, так, значит, зло
Попрало истину. Я вас молю,
Закон хоть раз своей склоните властью;
Для высшей правды малый грех свершите
И обуздайте дьявольскую волю.

П о р ц и я

Нет, так нельзя; в Венеции нет власти,
Чтоб изменить уставленный закон.
То был бы прецедент, и по примеру
Его немало вторглось бы ошибок
В дела республики. Нет, так нельзя.

Ш е й л о к

О, Даниил здесь судит! Даниил!
Почет тебе, о мудрый судия!

П о р ц и я

Прошу вас, дайте мне взглянуть на вексель.

Ш е й л о к

Вот, вот он, мой почтенный доктор, вот он.

П о р ц и я

Вам вдвое сумму предлагают, Шейлок.

Ш е й л о к

А клятва? Клятва? Небу дал я клятву!
Так неужель мне душу погубить?
Нет, нет, за всю Венецию...

П о р ц и я

Итак,
Просрочен вексель. Жид законно может
Потребовать фунт мяса у купца
Как можно ближе к сердцу.— Смиloserдись!
Возьми втройне и дай порвать мне вексель.

Ш е й л о к

Когда он будет полностью оплачен.
Как видно, вы достойный судия:
Вы знаете закон; решение ваше
Прекрасно. Именем того закона,
Которому вы служите опорой,
Прошу — кончайте суд. Клянусь душою,
Ничей язык меня разубедить
Не в силах; я за вексель мой стою.

А н т о н и о

От всей души я умоляю суд
Произнести свой приговор.

П о р ц и я

Пусть так.

Вот он: готовьте грудь его ножу.

Ш е й л о к

Судья прекрасный! Юноша достойный!

П о р ц и я

И дух и текст закона совершенно
Находятся в согласье с неустойкой,
Которая здесь в векселе стоит.

Ш е й л о к

Так, точно так, судья правдивый, мудрый!
Насколько же ты старше, чем на вид!

П о р ц и я

Так обнажите грудь.

Ш е й л о к

Да! Грудь его!

Так в векселе стоит, судья почтенный,—
Не так ли? Ближе к сердцу — так стоит там.

П о р ц и я

Да, так. А есть ли здесь весы, чтоб взвесить
Фунт мяса?

Ш е й л о к

Я принес их.

П о р ц и я

(Шейлоку)

Хирурга на свой счет возьмите — раны
Перевязать, иль изойдет он кровью.

Ш е й л о к

А в векселе написано об этом?

П о р ц и я

Нет, не написано; но что ж такое?
Из милосердия надо это сделать.

Шейлок

Ну, нет: об этом в векселе ни слова.

Порция

Купец, что вы имеете сказать?

Антонио

Не много: я готов, вооружен.
Дай руку мне, Бассанио; прости
И не скорби, что за тебя я гибну.
Судьба ко мне добрее, чем обычно:
Она ведь большей частью заставляет
Несчастных пережить свое богатство
И с тусклым взором и с челом в морщинах
Влачить век нищеты. От этой пытки
Медлительной избавлен я судьбой.
Привет мой шлю жене твоей достойной.
Ты расскажи ей о конце Антонио;
Скажи, как я любил тебя; воздай
Честь мертвому; когда ж рассказ окончишь,
Пусть судит, был ли у Бассанио друг.
И не жалею, что друга ты теряешь,
Как не жалеет он, что платит долг:
Ведь если жид поглубже нож запустит,
Я заплачу всем сердцем за тебя.

Бассанио

Антонио! Я на женщине женат,
Которая мне дорога, как жизнь;
Но жизнь сама, жена моя, весь мир —
Все не дороже мне, чем жизнь твоя.
Я дьяволу бы этому все отдал,
Принес все в жертву, чтоб тебя спасти.

Порция

Жена была б не очень благодарна,
Услышав, чем вы жертвовать хотите.

Грациано

И я люблю жену, но был бы рад,
Чтоб в небесах она уже могла
Молить все силы неба о смягченье
Жестокого жида!

Н е р и с с а

Вот хорошо,
Что за ее спиной вы так сказали:
Не то б у вас тревожно стало в доме.

Ш е й л о к

(в сторону)

Вот браки христиан! Я дочь имею...
О, лучше бы из племени Варравы
Ей муж достался, чем христианин! —
Мы тратим время. Приговор исполним.

П о р ц и я

Фунт мяса от купца по праву твой.
Так суд решил, и так велит закон.

Ш е й л о к

Судья премудрый!

П о р ц и я

И мясо можешь вырезать из груди;
Так повелел закон, так суд решил.

Ш е й л о к

Судья — мудрец! Вот приговор! Готовься!

П о р ц и я

Постой немного; есть еще кой-что.
Твой вексель не дает ни капли крови;
Слова точны и ясны в нем: фунт мяса.
Бери ж свой долг, бери же свой фунт мяса;
Но, вырезая, если ты прольешь
Одну хоть каплю христианской крови,
Твое добро и земли по закону
К республике отходят.

Г р а ц и а н о

Судья достойный! — Жид, замесь! — О мудрый!

Ш е й л о к

Таков закон?

П о р ц и я

Его ты можешь видеть.
Ты хочешь правосудья? Будь уверен —
Его получишь больше, чем желаешь.

Г р а ц и а н о

Мудрец! Что, жид? Заметь: судья ученый!

Ш е й л о к

Так я согласен получить втройне,
И пусть идет христианин!

Б а с с а н и о

Вот деньги.

П о р ц и я

Постойте!

Жид хочет правосудья; не спешите,—
Он должен получить лишь неустойку.

Г р а ц и а н о

О жид! Что за судья — достойный, мудрый!

П о р ц и я

Итак, готовься мясо вырезать,
Но крови не пролей. Смотри, отрежь
Не больше и не меньше ты, чем фунт:
Хотя б превысил иль уменьшил вес
Па часть двадцатую двадцатой доли
Ничтожнейшего скрупула, хотя бы
На волосок ты отклонил иглу
Твоих весов,— то смерть тебя постигнет,
Имущество ж твое пойдет в казну.

Г р а ц и а н о

О новый Даниил! — Жид! — Даниил! —
А, нехристь, ты теперь-таки попался!

П о р ц и я

Что медлит жид? Бери же неустойку!

Ш е й л о к

Сдайте деньги мне, и я уйду.

Б а с с а н и о

Я приготовил их тебе — возьми.

П о р ц и я

Он пред судом от денег отказался,—
По праву он получит неустойку.

Г р а ц и а н о

О Даниил! Да, новый Даниил! —
Спасибо, жид, что подсказал мне слово.

Ш е й л о к

Ужель не получу я капитала?

П о р ц и я

Получишь ты одну лишь неустойку,—
Бери ее на собственный свой страх.

Ш е й л о к

Так пусть же черт берет ее себе.
Мне нечего здесь делать!

П о р ц и я

Жид, постой;

Претензию к тебе имеет суд.
В Венеции таков закон, что если
Доказано, что чужестранец прямо
Иль косвенно посмеет покуситься
На жизнь кого-либо из здешних граждан,—
Получит потерпевший половину
Его имущества, причем другая
Идет в казну республики, а жизнь
Преступника от милосердия дожа
Зависит: он один решает это.
Вот ныне положение твое:
Улики ясные нам подтверждают,
Что посягал ты косвенно и прямо
На жизнь ответчика и тем навлек
Опасность на себя, как я сказал.
Пади же ниц — и милости проси!

Г р а ц и а н о

Моли, чтоб сам повеситься ты мог;
Хоть, раз в казну идет твое богатство,
Тебе не хватит денег на веревку.
Казна тебя повесит за свой счет.

Д о ж

Чтоб ты увидел наших чувств различье,
Дарую жизнь тебе еще до просьбы.
Имущество твое разделим мы

Между Антонио и государством.
Покайся — мы заменим это штрафом.

П о р ц и я

Да, что касается той половины,
Которую получит государство;
Другая же к Антонио отойдет.

Ш е й л о к

Берите жизнь и все; прощать не надо.
Берите вы мой дом, отняв опору,
Чем он держался; жизнь мою берите,
Отнявши все, чем только я живу.

П о р ц и я

Окажет ли ему Антонио милость?

Г р а ц и а н о

Веревку даром даст; а что же больше?

А н т о н и о

Коль вы, светлейший дож и суд, решите
Взять штраф взамен законной половины,
С меня довольно, если он запишет
Вторую половину на меня,—
Чтоб после смерти Шейлока я отдал
Ее тому, кто дочь его похитил.
Еще: во-первых, чтоб за эту милость
Немедленно он принял христианство;
И, во-вторых, чтоб здесь, перед судом,
Он тотчас завещал все, что имеет,
По доброй воле дочери и зятю.

Д о ж

Быть по сему: иначе отменю я
Прощение, что даровал ему.

П о р ц и я

Доволен ли ты этим, жид? Что скажешь?

Ш е й л о к

Доволен.

П о р ц и я

Пусть писец составит акт.

Шейлок

Прошу вас, разрешите мне уйти;
Мне худо. Документ ко мне пришлите,—
Я подпишу.

Дож

Ступай, но все исполни.

Грациано

Двух крестных ты получишь при крестинах;
Будь я судьей, прибавил бы десяток;
На виселицу бы тебя они,
А не к святой купели проводили.

Шейлок уходит.

Дож

(Порции)

Прошу вас отобедать у меня.

Порция

Прошу прощенья, ваша светлость: должен
Я в Падуе сегодня ж ночью быть,
И мне пора уж отправляться в путь.

Дож

Жаль, что досуг не позволяет вам.—
Антонио, наградите вы синьора;
По-моему, вы перед ним в долгу.

Дож со свитой уходит.

Бассанио

Синьор почтеннейший, меня и друга
Избавили вы мудростью своей
От страшного несчастья, и за это
Те деньги, что жиду предназначались,
Позвольте вам за славный труд вручить.

Антонио

И все ж в долгу остаться неоплатном,
Любя вас и служа вам весь свой век.

Порция

Нет лучшей платы, чем большая радость;
А я, освободив вас, очень рад

И, значит, щедро плату получил
Корыстнее я не был никогда!
Прошу меня признать при новой встрече.
Желаю счастья вам. Итак, прощайте.

Б а с с а н и о

Синьор мой, все ж настаивать я буду:
На память что-нибудь от нас примите —
Как дань любви, не плату. Я прошу вас
Не отказать мне и простить меня.

П о р ц и я

Вы так настойчивы, что уступлю я.

(К Антонио.)

Перчатки я возьму у вас на память.

(К Бассанио.)

А вы мне дайте перстень в знак любви.
Отдернули вы руку? Не хочу я
Иного; если любите, отдайте.

Б а с с а н и о

Синьор... Мой перстень — это ведь безделка!
Мне стыдно вам дарить такой пустяк.

П о р ц и я

Я не желаю ничего другого —
Такая мне фантазия пришла.

Б а с с а н и о

Тут дело не в цене; вам подарю
В Венеции я самый лучший перстень,
Найдя его посредством объявления.
Но этот удержать позвольте мне.

П о р ц и я

Я вижу — вы щедры на обещанья!
Сперва меня просить вы научили,
Теперь же учите, — я вижу ясно, —
Как надо попрошайкам отвечать.

Б а с с а н и о

Синьор, жена дала мне этот перстень,
Взяв клятву, что не буду никогда
Его дарить, терять или продавать.

Порция

Предлог удобный — отказать в подарке.
Коль не сошла с ума у вас жена,—
Узнав, чем заслужил я этот перстень,
Она на вас разгневаться не может,
Что дали мне его. Что ж, будьте здоровы.

Порция и Нерисса уходят.

Антонио

Бассанио, отдай ему ты перстень.
Его заслуги и любовь ко мне
Должны жены твоей приказ превысить.

Бассанио

Беги, Грациано, догони его,
Дай перстень; приведи его, коль сможешь,
К Антонио в дом. Ступай же, торопись!

Грациано уходит.

Пойдем; отправимся и мы туда же.
А завтра рано утром устремимся
В Бельмонт с тобою мы. Идем, Антонио.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Улица.

Входят Порция и Нерисса, все еще переодетые.

Порция

Спроси, где дом жида; дай акт ему —
Пушай подпишет. Мы уедем в ночь
И раньше, чем мужья, домой вернемся.
Лоренцо будет рад бумаге этой.

Входит Грациано.

Грациано

Ну вот, я и догнал вас!
Синьор Бассанио после размышленья

Вам перстень шлет и очень просит вас
С ним отобедать!

П о р ц и я

Это невозможно.

Но перстень с благодарностью приму,—
Так и скажите. Кстати, укажите
Дом Шейлока вы моему писцу.

Г р а ц и а н о

Исполню с радостью!

Н е р и с с а

Синьор, два слова.

(Тихо, Порции.)

Удастся ль выманить у мужа перстень,
Что клялся он хранить, я посмотрю.

П о р ц и я

(тихо, Нериссе)

Ручаюсь я, что да. Вот будут клясться,
Что перстни отдали они мужчинам!
Но мы их уличим и переспорим.

(Громко.)

Спеши! Ты знаешь, где я буду ждать.

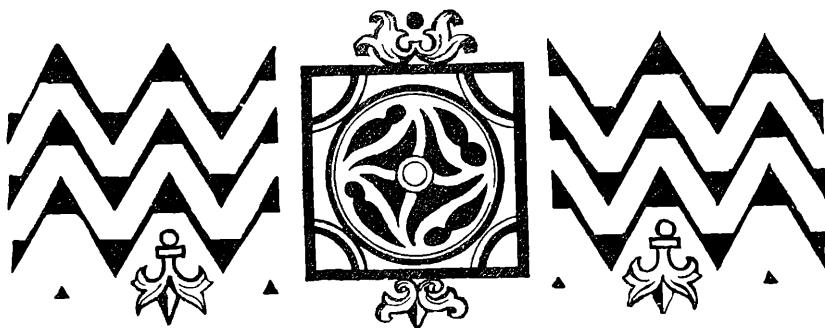
Н е р и с с а

(к Грациано)

Пойдем; вы мне укажете дорогу.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Бельмонт. Аллея, ведущая к дому Порции.

Входят Лоренцо и Джессика.

Л о р е н ц о

Как ярк лунный свет... В такую ночь,
Когда лобзал деревья нежный ветер.
Не шелестя листвою,— в такую ночь
Троил всходил на стены Трои, верно,
Летя душой в стан греков, где Крессида
Покоилась в ту ночь.

Д ж е с с и к а

В такую ночь
Пугливо по росе ступала Фисба
И, тень от льва увидев раньше льва,
Бежала в ужасе...

Л о р е н ц о

В такую ночь
Дидона, с веткой ивы грустно стоя
На берегу морском, манила друга
Вернуться в Карфаген.

Д ж е с с и к а

В такую ночь
Медея, верно, собирала травы

Волшебные, чтоб молодость вернуть
Эзону старому.

Л о р е н ц о

В такую ночь,
Покинув дом богатого жиды,
С беспутным другом Джессика бежала
Из города в Бельмонт!

Д ж е с с и к а

В такую ночь
Лоренцо юный клялся ей в любви
И клятвами украл ее он душу;
Все клятвы были ложь!

Л о р е н ц о

В такую ночь
Хорошенькая Джессика-малютка,
Обидчица-шалунья, клеветала
На милого, и он ее простил.

Д ж е с с и к а

Нашла 6 ночей я больше, если 6 мы
Одни здесь были; но шаги я слышу.

Входит С т е ф а н о.

Л о р е н ц о

Кто так спешит сюда в молчанье ночи?

С т е ф а н о

Ваш друг!

Л о р е н ц о

Друг? Что за друг? Как ваше имя, друг?

С т е ф а н о

Стефано!

Я вам приношу известье,
Что на рассвете госпожа моя
В Бельмонте будет; у крестов она
Сейчас коленопреклоненно молит
О счастье в супружестве!

Л о р е н ц о

Кто с ней?

С т е ф а н о

Святой монах с ней и служанка только.
Прошу, скажите— наш синьор вернулся?

Л о р е н ц о

Нет, и о нем не слышно ничего.
Пойдем, однако, Джессика; с тобою
Торжественную встречу как-нибудь
Мы приготовим для хозяйки дома.

Входит Ланчелот.

Л а н ч е л о т

Ола, ола, о-го-го! Ола-ола!

Л о р е н ц о

Кто там зовет?

Л а н ч е л о т

Ола, ола! Не видали ли вы господина Лоренцо, господина Лоренцо?

Л о р е н ц о

Перестань орать, малый, я здесь.

Л а н ч е л о т

Ола! Где, где?

Л о р е н ц о

Здесь.

Л а н ч е л о т

Скажите ему, что от хозяина прибыл гонец; сго почтовый рог набит добрыми вестями. Хозяин будет дома еще до утра. (*Уходит.*)

Л о р е н ц о

Душа моя, пойдем; там ждать их будем.
А, впрочем, для чего идти нам в замок?
Стефано, друг, прошу вас, сообщите
Домашним, что хозяйка их уж близко,
И музыкантов позовите в сад.

С т е ф а н о уходит.

Как сладко дремлет лунный свет на горке!
Дай сядем здесь,— пусть музыки звучанье
Нам слух ласкает; тишине и ночи
Подходит звук гармонии сладчайший.

Сядь, Джессика. Взгляни, как небосвод
Весь выложен кружками золотыми;
И самый малый, если посмотреть,
Поет в своем движенье, точно ангел,
И вторит юношеским херувимам.
Гармония подобная живет
В бессмертных душах; но пока она
Земною, грязной оболочкой праха
Прикрыта грубо, мы ее не слышим.

Входят музыканты.

Сюда! Диану разбудите гимном.
Хозяйки вашей слух плените сладко
И привлечите музыкой ее.

Музыка.

Д ж е с с и к а

От сладкой музыки всегда мне грустно.

Л о р е н ц о

Причина та, что слушает душа.
Заметь: степные дикие стада
Иль необъезженных коней табун
Безумно скачут, и режут, и ржут,
Когда в них кровь горячая играет;
Но стоит им случайно звук трубы
Или иную музыку услышать,
Как тотчас же они насторожатся;
Их дикий взор становится спокойней
Под кроткой властью музыки. Поэты
Нам говорят, что музыкой Орфей
Деревья, скалы, реки чаровал.
Все, что бесчувственно, сурово, бурно,—
Всегда, на миг хоть, музыка смягчает;
Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб:
Не верь такому.— Слушай эту песню.

Входят Порция и Нерисса — в отдалении.

П о р ц и я

Ты видишь? В зале свет, горит огонь.

Как далеко свеча бросает луч!
Так добрые дела блестят в злом мире.

Н е р и с с а

При лунном свете не видна свеча.

П о р ц и я

Так меркнет слава меньшая пред высшей.
Наместник ведь сияет, как король,
Пока король в отсутствии; а после
Его величье тонет, точно в море
Ручей ничтожный.— Музыка! Ты слышишь?

Н е р и с с а

Синьора, это ваш оркестр домашний.

П о р ц и я

Все хорошо, когда бывает кстати;
Мне звуки слаще кажутся, чем днем.

Н е р и с с а

Молчанье придает им эту прелесть.

П о р ц и я

Крик ворона и жаворонка пенье
Равны, коль им внимают равнодушно.
И соловей,— когда б запел он днем,
Когда гогочет каждый гусь,— считался б
Не лучшим музыкантом, чем щегленок.
Как многое от времени зависит
В оценке правильной и в совершенстве! —
Довольно! Спит луна с Эндимионом;
Не хочет просыпаться!

Музыка прекращается.

Л о р е н ц о

Это голос

Синьоры Порции — иль я ошибся?

П о р ц и я

Меня узнал он, как слепой — кукушку,
По голосу дурному.

Л о р е н ц о

О синьора,
Добро пожаловать!

П о р ц и я

Мы за мужей
Молились, и надеюсь, что успешно.
Они вернулись?

Л о р е н ц о

Нет еще, синьора;
По был сейчас от них гонец с известьем,
Что едут оба!

П о р ц и я

Так ступай, Нерисса,
И слуг предупреди, чтобы молчали
О том, что отлучались мы из дома.
И вы, Лоренцо; Джессика, и вы.

Звуки труб.

Л о р е н ц о

Супруг ваш близко: слышу я, трубят.
Не бойтесь, не болтливы мы, синьора.

П о р ц и я

Какая ночь! Как будто день больной;
Немногим лишь бледнее. Это день
Такой, как день, когда сокрылось солнце.

Входят Бассанно, Антонио, Грациано и свита.

Б а с с а н и о

У нас бы день был, как у антиподов,
Являйся вы в часы, когда нет солнца.

П о р ц и я

Пусть я сияю,— только бы не жгла;
Ведь плохо на жене обжечься мужу,—
Я этого Бассанио не желаю.
А, впрочем, это все как бог захочет!..
Синьор, добро пожаловать в ваш дом.

Б а с с а н и о

Благодарю, синьора. Встретьте лаской
И друга моего: вот мой Антонио,
Кому так бесконечно я обязан.

П о р ц и я

Да, вы ему обязаны во всем:
Ведь он за вас немалым обязался!

А н т о н и о

Со мною расквитался он вполне.

П о р ц и я

Синьор, вы гость желанный в нашем доме;
Но это вам докажут не слова,—
Так сокращу словесную любезность.

Г р а ц и а н о

(Нериссе)

Клянусь луной, что ты несправедлива;
Поверь, его я дал писцу судьи.
Да пусть он стал бы евнухом, по мне,
Раз ты так это к сердцу принимаешь.

П о р ц и я

Ого! Уже и ссора? В чем же дело?

Г р а ц и а н о

В колючке золотом, в пустой безделке,
Что подарила мне она; с девизом —
Точь-в-точь стишок на черенке ножа:
«Люби меня, со мной не расставайся».

Н е р и с с а

Что говоришь ты про девиз и цену?
Ты поклялся, когда ты перстень брал,
Что будет он с тобой до самой смерти
И что с тобой его положат в гроб.
Берег бы ты его из уваженья
Хоть не ко мне, так к этим громким клятвам!
Писцу судьи? Нет, нет! Бог мне судья:
Писец твой век останется безусым!

Г р а ц и а н о

Усатым будет, если доживет.

Н е р и с с а

Да, если женщина мужчиной станет!

Г р а ц и а н о

Клянусь рукой, я дал его юнцу,
Мальчишке, малышу, который ростом
Не выше был тебя: пишу судьи.
Он выклячил его за труд в награду;
Пу, духу не хватило отказать.

П о р ц и я

Вас можно упрекнуть,— скажу вам прямо,—
Что с первым даром молодой жены
Расстались так легко. Надет он с клятвой
И этим с вашей верностью был скован.
Я тоже перстень мужу подарила;
Он клятву дал не расставаться с ним.
Вот он, и я готова клятву дать:
Он с пальца никогда его не снимет
За все богатства мира. Нет, Грациано,
Жену вы слишком больно огорчили.
Будь так со мной, с ума бы я сошла.

Б а с с а н и о

(в сторону)

Мне лучше б руку левую отсечь
И клятву дать, что с ней утратил перстень.

Г р а ц и а н о

Синьор Бассанио тоже отдал перстень
Судье, который попросил его
И заслужил, поистине! А мальчик,
Его пиसेц, за труд просил мое.
Тот и другой не пожелали взять
Иное что-нибудь: просили только
Два этих перстня.

П о р ц и я

Что ж это за перстень
Вы отдали ему? Не мой, надеюсь?

Б а с с а н и о

Когда б к вине я мог прибавить ложь,
Я б отрицал; но видите — на пальце
Нет перстня вашего: я с ним расстался.

Порция

Так с верностью рассталось ваше сердце!
Свидетель бог: не стану вам женой,
Пока я перстня не увижу!

Нерисса

Да!

И я, пока я перстня не увижу!

Бассанио

Знай ты, мой друг, кому я отдал перстень,
Знай ты, из-за кого я отдал перстень,
Пойми лишь ты, за что я отдал перстень,
И как я неохотно отдал перстень,
Когда принять хотели только перстень,—
Смягчила б ты свое негодование.

Порция

Знай вы, как драгоценен этот перстень,
Знай цену той, что отдала вам перстень,
Знай честь, что вам хранить велела перстень.
Вы б никогда не отдали тот перстень;
И кто ж бы был настолько неразумен,—
Когда бы вы отстаивали перстень
С горячностью,— кто был бы так нескромен,
Чтоб требовать то, что другим святыня?
Нерисса подсказала, что мне думать:
Хоть умереть — у женщины мой перстень.

Бассанио

Нет, не у женщины. Клянусь вам честью,
Клянусь душой, у доктора мой перстень,—
Достойный доктор денег не хотел,
Просил он перстень; отказал сперва я
И дал ему уйти в большой досаде —
Ему, что другу моему спас жизнь!
Что мне сказать, прекрасная супруга?
Я припужден был вслед за ним послать;
Меня терзали стыд и долг приличья:
Мне честь пятнать себя не позволяла
Неблагодарностью. Простите ж мне;
Священными светилами почными
Клянусь: будь вы со мной, меня б вы сами
Просили доктору отдать тот перстень.

П о р ц и я

Не допускайте доктора вы к дому,
Раз у него любимый перстень мой,
Что из любви ко мне клялись хранить вы.
Я щедростью хочу сравняться с вами:
Ни в чем не будет доктору отказа,
В моей любви и в брачном вашем ложе.
Я с ним сойдуся, уверена я в этом.
Не отлучайтесь на ночь, стерегите
Меня, как Аргус; чуть одна останусь,—
Клянусь я честью (честь еще моя),
Что доктора возьму к себе в кровать.

Н е р и с с а

А я — писца; так сами посудите —
Как без надзора оставлять меня?

Г р а ц и а н о

Ну ладно, пусть он мне не попадется,—
Не то пропасть перу его придется.

А н т о н и о

К несчастью, я причина этой распри.

П о р ц и я

Не огорчайтесь; все ж вы нам желанны.

Б а с с а н и о

Прости мне, Порция, мой грех невольный;
В присутствии друзей клянусь тебе
Твоими же прекрасными глазами,
Где вижу сам себя...

П о р ц и я

Заметьте это!
В моих глазах себя вдвойне он видит —
По разу в каждом... Двойственной душой
Клянись: доверья это стоит!

Б а с с а н и о

Слушай,
Прости мой грех, и я клянусь душой,
Что больше ввек я клятвы не нарушу.

А н т о н и о

Я тело заложил свое для счастья
Его; когда б не получивший перстень,
Оно погибло б; а теперь я душу
Отдам в залог того, что ваш супруг
Уж не нарушит верности обетов.

П о р ц и я

Вы за него порукой. Так отдайте
Ему; пусть лучше бережет, чем первый.
(Отдает Антонио перстень.)

А н т о н и о

(передавал перстень Бассанио)
Возьми, Бассанио; клянись хранить.

Б а с с а н и о

Мой бог! Тот самый, что судьбе я отдал!

П о р ц и я

Он отдал мне его; прости, Бассанио.
За это я спала с ним этой ночью.

Н е р и с с а

И ты прости, мой милый Грациано:
Писец судьи, мальчишка недорослый,
Вчера со мной за этот перстень спал.

Г р а ц и а н о

Да разве же дороги чинят летом,
Когда они в порядке? Что за черт!
Не заслужив рога, уж мы их носим.

П о р ц и я

Оставьте грубость. Вы удивлены?
Вот вам письмо, прочтите на досуге.
Из Падуи оно к вам, от Белларио:
Вы из него узнаете, что доктор
Был Порция, писец же был Нерисса.
Лоренцо подтвердит, что мы за вами
Уехали и только что вернулись.
Я в доме не была еще. Антонио,
Я припасла для вас такие вести,
Каких не ждете вы. Письмо прочтите;
Стоит в нем, что три ваши корабля

С богатым грузом возвратились в гавань.
Не стану говорить, как странный случай
Мне в руки дал письмо.

А н т о н и о

Я онемел!

Б а с с а н и о

Ты доктором была — и не узнал я?

Г р а ц и а н о

Так ты писец, что мне рога наставил?

Н е р и с с а

Да; но писец тебе их не наставит,
Пока мужчиною не станет он.

Б а с с а н и о

Прелестный доктор, ложе мы разделим;
А без меня ты спи с моей женой.

А н т о н и о

Синьора милая, вы жизнь мне дали
И средства к ней; за верное здесь пишут:
Суда мои пришли.

П о р ц и я

Ну, что, Лоренцо?

Писец мой кос-чем и вас утешит.

Н е р и с с а

Да, и за это платы не возьму.
Вот я вам с вашей Джессикой вручаю
Формальный акт, которым жид богатый
Вам отказал богатства все свои.

Л о р е н ц о

Красавицы, небесной манной вы
Осыпали голодных.

П о р ц и я

Скоро утро;

А, верно, вы подробно знать хотите,
Как все случилось. Так пойдемте в дом;

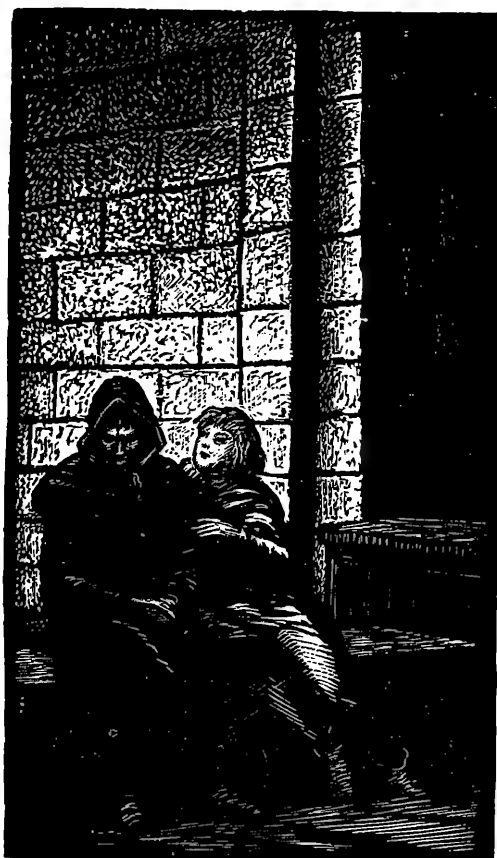
Там можете подвергнуть нас допросу,
И мы ответим честно вам на все.

Г р а ц и а н о

Ну, так вопрос мой первый, на который
Нерисса даст ответ мне под присягой:
Желает ли она до завтра ждать,
Или пойти на два часа в кровать?
Я ж предпочел бы утру мрак ночной,
Чтоб дольше мой пиaseц лежал со мной.
Всю жизнь бояться буду одного:
Не потерять бы перстня твоего!

Уходят.

КОРОЛЬ ИОАНН

Перевод
Н. Р Ы К О В О Й

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Иоанн.
Принц Генрих, сын короля.
Артур, герцог Бретонский, племянник короля.
Граф Пембрук.
Граф Эссекс.
Граф Солсбери.
Роберт Бигот, граф Норфолк.
Хьюберт де Бург.
Роберт Фоконбридж, сын сэра Роберта
Фоконбриджа.
Филипп Фоконбридж (Бастард),
брат его.
Джемс Герни, слуга леди Фоконбридж.
Питер из Помфрета, мнимый пророк.
Филипп, король французский.
Людовик, дофин.
Лимож, эрцгерцог Австрийский.
Кардинал Пандольф, папский легат.
Мелён, французский вельможа.
Шатильон, французский посол к королю
Иоанну.
Королева Элеонора, мать короля Иоанна.
Констанция, мать Артура.
Бланка Испанская, племянница короля
Иоанна.
Леди Фоконбридж.
Лорды, леди, горожане Анжера,
шериф, герольды, офицеры,
солдаты, вестники, слуги.

Место действия — частью Англия, частью
Франция.

А К Т I

СЦЕНА 1

Нортемптон. Тронный зал во дворце.

Входят король Иоанн, королева Элеонора, Нембрук,
Эссекс, Солсбери и другие, а также Шатильон.

Король Иоанн

Так что же, Шатильон, сказать нам хочет
Французский брат наш?

Шатильон

Вот что мне велел
Король французский передать с приветом
Назвавшемуся королем английским.

Элеонора

Назвавшемуся? Странное начало!

Король Иоанн

Пусть, матушка, договорит посол.

Шатильон

Король Филипп, вступаясь за права
Артура, отпрыска Плантагенетов,
И сына брата твоего Готфрида,
Желает, чтобы ты ему вернул
Прекрасный этот остров и другие

Владения: Ирландию, Анжу,
Турень, и Пуатье, и Мен; чтоб ты,
Свой меч захватнический опустив,
Его племяннику вручил, как должно,
Законному монарху твоему.

К о р о л ь И о а н н

А если мы на это скажем: «Нет»?

Ш а т и л ь о н

Тогда — война. Ее жестокой силой
Неправое насилие сокрушится.

К о р о л ь И о а н н

Вот наше слово: на войну — войной,
И кровь за кровь, и сила против силы.

Ш а т и л ь о н

Прими же вызов короля. На том
Кончается мое к тебе посольство.

К о р о л ь И о а н н

Мой вызов передашь ему. Ступай:
Ты для него, как молния, сверкнешь,
Затем, что он, едва ты молвишь слово,
Меня услышит — гром английских пушек.
Тебе же — стать предвестьем роковым
И трубным гласом гнева моего,
Несущего французам гибель.— Пембрук,
С почетом проводить посла.— Прощай.

Ш а т и л ь о н и П е м б р у к у х о д я т.

Э л е о н о р а

Что, сын мой? Не была ли я права?
Констанция покоя не узнает,
Покуда не побудит встать за сына
И Францию и всех на белом свете.
А это мы могли предотвратить,
Всего добившись миром и согласием.
Теперь же — два великих королевства,
Судьбу решая, кровью истекут.

К о р о л ь И о а н н

За нас — и наша власть и право наше!

Э л е о н о р а

Доверься лучше нашей твердой власти,
Не то придется плохо нам с тобой.
Мой шепот, совести тревожный вздох,
Пусть кроме нас услышит только бог.

Входит ш е р и ф и шепчется с Эссексом.

Э с с е к с

К вам, государь, явились двое. Просят,
Чтоб вы решили спор их — самый странный
Из всех, какие знал я. Что сказать им?

К о р о л ь И о а н н

Впустите их.

Ш е р и ф уходит.

Аббатства и монастыри дадут
Нам средства для войны.

Входят Р о б е р т Ф о к о н б р и д ж и Ф и л и п п, его побочный брат.

Вы что за люди?

Б а с т а р д

Ваш верноподданный и дворянин
Нортемтонширский; полагаю также —
И старший сын Роберта Фоконбриджа,
Который в рыцари на поле битвы
Был Лвиным Сердцем славно посвящен.

К о р о л ь И о а н н

А ты кто?

Р о б е р т

Я того же Фоконбриджа
Сын и наследник.

К о р о л ь И о а н н

Он старший, а отца наследник — ты?
Наверно, вы от разных матерей?

Б а с т а р д

Пет, мать у нас одна, король могучий,
Все это знают. Думаю, что также
Один отец. Известно про отца
Наверняка лишь матери да богу;
А дети разве могут точно знать?

Э л е о н о р а

Бесстыдник грубый! Мать свою позоришь!
На честь ее, шутя, бросаешь тень.

Б а с т а р д

И, государыня? Никак не я.
Все это брат мой хочет доказать,
И если замысел его удастся,
Пятьсот — не меньше — добрых фунтов в год
Утянет у меня. Бог сохрани
Мне — землю, матери же нашей — честь.

К о р о л ь И о а н н

Вот прямодушный малый! Почему же
Твой младший брат потребовал наследство?

Б а с т а р д

Не знаю. Землю хочет получить
И вот клеветает: я-де незаконный!
Но так же ли законно я рожден,
Как брат,— об этом матери известно.
Зато удался ей не хуже брата
(Хвала тому, кто с нею потрудился!).
Сравните нас обоих, государь,
И посудите сами: если мы
От сэра Роберта, и брат мой вышел
В отца — то как обласкан я судьбой,
Отец мой добрый, что не схож с тобой!

К о р о л ь И о а н н

Ну сумасброд! Пошлет же бог такого!

Э л е о н о р а

Я в голосе его, в чертах лица
Улавливаю сходство с Львиным Сердцем.
По-твоему, своим сложеньем мощным
Он не похож на сына моего?

К о р о л ь И о а н н

С него я глаз все время не спускал:
Он — Ричард вылитый. Ну, а теперь
Доказывай свои права ты, младший?

Б а с т а р д

Он на отца похож, и у него
Лишь пол-лица, как на монете медной;

А землю хочет целиком забрать:
На медный грош — полтысячи дохода!

Р о б е р т

Король мой милостивый! С братом вашим
Был верной службой связан мой отец.

Б а с т а р д

Ну, землю этим ты не оттягаешь:
Доказывай, что мать связалась с ним!

Р о б е р т

Случилось, что король послал отца
С германским императором о важных
В те дни делах вести переговоры;
А сам он времени терять не стал
И в замке нашем тотчас поселился.
Мне совестно рассказывать подробно,
Но правда все же — правда. Мой отец
Сам говорил: его и нашу мать
В те дни моря и земли разделяли,
Когда зачат был этот бойкий малый.
На смертном ложе завещал мне он
Все наши земли, будучи уверен,
Что старший отпрыск матери моей
Не сын ему — уж разве что родился
До срока за четырнадцать недель.
Вот и хочу я, добрый государь,
Все получить, согласно отчей воле.

К о р о л ь И о а н н

Но брата твоего в законном браке
Жена отца произвела на свет.
А вышел грех — ну что ж, ее вина:
С любым женатым может быть такое.
Но ты скажи мне: как бы мог мой брат,
Приживший сына по твоим словам,
Его потребовать у Фоконбриджа?
Тот был бы вправе удержать теленка
От собственной коровы, в полном праве!
Мой брат, хоть сына и прижил, не мог
Его признать, а твой отец отвергнуть
Его не мог. И вот мое решение:
От сына матери моей рожден
Наследник твоему отцу: он должен
Отцовское наследье получить.

Р о б е р т

Неужто воля моего отца
Не может прав лишить чужое семя?

Б а с т а р д

Не больше может, сэр, чем помешать
Могла в то время моему рождению.

Э л е о н о р а

Скажи, кем хочешь быть? Как Фоконбридж
Владеть землей и жить, подобно брату?
Иль признанным потомком короля,
Хоть без земли, своей гордиться честью?

Б а с т а р д

Когда бы, государыня, мой брат
Стал обликом, как я, а я, как он,
Верней — как батюшка его, сэр Роберт,
И ноги были бы мои, как жерди,
А руки, словно чучела угрей,
А рожа так худа, что я б не смог
На людях за ухо заткнуть цветок,
Не услыхав: «Ни дать, ни взять — монета!»,
И если бы при этом вся земля
Досталась мне, — я, не сойти мне с места,
Клочок последний отдал бы за то,
Чтобы себе вернуть свое лицо!

Э л е о н о р а

Ты молодец! Ну как, отдашь именье?
Пойдешь искать удачи? Мы готовим
Поход на Францию — пойдешь за мной?

Б а с т а р д

Вперед, за счастьем! Брат, владей землей.
Полтысячи твоей достались роже,
А ей цена — пять пенсов, не дороже. —
За вами до могилы, госпожа!

Э л е о н о р а

Нет, лучше ты меня опереди.

Б а с т а р д

У нас, у деревенских, пропускают
Вперед знатнейших.

К о р о л ь И о а н н

Как тебя зовут?

Б а с т а р д

Филипп я, мой король и господин,
Супруги Фоконбриджа старший сын.

К о р о л ь И о а н н

Прими же имя гордос того,
Чей облик принял. Преклони колени,
Филипп, и встань. Имен славнее нет:
Сэр Ричард, признанный Плантагенет!

Б а с т а р д

Подай же руку мне, товарищ детства!
Я — честь, ты землю получил в наследство.
На благо нам обоим, сводный брат,
Без сэра Роберта я был зачат.

Э л е о н о р а

Вот остроумие Плантагенета!
Тебе я бабка, Ричард, помни это.

Б а с т а р д

Родство случайное, но все равно!
Пришло мне счастье левой стороной.
Нельзя в ворота — смело лезь в окно;
Не можешь днем — иди сквозь мрак ночной;
Как ты ни взял — а приз отныне твой;
Как ни стрелял — задета цель твоя.
Кем ни рожден, а я уж верно Я!

К о р о л ь И о а н н

Ступай же, Фоконбридж. Владей землею
По воле Безземельного. За мною,
Сэр Ричард! Матушка, пора уж нам
К французским устремиться берегам.

Б а с т а р д

Ты, брат, на божий свет родился честно:
Тебе-то счастья пожелать — уместно.

Уходят все, кроме Бастарда.

На добрый фут теперь я выше стал,
Земли же — сотни футов потерял.
Но в леди превращу любую Джен.
«Сэр Ричард, добрый день!» «Здорово, парень!»
Он — Джордж, я Питером его зову.—
Ведь те, кто только что из грязи в князи,
Чужих имен не помнят: им же надо,
Чтоб видели их важность. Вот ко мне
Приходит со своею зубочисткой
Приезжий иностранец на обед.
Набив едой свой рыцарский желудок
И чистя зубы, завожу беседу
С заморским щеголем: «Мой добрый сэр,—
Я говорю, на стол облокотясь,—
Позвольте мне спросить»... И тут же, словно
По катехизису, ответ: «О сэр!
Приказывайте, я к услугам вашим;
Располагайте мной!» А я: «О нет,
Дражайший сэр, я ваш слуга». И вот,
Еще и не добравшись до вопросов,
В любезностях рассыплемся мы оба.
А там пойдет рассказ про Апеннины,
Про Пиренеи, Альпы, реку По,—
И так до ужина и се и то.
Обычай круга знатного усвоить
Я должен: ведь в него теперь вхожу,
А век твой оттолкнет тебя с презреньем,
Когда не сможешь в ногу с ним идти
(Боюсь, что мне, пожалуй, не сумеешь...),—
Затем что надо перенять не только
Повадку, лоск и внешнее обличье,
Но на потребу века источать
Сладчайший яд из сердца, из души.
Не для обмана это изучу я,—
Чтоб самого меня не обманули,
Чтоб восхождение облегчить себе.
Но что это за всадница? Гонец
В одежде женской? Нет при ней супруга
С хорошим рогом, чтоб в него трубить?

Входят леди Фоконбридж и Джемс Герни.

Да это матушка! — Привет вам, леди!
Что прибыли так спешно ко двору?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Где братец твой, где этот негодий,
Который честь мою везде позорит?

Б а с т а р д

Мой братец Роберт? Это он вам нужен?
Могучий витязь, Кольбранд-великан
И сэра Роберта законный сын?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

А ты, мальчишка, почему так дерзко
О сэре Роберте заговорил?
Ему вы оба — сыновья родные.

Б а с т а р д

Джемс Герни, ты бы вышел ненадолго.

Г е р н и

Извольте, добрый господин Филипп.

Б а с т а р д

Какой Филипп? Здесь, милый Джемс, такие
Пошли дела! Потом я расскажу.

Г е р н и уходит.

Мать, я ведь не был сыном Фоконбриджа.
Он, не нарушив святости поста,
В Страстную пятницу мог съесть все мясо,
Которым я ему обязан. Право!
Ну мог ли он такого породить?
Мы знаем, как и что он мог. Так вот —
Кого же, матушка, благодарить мне
За силу рук и богатырский рост?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Ты что, стакнулся с братом? Честь мою
Себя же ради защищать ты должен.
Разбойник дерзкий, что все это значит?

Б а с т а р д

Я рыцарь, мать. Совсем, как Базилиско.
Да нет, почище: я ведь посвящен!

Сэр Роберт не отец мне. Я отверг
И вотчину и имя Фоконбриджа,
Признал свое рождение незаконным.
О матушка, молю тебя, скажи,
Кто был отец мой? Человек достойный?

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Отрекся ты от рода Фоконбриджей?

Б а с т а р д

Отрекся, как от черта самого.

Л е д и Ф о к о н б р и д ж

Твоим отцом был Ричард, наш король.
Так долго он ухаживал за мною,
Так пламенно, что я его пустила
К себе на ложе мужнее. Пусть бог
Меня за грех не покарает строго!
А грех мой — ты. Я, слабая, сдалась —
Так властен был тот незабвенный час.

Б а с т а р д

Клянусь, когда б родиться мне вторично,
Я лучшего отца не пожелал бы!
Не злая воля, матушка, тебя
Ввела во грех, и он тебе простится.
Ты сердце, как добычу, отдала
Всепобеждающей любви того,
Кто яростной, неодолимой силой
И льва смирил, кто из груди у льва
Бесстрашно вырвал царственное сердце.
Ему не больших стоило трудов
Осилить сердце женское. О мать,
Как за отца тебе я благодарен!
Любого, кто осудит мать мою,
Мечом я прямо в пекло загопою.
Хочу, чтоб ты родню мою узнала.
Пойдем — и ясным сделаем для всех,
И все поймут, что если б отказала
Ты Ричарду — вот это был бы грех.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Франция. Под стенами Анжера.

Входят с одной стороны эрцгерцог Австрийский во главе своего войска, с другой — Филипп, король французский, во главе своего; Людовик, Констанция, Артур и свита.

Л ю д о в и к

Приветствуем вас, доблестный эрцгерцог,
У стен Анжера. — Друг Артур, твой родич,
У льва исторгший сердце, славный Ричард,
Отважный паладин Святой земли.
Сражен был этой рыцарской рукой.
По нашему призыву и желая
Загладить грех перед его потомством,
Войска привел эрцгерцог — поддержать
Тебя в борьбе с твоим преступным дядей,
Присвоившим английскую корону.
Приветствуй же его и обними.

А р т у р

Смерть Ричарда прости вам бог за то,
Что вы несете жизнь его потомству,
Овеяв дело правое крылами
Своих знамен. Моя рука слаба,
Но в сердце — дружба верная. Эрцгерцог,
Привет у врат Анжера!

Л ю д о в и к

Славный мальчик!

Как за твои права не постоять?

Э р ц г е р ц о г

(целует Артура)

Прими же поцелуй, печать горячей
Моей любви к тебе, залог того,
Что не вернусь домой, пока Анжер
И все твои французские владенья,—
А с ними вместе бледнолицый берег,
Что гордо отражает натиск волн,
Своих островитян от всех отрезав,
Пока страна за водною твердыней,
За крепким валом из морских валов,
Защитой мощной от любых вторжений,
Твой остров западный, твой дальний край,—
Тебя, прекрасный отрок, не признает
Своим владыкой. И до той поры
Меч занесенный я не опущу.

К о н с т а н ц и я

Примите благодарность от вдовы,
От матери его, куда сам он,
В боях окрепнув дружбой вашей крепкой,
Щедрее вам за помощь не воздаст.

Э р ц г е р ц о г

Тот в мире с небом, кто посмел поднять
Бесстрашный меч войны святой и правой.

К о р о л ь Ф и л и п п

Друзья, за дело! Пушки мы нацелим
В упрямый лоб твердыни городской;
Искуснейшие наши полководцы
Должны измыслить способ нападения.
Мы кости царственные сложим здесь,
Мы улицы зальем французской кровью,
Но юный принц войдет с победой в город.

К о н с т а н ц и я

Чтоб безрассудно меч не обнажать,
Дождитесь Шатильона. Он, быть может,
Нам принесет желанный мир и то,

Чего хотим войною мы добиться.
Не пожалеть бы, завязавши бой,
О каждой капле крови пролитой!

Входит Ш а т и л ь о н.

К о р о л ь Ф и л и п п

Ну, чудеса! Ты только пожелала,
А наш посол и прибыл — тут как тут.
Какой ответ принес ты, Шатильон?
Мы без тебя не начинали дела.

Ш а т и л ь о н

Осаду жалкую вам надо снять:
Понадобится войско для иного.
Отвергнув справедливый ваш призыв,
Король английский вынул меч из ножен.
Пока я ветра ждал, уж он собраться
Успел в поход, и вот он с войском здесь
Под городом, со мной одновременно.
Его бойцы уверенно и быстро
К Анжеру осажденному идут.
С ним королева-мать, — как злая Ата,
Что подстрекает на раздор и кровь, —
Ее племянница, принцесса Бланка,
И Ричарда покойного бастард,
А также полчище сорви-голов,
Отчаянных и буйных добровольцев:
Хоть лица их мягки, сердца драконы;
Имущество в доспехи превратив
И на себе неся свое наследье,
Они пришли сюда за новой долей.
Доставили английские суда
Таких неистовых головорезов,
Каких еще не приносили волны
Всем добрым христианам на беду.

За сценой — барабанный бой.

Вот барабаны их. Я все сказал.
Готовые и к торгу и к сраженьям,
Они пришли. Вы тоже приготовьтесь.

К о р о л ь Ф и л и п п

Так скоро мы не ждали нападения!

Эрцгерцог

Пускай. Чем неожиданней оно,
Тем яростней нам надо защищаться.
В нелегком деле мужество крепчает.
Мы встретим их, как должно; пусть идут!

Входят король Иоанн, Элеонора, Бланка, Бастард,
вельможи и войско.

Король Иоанн

Мир Франции, когда не помешает
Нам Франция вступить в пределы наши.—
Не то — ей кровью истекать, а нам,
Бичу господня гнева,— покарать
За гордость тех, кто мир изгнать решится.

Король Филипп

Мир Англии, когда ее полки
Домой вернутся, не нарушив мира.
Мы любим Англию: ее же ради
Потеем здесь под тяжестью брони.
Тебе бы потрудиться вместо нас;
Но Англию так мало возлюбил ты,
Что, короля неправо отстранив,
Законную преемственность нарушил,
Ограбил отрока и осквернил
Насильем наглым девственность короны.
Взгляни на мальчика — и облик брата
Узнаешь ты: его глаза и лоб;
Здесь уменьшенным все воплощено,
Что умерло в Готфриде. Будет время —
Страница жизни превратится в книгу.
Готфрид тебе был старшим братом; мальчик —
Его наследник. Как же королем
Назвался ты, скажи во имя бога,
Когда живая кровь струится в жилах
Того, чье место ты посмел занять?

Король Иоанн

А от кого ты право получил
Допрашивать меня, король французский?

Король Филипп

От высшего владыки, что внушает
Благие помыслы земным владыкам,

Обязанным неправду пресекать.
А отрок этот под мою защиту
Поставлен им, и мне поможет он
За зло твое расправиться с тобой.

К о р о л ь И о а н н

Захватчиком ты хочешь стать, я вижу!

К о р о л ь Ф и л и п п

Прости: захватчика хочу сразить.

Э л е о н о р а

А кто, король, по-твоему, захватчик?

К о н с т а н ц и я

Отвечу я: бессовестный твой сын.

Э л е о н о р а

Прочь, наглая: чтоб королевой стать,
Ублюдка своего на трон сажаешь.

К о н с т а н ц и я

Всегда я верной сыну твоему
Была, как ты — законному супругу.
И с Готфридом мой мальчик больше сходен,
Чем ты с Иоанном, хоть по духу вы —
Как дождь с водой, как черт и мать его.
Артур — ублюдок? Да клянусь душой,
Отец его не так был честно зачат:
Ведь он тобой произведен на свет.

Э л е о н о р а

Вот, мальчик, мать твоя отца позорит!

К о н с т а н ц и я

Вот, сын мой, как тебя позорит бабка!

Э р ц г е р ц о г

Потише!

Б а с т а р д

Он глашатай!

Э р ц г е р ц о г

Что за шут?

Б а с т а р д

Да, шут, и он с тобой сыграет шутку:
С тебя сорвет он живо шкуру льва —
С твоей впридачу. Ты — тот самый заяц,
Что дергает за гриву мертвых львов.
Тебя я выкурю из львиной шкуры;
Ей-богу, выкурю тебя, ей-богу!

Б л а н к а

По праву носит одеянье льва
Лишь тот, кто сам сорвал его со льва.

Б а с т а р д

Ему ж оно пристало, как ослу
Пристала обувь славного Алкида.
Но груз я со спины осла сниму,
Не то — хребет переломлю ему.

Э р ц г е р ц о г

Что за трещотка уши нам терзает
Неугомонным шумом лишних слов?
Король, Людовик, вам — принять решение!

Л ю д о в и к

Пусть женщины и дурни помолчат!
Король Иоанн, от имени Артура
Мы требуем: ты Англию свою,
Ирландию, Анжу, Турень и Мен
Верни ему. Согласен это сделать?

К о р о л ь И о а н н

Нет, лучше смерть! — Король, прими мой вызов.—
Артур Бретонский, перейди ко мне,
И от любви моей получишь больше,
Чем взял бы для тебя француз трусливый.
Доверься нам.

Э л е о н о р а

Доверься бабке, внук.

К о н с т а н ц и я

Да, детка, к бабушке иди на ручки:
Ты — королевство ей, она — тебе
Изюминку, и вишенку, и фигу:
Добрей ее не сыщешь.

А р т у р

Мать, не надо!
О, лучше бы в могиле мне лежать!
Такой жестокой распри я не стою.

Э л е о н о р а

За мать стыдится он и плачет, бедный.

К о н с т а н ц и я

За мать иль нет, — пусть будет стыдно вам!
Не матерью он опозорен, — бабка
Обидела его, и льется жемчуг
Из бедных глаз. И небо, словно мзду,
Прозрачный драгоценный бисер примет,
Свершит свой суд — и покарает вас.

Э л е о н о р а

Ты и земли и неба клеветница!

К о н с т а н ц и я

А ты обидчица земли и неба!
Где клевета? Ты с сыном отняла
У этого ребенка власть, корону,
Правда. Его отец — твой старший отпрыск.
Страдает мальчик по твоей вине;
Твои грехи на голове его,
За них же он отмечен божьим гневом —
Несчастное второе поколение
Из мерзостного чрева твоего.

К о р о л ь И о а н н

Молчи, безумная!

К о н с т а н ц и я

Одно добавлю:

Не просто он казнится за нее;
Она сама и все ее грехи —
Тот бич, которым бог его карает,
Хоть он ей только ввук. И та обида,
Которая ему нанесена, —
Ее палач, невинному ребенку
Жестоко мстящий за ее же грех.
Проклятье ей! Всему виной она.

Э ле о по ра

Бранишься без толку! По завещанью
Артур, твой сын, лишился прав на трон.

Ко н ста н ц и я

О да, составленному по твоей
Безбожной воле, воле злобной бабки!

Ко ро л ь Фи ли п п

Сударыня, довольно, успокойтесь!
Нам здесь не подобает поощрять
Неугомонной этой перебранки!
Пусть вызовет на стены трубный звук
Анжерских граждан. Мы от них услышим,
Кого они считают королем.

Трубы. На стену выходят несколько горожан.

Пе р в ы й го ро ж а н и н

Кто вызвал нас на городскую стену?

Ко ро л ь Фи ли п п

Король французский, ради дел английских...

Ко ро л ь Ио а н н

Король английский, по делам своим
Любезных подданных я вызываю...

Ко ро л ь Фи ли п п

Анжерцев верных, подданных Артура,
Мы трубным звуком кличем на совет.

Ко ро л ь Ио а н н

...И выслушать прошу мои слова.
У ваших стен и на глазах у вас
Развернуты французские знамена.
На гибель вам сюда пришли французы:
Уже из яростного чрева пушек,
На город ваш нацеленных, готов
Железный гнев свирепо изрыгнуться.
Кровавую осаду затевают
Французы эти, и на их дела
Уставились, не глядя, очи стен —
Закрытые ворота. Если б мы
Не подошли к твердыне вашей спящей,
То камни, опоясавшие вас,

Из их покойных известковых гнезд
Исторгла бы пальба, и грозный враг
Ворвался бы в дотолу мирный город.
Но, быстро завершив поход нелегкий,
С таким же сильным войском к стенам вашим
Явились мы, законный ваш король,
Лицо Анжера убережь от шрамов.
К переговорам страх склонил врага.
Не ядра раскаленные он шлет,
Чтоб жаркой дрожью било город ваш,
А мирные слова в дыму дурманном,
Чтоб улестить вас и склонить к измене.
Познай им цену, добрый наш Анжер,
И нас, монарха твоего, прими:
В походе тяжком дух наш истомился
И жаждет у тебя найти приют.

К о р о л ь Ф и л и п п

Нет, выслушав меня, ответь обоим.
Вот, правая рука моя,— которой
Вручил господь защиту прав того,
Кто за нее схватился,— держит руку
Артура юного: он старшим братом
Захватчика английского рожден,—
Его и Англии король законный.
Растоптанную правду защищая,
Мы с войском топчем луг зеленый ваш,
Но к вам вражды не ведаем: должны мы,
Покорствуя небесному велению,
За принца угнетенного вступиться.
Воздайте же священный долг тому,
Кто вправе этот долг принять, Артуру,—
И наше войско грозное для вас
Медведем укрощенным обернется.
Мы пушек ярость мирно разрядим
В плывущие по небу облака;
Свершая радостное отступление,
Не смяв брони, клинков не зазубрив,
Домой вернемся с жаркой кровью в жилах,
Которую хотели здесь пролить,
И будет мир — и вам и детям вашим.
Но если вы ответите отказом,
То и кольцо старинных ваших стен
Вас не спасет от вестников войны,
Хотя бы в нем собрались эти все

Искусные в сраженьях англичане.
Итак — согласны вы принять владыкой
Того, за чьи мы ратуем права?
Откажетесь — дадим сигнал к сраженью
И, проливая кровь, возьмем свое.

Первый горожанин

Король английский — наш монарх законный,
И твердо за него стоит Анжер.

Король Иоанн

Признайте ж нас, откройте нам ворота.

Первый горожанин

Не можем. Но когда король докажет
Законность прав своих,— его мы примем,
А до того — ворот не отопрем.

Король Иоанн

На мне венец английских королей.
Чего ж еще? Со мною тридцать тысяч
Пришло свидетелей — сердец английских...

Бастард

Бастардов и других.

Король Иоанн

...Готовых жизнь отдать за право наше.

Король Филипп

Не меньше с нами столь же благородных...

Бастард

Бастарды есть небось!

Король Филипп

...Ему сейчас способных дать отпор.

Первый горожанин

Так вот, решайте, чьи права законней:
Законнейший и будет наш король.

Король Иоанн

Тогда господь да примет милосердно
В своих селеньях горних души тех,

Кто нынче же, еще до рос вечерних,
За право королевское падет!

К о р о л ь Ф и л и п п

Аминь! Аминь! К оружью! На коней!

Б а с т а р д

Святой Георгий, ты, сразивший змея
И с той поры на вывесках трактирных
Гарцующий, учи нас биться!

(Эрцгерцогу.)

Ты же

Знай, грозный лев: попасть бы только мне
В твою берлогу,— я с твоею львицей
Наставил бы тебе рога над гривой,
Чтоб стал ты чудищем.

Э р ц г е р ц о г

Наглец, молчать!

Б а с т а р д

О ужас: начинает лев рычать!

К о р о л ь И о а н н

Скорее в поле: там свои полки
Построим мы в порядке боевом.

Б а с т а р д

На высоте расставим войско наше.

К о р о л ь Ф и л и п п

Пусть будет так!

(Людозику.)

Мой сын, ты холм другой
Займи с отрядом. С нами правда божья!

Все уходят.

После нескольких стычек входит французский герольд с трубой;
он подходит к городским воротам.

Ф р а н ц у з с к и й г е р о л ь д

Анжерский люд, ворота распахните,
Чтоб к вам вошел Артур, Бретонский герцог!
Рукою Франции сражался он,
И в Англии немало матерей

Над сыновьями павшими заплачут.
Немало вдов заплачут над мужьями,
Что на земле, от крови почерневшей,
Раскинув руки, мертвые лежат.
Недорого победа нам далась,
И радостно выиграли наши стяги
Над войском, что готово к вам войти,
Провозгласив победно королем
Земель английских юного Артура.

Входит английский герольд с трубой.

А н г л и й с к и й г е р о л ь д

Ликуй, Анжер, и колокольным звоном
Приветствуй короля. Иоанн Английский
В жестокой битве одолел врага.
Сияли наши брони серебром—
Их вражья кровь теперь позолотила.
Копьем французским ни одно перо
Не сбито, гордое, у нас со шлемов.
Знамена — в тех же доблестных руках,
Что их несли, когда мы в бой вступали.
Сюда толпой охотников веселых
Стремятся англичане. Руки их
Окрашены багрянцем вражьей смерти.
Встречай же победителей, Анжер!

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Герольды, мы следили с наших башен
С начала до конца за ходом битвы.
Решить не мог бы самый зоркий глаз,
Какая рать победу одержала.
За кровь платилось кровью, за удар
Ударом, доблесть доблести равнялась
И сила силе. Оба ваших войска
Равно сильны, равно любезны нам.
Пока одно из них не одолеет,
Мы никому ворот не отопрем.

Входят с разных сторон оба короля с войсками
и приближенными.

К о р о л ь И о а н н

Король французский, разве слишком мало
Ты крови пролил? Тщетно преграждаешь
Потоку ровному — моим правам —

Его течение: разъярясь, он выйдет
Из берегов, твои затопит земли.
Не лучше ли его серебристым водам
Катиться без помехи в океан?

К о р о л ь Ф и л и п п

Король английский,— в этой жаркой битве
У вас не меньше крови пролилось,
Чем у французов,— может быть, и больше.
Клянусь рукой моей, что держит власть
Над всей землей под этим небосводом,
Меча, за правду поднятого, мы,
Пока ты не повержен, не опустим.
Пусть лучше нас найдут среди погибших,
Чтоб список их печальный украшало
Торжественное имя короля.

Б а с т а р д

Стремишься в высь ты, царственная слава,
Когда у королей ярится кровь!
Оскалены стальные зубы смерти:
Резцы ее, клыки — мечи бойцов;
И, разрывая мясо человежье,
Она пирует в битвах королей.
Но почему войска стоят без дела?
Владыки, кличьте их на смертный бой!
Ваш дух пылает, в мощи вы равны:
Пускай один падет, другой получит
Желанный мир. Пока же — смерть и кровь!

К о р о л ь И о а н н

Чью сторону вы держите, анжерцы?

К о р о л ь Ф и л и п п

Ответьте, горожане, кто король ваш?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Король законный Англии. Но кто он?

К о р о л ь Ф и л и п п

Наш подопечный, юный принц Артур.

К о р о л ь И о а н н

Нет, мы. Свою монаршую особу
Мы ныне лично представляем здесь:
Себе владыка и тебе, Анжер.

Первый горожанин

Власть более высокая, чем наша,
Опровергает вас обоих. Мы же,
Покуда длится спор, свои сомненья
Не выпустим из запертых ворот
Святого страха божья. Этот страх
Рассеет только истинный король.

Бастард

Ей-богу, нагло же они смеются
Над вами, короли, спокойно глядя
Из-за бойниц могучих на театр,
Где страшное дается представление!
Осмелюсь вам совет мой предложить:
Взяв за пример иерусалимских граждан
Во дни их мятежа, вражду свою
На время позабудьте и совместно
Анжерцам дайте жару. Пусть с востока
И с запада француз и англичанин
Наставят жерла пушек и палят
По городу надменному, круша
Смертельным громом каминные ребра
Так, чтоб у этих подлецов осталась
Одна ограда — воздух. А потом
Войска свои опять разъедините,
Знамена — врозь, и, став лицом к лицу,
Направьте снова копья друг на друга.
Тогда кого-нибудь из вас в любимцы
Фортуна непременно изберет,
Счастливчика победой обласкает,
Ему даруя славный этот день.
По праву вам совет мой безрассудный?
И нет ли в нем разумного зерна?

Король Иоанн

Клянусь шатром небесным, что над нами,
Совет хорош. Давай, французский брат наш,
Анжер с землей сравняем, а затем
Решим в сраженьи, кто его король!

Бастард

И если ты король не на словах,
И оскорблен нахальным городишкой,
Подобно нам, своих орудий жерла

На эти стены дерзкие направь.
А уж когда мы разнесем их в мусор,
Тогда борьба последняя решит,
Кто в рай из нас, кто в бездну угодит.

К о р о л ь Ф и л и п п

Согласен я. Откуда ты ударишь?

К о р о л ь И о а н н

Мы с запада метнем огонь и смерть
Анжеру в грудь.

Э р ц г е р ц о г

Я с севера.

К о р о л ь Ф и л и п п

Мы с юга
Затопим город грозным ливнем ядер.

Б а с т а р д

(в сторону)

Вот это мудро: с севера и с юга
Они друг в друга примутся палить.
Что ж, подстрекнем их.— Ну, живей, за дело!

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Внемлите нам, внемлите, государи!
Я укажу вам, как достигнуть мира
И прочного союза, без боев
Вступить в наш город; предоставьте тем,
Кто пал бы в битве, умереть в постелях.
Прошу вниманья у монархов славных.

К о р о л ь И о а н н

Что ж, мы готовы слушать, говори.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Дитя Испании, принцесса Бланка,
Английскому властителю родня,
По возрасту в невесты подошла бы
Людovicу-дофину. Если страсть
У юноши стремится к красоте —

Кого бы он нашел прекрасней Бланки?
А если сердце ищет чистоты —
Кого найдет он непорочней Бланки?
А если знатность гордому нужна —
В чьих жилах кровь знатнее, чем у Бланки?
Рождение, добродетель, красота —
Все уравнило их. В одном, быть может,
Не равен ей дофин: он — не она.
А ей лишь одного недостает:
Она — не он. Еще не совершенный —
Пусть совершенство в ней он обретет,
Она же полной славы не достигла —
Да будет в нем дана ей полнота.
Двух светлых рек соединим течение,
И берега гордиться будут ими,—
А берегами царственной реки
Вы станете, о короли, связав
Законным браком принца и принцессу.
Такой союз скорей, чем ваши пушки,
Ворота наши сможет распахнуть:
Быстрей, чем порох, рушащий твердыни,
Мы сами вам свободный доступ в город
Открыли бы. Но если этот брак
Не состоится — глухи мы, как море,
Когда оно бушует; диких львов
Мы недоверчивей, и горных скал
Недвижнее и тверже. Даже смерть
В неистовстве своем не так упорна,
Как мы в решение город отстоять.

Б а с т а р д

Опять помеха! Этот говорун
Вытряхивает из лохмотьев смерти
Ее скелет прогнивший! Мелет, мелет
Его язык о смерти, о морях,
О скалах. Для него рычащий лев —
Что для шалуньи-девочки болонка.
Пушкарь болвана, верно, породил —
Все он про пушки, дым, огонь и грохот
Дубиной языка нещадно в уши
Колотит нам! Слова его дубасят
Покрепче кулаков французских. Черт!
Так не глушил меня никто со дня,
Как мужа матери отцом назвал я.

Э л е о н о р а

Сын, согласись на этот брак и щедро
Племяннице приданое назначь.
Так крепко этот узел утвердит
Твою непрочную еще корону,
Что мальчику тому не хватит солнца,
Чтоб из цветка могучий вызрел плод.
Король французский, кажется, согласен.
Смотри, как шепчутся они. Вмешайся,
Пока мутит им души честолюбье,
Не то подтаявшее рвенье их
Мольбы овеют, жалость укрепит,
И глыбой льда для нас оно застынет.

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Что ж не дают ответа короли
На предложение об исходе мирном?

К о р о л ь Ф и л и п п

Тебе, король английский, слово: первый
Ты выслушать анжерцев пожелал.

К о р о л ь И о а н н

Когда прочел бы царственный дофин
«Люблю тебя» в прекрасной этой книге,
Приданным одарил бы я невесту,
Как королеву: Мен, Турень, Анжу,
И Пуатье, и все, за исключением
Анжера осажденного, что здесь,
На этих берегах подвластно нам,
Ей ложе брачное позолотило б;
Она бы властью, почестями, саном
Поспорила с любой своею ровней
По крови, воспитанью, красоте.

К о р о л ь Ф и л и п п

Что скажешь, сын мой? Погляди на Бланку.

Л ю д о в и к

Гляжу, отец мой. И в ее глазах
Я вижу чудо, чудо из чудес:
В них облик мой, лишь тень моя,— и все же
Тень сына вашего, мой государь,

В них солнцем стала; по сравненью с ним —
Ваш сын — лишь тень. Я никогда себя
Так не любил, как в том изображенье,
Безмерно лестном, что сейчас нашел
В блестящем зеркале ее очей.

(Шепчется с Бланкой.)

Б а с т а р д

«В блестящем зеркале ее очей»
Он отражен. Так пусть же он увидит
Повешенным себя на грозных дугах
Ее бровей, — пусть испытает он
Четвертованье в сердце Бланки, чуя
В себе изменника любви. Как жалко,
Что будет отражен любовью этой
И ею же, ей изменив, казнен
Такой болван ничтожнейший, как он.

Б л а н к а

Желанье дяди для меня священно,
И если в вас увидел он все то,
Что нравится ему, и я готова
Ему желанное признать желанным,
Точнее выражаясь: я могу
К любви себя принудить без труда.
Не стану льстить вам, принц: не все, быть может,
Что в вас я вижу, следует любить;
Но самый строгий суд не обнаружит
У вас того, что можно ненавидеть.

К о р о л ь И о а н н

Решайте ж, дети. Что ты скажешь нам,
Племянница?

Б л а н к а

Мне честь велит склониться,
Принявши мудрость вашего решения.

К о р о л ь И о а н н

А ты, дофин, полюбишь ли принцессу?

Л ю д о в и к

Спросите лучше: смог бы я сейчас
От искренней любви своей отречься?

К о р о л ь И о а н н

Тогда за ней получишь пять провинций —
Вексен, Турень, Мен, Пуатье, Анжу.
Даю-впридачу десять тысяч марок
Английских. Если этим ты доволен,
Король Филипп, вели, чтоб сын и дочь
Соединили руки.

К о р о л ь Ф и л и п п

Очень рад я.

Принц и принцесса, обручаю вас.

Э р ц г е р ц о г

Пусть и уста соединят. Клянусь,
Так сделал я, когда в любви поклялся.

К о р о л ь Ф и л и п п

Анжерцы, открывайте же ворота!
Вы помогли нам дружбу заключить,—
Примите ж нас. Венчанье совершим
В часовне пресвятой Марии-Девы.
Я госпожи Констанции не вижу —
Ее здесь нет. При ней не без труда
Устроилось бы это обручение.
Кто скажет — где она и юный принц?

Л ю д о в и к

У вас в шатре, объята гневной скорбью.

К о р о л ь Ф и л и п п

Господь свидетель, этот наш союз
Ее скорбей, увы, не облегчит.
Английский брат мой, чем бы нам утешить
Высокую вдову? Сюда пришли мы,
Чтоб ей помочь, но к выгоде своей
На путь иной вступили.

К о р о л ь И о а н н

Все уладим.

Мы герцогом Бретонским утверждаем,
А также графом Ричмондом Артура.
Ему Анжер богатый отдаем.

Пусть госпожу Констанцию на свадьбу
Посланец наш немедля пригласит.
Надеюсь я, что мы в какой-то мере,
Хоть и не полной, угодим ей так,
Чтоб гневный вопль ее умолк. Теперь же
Пойдем справлять нежданные для нас,
Неподготовленные торжества.

Уходят все, кроме Бастарда.

Б а с т а р д

Безумный мир! Безумцы короли!
Безумен их союз! Лишить желая
Артура прав на целое, Иоанн
От части добровольно отказался.
Француз был совестью вооружен:
Влекомый жалостью и благочестьем,
Он шел на битву, словно воин божий,—
Но начал бес шептать ему и живо
С дороги сбил. О, этот хитрый бес,
Что заставляет клятвам изменять
И парушать обеты королей,
Бездомных нищих, юношей и старцев,
Девиц — и если нечего терять
Девицам, кроме этого названья,
Он и его похитит. Этот бес
Лицом пригож, зовется он — Корысть.
Корысть, ты совратительница мира!
Ведь мир от первых дней уравновешен,
По ровному пути направлен прямо,
Но выгода, бессовестный толчок,
Косой удар, всесильная Корысть
Его заставит отклониться, сбиться
С пути прямого, отойти от цели.
И эта же Корысть, коварный враг,
Личинами играющая сводня,
Блеснув очам коварного француза,
Его от цели доброй отвела,
От благородно начатой войны
К гнуснейшему, постыднейшему миру.
Но почему я поношу Корысть?
Готов ответ: ведь я не знал соблазна.
Смогу ли гордо руку сжать в кулак,
Когда червонцы, ангелы Корысти,
Ладонь мою попробуют ласкать?

Она еще не знала искушенья
И, нищая, ругает богачей.
Ну что ж, я нищий — вот и негодную,
Твердя, что величайший грех — богатство.
Разбогатею — благородно-строг,
Начну вещать, что нищета — порок.
Корысти короли предались ныне,—
Так будь же, Выгода, моей богиней.

(Уходит.)

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Палатка французского короля.

Входят Констанция, Артур и Солсбери.

К о н с т а н ц и я

Венчаются! И заключают мир!
Союз между обманщиками кровный!
Дофин получит Бланку, Бланка — земли?
Не может быть: оговорился ты,
Ослышался, — рассказывай же снова,
Но поразмыслив. Ты шутил, признайся!
Поверь мне — веры нет твоим словам,
Простого смертного случайной сплетне.
Поверь — невысказанно тебе поверить:
В обратном мне поклялся сам король.
Ты напугал меня — и ты ответишь:
Ведь я измучена и жертва страха;
Угнетена — и вся дрожу от страха;
Вдова — и нет защиты мне от страха;
Я женщина — и рождена для страха.
Хотя б сознался ты, что пошутил, —
Смятенный дух мой не найдет покоя,
Весь день он будет маяться в тоске.
Но почему, качая головой,
На сына моего глядишь печально,

И руку горестно прижал к груди,
И проступает влага на глазах,
Как затопивший берега поток?
Ты скорбным видом подтвердить желаешь
Свои слова? О, говори! Не надо
Рассказа повторять; скажи лишь — верно ль
Все это?

С о л с б е р и

Да, не меньше это верно,
Чем,— как, наверно, мыслишь ты,— обман
Содеянное теми, чьи поступки
Я передал правдиво.

К о н с т а н ц и я

Если учишь

Меня ты верить горю, научи
И злое горе умертвить меня.
Пусть жизнь и вера встретятся в борьбе,
Как два бойца отчаянных, что оба
В кровавой схватке пасть обречены.
Дофин на Бланке женится! Мой сын,
А твой удел? Француз и англичанин
Отныне в дружбе... Что же делать мне?
Уйди, посол! Пришел ты с гнусной вестью,
И гнусным сделался мне облик твой.

С о л с б е р и

Ужели было злом поведать вам
О зле, другими причиненном вам?

К о н с т а н ц и я

Так мерзко это зло, что для меня
Зловреден тот, кто мне о нем поведал.

А р т у р

Утешьтесь, матушка, я вас молю!

К о н с т а н ц и я

О, если б, утешающий меня,
Ты был урод, позор моей утробы,
Ходил бы в пятнах мерзких и прыщах,
Противных бородавках и наростах,
Хромой горбун, чернявый дурачок,—
Я б не страдала и не огорчалась:

Ты не был бы мне дорог, недостойный
И крови королевской и венца.
Но ты красив, Природой и Фортуной
Ты словно предназначен для величья.
Дары природы сделали тебя
Нежнее роз и лилий. Но Фортуна!
Ты брошен ею, девкой совращенной,
Она блудит с твоим преступным дядей.
Маня француза ручкой золотой,
Она его заставила попать,
Мой сын, твои священные права,
И сводней сделалось его величие:
Он свел Фортуну с королем Иоанном,
Захватчика бессовестного с девкой. —
Признай, посланец, что француз — изменник
Своей же клятве; брызни на него
Отравой слов; а коли нет — уйди,
Чтоб я одна осталась мыкать горе.

С о л с б е р и

Без вас, принцесса, не осмелюсь я
Предстать пред королями.

К о н с т а н ц и я

Нет, предстанешь:

Я не пойду с тобой. Свое страданье
Я научу быть гордым и сама
Покорно подчинюсь веленьям скорби;
И королям явиться надежит
Ко мне и к ней: так тяжела она,
Что лишь земля могучая смогла бы
Ее снести. Здесь трон мы обрели:
Пусть перед ним склонятся короли.

(Садится на землю.)

Входят король Иоанн, король Филипп, Людовик,
Блапка, Элеонора, Бастард, эрцгерцог Австрийский
и свита.

К о р о л ь Ф и л и п п

Да, этот день, возлюбленная дочь,
Во Франции, как праздник, будет чтиться.
Ему во славу задержало бег
Сияющее солнце, превращая,

Алхимику подобно, дивным оком
Сухую землю в царственное золото.
И этот день в круговращенье лет
Пусть празднуют всегда, как день счастливый.

К о н с т а н ц и я
(поднимался с земли)

Как день несчастный, пусть его клянут.
Чем заслужил он славу, и за что
Его ты станешь золотом писать
В календаре средь праздников церковных?
Нет, день позора, клятвопреступленья,
Обиды тяжелой вырви из недели;
А если он останется, пускай
Беременные молятся о том,
Чтоб им в тот день не выкинуть, не видеть
Своих надежд крушенье, и пускай
В тот день страшатся бури моряки,
Все сделки неудача постигает,
Все начатое кончится бедой,
И даже верность станет черной ложью!

К о р о л ь Ф и л и п п

Клянусь я небом, славный этот день
Вам не придется проклинять, принцесса.
Ведь я давал вам слово короля.

К о н с т а н ц и я

Поддельная монета — ваше слово:
На ней — лицо монарха, но она
Не выдержала пробы. Вы — отступник.
Вы кровь моих врагов пролить грозили,
Теперь же с ней хотите слить свою.
Могучий пыл и гневный взор войны
Остыли под личиной ложной мира.
Для нас обида злая — ваш союз.
Карай же, небо, королей-лжецов!
Тебя вдовица молит, будь ей мужем!
Не допусти, чтоб этот день безбожный
Был мирно завершен! Посей раздор
Еще до вечера между лжецами.
Услышь меня!

Э р ц г е р ц о г

Спокойствие, принцесса!

К о н с т а н ц и я

Война, война! Спокойствие — мне смерть!
Лиможский граф, эрцгерцог! Свой трофей
Позоришь ты, раб, негодяй и трус!
В бою ничтожный, в подлости великий,
Ты — сильный только с сильными в союзе!
Фортуны рыцарь, бьешься лишь тогда,
Когда капризной госпоже угодно
Тебя оберегать. Ты тоже лжец,
Холуй при королях! Болван пустой,
Ничтожный дурень! Пыжился, грозил
Моим врагам! Ты, раб с холодной кровью,
Не громыхал ли, что стоишь за нас,
Что служишь мне, что смело я могу
Твоей звезде довериться и силе?
И вот — к врагам моим переметнулся!
Тебе ли Ричарда трофей пристал?
Сбрось шкуру льва, скорей напаяль телячью!

Э р ц г е р ц о г

О, если б это мне сказал мужчина!..

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напаяль телячью!

Э р ц г е р ц о г

Молчи, мерзавец, если хочешь жить!

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напаяль телячью.

К о р о л ь И о а н н

Нам это не угодно. Ты забылся.

Входит кардинал Пандольф.

К о р о л ь Ф и л и п п

Преосвященнейший посланец Рима!

П а н д о л ь ф

Помазанникам неба мой привет! —
Я, папы Иннокентия легат,
Пандольф, миланский кардинал, тебя,
Король Иоанн, прошу во имя божье
Ответить мне, как посланному папой,

Зачем ты церкви, матери святой,
Нанес обиду злую, помешав
Стефану Ленгтону, что ныне избран
Архиепископом Кентерберийским,
Вступить в его права? Отцу святому,
Король английский, нужен твой ответ.

К о р о л ь И о а н н

От имени кого из смертных можно
Допрашивать помазанников божьих?
Призвав меня к ответу, кардинал,
Не мог ты выбрать имени смешней,
Ничтожней и пустей, чем имя папы!
Так и скажи ему, от нас добавив
Еще одно: что итальянский поп
Взимать не будет во владеньях наших
Ни десятины, ни других поборов.
Но если мы под небом — властелин
Своей страны, то под защитой неба,
Его святым покровом, будем править
И не хотим поддержки смертных рук.
Так папе и скажи: отныне мы
Его захватническую власть отвергли.

К о р о л ь Ф и л и п п

Английский брат мой, ваша речь — кощунство.

К о р о л ь И о а н н

Пусть вас и всех монархов христианских
Нахальный поп ведет на поводу;
Пусть вам страшны проклятья, от которых
Нетрудно откупиться: ведь за деньги —
Прах, мусор — покупаете прощенье
Вы у того, кто в мерзостном торгу
Прощенья сам лишается; пусть вы
И все другие хитрого волхва
Улещивать готовы щедрой данью, —
Я восстаю один — да будет так! —
И каждый друг его — мой смертный враг.

П а н д о л ь ф

Тогда я облечен законной властью
Тебя проклясть и отлучить от церкви.
Благословен твой ленник, если он
Тебе, еретику, нарушит верность;

Благословен, прославлен, как святой,
Тот, чья рука открыто или тайно
Твою отнимет мерзостную жизнь.

К о н с т а н ц и я

Пусть голос мой вольется в голос Рима!
Отец наш кардинал, скажи «амен»
Моим проклятьям ярим. Больше прав,
Чем я, никто на них иметь не может.

П а н д о л ь ф

Проклятье церкви свято и законно.

К о н с т а н ц и я

Как и мое. Когда не мог закон
Встать на защиту правды, — он не должен
И незаконной мести помешать.
Закон Артуру не вернет престола:
Его занявший сам творит законы.
А если весь закон — одна неправда,
Так он и рта не может мне закрыть.

П а н д о л ь ф

Король Филипп, страшась проклятья церкви,
Порви союз с архиеретиком
И, если он не подчинится Риму,
Обрушья на него с французским войском.

Э л е о н о р а

Ты побледнел, король? Не разрывай
Союза с нами.

К о н с т а н ц и я

Дьявол, берегись:
Раскается Филипп, порвет союз —
И ты душой его не завладеешь.

Э р ц г е р ц о г

Внемли, король, словам посланца папы.

Б а с т а р д

Сбрось шкуру льва, скорей напаяль телячью.

Э р ц г е р ц о г

Я проглочу обиду, негодяй!
Ведь я...

Б а с т а р д

Широкой глоткою известен.

К о р о л ь И о а н н

Так что же ты ответишь кардиналу?

К о н с т а н ц и я

А что сказать? Одно лишь — согласиться!

Л ю д о в и к

Отец, подумайте, что выбрать вам:

Проклятья церкви бремя или утрату

Не столь уж тяжкую английской дружбы,—

Что менее опасно?

Б л а н к а

Папский гнев.

К о н с т а н ц и я

Смотри, дофин! Тебя с пути сбивает

Лукавый бес, наряженный невестой.

Б л а н к а

Не голос правды говорит в принцессе —

Нужда ее.

К о н с т а н ц и я

А если признаешь

Нужду, живущую лишь смертью правды,

Так ты должна признать и то, что правда

Воскреснет, если кончится нужда!

Нужду растопчешь — правда воцарится;

Питай нужду — и правда горько спикнет.

К о р о л ь И о а н н

Король смущен, ответа не дает.

К о н с т а н ц и я

О, не внимай ему, ответь, как должно.

Э р ц г е р ц о г

Ответь, король, и сбрось сомнений груз.

Б а с т а р д

А ты набрось телячью шкуру, трус

К о р о л ь Ф и л и п п

Да, я смущен, и что сказать — не знаю.

П а н д о л ь ф

А что сказать ты мог бы для того,
Чтоб худшего смущенья не изведать
В церковном отлученьи и проклятьи?

К о р о л ь Ф и л и п п

Достойнейший отец, каким путем
Пошли бы вы, когда бы стали мною?
Мы только что с моим английским братом
Друг другу руки подали, скрепив
Согласье душ и добрый наш союз
Священной силой клятвы нерушимой.
В последних нами сказанных словах
Повеяло любовью, верой, миром
И нам самим и королевствам нашим.
Чтоб в мирной сделке по рукам ударить,
Пришлось нам вымыть их: свидетель бог,
По ним ведь только что кровавой грязью
Мазнула кисть войны, запечатлев
Раздоры распаленных королей.
И эти чисто вымытые руки,
Так крепко сжатые взаимной дружбой,
Должны расторгнуть добрый свой союз?
Позволено ли с небом нам шутить —
По-детски верностью своей играя,
Беспечно вырвать руку из руки,
Нарушить клятвы, брачную постель
Улыбчивого мира растоптать
Ногами поднятых на битву ратей,
И судорогой гнева исказить
Чело сердечной дружбы? Пастырь душ,
Святой отец, да не случится это!
Ты небом вразумлен — найди, придумай,
Открой нам выход правильный, и мы
Все примем, дружбу нашу сохранив.

П а н д о л ь ф

Согласье — видимость, порядок — смута,
Когда доволен ими англичанин.
К оружию, Филипп, в защиту церкви,
Не то изведает, мятежный сын,

Всю тяжесть материнского проклятья.
Король, ты лучше бы змею за жало,
И разъярившегося льва за лапу,
И тигра лютого за клык держал,
Чем руку ту, что ныне пожимаешь.

К о р о л ь Ф и л и п п

Могу отнять я руку, но не верность.

П а н д о л ь ф

Так, значит, верность встанет против веры,
И, как в усобицах, на клятву — клятва
И слово против слова. Но сейчас,
Филипп, исполни первый свой обет,
Что дал ты небу, — стань борцом за церковь.
В другой же клятве — ты себе изменник,
И не обязан исполнять ее.
Тот, кто поклялся злое совершить,
Творит добро, когда не верен слову;
В его неделанье — благое дело.
Свернул ты с правого пути — сверни
Опять с худого: это кривизна,
Но кривизна и станет выпрямленьем,
Ложь исцелится ложью — так огнем
Огонь врачи смягчают при ожогах.
Святая вера есть опора клятвы.
Твоя же клятва не согласна с ней.
Ты верую поклялся против веры
И клятвой утвердить желаешь право
Нарушить изначальный свой обет.
Так знай: ты ею связан только в том,
Что первого обета не нарушит;
Иначе клятвы — жалкая насмешка!
Ты слово дал, обету изменив, —
Исполнив слово, углубишь измену.
Вторую клятвой первую нарушив,
Сам на себя преступно восстаешь.
Но ты одержишь высшую победу,
С достоинством и твердостью отвергнув
Весь этот жалкий и пустой соблазн.
Иди путями правды — мы тебя
Молитвами поддержим; если ж нет —
Проклятье наше ляжет на тебя
Таким необоримым, черным гнетом,
Что ты под ним в отчаянии умрешь.

Эрцгерцог

Мятеж, мятеж!

Бастард

Ты снова за свое?

Заткнуть бы рот тебе телячьей шкурой!

Людовик

Отец, к оружию!

Бланка

В день свадьбы нашей?

И против родичей твоей жены?

Как? Мы убитых соберем на пир,

А музыкой нам будут трубный рев

И грохот барабанный, вопли ада?

Услышь меня, супруг! (Увы, как странно

Произносить: «супруг»!) Но ради слова,

Доселе чуждого моим устам,

Молю я на коленях: с нашим дядей

В сражение не вступай.

Констанция

Мои колени

В мозолях от коленопреклонений,

Но я молю у ног твоих, дофин,

Не нарушай веления небес!

Бланка

Теперь увижу, как меня ты любишь:

Какое побуждение для тебя

Сильней призыва любящей жены?

Констанция

То, что ему опора, как тебе —

Опора он: честь. Честь твоя, Людовик!

Людовик

Как холодны вы, государь, в минуту,

Когда принять решение неизбежно!

Пандольф

(королю Филиппу)

Я на тебя проклятье изреку.

К о р о л ь Ф и л и п п

Не нужно.— Мы — враги, король Иоанн.

К о н с т а н ц и я

О, снова ты величьем осиян!

Э л е о н о р а

Француз, француз! Что клятва, то обман!

К о р о л ь И о а н н

И часа не пройдет, король французский,
Как этот час ты станешь горько клясть.

Б а с т а р д

Когда звонарь плешивый, старец Время,
К раскаянью призвать тебя решит.

Б л а н к а

В крови заходит солнце. День прекрасный,
Прощай! Увы! Чью сторону принять?
Протянута одна моя рука
К одной из ратей, а к другой — другая.
Я схвачена, меня на части рвут.
Нет сил молиться о победе мужа,
Когда победа эта -- гибель дяди,
Удачи не могу желать отцу
И разделять надежд любимой бабки.
Кто б верх ни одержал, мне поражение
Уже сулит любой исход войны.

Л ю д о в и к

Твое, подруга, счастье там, где я.

Б л а н к а

Где вспыхнет счастье, гаснет жизнь моя.

К о р о л ь И о а н н

Немедля стягивай войска, племянник.

Б а с т а р д у х о д и т .

Король французский, гнев во мне пылает
Столь ярим пламенем, что этот жар
Ничто залить не сможет — только кровь,
Кровь избранных сынов твоей земли.

К о р о л ь Ф и л и п п

Пока зальешь свой жар французской кровью,
Тебя успеет он испепелить.
Остерегись: судьба грозит бедой!

К о р о л ь И о а н н

Не больше, чем тебе.— К оружью, в бой!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Равнина близ Анжера.

Шум битвы, стычки. Входит Бастард с головой эрцгерцога
Австрийского.

Б а с т а р д

День здорово горяч, ей-богу! С неба
Нам бедствия воздушный демон шлет.
Здесь голову эрцгерцога положим
И отдохнем, Филипп.

Входят король Иоанн, Артур и Хьюберт.

К о р о л ь И о а н н

За мальчиком присмотришь, Хьюберт. Ты же,
Филипп, скорей — на помощь: мать в палатке
Окружена врагами.

Б а с т а р д

Государь,
Я королеву выручил, не бойтесь,
Но медлить незачем: еще усилие —
И славно мы закончим ратный труд.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же.

Шум битвы, стычки, отбой. Входят король Иоанн, Элеонора,
Артур, Бастард, Хьюберт и свита.

К о р о л ь И о а н н

Пусть будет так.

(Элеоноре.)

Вы, матушка, останьтесь
С отрядом сильным здесь.

(Артуру.)

Ты не грусти,
Племянник: бабушке своей ты дорог,
А дядя заменить готов отца.

А р т у р

Ах, мать моя теперь умрет от горя!

К о р о л ь И о а н н

(Бастарду)

А ты, племянник, в Англию спеши
И до приезда нашего мошны
Скупых аббатов растрясси, свободу
Дай пленным ангелам: пускай война
Подкормится мясом и салом мира.
Тебе вручаю власть — так действуй смело.

Б а с т а р д

Свечам, колоколам, церковным книгам
Не задержать меня, когда иду
За звонким золотом и серебром.
Прощайте, государь. Целую руку
Вам, бабушка, и помолюсь за вас,
Когда случится приступ благочестья.

Э л е о н о р а

Прощай, мой милый внук.

К о р о л ь И о а н н

Прощай, племянник.

Б а с т а р д уходит.

Э л е о н о р а

(Артуру)

Пойдем со мною, внучек.

(Отводит Артура в сторону.)

К о р о л ь И о а н н

Друг мой Хьюберт,
Послушай: много сделал ты для нас.

В жилище плоти этой есть душа;
Она — должник твой и готова щедро
С тобою расплатиться за любовь.
Мой Хьюберт, предан ты по доброй воле,
И я тебе всем сердцем благодарен.
Дай руку мне. Хотел я кое-что
Тебе сказать, да надо бы получше
Мелодию для этой песни выбрать.
Клянусь, неловко даже говорить,
Что я к тебе так горячо привязан.

Хьюберт

Безмерно, государь, я вам обязан.

Король Иоанн

Для этого еще причины нет,
Но будет, друг. Как время ни подзет,
Настанет час— и расплачусь я щедро.
Хотел тебе сказать я... но потом.
Сияет солнце в небе, пышный день
От преизбытка радостей земных
Так суетен и безрассудно весел,—
Мои слова не для него. Но если б
Железным языком из пасти медной
Тревожил колокол полночный сон;
Но если б мы на кладбище стояли
И гнулся ты под бременем скорбей;
Но если бы угрюмый дух унынья
В тебе сгушал, отяжеляя, кровь
(Что слишком уж легко струится в жилах,
Дурацкий смех в глазах людей рождая,
Пустой ухмылкой искажая лица,—
А нынче это все противно мне),
Но если б мог без глаз меня ты видеть
И слышать без ушей, и отвечать
Без языка, одним порывом чувства.
Без глаз, ушей, без тяжких звуков речи,—
Тогда, хоть день уставился на нас
Наседкой, бодрствующей над птенцами,
Я помыслы свои тебе излил бы...
Но не хочу! А все ж люблю тебя,
Того же ожидая для себя.

Хьюберт

Так велика моя любовь, что я
Для вас любое выполню, хотя бы
Мне смерть грозила.

Король Иоанн

Разве я не знаю?

Мой Хьюберт, друг мой Хьюберт! Погляди
На мальчика. Хочу тебе признаться:
Он на моем пути — змея лихая.
Куда б я ни подался, всюду он.
Меня ты понял, страж его?

Хьюберт

Стеречь

Я стану так, что королю помехой
Не будет он.

Король Иоанн

Смерть.

Хьюберт

Государь!

Король Иоанн

Могила.

Хьюберт

Так он умрет!

Король Иоанн

Довольно. Спала тяжесть

С моей души. Люблю тебя, мой друг!

Сейчас я о награде умолчу,

Но помни...— Государыня, прощайте;

И ждите подкреплений, не страшась.

Элеонора

Благослови тебя господь!

Король Иоанн

Племянник,

Ты — с нами в Англию. Слугою верным

К тебе приставлен Хьюберт. Ну, в Кале!

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же. Палатка французского короля.

Входят король Филипп, Людовик, Пандольф и свита.

Король Филипп

Так ураган, ревущий в бурном море,
Повсюду разгоняет корабли,
Суда одной эскадры разделяя.

Пандольф

Все сладится: мужайтесь, государь!

Король Филипп

Что сладится? Ведь хуже быть не может.
Мы не разбиты? И не взят Анжер?
И не в плену Артур? И многих верных
Не потеряли мы? И не ушел
К себе домой кровавый англичанин,
Французские преграды сокрушив?

Людовик

Он закрепить сумел свои успехи:
Такой расчет в стремительности действий,
Такой порядок в яростном напоре
Не виданы доселе: кто читал,
Кто слышал о делах, подобных этим?

Король Филипп

Хвалы ему мне было б легче слушать,
Когда б столь тяжким не был наш позор.

Входит Констанция.

Кто к нам идет? Та, чья душа — могила,
А горестная плоть — тюрьма, в которой
Томится дух, от жизни отвратясь.
Пойдемте, госпожа моя, отсюда.

Констанция

Вот он, тобою заключенный мир!

К о р о л ь Ф и л и п п

Спокойствие, Констанция! Терпенье!

К о н с т а н ц и я

Нет, не нужны мне помощь и советы:
Единственная помощь и совет —
Смерть, смерть! Люблю и призываю смерть.
Благоуханный смрад! Блаженный тлен!
Встань, поднимись от ложа вечной ночи,
Ты, враг, ты горький ужас для счастливых!
Лобзать я буду мерзостные кости,
В провал глазниц вложу свои глаза,
Червями пальцы обовью и в рот,
Чтоб не дышал, набью земли могильной,
И стану трупом страшным, как и ты.
Приди! Оскал твой для меня — улыбка.
Несчастная возьмет тебя в мужа,
В любовники. Приди!

К о р о л ь Ф и л и п п

О, успокойтесь,
Страдалица прекрасная!

К о н с т а н ц и я

Нет, нет!

Пока дыхание есть, не смолкнет голос.
О, если б мой язык вещал, как гром,
Я потрясла бы мир призывом скорбным,
Я грозный разбудила бы скелет,
Что не внимает слабым женским воплям,
Не отвечает на обычный зов.

П а н д о л ь ф

Не горе, а безумье — ваши речи.

К о н с т а н ц и я

Твои же — клевета, и это грех.
Я не безумна. Волосы я рву —
Они мои. Констанцией зовусь,
Была женою Готфрида. А сын мой —
Артур, и он погиб. Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего

Не сознавать! Придумай, кардинал,
Такое мудрое увещеванье,
Чтоб я сошла с ума — и сразу будешь
К святым причтен; не то рассудок мой,
Пронзенный горем, скоро мне внушит,
Что удавиться, горло перерезать —
Вернейший путь избавиться от мук.
Будь я безумной, я б забыла сына
И утешалась бы тряпичной куклой.
Но разум жив, и жгуче, слишком жгуче
Терзает душу каждая из бед.

К о р о л ь Ф и л и п п

О, заплетите косы! Как любовно
Друг к другу льнут волос чудесных нити!
Чуть на одну блестящая слеза
Падет случайно — тысячи других
К ней устремятся, разделяя горе,
Как нежные и верные друзья,
Что не хотят в несчастье разлучаться.

К о н с т а н ц и я

Молю, пустите в Англию меня!

К о р о л ь Ф и л и п п

Прошу вас косы заплести.

К о н с т а н ц и я

Извольте,

Но для чего? Я выпустила их,
Крича: «О если б сына моего
Могли из плена вырвать руки эти
Так, как свободу дали волосам!»
Но вольность их во мне рождает зависть,
И вольных заключу опять в оковы,
Затем, что бедный мальчик мой в плену.
Отец наш кардинал, вы говорили,
Что с близкими мы свидимся в раю:
Раз так, я сына своего увижу!
От Каина, от первого младенца,
До самого последнего, вчера
Рожденного на свет, земля не знала
Прелестней существа! Но червь тоски
Пожрет нераспустившуюся почку
И сгонит красоту с его лица,

И станет бледным он, как тень, худым,
Как лихорадящий, и так умрет,
И в небесах его я не узнаю,
И, значит, никогда уж, никогда
Не видеть мне прекрасного Артура!

П а н д о л ь ф

Великий грех — отчаянье такое.

К о н с т а н ц и я

Слова того, кто сына не имел.

К о р о л ь Ф и л и п п

Вам горе ваше дорого, как сын.

К о н с т а н ц и я

Оно сейчас мне сына заменило,
Лежит в его постели и со мною
Повсюду ходит, говорит, как он,
И, нежные черты его приняв,
Одежд его заполнив пустоту,
Напоминает милый сердцу облик.
Я полюбила горе — и права.
Прощайте, я б утешила вас лучше,
Когда бы вы познали ту же долю.
Не стану убирать своих волос —
В душе и помыслах одно смятенье.
О боже! Мой Артур, мой сын, мой мальчик!
Ты жизнь и радость, ты мне — все на свете!
Ты — утешенье горестной вдовы!

(Уходит.)

К о р о л ь Ф и л и п п

Пойду за ней: беды бы не случилось.

(Уходит.)

Л ю д о в и к

Мне радости не ведать на земле.
Несносна жизнь, как выслушанный дважды,
В унылый сон вгоняющий рассказ.
Стыдом и горечью отравлен мир;
Исчезла сладость — есть лишь стыд и горечь.

П а н д о л ь ф

Когда нам исцеленье предстоит
От тяжкого недуга, в самый миг
Выздоровленья он всего сильнее.
Зло обреченное больней язвит.
Вы проиграли день? А что еще?

Л ю д о в и к

Всю славу, счастье, радость дней грядущих.

П а н д о л ь ф

Вы проиграли б, одержав победу.
Нет, нет: чем ласковой Фортуна к людям,
Тем больше бедствий взор ее сулит.
Не странно ли — как много потерял
Король Иоанн в самой своей победе!
Огорчены вы, что Артур в плену?

Л ю д о в и к

Не меньше, чем король Иоанн ликует.

П а н д о л ь ф

Как ум твой юн, — совсем, как кровь твоя!
Но слушай, — я пророчески вещаю.
Ведь даже звук вот этих слов моих
Пылинку каждую, песчинку — всё
Сметет с пути, которым ты пойдешь
К английскому престолу. Ты подумай:
Артур в плену у дяди. Но пока
В крови у мальчика играет жизнь,
Преступник ни на час, ни на минуту,
Нет — ни на миг не обретет покоя.
Захваченные дерзостью бразды
Не удержат иначе, как насильем.
Ведь для того, кто стал на скользкий путь,
Опоры слишком гнусной не бывает
Чтоб выстоял Иоанн, падет Артур.
Пусть будет так, раз это неизбежно.

Л ю д о в и к

Что мне за польза, если он умрет?

П а н д о л ь ф

От имени своей супруги Бланки
Предъявишь ты права на то, что было
Законным достоянием Артура.

Л ю д о в и к

Чтоб жизнь и все утратить, как Артур?

П а н д о л ь ф

Как в старом мире зелен ты и юн!
Все козни Иоанна, ход событий —
Тебе в подмогу. Тот, кто кровь прольет,
Ища спасенья, в ней же захлебнется.
Его деянье злое охладит
Сердца народа, рвенье заморозит.
Малейшая представится возможность —
И встанут все, чтоб свергнуть власть его.
В явлениях природных на земле
И в небе, — непогода ли случится,
Внезапный ветер, или что еще, —
Разумную причину отвергая,
Увидят чудо, знаменье, предвестье,
Зловещий метеор, глагол небес,
Что королю грозят господней карой.

Л ю д о в и к

Возможно, он Артура не убьет:
Достаточно окажется темпицы.

П а н д о л ь ф

Хотя б Артур был жив, когда Иоанн
О приближении твоём узнает, —
Он в тот же час умрет; сердца людей
Охватит возмущенье; все, ликуя,
Благословят любую перемену
И вырвут поводья для мятежа
Из пальцев окровавленных Иоанна.
Я так и вижу грозный этот взрыв:
Ничто тебе так славно не поможет!
Сейчас в земле английской Фоонбридж,
Бастард безбожный, нагло грабит церковь.
Была б там дюжина солдат французских —
Как дудка птицелова, приманили б
Они десятки тысяч англичан;

Опи бы выросли, как снежный ком,
Что вмиг становится горою снега.
О мой дофин, скорее к королю!
Представить трудно, что извлечь мы сможем
Из недовольства душ, обиды полных.
Па Англию! Король согласие даст.

Л ю д о в и к

К большим делам ведет благой совет,
На ваше «да» король не скажет «нет».

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Комната в замке.

Входят Хьюберт и два палача.

Х ю б е р т

Прут раскалите докрасна и стойте
Там, за коврами. Как ногою топну —
Скорей сюда: хватайте мальчугана,
Которого увидите со мной,
И привяжите к стулу. Прочь — и ждите!

П е р в ы й п а л а ч

Надеюсь, есть распоряжение свыше?

Х ю б е р т

Вопрос пустой! Не бойся, будь готов.

П а л а ч и у х о д я т.

Поди сюда, малец, поговорим.

Входит Артур.

А р т у р

День добрый, Хьюберт.

Хьюберт

Маленькому принцу —

Привет.

Артур

Да, маленькому, — меньше нет;
Но он по праву мог бы стать большим.
Ты что грустишь?

Хьюберт

Да, веселей бывал я.

Артур

О господи, а я-то ведь считал,
Что только мне пристало быть печальным.
Во Франции у молодых дворян —
Я помню — как-то прихоть появилась
Ходить угрюмыми, как ночь. Клянусь,
Будь я на воле даже пастухом, —
Я был бы весел целый день. И здесь
Я не грустил бы, если б новых козней
Не ожидал от дяди моего.
Его боюсь я, он меня боится.
Моя ль вина, что Готфридом рожден я?
При чем тут я? О, если б был ты, Хьюберт,
Моим отцом! Меня бы ты любил.

Хьюберт

(в сторону)

Молчать я должен. Болтовня ребячья
Во мне пробудит дремлющую жалость;
Пора кончать.

Артур

А ты не болен, Хьюберт?
Ты что-то бледен. Я бы и хотел,
Чтоб ты немного прихворнул, и мог я
С тобой пробыть всю ночь. Наверно, крепче
Тебя я полюбил, чем ты меня.

Хьюберт

(в сторону)

Его слова мне в сердце проникают.
(Протягивает ему бумагу.)

Прочти, Артур.

(В сторону.)

Дурацкой влагой глаз
Выносится наружу боль души.
Скорей кончать, не то совсем по-бабы
Моя решимость изойдет слезами.

(Громко.)

Не разбираешь? Плохо написали?

А р т у р

Для дела злого — слишком хорошо.
Железом ты глаза мне должен выжечь?

Х ь ю б е р т

Да, мальчик, должен.

А р т у р

И решишься?

Х ь ю б е р т

Да.

А р т у р

И хватит духу у тебя? А помнишь,
Как мучился ты головною болью
И лоб тебе я повязал платком
(То был мой самый лучший; мне его
Принцесса вышила), и я обратно
Его не взял? Я голову тебе
Держал всю ночь; как верно служат часу
Минуты быстрые, так я старался,
Чтоб время для тебя текло быстрее.
Я спрашивал: «Где больно? Что ты хочешь?
Чем я могу помочь тебе, мой милый?»
Иной бы сын простолюдина спал
И ласкового слова не промолвил,
Но принц оберегал тебя в ночи.
Ты можешь думать, что моя любовь —
Притворство, ложь; когда угодно року,
Что ж, думай так и поступай жестоко!
Ты хочешь зренье у меня отнять,
Глаза мои, что на тебя ни разу
Не поглядели гневно?

Хьюберт

Я поклялся,
Что выжгу их железом раскаленным.

Артур

Возможно только в наш железный век
Такое дело! Ведь само железо,
Хоть докрасна его ты раскалишь
И поднесешь к глазам моим, напьется
Моих невинных слез, погасит ими
Свой жаркий гнев и пощадит меня.
И ржавчиной покроется оно,
Стыдясь того, что мне огнем грозило.
О, если бы явился ангел с вестью,
Что Хьюберт ослепит меня,— ему
Я не поверил бы. Пусть скажет Хьюберт.

Хьюберт
(топая ногой)

Сюда!

Входят палачи с веревками, железными прутьями и т. д.

Исполнить мой приказ!

Артур

Спаси меня, мой Хьюберт! Слепну я
От одного их зверского обличья!

Хьюберт

Подайте прут, а мальчика свяжите.

Артур

Зачем, зачем? Вязать меня не надо!
Не стану я ни рваться, ни бороться.
О, бога ради, Хьюберт! Не вяжи!
Послушай, Хьюберт, пусть они уйдут,
И буду я с тобой смирней ягненка,
Не вымолвлю ни слова, не моргну,
Не шелохнусь, не погляжу со злобой
На страшное железо. Прогони их —
И все мученья я тебе прошу.

Хьюберт

Оставьте нас одних. За дверью ждите.

Первый палач

Я рад уйти: подальше от злодейства.

Палачи уходят.

А р т у р

О горе! Значит, друга я прогнал!
Сурово он глядит, но сердцем добр.
Пусть он вернется, жалостью своей
Твою пробудит...

Х ь ю б е р т

Мальчик, приготовься!

А р т у р

Спасенья нет?

Х ь ю б е р т

Нет; ты лишишься глаз.

А р т у р

О боже! Если бы в глаза тебе попала
Соринка, мошка, волос иль песчинка —
Ты понял бы, как может эта малость
Измучить нас,— и замысел лихой
Чудовищным тебе бы показался.

Х ь ю б е р т

А обещанье? Придержи язык.

А р т у р

Мой Хьюберт, чтоб молить о паре глаз,
Двух языков, пожалуй, не хватило б.
Не затыкай мне рта, не надо, Хьюберт.
А то уж лучше вырви мне язык,
Но пощади глаза, чтоб мог я видеть,
Чтоб на тебя хотя бы мог смотреть.
Клянусь душой, железо ведь остыло,
И глаз не выжжет.

Х ь ю б е р т

Раскалю опять.

А р т у р

Не сможешь, нет. Огонь погас от горя,
Что им хотят невинного пытать,

Им, созданным на благо людям. Хьюберт,
Ты видишь: угли не пылают злобой,
Дыханье неба охладило жар
И пеплом покаянья их покрыло.

Хьюберт

Мое дыханье оживит огонь.

Артур

И угли, Хьюберт, тотчас покраснеют,
Но от стыда за то, что ты творишь.
Пожалуй, стыд в глазах твоих зажжется.
Когда хозяин псу кричит: «Куси!» —
Порою пес в него вцепиться можег.
Все, чем ты мне хочешь повредить,
Откажется служить: огонь, железо,
Хотя и не привычны к милосердию,
Способны сжалиться; лишь ты — жесток!

Хьюберт

Пусть будет так! Отрады жизни, глаз,
Я не лишу тебя за все богатства,
Что мне сулил твой дядя! Все же знай:
Я клятву дал, что выжгу их железом.

Артур

Теперь ты снова Хьюберт, и снята
С тебя личина!

Хьюберт

Хватит слов. Прощай.
Известье ложное, что ты погиб,
От псов-шпионов дядя твой получит.
Спи, милое дитя, не зная страха:
За все сокровища земные Хьюберт
Тебе вреда не причинит.

Артур

Мой бог!

Спасибо, Хьюберт!

Хьюберт

Тише! Замолчи.
Иди за мной неслышно. Нынче я
В большой опасности из-за тебя.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дворец короля Иоанна.

Входят король Иоанн в короне, Пембрук, Солсбери и другие лорды. Король садится на трон.

Король Иоанн

Вновь мы воссели здесь и вновь — в короне;
И вы, надеюсь, рады видеть нас.

Пембрук

Не будь на то высокой вашей воли,
И нужды не было бы в повторенье:
Вы были коронованы, и с вас
Достоинство монаршее не снято...
Народной верности не оскверняли
Мятежные порывы, и страна
Не волновалась жаждой перемен.

Солсбери

Торжественный обряд свершить вторично,
Еще украсить полный блеска сая,
Позолотить червонец золотой,
И навести на лилию белила,
И лоск на лед, и надушить фиалку,
И радуге прибавить лишний цвет,
И пламенем свечи усилить пламя
Небесного сияющего ока —
Напрасный труд, излишество пустое.

Пембрук

Мы не перечим воле короля,
Но все ж похоже это на рассказ,
Без нужды пересказанный вторично
И скуку нагоняющий на всех.

Солсбери

Здесь, государь, немало искажен
Привычный лик обычаев старинных.
Как с переменой ветра изменяет
Свой путь корабль, решение ваше так же
С пути сбивает мысли, смутный страх
Вселяет в души, здравому суждению
Препоны ставит: трудно верить правде,
Одетой в столь диковинный наряд.

П е м б р у к

Когда себя стремится превзойти
Ремесленник умелый,— губит он
Свое искусство тщетною потугой.
Бывает, неуместным извиненьем
Себе мы портим дело. Так заплата
На небольшой прорехе нам в глаза
Бросается сильнее самой прорехи.

С о л с б е р и

Вот почему считали мы нснужным
Коронованье новое. Но вы
Нам, государь, не вняли,— и прекрасно:
Всегда, везде, во всем желанья наши
Смиренно воле вашей уступают.

К о р о л ь И о а н н

Я кое-что открыл вам из причин
Решенья своего: довольно вески,
По-моему, они. А о других
Скажу потом: все опасенья наши —
Ничто пред ними. А теперь скажите,
Каких бы вы желали улучшений?
Увидите — готов я слушать вас
И все, что захотите вы, исполнить.

П е м б р у к

От имени присутствующих я
Тогда вам выскажу желанье наше;
Прошу и ради них, и для себя,
И, что всего важней, для вашей пользы,—
О чем забота главная у нас —
Освободить Артура. Ропщут люди,
И принца длительное заключение
Наводит на недобрые сомненья:
Раз вам по праву то принадлежит,
Чем мирно вы владеете,— зачем
Ненужный страх, который, говорят,
С неправдой неразлучен,— вас заставил
Племянника, совсем еще ребенка,
Держать в тюрьме, невежеству обречь,
Лишить потребных детству развлечений?
Чтоб не могли воспользоваться этим
Враги престола, ныне молим вас
Внять просьбе нашей — дать свободу принцу.

Нам для себя не нужно ничего:
Ко благу общему — его свобода
И к вашему же благу, государь.

К о р о л ь И о а н н

Согласен я, и воспитанье принца
Вам поручить готов.

Входит Х ь ю б е р т.

Что скажешь, Хьюберт?

П е м б р у к

Вот тот, кто должен совершить злодейство:
Полученный им письменный приказ
Показывал он другу моему.
В глазах его я гнусный вижу грех,
А сумрачный, угрюмый лик скрывает
Жестокое смятение души.
Не выполнил ли он уже того,
На что имел, как видно, полномочье?

С о л с б е р и

Король наш то бледнеет, то краснеет.
С желаньем совесть борется, гоня
По жилам кровь, как вестника меж ратей.
В нем страсть созрела и сейчас прорвется.

П е м б р у к

Когда ж прорвется,— брызнет страшный гной:
Лихая гибель милого ребенка.

К о р о л ь И о а н н

Мы руку смерти удержать не властны!
Хоть воля добрая во мне жива,
Но смерть не даст исполнить вашу просьбу:
Он сообщил мне, что Артур скончался.

С о л с б е р и

Да, видно, был недуг неизлечим.

П е м б р у к

Слыхали мы, что смерть его близка,
Когда он и не чувствовал, что болен.
Виновников за это ждет расплата
Здесь или там.

К о р о л ь И о а н н

Что ж на меня так мрачно
Глядите вы? Иль ножницы судьбы
В моих руках? Иль я над жизнью властен?

С о л с б е р и

Нечисто это дело. Тяжкий стыд,
Что до него унизилось величье!
Желаю вам успеха — и прощайте!

П е м б р у к

Стой, Солсбери. Вдвоем пойдем туда,
Где вотчина несчастного ребенка,
Где королевство малое — могила,
В которую насильем он уложен.
Была его наследьем вся страна —
Три фута получил он. Подлый мир!
Но этого нельзя терпеть. И скоро
Спадет с нас бремя скорби и позора.

Л о р д ы у х о д я т .

К о р о л ь И о а н н

Они горят негодованьем. Каюсь!
Непрочно то, что строится на крови!
Чужая смерть для жизни не спасенье.

В х о д и т г о в е ц .

Как сумрачен твой взор! А где румянец,
Что на лице твоём всегда играл?
В тяжелых тучах небо: грянет буря.
Будь вестником ее. Ну, как дела
Во Франции?

Г о в е ц

Вся Франция идет
На Англию. Таких огромных сил
Еще не собирали для вторженья.
Вы научили их не мешкать с делом,—
И вместо вести о военных сборах
Приходит весть, что враг уж тут как тут.

К о р о л ь И о а н н

Ну, а лазутчики-то наши, что ж?
Валялись пьяные? А мать моя?
Не слышала она, что столько войска
Собрал француз?

Г о п е ц

Мой государь, земля
Ей слух закрыла. Первого апреля
Скончалась ваша царственная мать.
А за три дня до этого, как будто,
Констанция, я слышал, умерла,
Лишившись разума. Но, может быть,
Известье это — болтовня пустая.

К о р о л ь И о а н н

Повремени, коварная судьба!
Вступи со мной в союз, чтоб успокоил
Я пэров недовольных! Мать скончалась!
Во Франции дела сложились худо.—
А кто ведет французские войска,
Которые к нам вторглись, говоришь ты?

Г о н е ц

Дофин.

К о р о л ь И о а н н

От всех вестей, что ты принес,
Мутится ум.

Входят Бастард и Питер из Помфрета.

(Бастарду.)

Ну, Расскажи, какая
О действиях твоих идет молва?
Ты только помни: голова моя
Полным-полна худыми новостями.

Б а с т а р д

Когда о худшем слышать не хотите,—
Оно на вас обрушится неслышно.

К о р о л ь И о а н н

Прости, племянник. Опрокинут был
Я грозным валом бед. Но вот опять
Я всплыл, могу дышать, готов услышать
Все, что угодно, и от всех на свете.

Б а с т а р д

Каких я дел наделал у попов,
Увидите вы, деньги подсчитав.
Но возвращаясь, сразу я заметил,

Что в страшном возбужденье весь народ,
Повсюду бредни дикие и слухи,
Чего-то все боятся, а чего —
Не знают сами. Вот, со мной пророк:
Я в Помфрете схватил его, — за ним
По улицам ходили толпы сброда.
Он им вещал нескладными стихами,
Что до полудня в праздник Вознесенья
Вы, государь, утратите венец.

К о р о л ь И о а н н

(Питеру)

Зачем ты это все болтал, бездельник?

П и т е р

Предвидел я, что так оно и будет.

К о р о л ь И о а н н

Бери его, мой Хьюберт, и в тюрьму!
А в день и час, когда по предсказанью
Я должен пасть, — пускай его повесят.
Отдашь под стражу — и скорей назад:
Ты нужен будешь мне.

Хьюберт уходит с Питером.

Племянник милый!

Слышал ты, кто пожаловал к нам в гости?

Б а с т а р д

Французы, государь. Все это знают.
Я встретил Бигота и Солсбери.
Глаза у них пылали, точно угли,
Раздутые сейчас. А с ними вместе
Другие шли разыскивать могилу
Артура — будто бы он в эту ночь
Был умерщвлен по вашему приказу.

К о р о л ь И о а н н

Мой милый родич, отправляйся к ним,
Уговори их возвратиться: знаю
Я средство, чтобы их сердца привлечь.

Б а с т а р д

Я разыщу их.

К о р о л ь И о а н н

Торопись: пускай

Одна нога другую обгоняет.
О, только б подданный не стал врагом,
Когда страну пугает чужеземец
Блистательно удавшимся вторженьем!
Меркурию подобно, окрыли
Свои стопы и с быстротою мысли
Лети и к пѣрам и назад ко мне.

Б а с т а р д

Дух времени научит быстроте.

(Уходит.)

К о р о л ь И о а н н

Вот речи подлинного дворянина!

(Гонцу.)

Ступай за ним: ему, быть может, нужен
В переговорах с пѣрами гонец.
Ты будешь им.

Г о н е ц

Охотно, государь.

К о р о л ь И о а н н

Скончалась мать моя!

Возвращается Х ъ ю б е р т.

Х ъ ю б е р т

Болтают, государь, что нынче ночью
Пять лун светили в небе и кружилась
Одна из них диковинно вокруг
Недвижных четырех.

К о р о л ь И о а н н

Пять лун?

Х ъ ю б е р т

Безумцы

И старики на улицах вещают
О судьбах злых, без устали твердя
Про смерть Артура, головой качая
И что-то на ухо шепча друг другу.
Рассказчик слушателя своего

Хватает за руку; тот хмурит брови,
Кивает мрачно, в ужасе глазами
Вращает. Видел я: стоит кузнец,
Над наковальной молот занеся,
Но, позабыв о стынушем железе,
Глощает он, разинув рот, слова
Приятеля-портного, тот же с меркой
И ножницами, в шлепанцах (причем
Он в спешке перепутал их) болтает,
Что в Кенте тысячи солдат французских
Уже стоят в порядке боевом.
Но тут же перебив его, другой
Почтенный мастер, тощий и немывтый,
Заводит речь о гибели Артура.

К о р о л ь И о а н н

Скажи, ты хочешь в страх меня вогнать,
Без устали твердя про смерть Артура?
Твоей рукой убит он. Пусть желал я
Его кончины — что тебе-то в ней?.

Х ь ю б е р т

Что, государь? А ваше повеленье?

К о р о л ь И о а н н

Проклятье королей, что служат им
Рабы, которым их любая прихоть —
Указ на беспощадное вторжение
В обитель жизни. Мы едва моргнем —
Они закон в глазах у нас читают.
Беда величья — что случайный взгляд
Возможно счесть обдуманным решением.

Х ь ю б е р т

(протягивая ему бумагу)

Вот подпись ваша и печать под ней.

К о р о л ь И о а н н

Да, в страшный час последнего расчета
Меж небом и землей — печать и подпись
На нас проклятье божье навлекут.
Как часто мы свершаем злое дело
Лишь потому, что так доступны средства!
Случайно оказался ты при мне,

Отмеченный рукой самой природы,
Назначенный для гнусного деянья,—
Вот мне на ум убийство и пришло.
Мне подсказал ужасный облик твой,
Что ты легко пойдешь на преступление,
Что ты годишься для опасных дел —
И бросил я намек на смерть Артура.
А ты, подлаживаясь к королю,
Не побоялся принца погубить.

Хьюберт

Мой государь...

Король Иоанн

Ты только покачал бы головой,
Ты притворился б только, что не понял,
Ты б с удивленьем на меня взглянул,
Как будто ожидая пояснений,—
И тяжкий стыд сковал бы мне уста,
И ужас твой во мне родил бы ужас.
Но как легко схватил ты мой намек,
Греховным замыслам ответив ловко!
Без колебаний согласилось сердце
И поднялась жестокая рука,
Свершая то, что мы назвать не смели.
Прочь! На глаза не попадайся мне!
Дворянством я покинут, силы вражки
Почти что вламываются в ворота,
И даже существо мое — страну
Моей живой и полной силы плоти
Усобица терзает: это совесть
С убийством родича не примирилась.

Хьюберт

Идите в бой на внешнего врага,
А с совестью я сразу примирю вас.
Племянник ваш живет: рука моя,
Как девушка, чиста, и нет на ней
Кровавых пятен. Сердца моего
Смутить не мог соблазн смертоубийства.
В моем обличье оскорбили вы
Саму природу: как оно ни грубо,
В нем есть душа, и стать она не в силах
Невинного ребенка палачом.

К о р о л ь И о а н н

Артур живет? Беги скорее к пѣрам
И этой вѣстью ярость их залей,
Чтоб, укротив, вернуть к повинновѣю.
Прости мне то, что я в сердцах сказал
Про облик твой. Ведь я ослеп от гнева:
В кровавой дымке мне твое лицо
Страшней казалось, чем оно на деле.
Не отвечай — я раздраженных лордов
Жду с нетерпѣнием в комнатѣ своей.
Беги за ними слов моих быстрей.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Перед замком.

На стену всходит А р т у р.

А р т у р

Да, высока стена, а прыгнуть надо.
Будь милосердна, добрая земля.
Меня здесь мало знают, и притом
На мне одежда юнги. О, как страшно!
И все ж я попытаюсь. Если, спрыгнув,
Не разобьюсь,— дорогу на свободу
Найду я без труда — и не одну:
Уж лучше в бѣгствѣ смерть, чем смерть в плену.

(Прыгает вниз.)

Ах, камни с дядей заодно. Господь,
Мой дух — тебе; землѣ англійской — плоть!

Входят Пембрук, Солсбери и Вигот.

С о л с б е р и

В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь, лорды.
Спасенье в этом: отвергать нельзя
Любезных предложений в час суровый.

П е м б р у к

А кто привез письмо от кардинала?

С о л с б е р и

Французскій рыцарь, граф Мелѣн. В бесѣдѣ
Он больше рассказал мне, чем письмо,
О добрых чувствах юного дофина.

Б и г о т

На завтра утром встречу мы назначим.

С о л с б е р и

Не медля надо ехать: ведь к нему
Никак не менее двух дней пути.

Входит Бастард.

Б а с т а р д

Вновь мы сошлись, разгневанные лорды!
Король вас просит поскорей прийти.

С о л с б е р и

Он сделал все, чтоб мы порвали с ним.
Мы честью нашей не хотим латать
Истасканной, запятнанной порфиры
И не пойдем за ним: его нога
Повсюду след кровавый оставляет.
Нам худшее известно,— так ему
И передай.

Б а с т а р д

Решайте, как хотите.

По мне — ответить лучше добрым словом.

С о л с б е р и

Сильнее всех приличий — наша скорбь.

Б а с т а р д

Сейчас для скорби нет у вас причин,
И, значит, нет причин забыть приличье.

П е м б р у к

Сэр, сэр! В права вступает нетерпенье!

Б а с т а р д

В права — на вас одних навлечь беду.

С о л с б е р и

Темница — здесь.

(Заметив тело Артура.)

А это кто лежит?

П е м б р у к

Как царственен и чист твой облик, смерть!
Земля не схоронила злодеянье!

С о л с б е р и

Убийца ужаснулся и не скрыл
К возмездию взывающее дело.

Б и г о т

Могиле обрекая красоту,
В могилу не посмел ее упрятать.

С о л с б е р и

Сэр Ричард, вы что скажете? Случалось
Вам это видеть, слышать, иль читать,
Иль думать о подобном? Видя это,
Глазам вы верите? Могла бы мысль
Возникнуть о таком, когда б глаза
Не увидали? Вот предел, вершина,
Венец, корона рыцарского шлема
В гербе убийцы! Самый злой позор,
Свиристельное зверство и подлейший
Из всех ударов, что могли нанести
Слепая злоба или ярый гнев,
Чтоб состраданье слезы проливало.

П е м б р у к

Убийства дней былых — ничто пред этим,
И беспримерностью своей оно
Должно придать и чистоту и святость
Злодействам нерожденных поколений.
Нет зрелища страшнее; рядом с ним
Покажется любая бойня шуткой.

Б а с т а р д

Кровавое и мерзкое деянье!
Жестокая рука его свершила,
Когда виновна чья-нибудь рука.

С о л с б е р и

«Когда виновна чья-нибудь рука»?
Мы этого, пожалуй, ожидали.
Свершилось Хьюберта рукою гнусной,
Задумал же и повелел король.
От верности ему я отрекаюсь,

Склоняясь над этим мертвым нежным телом.
Над бездыханной прелестью его
Мой вздох да вознесется фимиамом
Священного и страшного обета —
Не ведать больше радостей мирских,
Не осквернить веселием души,
Чуждаться лени и бежать покоя,
Покуда славой не покрою руку,
Которую я мщенью посвятил.

П е м б р у к и Б и г о т

Твои слова мы свято подтверждаем!

Входит Х ь ю б е р т.

Х ь ю б е р т

Я, право, сбился с ног, ища вас, лорды.
Живет Артур! Король вас ждет к себе.

П е м б р у к

Какая дерзость! Он не покраснел
Пред ликом смерти! — Прочь отсюда, изверг!

Х ь ю б е р т

Не изверг я!

С о л с б е р и
(обнажая меч)

Пора мне заменить
Судью и палача.

Б а с т а р д

Блестит ваш меч,
Но лучше вы в ножны его вложите.

С о л с б е р и

Убийцы шкура — вот ему ножны!

Х ь ю б е р т

Лорд Солсбери, пи с места, говорю вам!
Мой меч наверно не тупей, чем ваш.
Я не хотел бы, чтоб к защите правой,
Забывшись, вы принудили меня,
И я бы сам, такую видя ярость,
Забыл ваш ранг, величие и честь!

Б и г о т

Смердящий пес! Гротишь ты дворянину?

Х ь ю б е р т

Нет, но своей безвинной жизни ради
И против цезаря я поднимусь!

С о л с б е р и

Убийца ты!

Х ь ю б е р т

О нет, и вы меня
Не делайте убийцей. Кто клеветает —
Неправду говорит, а где неправда —
Там ложь.

Н е м б р у к

Руби его!

Б а с т а р д

Ни с места, лорды!

С о л с б е р и

Прочь, Фоконбридж! Не то тебя ударю!

Б а с т а р д

Ударь-ка лучше черта, Солсбери!
Ты только шевельнись, нахмурься грозно,
Худое слово, не сдержавшись, брось,—
Прикончу мигот! И бери-ка меч,
Не то тебя я с вертелом твоим
Так двину, что подумаешь: из ада
Сам черт пришел.

Б и г о т

Как, славный Фоконбридж!
Ты защищаешь изверга, убийцу?

Х ь ю б е р т

Не убивал я.

Б и г о т

Кем же принц убит?

Х ь ю б е р т

Когда я час назад его оставил,
Он был здоров. Я чтит его, любил,

Оплакивать до самой смерти буду
Утрату этой жизни.

С о л с б е р и

Нет, не верьте
Слезам коварным. Увлажнять глаза
Умеют и злодеи. Уж поверьте —
Он мастер изливать из глаз своих
Невинности и жалости потоки.
Скорей за мною все, кому противен
Тошнотный запах бойни. Здесь меня
Удушит преступленья тяжкий смрад.

Б и г о т

Скорее в Бери. Встретимся с дофином!

П е м б р у к

Скажите королю: пусть ищет нас.

Л о р д ы уходят.

Б а с т а р д

Хорош же мир! Об этом славном деле
Ты знал? А если гнусное убийство
Совершено тобой, ты проклят, Хьюберт,
Как ни безмерна милость божья...

Х ь ю б е р т

Сэр,

Послушайте!

Б а с т а р д

Сначала доскажу:

Как черный... нет, всего черней твой грех! —
Как Люцифер, владыка зла, ты проклят.
Нет мерзостнее грешника в аду,
Чем будешь ты, раз ты убийца принца.

Х ь ю б е р т

Клянусь душой...

Б а с т а р д

А если допустил ты
Деянье зверское — умри в тоске.
Нужна тебе веревка? Хватит нити,
Которую паук прядет. Повиснешь

Ты на тростинке хрупкой, как на балке.
Пойдешь топиться? В ложку влей воды —
И ложка превратится в океан,
Чтоб гнусного злодея поглотить.
Ты у меня на тяжком подозрени.

Хьюберт

О, если я согласьём, мыслью, делом
Помог исхитить душу, что жила,
Прекрасная, в прекрасном этом прахе,
Пусть для меня в аду не хватит мук.
Когда расстались мы, он был здоров.

Бастард

Возьми его и унеси отсюда.
Я потрясен, я словно заблудился
В колючих, страшных чашах этой жизни.
О, как легко вся Англия восстала!
С последним вздохом умершего принца
Жизнь, и права, и правда всей страны
Исчезли в небе. Англии осталось
Зубами и когтями раздирать
Наследье королей в борьбе за власть.
Вот, на обглоданную кость величья,
Как пес, уже щетинится война
И миру кроткому рычит в лицо.
Вот, чужеземный враг и свой мятежник
Соединили силы; смута ждет,
Как ворон над полуиздохшим зверем,
Чтоб сгнула неправедная власть.
Счастливыцы те, кого их плащ и пояс
В несчастье защитят. — Возьми ребенка;
Иди скорей за мной. Я — к королю.
Забот и дел кругом несметный рой,
И взор небес мрачнеет над страной.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Дворец короля Иоанна.

Входят король Иоанн, Пандольф (с короной в руках)
и свита.

К о р о л ь И о а н н

Итак, венец величья моего
Я отдал вам.

П а н д о л ь ф
(возвращая ему корону)

Назад его примите
Из рук моих, а с ним, как дар от папы,
Державный королевский сан и власть.

К о р о л ь И о а н н

Сдержите же теперь святое слово:
Войска французские остановите
Во имя папы, чтобы нам в огне
Здесь не погибнуть. Графы восстают,
И наш народ отверг повиновение;
Он чужеземцу присягнуть готов
И полюбить заморского владыку.
Разлить яростное этой желчи
Предотвратить способны только вы.
Не медлите: недуг зашел далеко,

И, чтобы он не стал неизлечим,
Здесь быстрое потребно врачеванье.

П а н д о л ь ф

Мое дыхание раздуло бурю,
Когда глумились вы над властью папы.
Теперь же вы раскаялись в грехе —
И мой язык уймет грозу войны,
Чтоб возвратить вам ясную погоду.
В день Вознесенья нынче — знайте это —
Вы присягнули папе, — и французы
По слову моему опустят меч.

(Уходит.)

К о р о л ь И о а н н

Сегодня Вознесенье? Предсказатель
Вещал тогда, что в Вознесенье утром
Сложу я свой венец, — и вышло так.
Страшился я — меня к тому принудят,
Но, слава богу, дело сделал сам.

Входит Бастард.

Б а с т а р д

Весь Кент в руках врага, и не сдается
Лишь замок Довер. Лондон, словно гостя,
Дофина с войском принял. Ваши лорды
Вас не желают слушать и пошли
Свои услуги предлагать врагу;
Сторонников же ваших ненадежных
Безумное смятение охватило.

К о р о л ь И о а н н

Но почему, узнав, что жив Артур,
Не захотели лорды возвратиться?

Б а с т а р д

Он под стеною мертвым найден был;
Пустой ларец!.. Бесценный жемчуг жизни
Украла чья-то подлая рука.

К о р о л ь И о а н н

Мерзавец Хьюберт мне сказал, что жив он.

Б а с т а р д

Клянусь душою, он и думал так!
Но почему вы головой поникли,

И скорбь у вас во взоре? Быть вам надо
В делах своих, как в замыслах, великим.
Пускай в очах властителей земных
Не видит мир ни страха, ни сомнений!
Так будьте же стремительным, как время,—
Огонь с огнем, угроза на угрозу,—
Глядите смело в страшный лик беды,
Чтоб низкие, готовые всегда
Великим подражать, на вас взирая
И тоже возвеличившись душой,
Решимостью прониклись боевой.
Вперед! Вы будете как бог войны,
Блистающий в лучах на поле бранном:
Пусть в вас горят уверенность и храбрость.
Хотят враги, напав на льва в берлоге,
Чтоб устранился он, затрепетал?
О, да не будет так! С бедою злой
Схватитесь в поле, дальше от ворот,
Пока она не подошла вплотную.

К о р о л ь И о а н н

Я принимал здесь папского легата;
Счастливым мир мы заключили с ним:
Он обещал мне, что уйдет обратно
Войска дофина.

Б а с т а р д

О, бесславный сговор!
Ужели мы, тут, на своей земле,
Должны идти на сделки, на уступки,
На подлый торг и на постыдный мир
С врагом-захватчиком? Юнец безусый,
Бездельник, неженка в шелках, дерзнет
На родине героев подвизаться,
Насмешливо развеет в нашем небе
Свои знамена, не найдя отпора?
Нет, государь, к оружию! Может быть,
И кардинал не выговорит мира;
А если да, пускай никто не скажет,
Что мы обороняться не смогли.

К о р о л ь И о а н н

Сейчас — тебе распоряжаться всем.

Б а с т а р д

Смелей вперед! Мы защитим свой дом,
Вступая в бой и не с таким врагом!

Уходят.

С Ц Е П А 2

Лагерь дофина близ Сент-Эдмондсбери.

Входят вооруженные Людовик, Солсбери, Мелён, Пембрук,
Бигот и войска.

Л ю д о в и к

Пусть это перепишут и для нас
Оставят список, граф Мелён, а лордам
Вы подлинник вернете, чтоб они,
А также мы всегда могли прочесть,
О чем договорились, в чем клялись
У алтаря, и чтобы нерушимой
И твердой клятва верная была.

С о л с б е р и

Ее мы не нарушим никогда.
Но, доблестный дофин, хоть мы клялись
По доброй воле вам служить поддержкой,—
Поверьте, я не рад, что мы должны
Недуг лихого времени лечить
Таким проклятым средством, как мятеж,
И, рану застарелую врачуя,
Другие наносить. Душа скорбит,
Что должен извлекать я меч из ножен,
Чтоб умножать вдовиц в моей стране,
Где к Солсбери взывают для спасенья
И для защиты грозной от врага.
Но так полно заразой это время,
Что мы оздоравливать свои права
Принуждены рукой неправды черной
И беззаконной смуты. О друзья,
Скорбящие друзья мои! Как горько,
Что рождены мы островом своим,
Чтоб видеть час его беды жестокой,
Идя за чужеземцем, попирашь
Земли родимой ласковое лоно
И числиться в рядах ее врагов

(Я отойду оплакать честь свою,
Позором омраченную невольным),—
Среди дворян заморских подвизаясь,
Чужим знаменам открывая путь!
Чужим? О, если б встал ты, мой народ!
О, если бы Нептун, что сжал тебя
В объятьях мощных, мог тебя заставить
Забыть дела твои и перенес
К неверным оба христианских войска,
Чтоб их враждующая кровь слилась
В один поток союзный и не стала
Преступно истекать в борьбе взаимной!

Л ю д о в и к

Как высоки и речь твоя и дух!
Боролись чувства страстные в тебе,
И взрывом благородства завершился
Их поединок. Славно же сразились
Святая честь с нуждою слишком властной!
Дай отереть мне чистую росу,
Что на щеках твоих засеребрилась.
Меня нередко трогал женский плач,
Хотя привычны мы к потокам этим;
Но мужем гордым пролитые слезы,
Душевной бурю рожденный ливень
Дивит глаза и изумляет дух,
Как будто надо мною небосвод
Пронизан весь огнями метеоров.
Но, славный Солсбери, чело свое
Ты подними и мужественным сердцем
Отринь дыханье бури, а слезам
Из глаз ребячьих литься предоставь,
Не видевших грозы в великом мире,
Из глаз того, кто мог изведать счастье
Лишь на пирах, где смех и болтовня
Подогревают кровь. Ну, полно, друг:
В кошель успеха ты запустишь руку
Так глубоко, как сам дофин Людовик,
Как все дворяне, сплу мышц своих
Связавшие с моей.

Входит Папдольф со свитой.

О, видно, мне
Слова подсказывал небесный ангел;
Смотрите, к нам идет святой легат,

От бога он несет нам полномочья;
Его благословенье освятит
Деянья наши.

П а н д о л ь ф

Мой привет дофину!
Узнайте: ныне примирился с папой
Король Иоанн и укротил свой дух,
На церковь восстававший, нашу мать,
На Рим — святой престол, столицу веры.
Сверните же грозящие знамена,
И да смирится буйный дух войны,
Да ляжет он, как прирученный лев,
У ног святого мира и отныне
Да будет страшен людям лишь по виду.

Л ю д о в и к

Святой отец, простите: отступать
Не стану я, и так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудьем
Какой-нибудь державы. Сами вы
Раздули тлеющий огонь войны
Меж нами и несчастным этим краем,
Вы топлива подбросили, и пламя
Теперь уже не затушить дыханьем,
Которое смогло его разжечь.
Вы доказали мне мои права
На эти земли, вы уговорили
Меня начать поход,— и вот, сейчас
Являйтесь с известьем, что Иоанн
Смирился перед Римом? Что мне в этом?
Я, в силу прав супружеских — преемник
Артура юного, король английский.
Наполовину покорив страну,
Я отступлюсь лишь потому, что Рим
С Иоанном помирился? Раб я Риму?
Дал Рим хоть грош, послал солдат, припасы,
Чтоб нам помочь? Не я ли на себя
Все бремя взял? Не я ль и те, кто клятвой
Со мною связан, тяготы несем?
И разве не слышал я, как кричали
«Vive le roi»¹ островитяне эти,

¹ Да здравствует король! (Франц.)

Едва я подплывал к их городам?
Игра идет, все козыри держу я —
И брошу их, не выиграв венца?
Такого не дождетесь вы конца!

П а н д о л ь ф

Поверхностен ваш взгляд на это дело.

Л ю д о в и к

Поверхностен иль нет,— не отступлюсь,
Покуда чести всей не обрету,
Которую сулили мне надежды,
Когда сзывал я доблестную рать,
Когда скликал я пламенные души,
Достойные глядеть в лицо победы
И вырвать славу из зубов у смерти.

Трубы.

Что нам запела звонкая труба?

Входит Бастард со свитой.

Б а с т а р д

Согласно всем обычаям почтенным
Прошу вас выслушать меня. Я послан
От короля, отец мой кардинал,
Узнать исход переговоров ваших.
Ответ же мне укажет, что за речи
Обязан здесь держать я как посол.

П а н д о л ь ф

Дофин, упорствуя, внимать не хочет
Моим миролюбивым увещаньям.
Он отказался опустить свой меч.

Б а с т а р д

Клянусь я кровью, закипевшей гневом,—
Юнец ответил дельно! — А теперь
Король английский отвечает вам
Через меня: готов он в бой — как должно,
Вторжение наглое и шутовское,
Дурацкая игра в парад военный,
Вся шайка безбородых сорванцов
Ему смешны, и он готов прогнать
С земли своей ударами хлыста

Ребятче войско, армию пигмеев.
Неужто мощная его рука,
Что трепку вам у вашего порога
Так славню задала, загнала в дом,
Что вас заставила нырять, как ведра
В колодцы, прятаться в навозных кучах,
Среди свиней скрываться по хлевам,
Таиться, как заклады, в сундуках,
Убежища искать в темницах, в склепах,
Заслышав карканье своих ворон,
Дрожать от страха: «Это англичане!» —
Неужто здесь ослабла та рука,
Что с вами справилась под кровлей вашей?
Нет! Знайте, наш король вооружился.
Он, как орел, почуял, что гнездо
В опасности, и устремился ввысь,
Чтоб ринуться оттуда на врага.
А вы, ублюдки, вы, неблагодарный
Мятежный сброд, кровавые Неропы,
Терзая чрево родины своей,
Краснейте от стыда! Ведь жены ваши
И девы нежноликие спешат,
Заслышав рев трубы, как амазонки.
Они иглу сменили на копье,
Наперсток на железную перчатку
И нежность душ на ярость боевую.

Л ю д о в и к

Довольно хвастать, отправляйся с миром!
Тебя не переспоришь. Будь здоров!
Нельзя нам тратить время дорогое
На болтуна.

П а н д о л ь ф

Позвольте мне сказать.

Б а с т а р д

Нет, я не кончил!

Л ю д о в и к

Глухи мы для всех.
Бить в барабаны! Языком войны
Сумеем защитить мы наше дело.

Б а с т а р д

Да, бьешь по барабану — он вопит;
Побитые, вы тоже завопите.
Ваш первый барабан пробудит эхо:
Поблизости ему ответит наш,
И так же громко. Чуть в другой забьете, —
Тотчас же новый отзвук, столь же зычный,
Дойдет до облаков и передразнит
Небесный гром. Затем, что здесь стоит, —
Не полагаясь вовсе на легата,
К нему прибегнув больше ради шутки, —
Иоанн-воитель, и с его чела
Грозит вам смерть костлявая: сегодня
Ей будут пищей тысячи французов.

Л ю д о в и к

Бить в барабан! Мы ждем опасных встреч!

Б а с т а р д

Дождешься, принц: он близок, вражий меч.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Поле битвы.

Тревога. Входят король Иоанн и Хьюберт.

К о р о л ь И о а н н

Ну, как у нас дела? Скажи мне, Хьюберт.

Х ь ю б е р т

Боюсь, что плохо. Государь, что с вами?

К о р о л ь И о а н н

Душа болит; к тому же лихорадка
Давишняя измучила меня.

Входит гонец.

Г о н е ц

Мой государь, вас просит Фоконбридж,
Ваш славный родич, удалиться с поля.
Я должен передать ему — куда.

К о р о л ь И о а н н

Направлюсь я в Суинстедское аббатство.

Г о н е ц

Мужайтесь! Те большие подкрепленья,
Что ждал дофин, три дня назад погибли
На Гудвинских песках. Об этом весть
Сейчас до сэра Ричарда дошла.
Враг отступает, пыл его угас.

К о р о л ь И о а н н

О, горе! Истомила лихорадка.
Не даст порадоваться доброй вести.
Подать носилки и скорее в Суинстед.
Я ослабел, мне труден каждый шаг.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Входят Солсбери, Пембрук, Бигот и другие.

С о л с б е р и

Не думал я, что столько сохранилось
Друзей у короля.

П е м б р у к

Еще раз в бой!
И подстегнем французов: их побьют —
Нам будет плохо.

С о л с б е р и

Фоконбридж проклятый,
Ублюдок, дьявол, всюду поспевает
На зло судьбе.

П е м б р у к

Я слышал, что Иоанн,
Совсем большой, покинул поле битвы.

Входит раненый, поддерживаемый солдатами Мелён.

М е л ё н

К мятежникам английским подведите.

С о л с б е р и

В дни счастья, помню, мы не так звались.

П е м б р у к

О, граф Мелён!

С о л с б е р и

Он ранен, умирает!

М е л ё н

Всему конец, английские дворяне.
Распутавшейся ниткой надо вам
Из тесного игольного ушка
Своей крамолы выскользнуть. Бегите,
Падите ниц пред вашим королем.
Дофин решил, победу одержав,
За вашу службу верную в награду
Вам головы срубить. Дал в этом клятву
Он сам, и я, и многие другие
В Сент-Эдмондсбери перед алтарем —
Тем самым алтарем, где мы клялись,
Что вечно будем вашими друзьями.

С о л с б е р и

Возможно ль это? Правду ты сказал?

М е л ё н

Да разве смерть в глаза мне не глядит.
И жизнь моя не вытекает с кровью,
Как на огне растаяло бы вмиг
Мое изображение восковое?
Из мира лжи навеки уходя,
Зачем мне лгать, когда я знаю правду,
А правда в том, что здесь я умираю,
И там одной лишь правдой буду жив.
Я повторяю: если, одолев,
Останется Людовик верен клятве,
Вы завтра не увидите рассвета;
Но в эту ночь, что черное дыханье
Уже клубит над кромкой огневой
Усталого слабеющего солнца,
Да, в эту злую ночь, когда победу
Одержит с вашей помощью дофин,—
Предательство свое вы икупите,

Сраженные предательским ударом.
Вы Хьюберту привет мой передайте,—
Он состоит при вашем короле.
Мы дружбу с ним вели, к тому ж мой дед
Был родом англичанин. Потому
Я и решил сейчас во всем признаться.
А вы взамен, прошу вас, уведите
Меня от грохота и шума битвы,
Чтоб думы я последние свои
Додумал мирно, чтоб моя душа
В благочестивых чувствах отлетела.

С о л с б е р и

Тебе мы верим. Пусть я буду проклят,
Коль не сочту предельстительным, прекрасным
Счастливый случай повернуть назад
С недоброго, опасного пути
И, словно усмиренная волна,
Расставшаяся с буйным непокорством,
Опять войти в родные берега
И устремить послушное течение
В наш океан, к великому Иоанну.—
Я помогу нести тебя отсюда
Затем, что муку смертную прочел
В твоих глазах.— Ну, други, новый путь
К старинной правде должен нас вернуть!
Уходят, поддерживая Мелёна.

С Ц Е Н А 5

Французский лагерь.

Входит Людовик со свитой.

Л ю д о в и к

Казалось, солнце медлило садиться,
Багрянцем заливая небосвод,
Когда родную землю англичане
Сдавали, отступая. Мы же славно
Закончили кровавый ратный труд.
Вдогонку пожелав им доброй ночи
Последним залпом, и свернули с честью
Знамена рваные, почти оставшись
Хозяевами поля.

Входит гонец.

Г о н е ц

Где мой принц?

Л ю д о в и к

Я здесь. Какие вести?

Г о н е ц

Граф Мелён

В сражении пал, но убедил пред смертью
Вельмож английских вновь отпасть от вас.
Отряды, посланные вам в подмогу,
Погибли все на Гудвинских песках.

Л ю д о в и к

Будь проклят за подобные известья!
Не думал я, что мне скорбеть придется
Сегодня к ночи. Кто же говорил,
Что сам Иоанн бежал за час иль два
Пред тем, как сумрак сонный разделил
Войска усталые?

Г о н е ц

Кто б это ни был,
Сказал он правду, государь.

Л ю д о в и к

Итак,
Сегодня ночью сторожить усердней!
А утром поднимусь я раньше солнца,
Чтоб снова в битье счастье испытать.
Уходят.

С Ц Е Н А 6

Открытое место в окрестностях Суинстедского аббатства.

С разных сторон входят Бастард и Хьюберт.

Х ю б е р т

Кто там? Ответь скорей, не то — стреляю!

Б а с т а р д

Я свой. Ты кто?

Х ю б е р т

Из войска англичан.

Б а с т а р д

Куда идешь?

Х ь ю б е р т

А что тебе за дело?

Я у тебя о том же мог спросить.

Б а с т а р д

Как будто Хьюберт?

Х ь ю б е р т

Угадал неплохо.

И своего готов признать я в том,

Кто распознал мой голос в темноте.

Но кто же ты?

Б а с т а р д

Да кто тебе угодно!

А если хочешь быть любезным, думай,

Что я Плантагенетам не чужой.

Х ь ю б е р т

Ах, память, память! Вместе с ночью темной

Ты подвела меня. Прости, храбрец,

Что речь твою и голос твой знакомый

Мой чуткий слух не сразу распознал.

Б а с т а р д

Не извиняйся, брось! Какие вести?

Х ь ю б е р т

Я все брожу под черным сводом ночи

И вас ищу.

Б а с т а р д

Скорее говори.

Х ь ю б е р т

Любезный сэр! Черны, как эта ночь,

Ужасны, тягостны и скорбны вести.

Б а с т а р д

Показывай мне смело эту язву.

Я ведь не баба, чтоб лишиться чувств.

Хьюберт

Боюсь, не отравил ли короля
Один монах: его почти безмолвным
Оставил я, чтоб вас предупредить
И чтобы вы могли во всеоружье
Беду, на нас нагрянувшую, встретить.

Бастард

А что он пил? Кто пробовал питье?

Хьюберт

Я вам сказал — один монах, злодей,
Который тут же сам издох от яда.
Король — в сознании. Выживет, быть может.

Бастард

Кого же ты оставил с королем?

Хьюберт

Как, вы не слышали? Вернулись лорды,
И с ними Генрих, наш наследный принц.
Его величество по просьбе принца
Их всех простил. Они сейчас при нем.

Бастард

Не шли нам непосильных испытаний,
О небо грозное! Умерь свой гнев!
Знай, Хьюберт, нынче ночью, проходя
По отмелям линкольнским, половина
Моих солдат была приливом смыта.
Я спасся на коне, хотя с трудом.
Веди же к королю меня: боюсь,
Не умер бы до моего прихода.

Уходят.

СЦЕНА 7

Сад в Суинстедском аббатстве.

Входят принц Генрих, Солсбери и Бигот.

Принц Генрих

Нет, поздно; яд уже в его крови,
И светлый мозг, — который, говорят.

Души бессмертной хрупкая обитель,—
Туманится и страшным бормотаньем
Предсказывает горестный конец.

Входит П е м б р у к.

П е м б р у к

Наш государь еще владеет речью.
Он верит: если вынести его
На свежий воздух, яд уже не будет
Так сильно жечь, и муки облегчатся.

П р и н ц Г е н р и х

Перенесите в сад его скорей.

Б и г о т уходит.

Он мечется?

П е м б р у к

Как будто стал спокойней.
Чем был при вас. Сейчас он пел тихонько.

П р и н ц Г е н р и х

Обманчива болезнь! От сильных мук
В нас чувства притупляются, и смерть,
Что истерзала нашу оболочку,
Ее бросает и теперь незримо
На дух наш ополчается: рои
Причудливых видений жалят, ранят,
Кидаясь на последнюю твердыню
В неистовом порыве. Странно мне,
Что смерть пост, что я сейчас птенец
Больного лебедя, который смерть
Встречает скорбным гимном, слабым вздохом
Органых труб, успокоенья песней
Измученному телу и душе.

С о л с б е р и

Мужайтесь, принц. Назначено судьбой
Вам привести в согласие и порядок
Полученный в наследье тяжкий хаос.

Б и г о т и придворные возвращаются, неся в кресле
короля Иоанна.

К о р о л ь И о а н н

Вот, обрела душа моя простор;
Не надо рваться ей к дверям и окнам.
Такой во мне палящий летний зной,
Что внутренности прахом иссыхают.
Я — лишь рисунок, сделанный пером
На лоскуте пергамента; я брошен
В огонь и корчусь.

П р и н ц Г е н р и х

Государь, что с вами?

К о р о л ь И о а н н

Отравлен... худо мне... покинут, мертв.
Никто из вас позвать не может зиму,
Чтоб ледяные пальцы погрузила
В утробу мне; никто не повеслит
Моим английским рекам течь мне в грудь
И не умолит север утолить
Мои уста холодными ветрами.
Немногого прошу: одной прохлады,
Но вы так жестки, так неблагодарны,
И мне ее от вас не получить.

П р и н ц Г е н р и х

О если бы в слезах моих была
Целительная сила!

К о р о л ь И о а н н

Соль их жжет.

Весь ад — в моем нутре, и яд, как дьявол,
Терзает ныне проклятую богом
Отверженную кровь.

Входит Бастард.

Б а с т а р д

Мой государь!

Я так спешил, что, верно, семь потов
С меня сошло; едва дышу от бега.

К о р о л ь И о а н н

Поспел ты, родич, мне закрыть глаза.
Сожгло и разорвало снасти сердца,

А паруса, что надувала жизнь,
Свернулись так, что стали тощей нитью,
И я держусь на этом волоске:
Порвется он, едва доскажешь речь,—
И комом праха станет все, что видишь,
Пустой личиной брэнного величья.

Б а с т а р д

Готовится к сражению дофин.
Бог ведает, каким отпор наш будет.
Когда я нынче в ночь для пользы дела
Войска послал в обход, приливный вал,
Внезапно хлынув, лучшие отряды
На отмелях линкольнских поглотил.

Король умирает.

С о л с б е р и

Вы мертвому о мертвых говорите.
Мой государь! О горе! Миг назад
Он был король — и чем он стал теперь!

П р и н ц Г е н р и х

Сужден мне путь такой же и конец.
Где в мире мощь, надежда и опора?
Сейчас властитель — прахом станешь скоро.

Б а с т а р д

От нас ушел ты. Я ж обязан жить,
Чтоб выполнить святое дело мщенья!
Потом моя душа тебе послужит
На небесах, как на земле служила.—
Вы, звезды, что вернулись наконец
В свою орбиту, где же силы ваши?
Вновь покажите верность, и за мной,
Скорей за мной! Разруху и позор
Мы выбросим за шаткие ворота
Измученной страны. Живей ударь —
Не то ударит враг. От нас дофин
Не отстает — он в двух шагах отсюда.

С о л с б е р и

Вам, видимо, еще не все известно.
В аббатстве кардинал Пандольф; сейчас
Он отдыхает. Полчаса назад

Он от дофина мирные условия
Привез нам: с честью можно их принять
И прекратить войну без промедленья.

Б а с т а р д

Еще скорей ее он прекратит,
Увидев, как у нас набухли мышцы.

С о л с б е р и

Да он уже почти что сделал это:
Обозы двинул к морю и прислал
К нам кардинала, чтоб уладить спор!
И если вы согласны, то сегодня
После полудня вы, и я, и лорды
Сойдемся с ним и кончим дело миром.

Б а с т а р д

Пусть будет так. Вы, благородный принц,
С другими пэрами, которых мы
Не станем беспокоить, воздадите
Последний долг усопшему отцу.

П р и н ц Г е н р и х

Мы погребенье в Вустере свершим,—
Так повелел он.

Б а с т а р д

Значит, так и будет.
Примите счастливо, мой добрый принц,
Венец и власть над всей страной нашей.
Склонив колено, клятву я даю
Быть вашим верным подданным до гроба
И честью вам и правдою служить.

С о л с б е р и

И мы даем обет любви покорной.
Пускай ничто ее не осквернит!

П р и н ц Г е н р и х

Я вас хотел бы всей душою кроткой
Благодарить, но только слезы лью.

Б а с т а р д

Вперед мы уплатили горькой доле.
Погашен долг; теперь умерим скорбь.

Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь
Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не панесет сперва.
К ней возвратились пэры. Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе,—
Была бы Англия верна себе.

Уходят.

РИЧАРД II

Перевод
МИХ. ДОНСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Ричард Второй.
Эдмунд Ленгли, герцог Йоркский } дядя короля.
Джон Гант, герцог Ланкастерский }
Генри Болингброк, герцог Херифорд,
сын герцога Ланкастерского.

Герцог Омерль, сын герцога Йоркского.

Томас Маубрей, герцог Норфолк.

Герцог Серри.

Граф Солсбери.

Граф Баркли.

Буши

Бегот } фавориты короля Ричарда.

Грин

Граф Нортемберленд.

Генри Перси, его сын.

Лорд Росс.

Лорд Уиллоби.

Лорд Фицуотер.

Епископ Карлейльский.

Аббат Уэстминстерский.

Лорд-маршал.

Сэр Пирс Экстон.

Сэр Стивен Скруп.

Капитан отряда уэльцев.

Королева, жена короля Ричарда.

Герцогиня Глостерская.

Герцогиня Йоркская.

Придворные дамы королевы.

Лорды, герольды, офицеры, солдаты,
садовники, тюремщики, конюхи и
другие служители.

Место действия — Англия и Уэльс.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Лондон. Зал в королевском дворце.

Входят король Ричард со свитой; Джон Гант и другие лорды.

Король Ричард

Мой добрый Гант, Ланкастер престарелый,
Привел ли, верный долгу и присяге,
Ты Херифорда, сына своего,
Чтоб громогласно повторил он, в чем
Виновен герцог Норфолк, Томас Маубрей,—
Мы в прошлый раз досуга не имели
Заняться сим.

Гант

Да, государь, он здесь.

Король Ричард

Еще скажи: известно ли тебе —
На герцога доносит он по злобе
Иль обличает тайную измену
Как преданный и добрый наш вассал?

Гант

Насколько я могу судить, он знает,
Что вам грозит опасность, государь;
Я в нем не видел затаенной злобы.

Король Ричард

Позвать сюда обоих; пусть они,
И обвиняемый и обвинитель,
Лицом к лицу, нахмурясь друг на друга,
Откроют нам все помыслы свои.

Несколько придворных уходят.

Они горды, высокомерны в споре,
Как пламя, пылки, глухи, словно море.

Возвращаются придворные с Болингброком
и Норфолком.

Болингброк

Да будет счастлив много лет король,
Всемилоштивейший мой повелитель.

Норфолк

Пусть день за днем судьба вам счастье множит,
Пока, к земле ревнуя, небеса
Бессмертной славой вас не увенчают.

Король Ричард

Обоих вас благодарю, хотя
Один из вас кривит душой, как ясно
Из дела, вас приведшего сюда:
В измене обвинили вы друг друга.
Поведай нам, кузен, в чем виноват
Пред нами герцог Норфолк, Томас Маубрей.

Болингброк

Начну с того, — и небо мне свидетель! —
Что преданности полный к государю,
Лишь в мыслях о его благополучье,
А не по злым и низким побуждениям
Пришел я обвинителем сюда.
Теперь скажу тебе я, Томас Маубрей,
И помни, за свои слова стветить
Не побоюсь я телом на земле
Или душой перед судом небесным.
Изменник ты бесчестный и злодей;
Для низости рожден высоко слишком,
Ты слишком низок, чтоб существовать.
Чем небосвод прозрачней и ясней,
Тем тучи кажутся на нем черней.
Изменник ты, — я повторяю снова,

Вобью тебе я в глотку это слово,
Пускай король позволит, и мечом
Я докажу, что не солгал ни в чем.

Н о р ф о л к

Пусть рвения моего не опорочит
Холодность слов. Но здесь не бабья свара;
Крикливой бранью бойких языков
Не разрешить меж нами эту тяжбу.
Вскипела кровь; ей надо охладиться,
И все-таки я не могу похвастать
Таким терпеньем, чтоб совсем смолчать.
Мешает мне почтение к государю
Словам дать волю и пришпорить их
Так, чтоб вернулись речи об измене
Удвоенными в глотку наглеца.
Не будь он принцем королевской крови,
Кузеном господину моему,
Я плюнул бы ему в глаза и вызвал
На бой, как труса и клеветника.
Чтобы лжеца изобличить, я дал бы
Ему все преимущества в бою;
Его бы я настиг, хотя бы гнаться
За ним пришлось по кручам снежных Альп
Иль по любым безлюдным самым землям
Из всех, куда ногой ступал британец.
Теперь же, честь свою оберегая,
Спасением души клянусь — он лжет.

Б о л и н г б р о к

(бросая перчатку)

Ничтожный трус,— тебе бросаю вызов,
Отрекшись от высокого родства.
Не поминай о королевской крови,
Свой трепет выдавая за почтение.
И если страх еще оставил силы
В тебе, чтобы перчатку взять,— нагнись!
Залогом этим я клянусь и всеми
Обычаями рыцарства — я буду
Отстаивать в единоборстве честном:
Ты — то, что я сказал, коль не скверней.

Н о р ф о л к

(поднимая перчатку)

Беру перчатку; и клянусь мечом,

Мне возложившим рыцарство на плечи,
Отвечу я на вызов твой достойно.
Пускай наш спор решится поединком,
И пусть живым я не сойду с коня,
Когда правдив донос твой на меня.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но в чем, скажи, кузен, виновен Маубрей?
Поистине вина должна быть тяжкой,
Чтоб мысль дурную нам внушить о нем.

Б о л и н г б р о к

Я говорил,— и жизнью подтверждаю,—
Что получил он восемь тысяч ноблей
На жалованье, якобы, солдатам,
Но их на гнусные дела истратил,
Как вероломный лжец и негодяй.
Добавлю,— и отстаивать оружием
Согласен это здесь или где угодно,
Хотя бы в самом дальнем из краев,
Куда британцы проникали взором,
Что всех измен, за восемнадцать лет
Задуманных в стране и совершенных,
Он вдохновитель тайный и глава.
Еще скажу,— и докажу я правду
Ценою жизни этого лжеца,—
Что подло им погублен герцог Глостер:
Трусливо подстрекнул он легковерных
Противников его,— и отлетела
Безвинная душа с потоком крови.
Но, даже из безмолвных недр земли
Та кровь, подобно Авелевой крови,
Взывает к справедливому отмщению;
И совершу я праведную месть
Или умру,— порукой в этом честь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как высоко взнеслась его решимость!
Что ты на это скажешь, Томас Норфолк?

Н о р ф о л к

Да отвратит лицо мой государь,
Да повелит ушам своим оглохнуть,
Пока тому, кто кровь его позорит,
Я выскажу, как ненавистен людям
И господу такой бесстыдный лжец.

Король Ричард

Глаза и уши наши беспристрастны:
Он только отпрыск дяди моего,
Но, будь мне брат родной или последний,
И то,— величем скипетра клянусь,—
Он близостью к священной нашей крови
Добиться бы не мог от нас пристрастья,
Поколебать не мог бы нашу твердость.
Он подданный наш, Маубрей, как и ты,—
Будь смел в речах, не бойся прямоты.

Норфолк

Коль так,— знай, Болингброк: ты, сердцем лживый,
Из лживой глотки изрыгаешь ложь.
Три четверти той суммы я в Кале,
Как надлежало, выплатил солдатам;
Остаток взял себе я по условию,
Поскольку должен был мой государь
Мне оплатить издержки на поездку
Во Францию за нашей королевой.
И этой клеветой ты подавись.
Теперь о смерти Глостера. Его
Я не убил; мой долг был сделать это,
Но я, стыжусь, не выполнил обета.—
На вашу жизнь, достойный лорд Ланкастер,
Отец почтенный моего врага,
И вправду я однажды покушался,
И этот грех мне душу тяготит;
Но в прошлый раз, когда я шел к причастью,
Я каялся, просил у вас прощенья
И, уповаю, получил его.
В том грешен я. А все другие вины
Измышлены предателем коварным,
Подлейшим выродком и злобным трусом.
Я это подтвердить готов в бою,
И встречную перчатку я швыряю
К ногам изменника и наглеца,
Чтоб лучшей кровью, заключенной в нем,
Всем доказать, что честный дворянин я.
Пусть на себя властитель примет труд
Назначить поскорее божий суд.

Король Ричард

Вы, рыцари, пылающие гневом,
Послушайтесь совета моего:

Излейте желчь, но без кровопусканья.
Не лекарь мы, но в этом смыслим тоже:
Слепая злоба на недуг похожа.
Забудьте все и помириться вновь,
Ведь в этот месяц не пускают кровь.—
Ну, дядя, сложим силы воедино:
Я Норфолка уговорю, ты — сына.

Г а н т

Кто стар — тот миротворец, искони.
Мой сын, перчатку герцогу верни.

К о р о л ь Р и ч а р д
(Норфолку)

Верни и ты.

Г а н т

Мой сын, повиновенье!
Я приказал,— не жди же повторенья.

К о р о л ь Р и ч а р д
(Норфолку)

Верни перчатку, повинуйся нам.

Н о р ф о л к

Сам брошусь, государь, к твоим стопам.
Хоть жизнь отнять одним ты можешь взором,
Не властен ты покрыть меня позором.
Я жизнь тебе отдам, как долг велит,
Но честь моя лишь мне принадлежит.
Враг честь мою попрад; он ей увечье
Нанес отравленным копьем злоречья.
Для этой раны есть один бальзам:
То — кровь клеветника.

К о р о л ь Р и ч а р д

К моим ногам

Перчатку брось. Тебе приказ понятен?
Львы укрощают барсов.

Н о р ф о л к

Да, но пятен

Не могут с барсов снять. Когда б ты мог
Снять стыд с меня, вернул бы я залог.
От века люди честью дорожили:
Ведь без нее мы стали б горстью пыли.
Сокровище на свете разве есть

Ценней, чем незапятнанная честь?
Нужнее жизни добрая мне слава:
Ее отдав, на жизнь утрачу право.
Так жил я, так умру. О мой король,
За честь мою сразиться мне позволь!

Король Ричард

Кузен, подай пример: верни перчатку.

Болингброк

О! Сохрани господь! Чтоб пашу схватку
Я отменил на радость наглецу?
Как мне тогда смотреть в глаза отцу?
И если бы нанес мне оскорбленье
Мой же язык словами отречения,—
Я был бы беспощаден: в тот же миг
Свой подлый я бы откусил язык,
Чтоб выплюнуть за трусость, в знак укора,
Его в лицо врага — сосуд позора.

Гант уходит.

Король Ричард

Нам подобает лишь повелевать,
Но не просить. Коль скоро мы не можем
Вас помирить, то назначаем встречу
Вам в Ковентри в день Ламберта святого.
Там спор, раздутый яростью речей,
Решится сталью копий и мечей.
Раз не миритесь,— тот пусть будет правым,
Чья доблесть победит в бою кровавом.
Лорд-маршал, шлите свой отряд туда
Готовить все для божьего суда.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Покой во дворце герцога Ланкастерского.
Входят Гант герцогиня Глостерская.

Гант

Увы! Мне голос крови говорит
Настойчивей, чем сегованья ваши,
Чтоб я убийцам Глостера отмстил.

Но если наказание — в руках
Того, кто сам причастен к злему делу
И кто не может быть наказан нами,—
Пусть небеса свершают правый суд;
Когда настанет срок, они обрушат
Возмездие на головы злодеев.

Герцогиня

Иль мысль о брате гнев твой не прищипорит?
Иль в старом сердце жар любви остыл?
Семь сыновей Эдварда, из которых
Один — ты сам, как семь сосудов были,
Наполненных его священной кровью,
Как семь ветвей единого ствола!
Рок осушил иные из сосудов;
Иные ветви парки отсеки.
Но Томас, милый мой супруг, мой Глостер!..
Он был сосудом с драгоценной кровью,
Цветущей ветвью гордого ствола!
Разбит сосуд кощунственной рукой,
И вытекла божественная влага;
Упала ветвь под топором убийцы,
И облетела пышная листва.
Ах, Гант! Одна утроба вас носила,
Из одного металла в ту же форму
Отлиты вы. И пусть еще ты жив,
Пусть дышишь ты,— но в нем и ты убит.
На смерть отца ты дал свое согласие,
Смотря на гибель брата безучастно:
Ведь Глостер был подобием отца.
Не называй терпением малодушие!
Снеся безропотно убийство брата,
Покажешь ты свирепому убийце,
Что он легко покончит и с тобой.
Терпение к лицу простолюдинам,
У благородных это значит — трусость.
Что мне добавить? Лишь отмстив за брата,
Ты жизнь свою сумеешь сохранить.

Гант

Один судья здесь — бог; его наместник,
Помазанный божественным елеем,
Повинен в этой смерти. Пусть же небо
Само отмстит; а я поднять руки
На божьего избранника не смею.

Герцогиня

Но кто ж, увь, мон услышит стоны?

Гант

Бог, покровитель и защитник вдов.

Герцогиня

Да, верно, так. Прощай! Увидишь скоро
Ты в Ковентри, как там на поединке
Сойдутся Херифорд и гнусный Маубрей.
О! Пусть несчастье мужа моего
С копьем кузена Херифорда вместе
Убийце Маубрею вопзится в грудь.
Но коль он в первой сшибке уцелеет,
То пусть под бременем его грехов
Сломается хребет его коня,
Чтоб, грянувшись о землю, трус презренный
Пред Херифордом дух свой испустил.
Прощай! Твой брат был прежде мне супругом,
Теперь мне горе стало вечным другом.

Гант

Прощай! Мне ехать в Ковентри пора.
Бог да хранит обоих нас, сестра.

Герцогиня

Еще два слова... Скорбь, упав на землю,
Как грузный мяч, опять взлетает вверх,—
От тяжести, а не от пустоты;
Уже простясь, я снова начинаю,
Ведь нет у горя ни конца, ни краю.
Поклон мой брату, Йорку, передай.
Вот, кажется, и все... Ах, нет, постой!
Еще мгновенье, Гант, побудь со мной.
Ты Йорку передай... Что? Вдруг забыла...
Да,— пусть меня он в Плэши навестит.
Увь! Предстанет взору жалкий вид:
Безлюдный дом и двор, нагие стены,
И что услышит он? Не гул приветствий,
Но плач вдовы, сраженной ливнем бедствий.
Нет, просто Йорку передай поклон,
Пускай ко мне не приезжает он:
Скорбь незачем искать — она повсюду.
Я там одна до смерти плакать буду.

Уходят.

СЦЕНА 3

Равнина в окрестностях Ковентри.
Арена для поединка. На возвышении трон.

Входят лорд-маршал, Омерль и герольды.

Л о р д - м а р ш а л

Милорд Омерль, готов ли Херифорд?

О м е р л ь

Готов и боя ждет во всеоружье.

Л о р д - м а р ш а л

Отважный герцог Норфолк здесь предстанет,
Едва услышит трубный зов врага.

О м е р л ь

Итак, мы тотчас можем бой начать,
Когда его величество прибудет.

Трубы. Входят король Ричард, Гаит, Буши, Бегот, Грин и другие. Король садится на трон, остальные занимают свои места. Звучит труба, ей отвечает другая труба за сценой. Входит Норфолк в полном вооружении; ему предшествует герольд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд-маршал, спросите: кто сей рыцарь
И что пришел отстаивать оружием.
Пусть по обычаю нам клятву даст,
Что правое он защищает дело.

Л о р д - м а р ш а л

Пред богом и пред королем ответь!
Кто ты, зачем явился ты с оружием?
С кем хочешь биться ты и в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как тебе велит
Честь рыцаря и ленная присяга,—
И небеса дадут тебе защиту!

Н о р ф о л к

Зовусь я Томас Маубрей герцог Норфолк.
Сюда пришел я, верный данной клятве
(Ее нарушить не позволит бог),
Чтоб с герцогом сразиться Херифордом
За честь мою, за правоту мою
Пред богом и пред нашим государем.

И, с божьей помощью, своим оружием
Я докажу, что Херифорд повинен
В измене богу, королю и мне.
Пусть небо мне поможет в правом деле.

Звук трубы. Входит Болингброк в полном вооружении; ему предшествует герольд.

Король Ричард

Лорд-маршал, вам спросить повелеваю —
Кто рыцарь сей, закованный в доспехи.
И для чего явился он сюда.
Пусть поклянется, как велит обычай,
Что правое он защищает дело.

Лорд-маршал

Ответь: кто ты и почему стоишь
Пред государем на судебном поле?
С кем хочешь ты сразиться, в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как достойный рыцарь,
И небеса пошлют тебе защиту!

Болингброк

Я Генрих герцог Херифорд Ланкастер;
Я здесь предстал с оружием, уповая
На божью милость и на мощь свою,
Готовый доказать, что герцог Норфолк
Повинен в мерзостной измене богу
И государю своему, и мне.
Пусть в правом деле мне поможет небо!

Лорд-маршал

Под страхом смерти всем запрещено
Вступать на это поле дерзновенно
За исключением маршала и стражей,
Назначенных следить за поединком.

Болингброк

Лорд-маршал, я о милости прошу:
Пусть мне позволят руку государя
Поцеловать коленопреклоненно.
Мы, я и Маубрей, — двое пилигримов,
Идущих по обету в дальний путь;
Должны мы совершить обряд прощанья,
Родным и близким счастья пожелать.

Л о р д - м а р ш а л

Почтительнейше просит обвинитель
О том, чтоб государь простился с ним
И дал ему для поцелуя руку.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мы сами спустимся ему навстречу
И заключим его в свои объятья.
Кузен, тебе желаем в битве сей
Успеха в меру правоты твоей.
В нас кровь одна; но коль твоя прольется,—
Не мстить, а лишь скорбеть нам остается.

Б о л и н г б р о к

Пусть слез не льют о жребии моем,
Коль Маубрей поразит меня копьем.
По вражескому боевому кличу
Я ринусь в бой, как сокол на добычу.—
Прощаюсь с вами, добрый государь,
И с вами, мой кузен, милорд Омерль.
Хоть смерть грозит,— в лицо гляжу ей смело:
Спокоен я — и дух мой бодр и тело.
Как на пиру, где много разных блюд,
Сладчайшее — последним подают,
Так поберег в минуту расставанья
Я для конца сладчайшее прощанье.

(Ганту.)

О ты, родитель! Мой земной творец!
Во мне твоя отвага возродилась;
Она меня поднимет высоко,
Чтоб я схватил летящую победу.
Молитвой укрепи мою броню,
Благословеньем закали копье,
Чтоб словно воск ему был вражий панцырь,—
И новым блеском имя Джона Ганта
Покроет подвиг сына твоего.

Г а н т

Дай бог тебе успеха в правом деле.
Как молния, стремительно карай;
Пусть гром вдвойне удвоенных ударов
Ошеломит преступного врага!
Пусть закипит кровь юная твоя,
Будь пылок и отважен, бейся рьяно!

Б о л и н г б р о к

Святой Георг и правда — мне охрана!
(Садится на свое место.)

Н о р ф о л к

(вставая)

Какой бы жребий ни судил мне бог,
Но будет жить со мной, умрет со мной
Правдивый, честный и достойный рыцарь,
Который предан трону короля.
Так ни один не радовался пленник,
Когда, оковы сбросив наконец,
Он обнимал свободу золотую,
Как я ликую просветленным сердцем,
Встречая этот праздник — бой с врагом! —
Вам, государь, и вам, собратья пэры,
Счастливых лет желаю. Полон веры
В свою победу, с ясною душой,
Как на забаву, я иду на бой.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай, милорд! В твоих глазах — отвага;
Тому, кто сердцем чист, желаю блага.
Лорд-маршал, пусть начнется божий суд.

Л о р д - м а р ш а л

Ты, Генрих герцог Херифорд Ланкастер,
Прими копье! Бог за того, кто прав!

Б о л и н г б р о к

Как башня, я в надежде тверд. Аминь!

Л о р д - м а р ш а л

(одному из стражей)

Копье пусть примет Томас герцог Норфолк.

П е р в ы й г е р о л ь д

Здесь Генрих герцог Херифорд Ланкастер
Стоит во имя бога, государя
И самого себя как обвинитель.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Берется доказать он, что в измене
И богу, и монарху, и ему
Виновен Томас Маубрей герцог Норфолк
И вызов шлет он Норфолку на бой.

Второй герольд

Стоит здесь Томас Маубрей герцог Норфолк.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Готов он, защищаясь, доказать,
Что Генрих герцог Хсрифорд Ланкастер
В обмане злонамеренном виновен
Пред богом, пред монархом и пред ним.
Он ждет бесстрашно и нетерпеливо
И вступит в бой, лишь подан будет знак.

Лорд-маршал

Трубите, трубы! И вперед, бойцы!

Звуки труб.

Постойте! Жезл свой бросил государь.

Король Ричард

Пускай, сняв шлемы, копья отложив,
Бойцы вернутся на свои места!..

(Гангу и вельможам.)

За нами следуйте!

(Лорду-маршалу.)

Трубят пусть трубы,

Пока мы участь герцогов решаем.

Король Ричард и вельможи удаляются.
Продолжительные звуки труб. Возвращается король Ричард
с вельможами.

Король Ричард

(обоим противникам)

Приблизьтесь и внемлите!

Вот что решили мы и наш совет.

Чтобы ни капли драгоценной крови,
Взлелеянной землей державы нашей,
На ту же землю вновь не пролилось;
Чтоб взоры наши здесь не оскорблялись
Ужасным зрелищем братоубийства
И чтоб орлинокрылая гордыня,
Тщеславные и дерзкие мечты,
Ревнивое соперничество ваше
Не нарушали мир, который спит
Блаженным сном невинного младенца,

Как в колыбели, в нашем государстве;
Чтоб мир, разбужен громом барабанов,
Воинственным и хриплым ревом труб,
Железным лязгом грозного оружия,
Не улетел испуганно от нас,
Оставив нас брести в крови по пояс,
Решили мы обоих вас изгнать.
Кузен наш Херифорд, под страхом смерти,
Пока мы десять жатв с полей не снимем,
Не смеешь ты ступать на земли наши,
Скитальцем будешь на чужих путях.

Б о л и н г б р о к

Да будет так. Лишь то смягчит мой жребий,
Что солнце здесь и там — одно на небе.
Его лучи, лаская край родной,
Сиять в изгнание будут надо мной.

К о р о л ь Р и ч а р д

Твоя же участь, Норфолк, тяжелей.
Мы приговор выносим с неохотой:
Бег времени предела не положит
Бессрочной скорби твоего изгнания.
В моих словах услышишь безнадежность.
Под страхом смерти изгнан ты навек!

Н о р ф о л к

О государь, суров и неожидан
Ваш приговор. Надеяться я мог
Из рук монарха получить награду
Ценней, чем мне назначенная участь,—
Отверженным бродягой стать навек.
Ужель я в детстве речь учил родную
Затем, чтоб в сорок лет ее забыть?
К чему же мне тогда язык во рту?
Нет пользы в нем, как в арфе, струн лишешной,
Как в редкостном и дивном инструменте,
Когда он под ключом иль дан невежде,
Который не умеет им владеть.
Вы заперли во рту язык мой бедный
Решеткою двойной зубов и губ;
В тюремщики ему — непониманье
Тупое, равнодушное вы дали.
Я стар, чтоб вновь учить слова от няньки.

По возрасту не годен в школяры.
Речь предков у скитальца отнимая,
Твой приговор жесток: в нем — смерть немая.

К о р о л ь Р и ч а р д

Сочувствием нельзя помочь тебе.
Наш суд свершен. Покорен будь судьбе.

Н о р ф о л к

Прощай, отчизны яркое сиянье,
Я уйду в зловедший мрак изгнания.
(*Хочет уйти.*)

К о р о л ь Р и ч а р д

Остановись! Возьми с собою клятву.
(*Боллингброку и Норфолку.*)

На меч монарший положите руки
И поклонитесь долгом перед богом
(Раз мы отринули ваш долг пред нами)
Запрета нашего не преступать:
Вы никогда не будете в изгнание
(И да помогут в том вам бог и правда)
Искать любви и дружбы обоюдной,
Не будете писать друг другу с целью,
Чтоб вихрь вражды, рожденной здесь, утих;
Не станете искать друг с другом встречи,
Чтоб, в заговор вступив или столкнувшись,
Противу нас или державы нашей,
Иль наших подданных злоумышлять.

Б о л и н г б р о к

Клянусь.

Н о р ф о л к

Клянусь не нарушать запрета.

Б о л и н г б р о к

Мы расстаемся, Норфолк, как враги.
Когда бы нам король позволил, — ныне
Блуждала бы одна из наших душ,
Из брэнной плоти изгнанная в вечность,
Как изгнана теперь отсюда плоть.
Покайся же в измене, уходя:
Далек твой путь, так не бери с собой
Тяжелый груз — души преступной бремя.

Н о р ф о л к

Нет, Болингброк! Пусть, если я изменник,
Из книги жизни вычеркнут меня,
Пусть бог меня отринет, как король!
Но что такое ты,— то знают трое:
Бог, ты и я. Боюсь. король узнает
Об этом тоже,— на беду свою.—
Прощай, мой государь! Передо мной
Открыт весь мир, закрыт лишь край родной!
(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Через кристалл твоих очей мы, дядя,
Зрим сердце сокрушенное твое.
Твою печаль уважив, сократим
Мы срок изгнания на четыре года.
(Болингброку.)

Шесть хладных зим пройдет,— и в отчий дом
Ты вступишь; милость мы тебе вернем.

Б о л и н г б р о к

Какой огромный срок — в едином слове!
Четыре смены долгих зим и лет! —
Но рек король, и вот — их больше нет.

Г а н т

Я повелителя благодарю:
Заботясь обо мне, изгнание сына
Он на четыре года сократил.
Но от того, увы, мне мало пользы:
Покамест, месяцем сменяя месяц,
Шесть лет, ему назначенных, пройдут,—
Иссякнет масло в старой сей лампаде;
Ее фитиль день ото дня короче,
Угаснет он во мраке вечной ночи.
Не встретить вновь мне сына своего,
Слепая смерть не даст узреть его.

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе умножит годы провиденье.

Г а н т

Но ты не властен дать мне и мгновенья!
Ты в силах годы жизни сократить,

Но лишний день не в силах подарить.
Морщин, что время на челе проложит,
Могущество твое стереть не сможет.
Мне смерть готовят время и твой суд,
Но жизнь твои указы не вернут.

К о р о л ь Р и ч а р д

Твой сын к изгнанию присужден советом,
Язык не твой ли произнес решение?
Зачем же мрачных помыслов мятеж?

Г а н т

Порой, что сварить сам, того не съешь.
Судей велел мне быть мой повелитель,
И я хотел забыть, что я — родитель.
Когда б он был не сыном, а чужим, —
Я мягче, верно, поступил бы с ним.
В своем суде я избегал пристрастия
И сам обрушил на себя несчастья.
Я ждал, что кто-нибудь мне скажет: «Нет!
Ты слишком строг!» — Увы, молчал совет.
О, мой язык! Виновен он невольно
В том, что душе так тягостно и больно.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай, кузен! И да свершится суд:
Вернешься ты, когда шесть лет пройдут.

Трубы. Король Ричард и свита уходят.

О м е р ь

Прощай, кузен! Из своего изгнания
Пам напиши. Мы будем ждать посланья.

(Уходит.)

Л о р д м а р ш а л

Милорд, бок о бок с вами я помчусь
До рубежа земли и там прошусь.

Г а н т

О! Почему ты на слова скупился,
Не отвечая на привет друзей?

Болингброк

Увы, я знаю слишком мало слов,
Их слишком мало для прощанья с вами,
А между тем язык быть должен щедрым,
Чтоб о душевной муке рассказать.

Гант

Твоя печаль — разлука лишь на время.

Болингброк

Разлука с радостью — печали время.

Гант

Всего шесть лет? Ах, годы мчатся быстро.

Болингброк

Да, в счастье. В скорби — час идет за десять

Гант

Считай, что странствуешь для развлечения.

Болингброк

Такой обман заставит сжаться сердце:
В изгнание горьком развлечений нет.

Гант

Да будет мрачный путь твоих скитаний
Свинцовой фольгой, на которой ярче
Сверкает драгоценность возвращенья.

Болингброк

Увы, боюсь, — припоминать я буду
При каждом шаге, как ушел далеко
От всех сокровищ, сердцу дорогих.
О, неужели ремесло бродяги,
Как ученик, я должен постигать,
Чтоб, наконец свободу обрета,
Одним и мог бы только похвалиться:
Что я ходил в поденщиках у скорби.

Гант

Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет.

Учи так рассуждать свою нужду.
Нужда благоразумней всех достоинств.
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его. Печаль гнетет сильней
Того, кто ей покорно поддается.
Считай, что ты не изгнан королем,
Но мною послан для деяний славных.
Предположи, что зачумлен здесь воздух
И ты бежишь в иной, здоровый край.
Представь, что все, чем дорожит душа,
Не там оставил ты, где жил доселе,
Но встретишь там, куда направишь путь.
Вообрази, что птицы — музыканты,
Что луг — усыпанный травю зал,
Что васильки — толпа красавиц юных,
А странствие твоё — веселый танец.
Того, кто насмехается над горем,
Кому лишь бодрость светлая близка,—
Не станет грызть строптивая тоска.

Б о л и н г б р о к

О! Разве, думая о льдах Кавказа,
Ты можешь руку положить в огонь?
И разве утолишь ты жгучий голод,
Воображая пиршественный стол?
И разве голым ляжешь в снег январский,
Себе представив летнюю жару?
Нет! Если вспоминаешь о хорошем,
Еще острее чувствуешь плохое!
Тоска так больно потому грызет,
Что от ее укусов кровь нейдет.

Г а н т

Ступай, мой сын. Ты молод, чист душою.
Я б не грустил, когда б я был тобою.

Б о л и н г б р о к

Прощай, родная Англия! Прощай!
Еще меня на ласковых руках,
Как мать и как кормилица, ты держишь.
Где б ни скитался я,— душа горда:
Я — англичанин, всюду и всегда!

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же. Зал в королевском замке.

Входят король Ричард, Бегот и Грин в одну дверь,
Омерль — в другую.

Король Ричард
(Беготу и Грину)

Да, мы заметили...
(Омерлю.)

Кузен Омерль,
Так что же, — долго пробыли вы вместе
В пути с великим вашим Херифордом?

Омерль

С великим, как назвали вы его,
Мой путь совместный был не так велик:
Расстались мы на первом перекрестке.

Король Ричард

Что ж, был обилен ток прощальных слез?

Омерль

О, что касается меня, — ничуть.
Лишь резкий ветер, дувший нам навстречу,
Одну слезинку выдавил из глаза,
Прощанье тем неискреннее скрасив.

Король Ричард

Что, расставаясь, молвил наш кузен?

Омерль

Сказал мне: «До свиданья!»
А так как сердцу моему претило,
Чтоб мой язык те осквернил слова,
Я, сделав вид, что горем обессилен,
Слова в могиле скорби схоронил.
О! Если б «до свиданья» удлинило
Изгнанье краткое его на годы, —
Ему бы десять тысяч «досвиданий»
Я произнес, а так — ни одного!

Король Ричард

Он — наш кузен. Однако сомневаюсь,
Чтоб родич наш, изгнанья срок окончив,

Вернулся навестить своих друзей.
Мы сами, да и Буши, Бегот, Грин
Заметили, с каким смиреньем лъстивым
Подлаживался он к простонародью,
Как в души к ним старался он пролезть,
Как он рабам отвешивал поклоны,
Мастеровым слал мастерски улыбки,
Стараясь показать, что он страдалец,
Что изгнана любовь народа с ним.
Он шляпу снял перед торговкой рыбой;
Два возчика сказали: «Добрый путь!» —
А он в ответ раскланялся учтиво:
«Спасибо вам, любезные друзья», —
Как если б нашей Англии наследник,
Надежда наших подданных он был.

Грин

Он далеко; так прочь и эти мысли.
Пора заняться мятежом ирландским.
Собрать вам нужно войско, государь,
Ведь промедленье наше — им на пользу,
А вашему величеству — в ущерб.

Король Ричард

Мы сами поведем свои войска.
И так как нам казну поистошили
Большой наш двор и царственная щедрость, —
Придется сдать в аренду королевство.
На снаряжение хватит этих денег.
А если подойдут они к концу, —
За нашей подписью листы мы вышлем,
Чтобы наместники мои вписали
Туда людей богатых имена,
Заставив их внести большие деньги,
Которые пойдут на наши нужды.
Итак, в Ирландию направим путь.

Входит Буши.

А, Буши, что случилось?

Буши

Джон Гант внезапно тяжело занемог.
И вас он умоляет, государь,
Чтоб вы его немедленно навестили.

К о р о л ь Р и ч а р д
А отнесен куда он?

Б у ш и

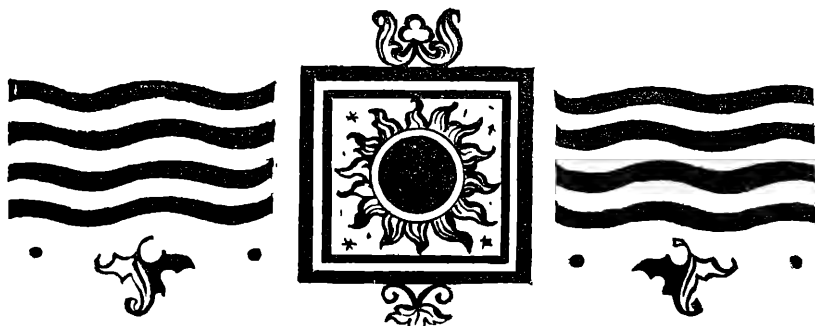
В Или-Хауз.

К о р о л ь Р и ч а р д

О боже, лекаря его наставь,
Как старца поскорей свести в могилу.
На содержимое его казны
Мы сможем содержать своих солдат.
Спешим к нему! Но, с помощью господней,
Надеюсь, слишком поздно мы придем!

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

Гант на ложе; вокруг него стоят герцог Йоркский и другие.

Г а н т

Успеет ли король прибыть сюда,
Чтоб я вложил последний вздох в советы
Для безрассудной юности его?

Й о р к

Не тратьте драгоценного дыхания:
Внимать советам не захочет он.

Г а н т

Не может быть! Предсмертные слова,
Гармонии торжественной подобно,
Должны к себе внимание приковать.
Ведь тот, кто вынужден слова беречь,
Одну лишь истину влагает в речь.
Всю мудрость жизни, знания и опыт
Передает он людям в час конца,
И старца умирающего шепот
Стократ звучней, чем болтовня юнца.
Кончают песнь сладчайшим из созвучий,
Всех ярче в небе след звезды падучей.

Я жил,— к моим словам был Ричард глух,
К предсмертной речи он преклонит слух.

И о р к

О нет! В его ушах иные звуки:
Его правленью льстивые хвалы,
Любовные стишки, чей сладкий яд
С такой охотою впивает юность,
Да рассказы о модах итальянских,—
Ведь нынче мы Италии кичливой
Во всем, как обезьяны, подражаем
И тащимся у ней на поводу.
Чуть где-нибудь появится игрушка,—
Пускай дрянная, лишь бы поновей,—
Ему жужжат наперсники об этом.
Но мудрой речи не внимает тот,
В ком прихоть на рассудок восстает.
Он путь избрал, и тщетны увещанья,
Щадите же и силы и дыханье!

Г а н т

Я, вдохновленный свыше, как пророк,
В мой смертный час его судьбу провижу.
Огонь его беспутств угаснет скоро:
Пожар ведь истощает сам себя.
Дождь мелкий каплет долго, ливень — краток;
Все время шпоря, утомишь коня;
Глотая быстро, можешь подавиться.
Тщеславие — обжора ненасытный,
И, снедь пожрав, начнет себя глотать.
Подумать лишь,— что царственный сей остров,
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который, словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;
Что Англия, священная земля,
Взрастившая великих венценосцев,
Могучий род британских королей,
Прославленных деяньями своими

Во имя рыцарства и христианства
Далеко за пределами страны,—
До родины упорных иудеев,
Где был господь спаситель погребен;
Что эта драгоценная земля,
Страна великих душ, жилище славы,
Теперь сдана,— мне в этом слове смерть,—
В аренду, словно жалкое поместье!
Та Англия, что скована была
Лишь торжествующей стихией моря
И берег чей всегда давал отпор
Завистливому натиску Нептуна,—
Она позором скована теперь,
Опутана бумажными цепями!
Та Англия, что побеждала всех,
Сама себя постыдно победила!
О, если бы исчез со мною вместе
И этот стыд,— я смерти был бы рад!

Входят король Ричард, королева, Омерль, Буши, Гриц,
Бегот, Росс и Уиллоби.

Йорк

Вот и король. Помягче будьте с ним:
Коней горячих горячить не стоит.

Королева

Как поживает благородный дядя?

Король Ричард

Ну? Как твоё здоровье, старый Гант?

Гант

О, мне сейчас так впору это имя!
Я — старый Гант, летами изможден.
Во мне моя печаль постилась долго,
А каждый, кто постится, — изможден.
Я бодрствовал над спящею отчизной,
А кто не спит ночей — тот изможден.
Отцов их дети счастьем насыщают,
Но на меня и здесь наложен пост;
Ты отнял счастье — стал я изможденным.
Болезнью для могилы изможден,
Я изможденный, как сама могила,
Во чреве чьем пустом — одни лишь кости.

Король Ричард

Не слишком ли искусно для больного
Смеешься ты над именем своим?

Гант

Нет! Это горе над собой смеется.
Мой сын, наследник мой, тобою изгнан:
Втоптал, король, ты имя Ганта в грязь,—
И вот, я льщу тебе, над ним смеюсь.

Король Ричард

К чему лесть умирающих живущим?

Гант

Нет, тем, кто умирает, льстят живые.

Король Ричард

Ты при смерти и мне, сказал ты, льстишь?

Гант

Нет. Умираешь ты, хоть я и болен.

Король Ричард

Но я здоров, а ты, я вижу, плох.

Гант

Клянусь творцом, я вижу, что ты плох.
Я вижу, как ты плох, и вот,— мне тяжело.
Сразил недуг честь, славу короля,
И наша родина — их смертный одр.
А ты, больной помазанник, вручаешь
Свою судьбу беспечно тем врачам,
Которые тебя ж и отравили.
Кишат лстецы в зубцах твоей короны;
Она мала, как голова твоя,
И все же, хоть и невелик сей обруч,
Сдавил ты им великую страну.
О, если бы твой дед умел провидеть,
Как внук начнет губить его сынов,—
Тебя спасти он мог бы от позора,
Не допустив к наследованью трона,
Который ты позором осквернил.
Племянник, если б ты владел всем миром,—
В аренду сдать сей остров было б стыдно.

Но этот остров — все, чем ты владеешь,
И оттого твой стыд еще стыдней.
Помещик ты, в наем сдающий ферму,
А не король. Твой сан, законов крепость,
Отныне в рабстве крепостном. А ты...

К о р о л ь Р и ч а р д

А ты — ты выжил из ума, глупец!
Своей горячкой злоупотребляя,
Ты ледяным потоком поучений
Принудил кровь от наших щек отхлынуть,
Заставил нас от гнева побледнеть.
Клянусь величием нашего престола:
Не будь ты сын великого Эдварда,—
Вся голова твоя, платя за то,
Что в ней язык летает слишком бойко,
Слетела бы сейчас с упрямых плеч.

Г а н т

О, не щади меня за то, что я
И твой отец, Эдвард,— сыны Эдварда.
Родную кровь ты проливал и раньше,
Питаясь ею, словно пеликан.
Мой старший брат, высокий духом Глостер
(Он в небесах, среди блаженных душ) —
Тому пример, тому свидетель верный,
Что ты умеешь кровь Эдварда лить.
Итак, вступи в союз с моим недугом,—
Твоя жестокость, словно серп кривой,
Подрежет тотчас перезрелый колос.
Живи с позором. Вечен твой позор!
В моих словах — твой тяжкий приговор.
Пора мне лечь,— мне скоро спать в могиле...
Да будут живы те, кто с честью жили.

(Уходит, поддерживаемый слугами.)

К о р о л ь Р и ч а р д

И да погибнут те, кто с дурью жили!
Безумцам старым место лишь в могиле.

И о р к

О государь! Я вас молю считать,
Что эти речи внушены больному
Ворчливой старостью, недугом злым.
Он любит вас,— я в это верю твердо,—
Как собственного сына, Херифорда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нет, любит он меня, как Хериффорд,
А я их — так же. Вот и все, милорд.

Входит Портемберленд.

П о р т е м б е р л е н д

Я к вашему величеству явился
От герцога Ланкастера с поклоном.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что он сказал?

П о р т е м б е р л е н д

О, ничего. Ни слова.
Бесструнной арфой стал его язык.
И речь и жизнь — утратил все старик.

Й о р к

Пусть Йорк последует за Гантом вскоре!
Хоть смерть горька, но с ней уйдет и горе.

К о р о л ь Р и ч а р д

Оп на землю упал, как спелый плод.
Ему лежать, а нам — идти вперед.
Достаточно о сем. Теперь обсудим,
Как нам войну с ирландцами вести.
Должны мы раздавить косматых кернов,
Которые гнездятся, словно змеи,
На острове, где гадов нет других.
А так как столь большое начинанье
Потребует немалых и расходов,
То мы решаем отобрать в казну
Поместья, деньги, движимость и утварь,
Которыми владел наш дядя Гант.

Й о р к

Доколь, доколь велит долг послушанья
Сносить несправедливые деянья?
Смерть Глостера, изгнанье Хериффорда,
Расстройство брачных планов Болингброка.
Всей Англии чинимые обиды,
Ланкастера опалу и свою
Терпел я с ненахмуренным челом,
Не мысля зла на своего монарха.
Я — младший сын великого Эдварда,

Был старшим принц Уэльский, твой отец;
Он на войне был яростнее льва,
В дни мира был он кроток, словно агнец,—
Таков был этот рыцарственный принц.
Лицом ты весь в него. Он был таким же,
Когда он счетом дней с тобой равнялся.
Что добывал в бою, то он и тратил,
Не расточал отцовского добра.
Кровь недругов он проливал нередко,
Но братской кровью рук не запятнал.
О Ричард! Йорк скорбит, должно быть, тяжко,
Коль сравнивать он стал тебя с отцом.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но что с тобою, дядя?

Й о р к

Государь!

Простите дерзость, если вам угодно,
А не угодно,— обойдусь и так.
Хотите вы отнять и захватить
Наследство изгнанного Херифорда?
Иль Гант не мертв? Иль Херифорд не жив?
Иль Гант — не Гант? Иль сын ему не сын?
Иль Гант наследника иметь не вправе?
Иль прав наследственных у Гарри нет?
Что ж, отобрав права у Херифорда,
У времени их также отбери:
Пусть завтра не идет вслед за сегодня.
Сам от себя тогда ты отрекись:
Ведь свой престол ты получил в наследство.
Клянусь, что если,— сохрани господь,—
Решите вы отнять несправедливо
У Херифорда право на наследство
И грамоты, что стряпчим он предъявит
Для ввода во владенье, и присягу,
Которую он вам давал,— презрите,
То сотни бед к себе вы привлечете,
Лишитесь сотен дружеских сердец;
Меня ж о том заставите подумать,
О чем не может верность помышлять

К о р о л ь Р и ч а р д

Что хочешь думай! Но без промедленья
Возьму себе я всё его имянье.

Й о р к

Прощай, король! Грядущее темно,
Что сбудется,— нам ведать не дано.
Добавлю только, уходя отсюда:
Добром не кончишь, если начал худо.

(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты, Буши, к графу Уилтширу спеши,
Пусть явится он тотчас в Или-Хауз,
Чтоб надзирать за домом. Мы же завтра
В Ирландию отправимся. Пора!
Пока мы в Англию не возвратимся,
Пусть правит государством дядя Йорк,
Он справедлив и нам всегда был предан.
Идемте же отсюда, королева.
Развеселитесь! Близок час разлуки,—
Нет времени для горести и скуки.

Трубы. Король, королева, Омерль, Буши, Грип и Бегот
уходят.

Н о р т е м б е р л е н д

Что ж, лорды, доблестный Ланкастер умер.

Р о с с

И жив: ведь сын его теперь Ланкастер.

У и л л о б и

Но лишь по титулу, не по владеньям.

Н о р т е м б е р л е н д

То и другое получил бы он,
Не будь у нас бесправной справедливость.

Р о с с

Хоть многое на сердце накопело,—
Пускай оно в молчанье разобьется,
Но я не дам свободы языку.

Н о р т е м б е р л е н д

Нет, говори! И тот пусть онемееет,
Кто станет разглашать твои слова.

У и л л о б и

Быть может, речь пойдет о Херифорде?

Ну, если так, то начинай смелей:
Я слышать рад все, что ему на пользу.

Р о с с

Смогу ли пользу я ему принести?
Вот разве лишь полезным вы сочтете,
Что я сочувствую его несчастьям,
Тому, что он наследством обделен.

П о р т е м б е р л е н д

Воистину позорные обиды
Чипятся принцу королевской крови
И многим в этой гибнущей стране.
Король наш — не король. Им управляют
Презренные льстецы. И лишь по злобе
Они ему о ком-нибудь шепнут,—
И у того король отнимет тотчас
И жизнь, и достоянье, и детей.

Р о с с

Он подати умножил непомерно,—
И отшатнулся от него народ;
Он пеню ввел за родовые распри,—
И отшатнулось от него дворянство.

У и л л о б и

Все новые поборы, что ни день:
Пожертвованья разные и бланки...
О боже, до чего мы так дойдем!

П о р т е м б е р л е н д

Не войнами он разорил страну,
Он войн не вел. В бесславных договорах
Все отдал, что в боях стяжали предки.
Нам мир его накладней, чем их войны.

Р о с с

Граф Уилтшир взял в аренду королевство!

У и л л о б и

Король — несостоятельный должник!

П о р т е м б е р л е н д

Над ним нависли и позор и гибель.

Р о с с

Нет денег на ирландскую войну,
Хоть непосильно тяжелы налоги,—
Так он решил изгнанника ограбить!

Н о р т е м б е р л е н д

Кузена своего! Король безродный! —
Но, лорды, мы внимаем свисту бури,
Укрытья же не ищем от нее;
Глядим, как вихрь рвет наши паруса,
И смерти ждем, сложивши руки праздно.

Р о с с

Грозит беда. Но, лорды, слишком долго
Мирились мы с причинами ее,
И потому беды не избежать.

Н о р т е м б е р л е н д

Нет, ты неправ. В пустых глазницах смерти
Я различаю жизнь. Но я не смею
Вам сообщить спасительную весть.

У и л л о б и

Будь откровенен с нами, как и мы.

Р о с с

Нортемберленд, все молви без утайки.
Мы трое — как один, и эти речи —
Лишь мысли наши. Говори смелей!

Н о р т е м б е р л е н д

Итак, я нынче получил известье
Из Пор-ле-Блана, гавани в Бретани,
О том, что герцог Генрих Херифорд,
Лорд Кобхем, брат его, который был
Архиепископом Кентерберийским,
Сэр Норбери, сэр Уотертон, сэр Куойнт,
Сэр Томас Эрпингем и сэр Джон Рамстон
Отплыли от французских берегов;
И на восьми могучих кораблях
Они везут трехтысячное войско,
Которое им дал Бретонский герцог,
Солдат снабдивший всем необходимым.
Они хотят на севере пристать

И ожидают только одного:
Когда король в Ирландию отбудет.
Хотите сбросить рабское ярмо,
Дать родине расправить снова крылья,
Заложенную выкупить корону,
Стереть со скиптра золотого грязь
И возвратить величеству величье? —
Тогда со мной скачите в Ревенсперг.
А слаб ваш дух для подвига такого,—
Помчусь один, вы ж никому ни слова.

Р о с с

Седлать коней! Кто останется — трус!

У н л л о б и

Я с вами! Неразрывен наш союз!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лондон. Покои в королевском дворце.
Входит королева, Буши и Бегот.

Б у ш и

Грусть вашего величества безмерна,
А между тем, с супругом расставаясь,
Вы обещанье дали не грустить,
Веселость сохранять и бодрость духа.

К о р о л е в а

Для короля я это обещала,
Но для себя исполнить не могу.
Тоска, зачем ты у меня в гостях?
Затем, что Ричард, милый гость, уехал?
Нет, чует сердце, что большое горе
Судьба во чреве носит для меня.
Я трепещу, чего-то ожидая,
И это что-то горше и страшней
Разлуки с королем, моим супругом.

Б у ш и

У каждой существующей печали —
Сто отражений. Каждое из них
Не есть печаль, лишь сходно с ней по виду.

Ведь в отуманенном слезами взоре
Дробится вещь на множество частей.
Картины есть такие: если взглянешь
На них вблизи, то видишь только пятна,
А если отойдешь и взглянешь сбоку,—
Тогда видны фигуры. Так и вы
Взглянули сбоку на отъезд супруга,
И призрак горя вам явился вдруг;
Вглядитесь пристальней,— оно исчезнет.
Нет, госпожа, поверьте, оттого лишь
И слезы ваших глаз, и сердца боль,
Что нас покинул ваш супруг, король;
Все прочее — одно воображенье:
Вам просто ваша скорбь туманит зренья.

К о р о л е в а

Пусть так. И все же больно сжалось сердце,
Предчувствуя недоброе. Так тяжело,
Так тяжело и тоскливо на душе!
Предчувствие мое — ничто? Быть может.
Но страшное н и ч т о гнетет и гложет.

Б у ш и

То призрачные страхи, госпожа.

К о р о л е в а

Нет! Призрачные страхи — порожденье
Былого горя. У меня не так.
Мое н и ч т о само рождает горе,
Как будто бы в моем н и ч т о есть н е ч т о
И буду им я скоро обладать.
Я знаю лишь, что ждет меня страданье.
Хотя не знаю для него пазванья.

Входит Грин.

Г р и н

О государыня, храни вас бог!
Привет вам, джентльмены! Я надеюсь,—
В Ирландию король наш не отплыл?

К о р о л е в а

Зачем же ты надеешься на это,
Не на обратное? Ведь он спешил.
На быстроту он возлагал надежду;
Зачем надеешься, что медлит он?

Г р и н

Затем, чтобы король, надежда наша,
Еще успел вернуть свои полки
И отнял все надежды у врага,
Уже вступившего на нашу землю:
Вернулся самовольно Болингброк
И высадился с войском в Ревенсперге.

К о р о л е в а

Нет! Не попустит бог!

Г р и н

Но это так.

Есть новость хуже: лорд Нортемберленд
И Генри Перси, юный сын его,
А также лорды Уиллоби, Росс, Боменд
И много их влиятельных друзей
Бежали к Болингброку.

Б у ш и

Почему же

Изменниками вы не объявили
Нортемберленда и всех тех, кто с ним?

Г р и н

Мы так и сделали. Тогда граф Вустер
Переломил свой сенешальский жезл
И с челядью своей перебежал
К мятежнику.

К о р о л е в а

Ты, Грин,— моей печали повитуха,
А Болингброк — ее злосчастный плод.
Так вот каким уродом разрешилась
Моя душа. И задыхаюсь я,
Былую скорбь умножив новой скорбью.

Б у ш и

Отчаиваться рано, госпожа.

К о р о л е в а

Нет, не мешай отчаиваться мне
И враждовать с обманчивой надеждой.
Она мне лжет и отдаляет смерть;

Меня бы смерть избавила от горя,
А лживая надежда длит его.

Входит Йорк; он в панцире.

Грин

А вот и герцог Йорк.

Королева

И в ожерелье

Войны его морщинистая шея.
Как взор его заботой омрачен! —
Скажите слово утешенья, дядя.

Йорк

Я, сделав так, душой бы покривил.
На небесах найдем мы утешенье,
А на земле — лишь скорби да заботы.
Супруг ваш ищет за морем победу,
Но как бы здесь беду он не нашел.
Оставлен я опорой быть державе,
Но, стар и слаб, в опоре сам нуждаюсь.
Идет вослед за пиршеством похмелье,
И пробил час, когда король узнает,
На что годны льстецы, его друзья.

Входит слуга.

Слуга

Милорд, я опоздал: ваш сын уехал.

Йорк

Уехал?.. Вот как... Что ж, пусть едут все!..
Бежит дворянство, а народ молчит,
Как будто безучастен, но боюсь,
Восстанет и примкнет он к Херифорду.

(Слуге.)

К сестре моей отправишься ты в Плэши,
Скажи,— прошу, мол, тысячу я фунтов.
На, вот мое кольцо!

Слуга

Милорд, простите, я вам не сказал:
Я побывал сегодня там проездом.
Воюсь, что вас известьем огорчу...

Й о р к

Ну, что там? Говори!

С л у г а

За полчаса до моего приезда
Скончалась герцогиня.

Й о р к

Правый боже!..

Какой огромный оксан несчастий
Вдруг затопил несчастную страну!
Что делать мне?.. О, если бы король, —
Хоть казни я не заслужил изменой, —
Велел меня, как брата, обезглавить!..
Отправлены ль в Ирландию гонцы?..
Откуда денег взять на эти войны?..
Пойдем, сестра... Простите, я ошибся, —
Племянница.

(Слуге.)

А ты ступай домой

И все оружие, что у нас найдется,
Доставь сюда немедленно на повозках.

С л у г а уходит.

Милорды, не собрать ли ополчение?..
Как быть? В мои слабеющие руки
Вложили дел запутанных клубок, —
Не приложу ума, как их распутать.
Тот и другой — моя родня. Один —
Мой государь, кому я дал присягу,
Велит мне долг сражаться за него.
Но и другой — племянник мне. И с ним
Несправедливо поступил король;
Быть за него велят мне кровь и совесть.
Что ж мне избрать?.. Племянница, пойдемте. —
Милорды, собирайте ополчение,
Я в замке Баркли буду вас встречать.
Мне надо было бы заехать в Плэши,
Да некогда. — Уж так оно сошлось,
Все в нашем государстве — вкривь и вкось!

Й о р к и королева уходят.

Б у ш и

Благоприятен ветер для известий
От нас — в Ирландию, но не оттуда.
А здесь нам не набрать такое войско,
Чтоб мы с врагом померяться могли.

Г р и в

И наша близость к королю приблизит
К нам злобу тех, кто от него далек.

Б е г о т

Изменчива и ненадежна чернь,
Ее любовь лежит у ней в мошне;
И кто ее кошель опустошает,
Тот злобой сердце наполняет ей.

Б у ш и

За это короля и осуждают.

Б е г о т

И нас: ведь мы всех ближе к королю.

Г р и в

Пока в Бристольском замке я укроюсь;
Граф Уилтшир тоже выехал туда.

Б у ш и

Я с вами. Ведь от этой злобной черни
Хорошего не жди. Им дай лишь волю,—
Как стая псов, нас в клочья разорвут.

(Беготу.)

И вы, надеюсь, с нами?

Б е г о т

Нет, к королю в Ирландию отправлюсь.
Предчувствий сердце горестных полно:
Нам свидеться, боюсь, не суждено.

Б у ш и

Но, может статься, натиск Болипгброка
Йорк отразит.

Г р и в

Он мог бы точно так же
Счесть все песчинки, выпить океан.

Его успех, к несчастью, невозможен:
Из ста солдат едва ль один — надежен.
Прощайте! Да хранит нас бог от бед.

Б у ш и
Мы свидимся еще.

Б е г о т

Боюсь, что нет.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Пустынная местность в Глостершире.

Входят Болингброк и Нортемберленд с войсками.

Б о л и н г б р о к

До Баркли далеко еще, милорд?

Н о р т е м б е р л е н д

Мой благородный принц,
Здесь, в Глостершире, я, как чужестранец.
Унылые, пустынные холмы,
Крутые, каменистые дороги
Наводят грусть и мили удлиняют.
И лишь беседа с вами, словно сахар,
Мне услаждает этот скучный путь.
Я думаю, что Уиллоби и Россу
Безмерно утомительна дорога,
Ведущая из Ревенсперга в Котсолд;
А я счастливей: трудностей пути
Я в вашем обществе не замечаю.
И все ж им услаждает путь надежда
На то, чем обладаю нынче я.
Когда нет радости, тогда надежда
На будущую радость — тоже радость.
И потому тем двум усталым лордам
Надежда сокращает долгий путь,
Как мне — мой благородный собеседник.

Б о л и н г б р о к

О нет, ваш собеседник недостоин
Столь добрых слов. Но кто спешит сюда?

Входит Генри Перси.

Н о р т е м б е р л е н д

А, это юный сын мой, Гарри Перси.
Его послал, должно быть, брат мой Вустер.—
Здоров ли дядя, Гарри?

П е р с и

Ах, милорд,
Я сам хотел у вас спросить о том же.

Н о р т е м б е р л е н д

Как? Разве он не там, где королева?

П е р с и

Переломив свой сенешальский жезл,
Граф Вустер распустил дворцовых слуг
И сам оставил двор.

Н о р т е м б е р л е н д

Из-за чего же?
Он не имел намерений таких.

П е р с и

Из-за того, что объявили вас
Изменником, милорд. И в Ревенсперг
Он к герцогу уехал Херифорду —
Ему свои услуги предложить.
Меня ж послал он в Баркли разузнать,
Какое герцог Йорк собрал там войско,
И сведения доставить в Ревенсперг.

Н о р т е м б е р л е н д

Ты герцога не помнишь Херифорда?

П е р с и

Милорд, как помнить я могу того,
Кого ни разу в жизни я не видел?

Н о р т е м б е р л е н д

Тогда взгляни: перед тобою герцог.

П е р с и

Милорд, я буду счастлив вам служить.
Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость
И я смогу вам пользу принести.

Б о л и н г б р о к

Благодарю тебя, мой славный Перси.
Лишь думая об искренних друзьях,
Я высшее испытываю счастье.
Созреешь ты с моей Фортуной вместе,
Твою любовь она вознаградит.
Сей договор я заключаю сердцем,
Взамен печати — вот моя рука.

Н о р т е м б е р л е н д

Далеко ль Баркли? Как там старый Йорк?
Большое ли собрал он ополчение?

П е р с и

Вон замок, сразу же за этой рощей.
Солдат, я слышал, там всего лишь триста,
Там герцог Йорк, лорд Баркли и лорд Сеймур,
Из знатных лордов больше никого.

Входят Росс и Уиллоби.

Н о р т е м б е р л е н д

А вот и лорды Уиллоби и Росс,
В крови их шпоры, жаром пышут лица.

Б о л и н г б р о к

Милорды, вашу дружбу ценит тот,
Кто изгнан, кто изменником объявлен.
Из всех моих сокровищ мне осталась
Лишь благодарность, — вам ее дарю.
А если стану в будущем богаче,
Воздам за вашу службу и любовь.

Р о с с

Вы сами, славный принц, богатство наше.

У и л л о б и

Его еще должны мы заслужить.

Б о л и н г б р о к

Спасибо вам, — вот щедрость бедняка!
Когда моя Фортуна возмужает, —
И щедрость вырастет... А это кто?

Входит Баркли.

Нортемберленд

Я узнаю как будто лорда Баркли.

Баркли

Я к вам с посланьем, герцог Херифорд.

Боллингброк

Теперь, милорд, меня зовут Ланкастер,
И в Англии ищу я это имя.
На вашу речь отвечу я не прежде,
Чем титул сей произнесете вы.

Баркли

Милорд, меня превратно не поймите:
На титул ваш я посягать не стану.
Но как бы вы, милорд, ни назывались,
Я прислан к вам правителем страны.
Светлейший герцог Йорк велел спросить:
Вы, пользуясь отъездом государя,
Зачем нарушили его запрет?
Зачем ваш меч грозит отчизне мирной?

Входит Йорк со свитой.

Боллингброк

Не нужно мне посредничество ваше:
Вот герцог сам.

(Преклоняет колена.)

Мой благородный дядя!

Йорк

Что мне твое смирение показное?
Не гни колен, согни свою гордыню.

Боллингброк

Мой добрый дядя!..

Йорк

Слушать не хочу!

К тебе не добрый и тебе не дядя!
Не дядя я изменнику. А «добрый»
Звучит в устах недобрых, как насмешка.
Зачем стопой изгнанника, скажи,
Коснуться ты дерзнул английской почвы?

Как грудь отчизны ты посмел топтать,
Грозя войною беззащитным селам,
Хвалясь братоубийственным мечом?
Явился ты, мальчишка неразумный,
Прослышав об отъезде короля?
Ошибся ты: он правит государством
И власть его — здесь, в этом верном сердце.
О, будь я так же молод и горяч,
Как в день, когда с отцом твоим отважным
Пробились мы сквозь тысячи французов
И выручен был нами Черный Принц,
Сей юный Марс, сей доблестный воитель,—
Тогда бы я своей рукой, вот этой,
Теперь, увы, параличом сведенной,
Тебя за преступление покарал!

Б о л и н г б р о к

Но в чем моя вина, светлейший дядя,
Какое совершил я преступление?

И о р к

Какое? Тяжелейшее из всех:
Ты в мятеже повинен и в измене.
Срок твоего изгнания не истек,
А ты посмел вернуться и оружие
Поднять на государя своего.

Б о л и н г б р о к

Я изгнан из страны, как Херифорд,
В нее я возвратился, как Ланкастер.
Взгляните, дядя, беспристрастным оком,
Какие мне наносятся обиды!
Я вижу в вас отца: ведь старый Гант,
Мне мнится, воплотился в вас. Отец!
Потерпите ли вы, чтоб я скитался
В чужих краях бродягою бездомным,
А все мои богатства и права
Отобраны у их владельца были
И отданы каким-то проходимцам?
Кто я такой? Раз мой кузен король,
То по тому же праву я — Ланкастер.
У вас есть сын, Омерль, мой славный родич.
Когда бы умерли вы, а не Гант,
И с ним бы обошлись несправедливо,—
Ему бы дядя заменил отца

И ополчился на его невзгоды.
Я все права имею на наследство,
Но грамот здесь моих не признают.
Распродано отцовское добро,
Оно пошло на низменные цели.
Что было делать мне? Я обратиться
Решил, как верноподданный, к закону,
Но стряпчие не приняли мой иск.
И мне не оставалось средств иных,
Как самому явиться за наследством.

Н о р т е м б е р л е н д

Обижен тяжко благородный герцог.

Р о с с

Вступитесь же за правду, ваша светлость.

У и л л о б и

Его добром владеют подлецы.

Й о р к

Позвольте мне ответить вам, милорды.
Я знаю, что племянник мой обижен,
И для него я сделал все, что мог.
Но вторгнуться с оружием, пробиваться
К своим правам несправедным путем —
То значит быть мятежником. А вы,
Бунтовщика поддерживая, сами
Не менее виновны в мятеже.

Н о р т е м б е р л е н д

Но благородный герцог дал нам клятву,
Что ищет только прав своих законных.
Ему помочь мы в этом поклялись,
И стыд тому, кто сей обет нарушит.

Й о р к

Ну, ну, — добра не жду я от войны,
Однако же ей помешать не в силах.
Нет войска у меня; все врозь идет...
О, если бы я мог, — клянусь творцом, —
Я вас бы тотчас заключил под стражу
И головою выдал королю.
Но я бессилен; потому останусь
Покамест в стороне. Итак, прощайте.

А, может быть, со мною в этом замке
Вы проведете нынешнюю ночь?

Б о л и н г б р о к

Охотно, дядя, примем приглашенье.
А вы участвовать не согласитесь
В походе нашем на бристольский замок?
Там, говорят, засели Буши, Бегот
И те, кто с ними заодно сосут
Все соки из народа. Я поклялся
Их вырвать прочь, как сорную траву.

И о р к

Посмотрим... Поразмышлю я сначала:
Мне нарушать законы не пристало.
Я вам не друг, но и не враг. Ну что ж,—
Что сделано, того уж не вернешь.

Уходит.

С Ц Е Н А 4

Лагерь в Уэльсе.

Входят Солсбери и капитан отряда уэльсцев.

К а п и т а н

Милорд, мы здесь стоим уж десять дней,
Моим уэльцам это надоело,
Известий же от короля все нет.
Мы разойдемся по домам. Прощайте!

С о л с б е р и

Повремени хоть день, уэлец верный,
Лишь на тебя надеется король.

К а п и т а н

Нет, мы уйдем. Король погиб, должно быть.
Засохли все лавровые деревья,
Гроза созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены;
Богатые мрачны, а чернь ликует:
Одни за выгоды свои боятся,
Другие от войны себе ждут выгод.

А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Не удержать мне земляков своих,
Известно им: нет короля в живых.

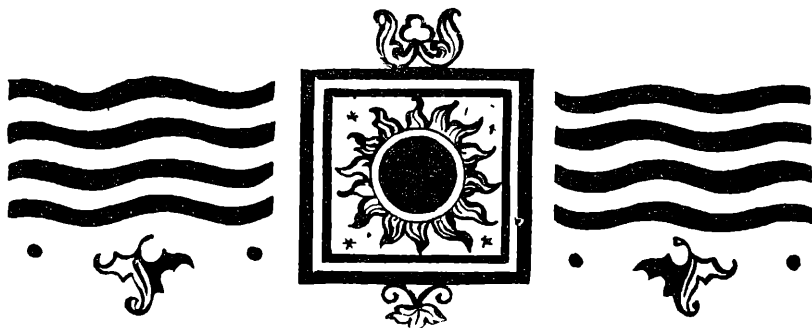
(Уходит.)

С о л с б е р н

О Ричард! Я гляжу с тяжелым сердцем,
Как на землю с небес звездой падучей
Твое величье катится стремглав.
Увы, покинула тебя удача!
Диск солнца твоего заходит, плача.
Везде — враги; друзья твои бегут.
О, время потрясений, время смут!

(Уходит.)

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Лагерь Болингброжа под стенами Бристоля.

Входят Болингброк, Йорк, Нортемберленд, Перси,
Уиллоби, Росс.

Б о л и н г б р о к

Пускай их приведут.

Входят Буши и Грии, под стражей.

Сейчас ваш дух проститься должен с плотью,
И перечнем всех ваших преступлений
Не стану я вам души отягчать:
Ведь это не было бы милосердно.
Но вашу кровь с себя хочу я смыть,
А потому пред всеми объявляю
Причины, по которым вы умрете.
Вы короля на путь дурной толкнули,—
Прекраснейший, светлейший государь
Обезображен вами и растлен.
Втянув его в свой мерзостный разврат,
Его вы от супруги оттолкнули,
Нарушили мир царственного ложа
И юной королевы красоту
Заставили от едких слез поблекнуть.
Я, кровный принц, был близок к государю

И по родству и по любви к нему,
Но вы меня пред ним оговорили,
И я, склонясь под бременем неправды,
Дышать был должен воздухом чужбины,
Был должен есть изгнанья горький хлеб;
А вы меж тем моим добром кормились,
Срубили на дрова леса и парки,
Со стекол замка вытравить велели
И мой девиз и родовой мой герб,
Так, что и знаков моего дворянства
Нет у меня,— осталась только жизнь
Да память обо мне в людских сердцах.
Лишь перечисленным,— добавить мог бы
Я вдвое больше, чем уже сказал,—
Вы, Грин и Буши, заслужили смерть.
(Страже.)

Да предадут обоих смертной казни.

Буши

Прощайте, лорды! — Хоть страшна мне смерть,
Но Болингброк для Англии страшнее.

Грин

Я верю, небо примет наши души
И адом покарает беззаконье.

Болингброк

Милорд Нортемберленд, возьмите их.

Нортемберленд и другие уходят, уводя Буши и Грина.

Так королева, дядя, в вашем доме?
Пекитесь же о ней, молю вас богом.
Ей передайте низкий мой поклон,
Я вас прошу — об этом не забудьте.

Йорк

Я к ней гонца отправил и в письме
Подробно описал все ваши чувства.

Болингброк

Благодарю, любезный дядя.— Лорды,
Пора нам в путь: с Глендауром сразиться
И с соумышленниками его.
Окончим труд и отдых свой заслужим.

Уходят.

СЦЕНА 2

Берег Уэльса. Вдали — замок.

Входит король Ричард, епископ Карлейльский,
Омерль и солдаты.

Король Ричард

Ведь это замок Барклофли как будто?

Омерль

Да, государь. Не легче ль вам дышать
С тех пор, как вы ступили вновь на сушу?

Король Ричард

Дышать легко. И плачу я от счастья,
Что я в свое вернулся королевство.—
Приветствую тебя, моя земля,
Хоть ты и терпишь, чтоб тебя топтали
Буптовщики копытами коней.
Как разлученная с ребенком мать
Встречается с ним вновь, смеясь сквозь слезы,
Так я, моя земля, смеюсь и плачу,
Тебя лаская царственной рукой.
Будь, добрая моя земля, сурова
С врагами государя своего:
Их алчности не дай своих плодов,
Пет, пауков, твой яд в себя впитавших,
Да мерзких жаб навстречу им пошли,—
Пускай они вредят стопам злодеев,
Преступно попирающим тебя.
Взрасти моим врагам одну крапиву;
Когда ж сорвут с груди твоей цветок,—
Пусть спрятанную в пем найдут змею.
И пусть ее раздвоенное жало
Убьет врагов монарха твоего.—
Не смейтесь пад моим заклятьем, лорды:
Скорей моя земля мой зов услышит,
В солдат все эти камни превратив,
Чем задрожит перед мятежным войском
Ее природный властелин, король.

Карлейль

У власти, подарившей вам корону,
Есть власть корону вашу сохранить.
Мужайтесь! Не отталкивайте средств,

Ниспосланных вам свыше: ведь иначе
Пренебрежете помощью небес.

О м е р л ь

А это значит, что мы слишком медлим,
Тогда как с каждым часом прибывает
У Болингброка денег и людей.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не унывай, кузен! Иль ты не знаешь:
В часы, когда за горизонтом скрыто
Господне испытующее око,
Разбойники выходят на добычу,
Творя насилия, проливая кровь.
Но чуть, взойдя над рубежом земли,
Воспламенив вершины гордых сосен,
Оно метнет лучи в притоны зла,—
И уж разбой, измена и убийство,
С которых сорваны покровы тьмы,
Дрожат и наготы своей стыдятся.
Вот так и Болингброк, изменник, вор,
Который нагло рыскал здесь в ночи,
Пока скрывались мы за горизонтом,
Увидит, как восходим мы на трон,
И покраснеет от стыда измены,
Не в силах вынести сиянья солнца,
Дрожа при виде собственных грехов.
Не смыть всем водам яростного моря
Святой елей с монаршего чела.
И не страшны тому людские козни,
Кого господь пameстником поставил.
За каждого из тех, кто поднял сталь,
Поддавшись наущеньям Болингброка,
Противу нашей золотой короны,
Бог Ричарду даст ангела с мечом.
За правду бьется ангельская рать,
Злодеям перед ней не устоять!

Входит Солсбери.

Привет, милорд! Далеко ль ваши силы?

С о л с б е р и

Не дальше и не ближе, государь,
Чем эта слабая моя рука.
Моим устам отчаянье велело
О горести поведать. Государь,

Боюсь, день опоздания омрачил
Все радости грядущих наших дней.
Верни вчерашний день,— и ты с ним вместе
Двенадцать тысяч воинов вернешь.
А день сегодняшний, день злых несчастий,
Лишил тебя друзей, надежд и власти:
Решив, что пал ты мертвым там, вдали,
Уэльцы к Болингброку перешли.

О м е р л ь

Мужайтесь, государь! Вы побледнели!

К о р о л ь Р и ч а р д

Кровь войска в двадцать тысяч человек
Румянила лицо мое. А ныне
Их нет,— и обескровлен я навек,
Пришел конец и мощи и гордыне.
Бегите ж прочь вы все, кто хочет жить:
И время отказалось мне служить.

О м е р л ь

Мужайтесь! Вспомните, кто вы такой.

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, я забылся! Разве не король я?
Эй, сонное величество, проснись!
Иль имя короля не больше стоит,
Чем сорок тысяч прозвищ и имен?
О, имя королевское мое!
Вооружись! Ведь на твое величье
Восстал всего лишь подданный ничтожный.
Любимцы короля, наш сан высок,
И вы держите голову высоко.—
У дяди Йорка есть еще войска.

Входит С к р у п.

С к р у п

Желаю государю больше счастья,
Чем возвещу я скорбными устами.

К о р о л ь Р и ч а р д

Мой дух готов, мои открыты уши.
Ты скажешь мне лишь о земных утратах.

Что ж я утратил? Может быть, державу?
Тогда я с ней утратил и заботы.
Возвыситься стремится Болингброк?
Но выше нас он все равно не станет:
Он только раб господний, как и мы.
Бунтует наш народ? Что ж тут поделать,—
Он грешен и пред богом и пред нами.
Вещай же нам о бедствии любом:
Смерть хуже их, а мы ведь все умрем.

С к р у п

Я счастлив, что вы так вооружились,
Чтобы слышать горестную весть.
Как от внезапно налетевшей бури
Вздуваются серебряные реки
И водами всю затопляют землю,
Как будто растворился мир в слезах,—
Так ярость Болингброка захлестнула
Всю вашу уstraшенную державу
Потоком стали и стальных сердец.
Надвинув шлем на облысевший череп,
Восстали старики на вашу власть.
Мальчишки, говорить стараясь басом,
Напялили доспехи не по росту,
Чтобы идти войной на ваш престол;
Пономари и те хотят сражаться
И учатся, грозя короне вашей,
Гнуть лук из дважды гибельного тиса;
И даже пряжи ржавую секирой
Замахиваются на скипетр ваш.
И стар и млад бунтуют против вас,
И хуже истина, чем мой рассказ.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты слишком хорошо нам рассказал
О столь худых делах. Но где же Буши?
Что случилось с графом Уилтширом? Где Грин?
И как они позволили врагу
Без боя перейти границы наши?
Когда мы одолеем Болингброка,
Они за все ответят головой.
Ручаюсь, что они с ним помирились.

С к р у п

Воистину меж ними полный мир.

К о р о л ь Р и ч а р д

О, негодяи! Гнусные ехидны!
Собаки, лижущие руку вора!
Змей отогрел я на своей груди
И в сердце мне они вонзили жало!
Из трех Иуд тройной Иуда каждый!
Они с ним заключили мир? Так пусть
За то их душам ад войну объявит!

С к р у п

Любовь, своей природе вопреки,
Преобразилась в ненависть, я вижу.
Не надо проклинять их: не рукою,
Но головой скреплен был этот мир.
Возьмите же назад свое проклятье:
Ведь все они погибли смертью злой
И мирно спят теперь в земле сырой.

О м е р л ь

Так, значит, Уилтшир, Буши, Грин — погибли?

С к р у п

В Бристоле обезглавлены они.

О м е р л ь

А где же герцог, мой отец, с войсками?

К о р о л ь Р и ч а р д

Не все ль равно? Молчите о надеждах,—
Поговорим о смерти, о червях.
Нам прах земной взамен бумаги будет,
В него слезами впишем нашу скорбь.
Нам надлежит составить завещанье,
Избрать душеприказчиков. Но что же,
Что вправе завещать мы? Плоть — земле?
Владеет враг всем нашим достояньем,
А нам принадлежит лишь наша смерть
Да эта жалкая шепотка глины,
Что служит оболочкою костям.
Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,

Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан,— всех убили.
Внутри венца, который окружает
Нам, государям, бренное чело,
Сидит на троне смерть, шутиха злая,
Глумясь над нами, над величием нашим.
Она потешится нам позволяет:
Сыграть роль короля, который всем
Внушает страх и убивает взглядом;
Она дает нам призрачную власть
И уверяет нас, что наша плоть —
Несокрушимая стена из меди.
Но лишь поверим ей,— она блявкой
Проткнет ту стену,— и прощай, король!
Накройте ваши головы: почтенье
К бессильной этой плоти — лишь насмешка.
Забудьте долг, обычай, этикет:
Они вводили в заблуждение вас.
Ведь, как и вы, я насыщаюсь хлебом,
Желаю, стражду и друзей ищу,
Я подчинен своим страстям,— зачем же
Вы все меня зовете «государь»?

К а р л е й л ь

Мудрец над грянувшей бедой не плачет,
Но преграждает путь для новых бед.
Страх только ослабляет вашу мощь,
А ваша слабость — это мощь врага.
Вам малодушие лишь ущерб приносит;
Трус обречен, у смелых есть надежда;
Отважный, если он и мертвым пал,
То славной смертью смерть саму поправил.

О м е р л ь

В войсках отца опора вашей власти:
Мы целое воссоздадим из части.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Карлейлю)

Ты прав в своих укорах.— Близок срок,
С тобой сражусь я, гордый Болингброк!

Прошел мой страх, исчезли колебанья;
Легко вернуть свое же достоянье.

(Скрупу.)

Где дядя наш? Дай радостную весть
В твоём суровом взоре нам прочесть.

С к р у п

Взглянув на небо, люди говорят,
Дождливо будет нынче или ясно;
И если так безрадостен мой взгляд,—
От уст моих ждать радости — напрасно.
Я длю мученья ваши, как палач,
И худшее оставил напоследок:
Ваш дядя Йорк в союзе с Болингброком,
Все крепости на севере сдались,
На юге же примкнуло к Болингброку
Все рыцарство.

К о р о л ь Р и ч а р д

Достаточно! Довольно!

(Омерлю.)

Будь проклят ты, кузен! Ты преградил
Мне сладкий путь к отчаянью.— Зачем?
Что ж смолкли вы? Где ваши утешенья?
Клянусь, возненавижу я навек
Того, кто утешать меня возьмется.
Поедем в замок Флинт, чтоб там скорей
Угас король, теперь — лишь раб скорбей.
Солдат я не держу; пусть пашут, сеют
И пусть на их полях надежды зреют,
А у меня надежды больше нет.—
Уже ничей не нужен мне совет.
Ни слова! Принято мое решение.

О м е р л ь

Но, государь...

К о р о л ь Р и ч а р д

Двойное оскорбленье

Мне нанесет тот, кто посмеет лстыть.
Всей свите на восток велю спешить:
Здесь Ричарда закат по воле рока,
А там восходит солнце Болингброка!

Уходят.

СЦЕНА 3

Уэльс. Равнина перед замком Флинт.

Входят с барабанным боем и со знаменами Болингброк, Йорк,
Нортемберленд, приближенные и войска.

Болингброк

Доносят нам, что разбрелись уэльцы,
А Солсбери уехал к королю,
Который с небольшим числом друзей
На этом высадился побережье.

Нортемберленд

Отличные известия, милорд.
Так, значит, где-то здесь укрылся Ричард.

Йорк

Милорд, вам подобало бы сказать
«Король наш Ричард». О, прискорбный день,
Когда помазанник скрываться должен!

Нортемберленд

Я, ваша светлость, лишь для сокращения
Сей титул опустил.

Йорк

В былое время,
Чтоб голову вы впредь не задирали,
Он, вам платя за это сокращенье,
На голову бы вас укоротил.

Болингброк

Вы, дядя, переходите границы.

Йорк

Не ты ль, племянник, перешел границы?
Но берегись: над нами есть господь

Болингброк

Я знаю, дядя, и господней воле
Я не противлюсь.— Кто идет сюда?

Входит Перси.

А, Гарри! Что же, замок не сдается?

П е р с и

Нет, замок укреплен по-королевски,
Чтоб вам противиться.

Б о л и н г б р о к

По-королевски?

Там разве есть король?

П е р с и

О да, милорд,
Там есть король: король английский Ричард
В его стенах; с ним вместе лорд Омерль,
Лорд Солсбери, сэр Стивен Скруп, а также
Высокое духовное лицо,
Чье имя мне осталось неизвестным.

Н о р т е м б е р л е н д

Я узнаю епископа Карлейля.

Б о л и н г б р о к

Милорд Нортемберленд!
Ступайте к остову твердыни древней,
И в уши дряхлые ее бойниц
Пускай проникнет медный голос труб,
Призыв к переговорам.
Скажите так: я, Генрих Болингброк,
Пред королем колени преклоняю,
Ему целую царственную руку
И признаю себя его вассалом;
Согласен я сложить и меч и власть
К его стопам лишь при одном условии:
Чтоб он мое изгнание отменил
И мне вернул законные владенья.
А если нет,— употреблю я силу,
И хлынет кровь сраженных англичан,
И пыль к земле прибьет тот бурный ливень.
Но как далек я в мыслях от того,
Чтоб напоить сей пурпурною влагой
Зеленое и сладостное лоно
Страны, где правит государь наш Ричард,—
Покорностью готов я доказать.
Скажите так. Мы ж развернем войска
На травяном ковре равнины этой.

Нортемберленд направляется к замку.

Да смолкнет грозный грохот барабанов,
Чтоб всем, кто там,— за ветхими зубцами,—
Была ясна благая наша цель.—
Предвижу я, что будет наша встреча,
Как встреча двух враждующих стихий,
Огня с водой, когда их столкновение,
Рождая гром, рвет в клочья небеса.
Пускай он — молния, тогда я — туча;
Ярится он, а я прольюсь дождем,
Не на него прольюсь, прольюсь на землю.—
Вперед! И взглянем королю в лицо.

Раздается звук трубы, приглашающей к переговорам, ей отвечает труба
внутри замка. Трубы. На стены входят король Ричард, епископ
Карлейльский, Омерль, Скруп и Солсбери.

И о р к

Смотрите, вот и сам король! Подобен
Он покрасневшему от гнева солнцу,
Когда оно выходит в небеса
Через врата востока огневые
И видит вдруг завистливые тучи,
Которые ему сиять мешают
И омрачают триумфальный путь.
Нет, все же он — король. И взор его —
Орлиный взор, исполненный величья.
Увы, как жаль, что небо обрекло
Злой скорби столь прекрасное чело.

К о р о л ь Р и ч а р д

(Нортемберленду)

Мы в изумленье. Долго ждали мы,
Что трепетные ты согнешь колени
Перед своим законным королем.
И если государь я,— как посмели
Твои колени должный страх забыть?
А если нет, то где десница божья,
Что от престола отрешила нас?
Ничья рука из плоти и из крови
Из наших рук не может вырвать скипетр,
А если кто отважится на это —
Тот святотатец, бунтовщик и вор.
Вы мните, что, сгубив изменой души,
Не только вы — все отреклись от нас,
Что мы бессильны, лишены друзей?

Но знаете, что господь мой всемогущий
С заоблачных высот на помощь нам
Пошлет всесокрушающее войско;
Оно сразит и вас и ваших чад,
Живых и тех, что в чреве материнском,
За то, что вы, вассалы, взбунтовались,
Моей короне вздумали грозить.
Не Болингброк ли там? Скажи ему,
Что каждым шагом по моей стране
Он совершает тяжкую измену.
Иль хочет он оставить за собой
Кровавый след войны междоусобной?
Но прежде, чем он наш венец себе
На голову наденет,— десять тысяч
Разрубленных голов обезобразят
Лик Англии, измяв ее цветы,
И белоснежный мир ее заменят
Багровым гневом, и ее луга
Обрызжут английской священной кровью.

Н о р т е м б е р л е н д

Да сохранит наш властелин небесный
Земного властелина, короля,
От ужасов войны междоусобной!
Кузен твой благородный, Болингброк,
Почтительно тебе целуя руку,
Клянется досточтимую гробницей,
Воздвигнутой над прахом ваших предков,
И королевской кровью, что течет
В обоих вас из славного истока,
И мужественной дланью Джона Ганта,
И собственным достоинством и честью,
И всем, чем может клясться дворянин,
Что он сюда пришел с одной лишь целью:
Вернуть свои наследные права
И короля коленопреклоненно
Просить, чтоб он изгнание отменил.
Коль это государь ему дарует,—
Блестящий меч он ржавчине отдаст,
И берберийского коня — конюшне,
А верное и преданное сердце —
Служенью государю своему.
Он поклялся, как принц, и это правда;
Как дворянин, я клятву подтверждаю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нортемберленд, ответ наш передай:
Здесь будет наш кузен желанным гостем,
И все, о чем он справедливо просит,
Мы жалуем ему без возражений.
И передай в любезнейших словах
Привет от нас достойному кузену.

Нортемберленд возвращается к Болингброку.

(Омерлю.)

Уж не унизились ли мы, кузен,
Смирненным видом и учтивой речью?
Быть может, нам вернуть Нортемберленда,
С изменником не заключать условий,
Сразиться с ним и умереть в бою?

О м е р л ь

Нет, надо время выиграть речами,
А время нам пошлет друзей с мечами.

К о р о л ь Р и ч а р д

О боже! Неужели мой язык,
Приговоривший гордеца к изгнанию,
Словами вкрадчивыми должен взять
Свой приговор назад? О, если б я
Мог быть великим, как мое несчастье,
Иль меньшим, чем велит высокий сан!
О, если б мне забыть, чем был я прежде,
Иль то, чем стал теперь, не вспоминать!
Ты бьешься, сердце? Или ты разбилось?
Мои враги разбили нас с тобой.

О м е р л ь

Нортемберленд опять идет сюда.

К о р о л ь Р и ч а р д

Что ж королю прикажут? Подчиняться?
Он подчинится. Иль его сместят?
И этим тоже будет он доволен.
Он должен титул потерять? Бог с ним!
Готов сменять я свой дворец на келью,
Камень драгоценные — на четки,
Наряд великолепный — на лохмотья,
Резные кубки — на простую миску,

Мой скипетр — на посох пилигрима,
Весь мой народ — на грубое распятые,
И всю мою обширную страну —
На маленькую, тесную могилку,
На тесную убогую могилку.
А то пускай проезжая дорога
Мне будет кладбищем, чтоб мой народ
Вседневно попирает чело монарха:
Уж раз он мне живое сердце топчет,—
Пусть топчет погребенное чело! —
Ты плачешь, добрый мой кузен Омерль! —
Мы вызовем слезами непогоду,
От вздохов и от слез поляжет хлеб,
И на земле мятежной будет голод.
Иль, может быть, мы станем забавляться
Какой-нибудь игрою с нашим горем,
Веселую игрой? Вот, например:
Лить слезы на одно и то же место,
Пока не выдолбим себе могилы.
И пусть напишут на надгробном камне:
«Два родича лежат в могилах сих,
Могилы вырыты слезами их».
Смешно! — Ну что ж, посмейтесь надо мною,
Над болтовней безумною, пустою.—
Сиятельнейший принц Нортемберленд,
Что повелел король наш Болингброк?
Его величество согласно ль ждать,
Пока умру я собственною смертью?
Коль вы кивнете,— я пойму тогда,
Что милостиво он ответил: «Да!»

Н о р т е м б е р л е н д

Благоволите, государь, спуститься:
Он хочет с вами говорить внизу.

К о р о л ь Р и ч а р д

Спуститься? Я спущусь, как Фэртон,
Не удержавший буйных жеребцов.

Нортемберленд возвращается к Болингброку.

Вниз! Вниз, король! — дорогой униженья,
Чтоб выказать изменникам смирение.
Вниз, солнце,— тьме отдай свои права!
Где жаворонок пел,— кричит сова!

Все уходят со стен замка.

Болингброк

Ну, что его величество ответил?

Портемберленд

От горести он словно обезумел:
Бессвязна речь его. Но вот он сам.

Входят король Ричард и его свита.

Болингброк

Все окажите должное почтение
Его величеству — и отойдите.

(Преклоняет колена.)

Мой добрый государь!

Король Ричард

Любезный мой кузен, не унижайтесь,
Чтоб низкая земля не возгордилась
Касаньем ваших царственных колен.
Я холодно взираю на учтивость,
Милей бы ваша дружба мне была.
Не гнитесь низко! Встаньте же с колен:
Ведь метите высоко вы, кузен.

Болингброк

Я, государь, лишь за своим явился.

Король Ричард

Берите! Ваше все. Я тоже — ваш.

Болингброк

О повелитель! Вы настолько мой,
Насколько я своею верной службой
Достоин вашу заслужить любовь.

Король Ричард

Достойны? Вы? Тот все иметь достоин,
Кто брать умеет дерзостью и силой. —
Дай руку, дядя. Слезы осуши:
Не исцелить слезами боль души. —
Хоть вам, кузен, в отцы я не гожусь, —
Знать, вы-то мне в наследники годитесь.
Я все отдам, чего б вы ни просили:
Не должно ли нам покоряться силе? —
Что ж — в Лондон? Дайте мне, кузен, ответ.

Болингброк

Да, государь.

Король Ричард

Могу ль сказать я «нет»?

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 4

Ленгли. Сад герцога Йоркского.

Входят королева и две придворные дамы.

Королева

Какую бы придумать нам игру,
Чтобы рассеять горькие заботы?

Первая придворная дама
Сыграем, государыня, в шары.

Королева

О нет,— шары напомнят мне о том,
Что на пути у нас стоят преграды
И что удары мне судьба готовит.

Первая придворная дама
Давайте танцевать.

Королева

Могу ль со счета я не сбиться в танце,
Со счета сбившись в горестях моих?
Нет, нет, прошу тебя, не надо танцев.

Первая придворная дама
Тогда давайте что-нибудь расскажем.

Королева

О чем же? О печали иль о счастье?

Первая придворная дама
О том и о другом.

Королева

Нет, ни о чем!
Рассказ о счастье мне печаль умножит,

Напомнив то, чего лишилась я;
А повесть о печали увеличит
Несчастьем чужим мою печаль.
К чему твердить о том, что есть в избытке,
Жалеть о том, чего мы лишены?

Первая придворная дама
Тогда я вам спою.

Королева

Коль сможешь — пой!
Но плач мне больше был бы по душе.

Первая придворная дама
Чтоб вам помочь, готова я заплакать.

Королева

Когда б я горе выплакать умела,
Я петь могла б, слез не прося твоих.
Постойте! Вон садовники идут.
Я ставлю против сломанной булавки
Всю скорбь мою, что разговор меж ними
Пойдет о государственных делах.
В годину смут одни у всех тревоги;
Беда кричит, что горе на пороге.

Королева и придворные дамы прячутся. Входят садовник
и два работника.

Садовник

Ты подвяжи на этих абрикосах
Большие ветки, что отягощают
Свой ствол, как блудные сыны — отца;
Поставить надо для ветвей подпорки.—
Тебе же надлежит, как палачу,
Отсесть чрезмерно длинные побеги,
Которые так вознеслись надменно:
Пусть в царстве нашем будут все равны.—
Я ж сорняки выпалывать начну,
Которые сосут из почвы соки
И заглушают добрые цветы.

Первый работник

Зачем же нам внутри ограды этой,
На этом небольшом клочке земли

Поддерживать порядок, меру, стройность,
Когда наш огражденный морем сад,
Наш край родной зарос травой сорной,
Зачахли лучшие его цветы,
Плодовые деревья одичали,
Изъедены червями?

С а д о в н и к

Помолчи!

Кто не навел в саду своем порядка,
Тот сам теперь увянуть обречен.
Он дал приют под царственной листвою
Прожорливым и вредным сорнякам,
Считая, что они — его опора;
Но вот их ныне вырвал Болингброк.
Те сорняки — граф Уилтшир, Грин и Буши.

П е р в ы й р а б о т н и к

Они мертвы?

С а д о в н и к

Мертвы. И Болингброком
Взят в плен сам расточительный король.
Как жаль, что не хранил он, не лелеял
Свою страну, как мы лелеем сад!
Чтоб не могли плодовые деревья
Погибнуть от переполнения соком,
Весной мы надрезаем их кору.
Когда б с вельможами так поступал он,
Росли б они на пользу государству,
А он вкушал бы верности плоды.
Мы обстригаем лишние побеги,
Чтоб дать простор ветвям плодоносящим.
Так поступая, он царил бы мирно,
Но нерадив и беззаботен он,
И должен потому отдать свой трон.

П е р в ы й р а б о т н и к

Так, стало быть, низложат короля?

С а д о в н и к

Унижен он; а будет и низложен.
В письме, что нынче ночью получило
Одно лицо, с кем герцог Йоркский в дружбе, —
Дурные новости.

К о р о л е в а

Нет сил терпеть! Молчать я не могу!

(Выходит из-за кустов.)

О ты, что наподобие Адама
Возделываешь райский этот сад!
Как повернулся грубый твой язык,
Чтоб разглашать дурные эти вести?
Какая Ева, змей какой толкнул
Тебя на новос грехопадение?
Как смел ты молвить, что король низложен?
Как ты, что лишь немногим лучше грязи,
Посмел предречь паденье божества?
Ответь мне: как, откуда и когда
Узнал ты это? Говори, несчастный!

С а д о в н и к

Простите, государыня, мне жалко
Вас огорчать, но мой рассказ правдив.
Наш государь во власти Болингброка.
Теперь их судьбы на весах Фортуны.
На чаше той, где ваш супруг, — он сам
Да несколько напыщенных ничтожеств,
Которые лишь уменьшают вес;
А на другой — всесильный Болингброк
И вместе с ним все английские пары.
Так, верно, перевесит эта чаша.
Спешите в Лондон; вы поймете там:
Все знают то, что здесь сказал я вам.

К о р о л е в а

Зачем, о быstroногое несчастье,
Ко мне твое известье запоздало?
Зачем я все последней узнаю?
Иль ты желаешь, чтобы я подольше
Печаль хранила в сердце у себя?

(Придворным дамам.)

Скорее в путь! Скорее в Лондон, где
Властитель Лондона теперь в беде. —
Ужель, судьба, велишь ты мне жестоко
Быть пленницей в триумфе Болингброка? —

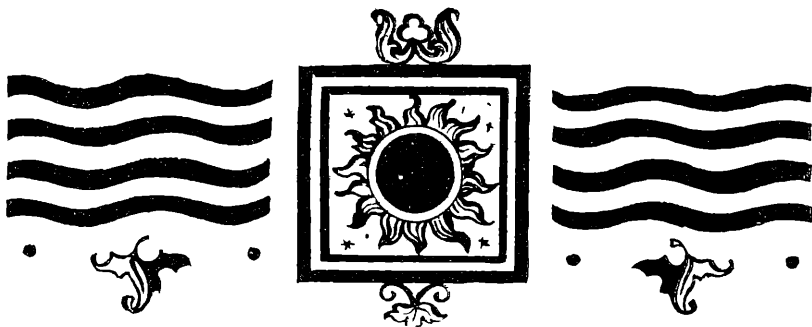
Садовник, за такую злую весть
Дай бог твоим цветам вовек не цвести.
Королева и придворные дамы уходят.

Садовник

Пускай бы все труды мои пропали,
Коль от того пройдут твои печали.
Бедняжка! Здесь, где плакала она,
Плакун-травы посеем семена;
Кто взглянет на зеленые посевы,
Пусть вспоминает слезы королевы.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Лондон. Тронный зал в Уэстминстерском дворце.
Вокруг трона, на возвышении, стоят лорды: слева — светские, справа — духовного звания; внизу — члены палаты общин.

Входят Болингброк, Омерль, Серри, Нортемберленд, Перси, Фицуотер, епископ Карлейльский, аббат Уэстминстерский и другие, за ними стража ведет Бегот.

Болингброк

Пусть Бегот подойдет.—
Итак, поведай, Бегот, без утайки,—
Как умерщвлен был благородный Глостер?
Кто вместе с королем задумал это
И кто свершил кровавое деянье,
Жизнь герцога до срока оборвав?

Бегот

Пусть предо мною встанет лорд Омерль.

Болингброк

Кузен, взгляните Беготу в лицо.

Бегот

Милорд, отказом от своих же слов
Унизите ли вы язык ваш дерзкий?
В час роковой, когда был герцог Глостер
На гибель обречен, сказали вы:

«Ужель рука моя так коротка,
Что ей из Англии не дотянуться
До дядюшкиной головы в Кале?»
В другой раз я слышал, как вы сказали,
Что легче было б вам отвергнуть дар
В сто тысяч крон, чем видеть Болингброка
Опять здесь, в Англии, к тому прибавив,
Что смерть кузена вашего была бы
Благословеньем для страны.

О м е р л ь

Милорды!

Как мне ответить низкому лжецу?
Сразившись с этим подлецом, как с равным,
Я оскорблю высокий мой удел.
И все же языку клеветника
Я честь свою порочить не позволю.

(Бросает перчатку.)

Моя перчатка, смертное клеймо,
Теперь тебя отметила для ада.
Ты лжешь, и лживо все, что ты сказал:
Я это докажу твоею кровью,
Хоть жаль марать мне рыцарский свой меч.

Б о л и н г б р о к

Постой! Не поднимай перчатку, Бегот!

О м е р л ь

О, если бы не он был оскорбитель,
А лучший из дворян, что здесь стоят,—
За исключением только одного.

Ф и ц з о т е р

Коль равного противника ты ищешь,
Омерль,— мою перчатку подними.
Клянусь сияющим над нами солнцем,
Я слышал сам, как похвалялся ты,
Что славный Глостер был тобой погублен.
И если станешь это отрицать,
Унизишься двадцатикратной ложью;
И в грудь твою, где ложь взяла начало,
Ее верну я острием меча.

О м е р л ь

До дня того не доживешь ты, трус!

Ф и ц у о т е р

Клянусь душой,— готов немедля биться!

О м е р л ь

За ложь, Фицуотер, будешь ты в аду!

П е р с и

Ты лжешь, Омерль! Правдив твой обвинитель
Настолько же, насколько сам ты лжив.
Чтоб это доказать, готов я биться
С тобою на смерть. Вот моя перчатка;
Осмелишься ли ты ее поднять?

О м е р л ь

Коль не осмелюсь, пусть рука отсохнет,
Чтобы не смог я мстительную сталь
Обрушить на блестящий шлем врага!

О д и н и з л о р д о в

И я земле, Омерль, клятвопреступник,
Мою перчатку для тебя вручаю.
Чтобы разъярить тебя, я не устану
И днем и ночью повторять: «Ты лжец!»
Вот мой залог, коль смеешь, подними!

О м е р л ь

Ну, кто еще? Любой приму я вызов!
Во мне отвага тысячи бойцов,
Таких, как вы, сражу я двадцать тысяч.

С е р р и

Милорд Фицуотер, я отлично помню
Беседу вашу с герцогом Омерлем.

Ф и ц у о т е р

Да, разговор происходил при вас;
Свидетель вы тому, что это правда.

С е р р и

Клянусь небесной правдой, что — неправда!

Ф и ц у о т е р

Ты, Серри, лжешь!

Серри

Молчи, щенок бесчестный!

Я ложь твою на меч свой положу,
И тяжкое обрушит он возмездье,
Пока не обретут себе покоя
На смертном ложе лжец и его ложь.
Тебе свою перчатку я бросаю,
Когда посмеешь ты,— сразись со мной!

Фиццотер

Как ты горячего коня прищепил!
Я смею пить и есть, дышать и жить,
И так же, встретив Серри, хоть в пустыне,
Ему в лицо посмею плюнуть я
И повторить, что лжет он, лжет и лжет!
Я привяжу тебя своею клятвой
К суровому отмщенью моему.
Как правда, что прославиться мечтаю
Я в этом мире, новом для меня,
Так правда все, в чем я виню Омерля.—
Еще, Омерль, от Норфолка я слышал,—
Послал в Кале ты двух своих вассалов,
Чтоб Глостера достойного убить.

Омерль

Пусть кто-нибудь из честных христиан
Мне даст перчатку, чтоб ее я бросил
В залог того, что Норфолк лжет, и пусть
Он явится для божьего суда.

Боллингброк

Все распри под залогами оставим,
Пока домой не возвратится Норфолк.
Хоть мне он враг, он будет возвращен
И вновь получит все свои владенья.
Омерлю с ним назначим поединок.

Карлейль

Сей славный день вовеки не наступит.
Изгнанник Норфолк ревностно сражался
В святой земле за гроб честной господень;
Под стягом крестоносным побеждал
Он турок, сарацин и чернокожих,
И, утомленный бранными трудами,
В Венецию решил он удалиться

И там земле Италии прекрасной
Предал он плоть, а благородный дух
Предал он своему вождю Христу,
Под чьей хоругвью воевал так долго.

Б о л и н г б р о к

Вы точно знаете, что Норфолк умер?

К а р л е й л ь

Как знаю то, что ныне сам я жив.

Б о л и н г б р о к

Пускай его блаженная душа
Почует с миром в лоне Авраама.—
Вы, лорды, обвинившие друг друга,
На время прекратите ваши распри,
Пока мы не назначим божий суд.

Входит Йорк со свитой.

Й о р к

К тебе пришел я, доблестный Ланкастер,
Униженного Ричарда послом.
Он признает тебя по доброй воле
Наследником престола и свой скиптр
Тебе влагает в царственную руку.
Взойди на трон, раз он с него сошел.
Взойди! Да здоровствует король наш Генрих!

Б о л и н г б р о к

То — божья воля: я взойду на трон.

К а р л е й л ь

Избави боже! Нет!

Пусть сильным мира я не ужогу
Своею речью, — ужогу я правде.
Когда бы в благородном сем собрание
Нашелся кто-нибудь столь благородный,
Чтобы он мог быть праведным судьей
Над благородным Ричардом, — тогда
Его бы удержало благородство
От этого ужасного греха.
Как может подданный судить монарха?
А подданные Ричарда — здесь все!
Ведь даже вора осудить нельзя,
Не выслушав, хоть кража очевидна.

Так можно ли судить вам государя,
Носителя небесного величья,
Избранника, наместника господня,
Венчанного, помазанного богом,
И приговор заочно выносить?
Избави боже, чтобы христиане
Столь черное свершили преступленье!
Я к подданным взываю; бог велит
Мне, подданному, встать за государя.
Лорд Херифорд, которого назвали
Вы королем,— изменник королю.
И если вы возложите корону
На голову его,— я предрекаю:
Кровь павших англичан удобрит землю,
И многие грядущие века
Оплачут горько это злое дело;
К язычникам переселится мир,
А здесь междоусобья разгорятся,
Восстанет брат на брата, род на род.
Насилье, страх, разруха и мятеж
Здесь будут жить, и край наш будет зваться
Голгофой и страшною мертвецов.
О! Если дом английских королей
Сам на себя восстанет,— это будет
Ужаснейшим из всех земных раздоров.
Опомнитесь! Не порождайте смут,
Иначе вас потомки проклянут!

Н о р т е м б е р л е н д

Отлично, сэр! Вы славно потрудились,
Чтобы изобличить себя в измене,
И мы сейчас под стражу вас возьмем.—
Вам поручается, милорд Уэстминстер,
Его стеречь до вызова на суд.—
Благоволят ли лорды согласиться
С решением, принятым палатой общин?

Б о л и н г б р о к

Введите Ричарда: пусть всенародно
Он отречется; и тогда мы сможем
От нас все подозренья отвести.

Й о р к

Ему служить я буду провожатым.
(Уходит.)

Б о л и н г б р о к
(Омерлю и Серри)

Вас, лорды, мы пока возьмем под стражу:
Должны вы поручительства представить,
Что в должный день вы явитесь на суд.

(Карлейлю.)

От вас не ожидали мы любви
И не надеялись на вашу помощь.

Возвращается Йорк с королем Ричардом. За ними несколько дворян несут королевские регалии: корону и прочее.

К о р о л ь Р и ч а р д

Увы! Уже я позван к королю,
А сам еще не вовсе отрешился
От королевских помыслов и чувств!
Еще не научился я гнуть спину,
Поддакивать, наушничать и льстить.
О, дайте скорби срок, — она научит.
Но я припоминаю эти лица:
Как будто люди эти мне служили,
Кричали мне: «Да здравствует король!»
Вот так лобзал Иуда. Но Христос
Одним лишь из двенадцати был предан;
Меня же предали двенадцать тысяч,
И не остался верен ни один.
Бог короля храни! — Но я не слышу
В ответ «Аминь!» Я, видно, и священник
И причт? Ну что же, сам скажу аминь!
Бог короля храни! — хоть он — не я.
И все-таки аминь; быть может, небо
Еще меня считает королем. —
Зачем сюда велели мне прийти?

Й о р к

Затем, чтоб ты от бремени величья
Отрекся добровольно и признал,
Что должен и державу и корону
Взять Генрих Болингброк.

К о р о л ь Р и ч а р д

Подайте мне корону. — Здесь, кузен,
Вот здесь, кузен, возьмитесь за нее.
Итак, мы с двух сторон венец сей держим.
Он — как колодезь, мы — как два ведра,

Что связаны друг с другом общей цепью:
Одно из них пустое, вверх стремится,
Другое тонет, полное водою.
Я полон скорбью и в слезах тону,
А вы легко стремитесь в вышину.

Б о л и н г б р о к

Но сами вы отречься пожелали.

К о р о л ь Р и ч а р д

От трона — да; увы, — не от печали.
Я отдаю вам власть, но скорбь и боль
Возьму себе, над ними я король.

Б о л и н г б р о к

С короной часть забот вы мне вручите.

К о р о л ь Р и ч а р д

Себя заботой вы обремените,
Приняв мои заботы, мой венец,
Но все ж моим заботам — не конец.
У нас заботы — с разною основой:
Забота ваша — страсть к заботе новой,
Меня же то заботит и гнетет,
Что буду я лишен былых забот.

Б о л и н г б р о к

Согласны ль вы отречься от короны?

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, нет... Нет, да... Ведь я — ничто. В ответ,
Чтоб вышло «да», я отрекись от «нет».
Итак, смотри, как сам себя я свергну! —
С главы сниму я непосильный груз,
Из сердца вырву царственную гордость
И выпущу из рук тяжелый скиптр.
Я днесь смываю свой елей слезами,
Я днесь свою корону отдаю,
Я днесь с себя слагаю сан священный,
Я днесь от всех отказываюсь прав.
От почестей, от власти отрекаюсь,
Отказываюсь от своих владений,
Свои указы все беру назад.
Пусть изменившим мне господь простит!
Тебя пусть от измены он хранит!

Пусть я, кто стал ничем, стал неимущим,
Ничем не буду удручен в грядущем;
Тебе же, кто вознесся выше всех,
Пусть во всем сопутствует успех!
Тебе — царить на Ричардовом троне,
А Ричарду — в земном сокрыться лоне.
Безоблачны твои да будут дни.
Король наш Генрих, бог тебя храни! —
Ну, что еще?

Н о р т е м б е р л е н д
(подавая бумагу)

Еще прочтите это, —
Признание в тяжелых преступлениях,
Которыми вы с вашими друзьями
Стране ущерб огромный нанесли.
Покайтесь же, и пусть народ узнает,
Что по заслугам низложили вас.

К о р о л ь Р и ч а р д

Как! Сам я должен размотать пред всеми
Клубок своих безумств? Нортемберленд,
Когда бы речь шла о твоих проступках,
Не стыдно ль было бы в таком собрание
Тебе их оглашать? А если нет, —
Ты в списке том прочел бы страшный грех:
Свержение законного монарха
И поругание святой присяги,
За что и будешь богом проклят ты. —
А вы — вам любопытно поглазеть,
Как надо мной беда моя глумится?
Кой-кто меня жалеет лицемерно
И умывает руки, как Пилат;
Но это вам, Пилаты, не мешает
На муки крестные меня отдать,
И вам водой не смыть сего греха.

Н о р т е м б е р л е н д

Читайте же, милорд, не будем медлить.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не вижу — слез полны мои глаза!
И все же я соленой этой влагой
Не ослеплен настолько, чтоб не видеть

Изменников, столпившихся вокруг.
И если взор я обращаю к себе,
Окажется, что я изменник тоже:
Я дал свое согласие на то,
Чтоб с короля сорвать его порфиру,
Власть ввергнуть в рабство, обесчестить славу
И государя в смерда превратить.

Н о р т е м б е р л е н д

Милорд...

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе не лорд я, оскорбитель!
Я титул потерял, утратил имя,—
И даже имя, данное в купели,
Я потерял,— не Ричард больше я.
О горе! Столько зим прожив на свете,
Не знаю, как мне называть себя!
О, если б я был шуточный король,
Из снега слепленный, и мог растаять,
Растечься мог под солнцем Болингброка! —
Мой добрый, мой великий государь! —
Хоть доброты в твоём величье мало,—
Когда ещё какую-нибудь цену
Имеют в Англии мои слова,—
Вели, пусть зеркало мне принесут,
Хочу я посмотреть на короля,
Лишенного могущества и власти.

Б о л и н г б р о к

Пусть зеркало достанет кто-нибудь.

О д и н и з с л у г у х о д и т.

Н о р т е м б е р л е н д

А вы пока бумагу прочитайте.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ещё я не в аду — не мучай, дьявол!

Б о л и н г б р о к

Оставим это, лорд Нортемберленд.

Н о р т е м б е р л е н д

Палата общин будет недовольна.

Король Ричард

Довольна будет. Я прочту довольно,
Коль загляну в ту подлинную книгу,
Где значатся мои грехи,— в себя.

Входит слуга с зеркалом.

Дай зеркало. и все я в нем прочту.—
Как! Линии морщин не стали глубже?
Скорбь нанесла мне по лицу удары,
А шрамов нет? О, лъстивое стекло!
Как все мои приверженцы бывые,
Ты лжешь! Ужели здесь — лицо того,
Кто каждый день под кров гостеприимный
Сзывал по десять тысяч человек?
Лицо, что заставляло, словно солнце,
Зажмуриться глядевших на него?
Лицо того, кто был так безрассуден,
Так добрых от дурных не отличал,
Что был отлично свергнут Болингброком.
Величьем бренным светится лицо,
Но бренно, как величье, и лицо.

(С силой бросает зеркало на пол.)

Ну вот, оно лежит, в куски разбито,
И в том тебе урок, король угасший:
Как быстро скорбь разрушила лицо.

Болингброк

Разрушена лишь тенью вашей скорби
Тень вашего лица.

Король Ричард

Как? Повтори!

Тень скорби, говоришь ты? Гм! Быть может.—
Конечно, так: гнездится скорбь внутри,
А горестные жалобы мои —
Лишь призраки невидимого горя,
Созревшего в истерзанной душе.
Король, благодарю тебя за щедрость:
Причины мне даруя для печали,
Ты сам же учишь, как мне горевать.
Лишь об одном еще вас попрошу,
А там уйду и докучать не стану.
Могу ль надеяться на эту милость?

Б о л и н г б р о к

Какую же, достойнейший кузен?

К о р о л ь Р и ч а р д

«Достойнейший»? Я — больше, чем король!
Я был король, — мне подданные льстили;
Я — подданный, и вот — король мне льстит.
Я так велик, зачем же мне просить?

Б о л и н г б р о к

Просите все-таки.

К о р о л ь Р и ч а р д

И получу?

Б о л и н г б р о к

О да!

К о р о л ь Р и ч а р д

Итак, позвольте мне уйти.

Б о л и н г б р о к

Куда?

К о р о л ь Р и ч а р д

Туда, куда вы повелите,
Но только поскорее прочь отсюда.

Б о л и н г б р о к

Пусть проведут его немедля в Тауэр.

К о р о л ь Р и ч а р д

Пусть проведут? Вы хорошо сказали.
Меня любой сумеет провести:
Раз пал король — изменники в чести.

Король Ричард, несколько лордов и стража уходят.

Б о л и н г б р о к

На будущую среду назначаем
Мы нашу коронацию. Готовьтесь.

Уходят все, кроме епископа Карлейльского, аббата Уэсминстерского и
Омерля.

А б б а т

Я зрелища плачевней не видал.

Карлейль

Плач впереди: за это преступленье
Заплатят будущие поколения.

Омерль

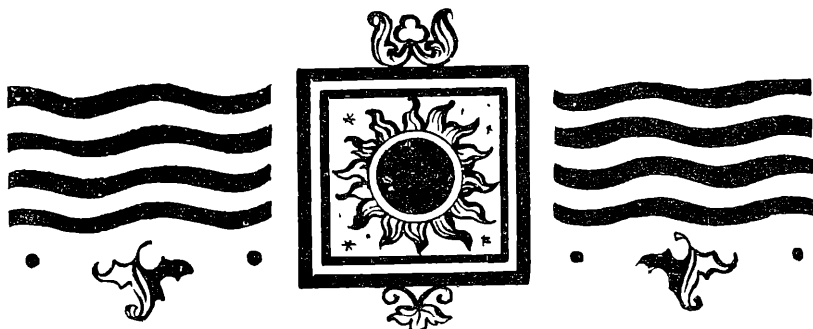
Ужель, отцы святыя, средства нет
Наш край избавить от грозящих бед?

Абат

Милорд, я буду с вами откровенен,
Но только раньше вы должны поклясться
Моих намерений не разглашать
И все, что я потребую, исполнить.—
Я вижу на челе у вас заботу,
Печаль на сердце, слезы — на глазах.
Прошу обоих вас ко мне на ужин,
И я вам изложу к спасенью путь;
Дни радости он сможет нам вернуть.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

Входят королева и придворные дамы.

К о р о л е в а

Вот путь к угрюмой крепости; ее
На горе нам построил Юлий Цезарь.
По этому пути пройдет король.
Супруг мой будет в каменной громаде
Надменным Болингброком заточен.
Здесь отдохнем.— Мятежная земля,
Дай отдохнуть законной королеве!

Входит король Ричард под стражей.

Скорей! Взгляните!.. Или нет, не надо.
Цветок моей души, как он увял!
Нет, все же поглядите: состраданье
Пусть освежит его росой слез.
Вот что осталось от великой Трои!
Ты — отблеск прежней славы! Ты — не Ричард,
Ты лишь гробница Ричарда былого!
Увы, зачем в прекраснейшем дворце
Уродливое горе обитает,
А счастье поселилось в кабаке?

Король Ричард

О, не вступай, красавица, в союз
Со скорбью: тем ты мой конец приблизишь.
Учись считать бывшее чудным сном,
От коего мы ныне пробудились.
Я побратался с беспощадным горем
И до могилы буду связан с ним.
Любимая, во Францию спеши
И затворись там в келье монастырской.
О, если бы мы праведною жизнью
Небесные венцы стяжать могли,
Раз уж своих земных не сберегли!

Королева

Как! Ричард мой настолько изменился,
Ослаб настолько телом и душой?
Иль Болингброк твой разум тоже сверг?
Иль в сердце Ричарда он тоже вторгся?
Лев раненый, когда когтистой лапой
До недруга не может дотянуться,
Терзает землю в ярости. А ты —
Ты, словно провинившийся школяр,
Льстишь ярости врага, целуя розгу?
Опомнись же — ты лев, ты царь зверей!

Король Ричард

Воистину я — царь зверей! О, если б
Средь подданных не только звери были,
Я счастливо царил бы над людьми.
Былая королева! Собирайся
Во Францию. Считаю, что ты вдова,
Что умер я, с тобою здесь простившись.
Когда тебе случится коротать
Со стариками долгий зимний вечер
У очага и слушать их рассказы
О бедствиях времен давно минувших,—
Ты расскажи им повесть обо мне,
Пусть перед сном они меня оплачут.
В твоих словах такая будет скорбь,
Что огненные слезы состраданья
Прольются из бесчувственных поленьев
И в черный уголь или в серый пепел
Они затем оденутся, печалясь
О свергнутом законном короле.

Входят Нортемберленд и другие.

Н ор т е м б е р л е н д

Милорд, решил иначе Болингброк:
Отправитесь вы в Помфрет, а не в Тауэр. —
Вы ж, государыня, благоволите
Немедленно во Францию отплыть.

К о р о л ь Р и ч а р д

Нортемберленд, ты — лестница, по коей
На мой престол поднялся Болингброк.
Но близок час, когда твой гнусный грех
Прорвется, как нарыв, набухший гноем.
Ты, если даже Болингброк отдаст
Тебе полцарства, — будешь недоволен:
Ему ведь все помог ты захватить.
А он поймет, увидев, как умеешь
Ты делать незаконных королей,
Что и его, чуть он тебя заденет,
С захваченного трона ты столкнешь.
Так ваша дружба обратится в страх,
Страх — в ненависть, а ненависть обоим
Заслуженную гибель принесет.

Н ор т е м б е р л е н д

Мой грех, мой и ответ, — покончим с этим.
Прощайтесь же, расстаться вы должны.

К о р о л ь Р и ч а р д

Двойной развод! — Расторгли, злые люди,
Вы мой союз с законною короной
И мой союз с законною женой.

(Королеве.)

Вернем друг другу брачные обеты
Прощальным поцелуем... Нет, не надо, —
Ведь поцелуй их некогда скрепил.

(Нортемберленду.)

Что ж, разлучай! Отправь меня на север,
Туда, где холод, сырость и болезни;
Ее — во Францию. Она оттуда
Пришла, как май, нас радостью даря,
Вернется же — грустнее ноября.

К о р о л е в а

Мы будем врозь? Должны мы жить в разлуке?

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, будут врозь сердца, врозь будут руки.

К о р о л е в а

Пускай пошлют в изгнание нас вдвоем.

Н о р т е м б е р л е н д

Опасность для страны была бы в том.

К о р о л е в а

Тогда пусть с ним я разделю неволю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Чтоб вместе горькую оплакать долю?

Нет, если вместе жить не довелось,

То лучше уж и горевать нам врозь.

Твой путь измерят стоны, мой — рыдания.

К о р о л е в а

Мой долг путь, надолго и стенанья.

К о р о л ь Р и ч а р д

Но вдвое горше мой короткий путь,

И вздохи будут разрывать мне грудь.

Раз нам со скорбью обвенчаться надо,

Не будем длить венчального обряда.

И молча,— лишь с лобзаньем,— в знак конца

Друг другу мы вручим свои сердца.

Обмениваются поцелуем.

К о р о л е в а

Нет, снова обменяемся сердцами:

Я не хочу убить твое слезами.

Снова обмениваются поцелуем.

Ты сердце мне вернул; теперь иди.

Тоска убьет его в моей груди.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай! Молчи — слова лишь множат горе;

Всё наша скорбь за нас доскажет вскоре.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Покой во дворце герцога Йоркского.
Входят Йорк и герцогиня Йоркская.

Герцогиня

Супруг мой, вам рыдания помешали,
Но вы должны окончить свой рассказ
О въезде двух племянников в столицу.

Йорк

На чем остановился я?

Герцогиня

На том,
Что на голову Ричарду из окон
Бросали злые руки всякий сор.

Йорк

Как я сказал, великий Болингброк
Въезжал верхом на скакуне горячем,
Который выступал неторопливо,
Как будто бы гордясь столь славной ношей,
Своим честолюбивым седоком.
Народ его приветствовал, крича:
«Да здравствует наш Болингброк!» Казалось,
Что окна ожили: и стар и млад
Глазами жадными на них глядели;
Казалось, что кричали даже стены,
Украшенные яркими коврами:
«Добро пожаловать, наш Болингброк!»
Он ехал с непокрытой головой
И, кланяясь направо и налево,
Сгибаясь ниже гордой конеской шеи,
Всем говорил: «Спасибо, земляки».
Так, всю дорогу кланяясь, он ехал.

Герцогиня

А бедный Ричард? Как же ехал он?

Йорк

Когда любимый публикой актер,
Окончив роль, подмостки покидает,
На сцене ж появляется другой,
То на него все смотрят без вниманья,

Зевают, слушая его слова.
Так Ричард встречен был пренебреженьем,
Никто «да здравствует!» не возгласил,
Никто «добро пожаловать!» не молвил,
Кой-кто бросал в помазанника грязью,
И кротко он стирал ее с себя;
А на лице его боролись слезы
С улыбкой — знаки скорби и терпенья.
Когда бы с некой высшей целью небо
Сердца людские не ожесточило,—
Смягчились бы они; и состраданья
Исполнилось бы варварство само.
Но всем видна здесь божия десница,
Должны мы вышней воле подчиниться.
Я Болингброку свой принес обет;
Он — мой король, возврата больше нет.

Герцогиня

Но вот Омерль.

Йорк

Он больше не Омерль.
Друг Ричарда, он герцогства лишился
И только графом Ретлендом зовется.
В парламенте я пынче дал присягу,
Что государю новому мой сын
Вассалом верным будет навсегда.

Входит Омерль.

Герцогиня

Мой сын, какие новые фиалки
Взрастила эта новая весна?

Омерль

Не знаю. Что мне в том? Господь свидетель,—
Я не желал бы стать одной из них.

Йорк

Сию весну ты должен стойко снести,
Иль будешь сорван, не успев расцвести.
Что в Оксфорде? Турниры и веселье?

Омерль

Как будто.

Й о р к
Собираешься туда?

О м е р л ь
Коль мне господь не помешает,— да.

Й о р к
Постой! Что это за шнурок с печатью?
Ты побледнел! Что это за бумага?

О м е р л ь
Безделица, милорд.

Й о р к
Ну, если так,
Тогда и показать ее не страшно.
Подай бумагу, я хочу прочесть.

О м е р л ь
Прошу меня уволить, ваша светлость.
Значения бумага не имеет,
Но все ж ее читать вы не должны.

Й о р к
И все же, сэр, ее прочесть я должен.
Боюсь, боюсь...

Г е р ц о г и н я
Чего боитесь вы?
Расписка это, верно, долговая:
Вошел в долги он, чтобы нарядиться
К оксфордским торжествам.

Й о р к
Вошел в долги?
И самому себе вручил расписку?
В уме ли ты?

(Омерлю.)

Подай сюда бумагу.

О м е р л ь
О нет, отец! Простите, не могу.

Й о р к

Нет, ты отдашь, и я ее прочту.

(Вырывает бумагу и читает ее.)

Предательство!.. Злодей! Подлец! Изменник!

Герцогиня

Но что случилось? Что все это значит?

Й о р к

Эй! Слуги! Кто там! Эй!

Входит слуга.

Седлать коня!

О боже! Что за гнусная измена!

Герцогиня

О чем вы, мой супруг?

Й о р к

Подать мне сапоги! Седлать коня! —

Слуга уходит.

Клянусь я честью, жизнью и присягой —
Изобличу злодея!

Герцогиня

Что случилось?

Й о р к

Безумная, молчи!

Герцогиня

Не замолчу! — Омерль, скажи, в чем дело?

О м е р л ь

Не бойся, пустяки. И я отвечу
За это только жизнью.

Герцогиня

Только жизнью?

Й о р к

Эй, сапоги! Я еду к королю.

Входит слуга с высокими сапогами.

Г е р ц о г и н я

Гони его, Омерль! Мой бедный мальчик,
Растерян ты?

(Слуге.)

Прочь с глаз моих, холоп!

С л у г а уходит.

Й о р к

Я говорю — подать мне сапоги!

Г е р ц о г и н я

Остановись! Что ты задумал, Йорк?
Ужель ты выдашь собственное чадо?
Иль есть у нас другие сыновья?
Иль мне рожать детей еще не поздно?
Отнять ты хочешь сына у старухи,
Чтоб матерью ее никто не звал?
Иль в вас нет сродства? Он тебе чужой?

Й о р к

Несчастливая! Лишилась ты рассудка?
Ты хочешь скрыть сей заговор ужасный?
Двенадцать заговорщиков решили —
Вот клятва их, скрепленная печатью,—
Убить монарха в Оксфорде.

Г е р ц о г и н я

О нет!

Мы сына своего туда не пустим!
Так нам-то что до этого?

Й о р к

Отстань!

Безумная! Да будь он двадцать раз
Мой сын,— его изболбить я должен.

Г е р ц о г и н я

Когда б из-за него ты принял муки,
Как я,— к нему ты был бы милосердней.
Теперь я вижу: ты подозреваешь,
Что ложе осквернила я твое
И он тебе не сын, но плод греха?
О нет, не думай так, супруг любимый!

Нет сходства большего, чем между вами.
Ни на меня, ни на моих родных
Он вовсе не похож, а между тем
Я так его люблю!

Й о р к

Прочь! Прочь с дороги!
(Уходит.)

Г е р ц о г и н я

Омерль, — за ним! Возьми его копя!
Мчись к королю, опередив отца,
И вымоли заранее прощенье,
Пока отцом еще не обвинен.
Я — тоже за тобой. Хоть я стара,
Но Йорк меня намного не обгонит.
И там с колен я поднимусь не прежде,
Чем Болингброк тебя простит. Спешите!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Уиндзор. Зал во дворце.

Входит Болингброк в королевском одеянии, Перси и другие
л о р д ы.

Б о л и н г б р о к

Кто скажет мне, где мой беспутный сын?
Три месяца, как я его не видел.
Поистине, для нас он божья кара.
Прошу вас разыскать его, милорды.
По лондонским ищите кабакам:
Там, говорят, он днюет и ночует
Среди своих друзей — головорезов,
Из тех, что рыщут в узких переулках,
Чиня разбой, на стражу нападая.
А он, шальной, балованный юнец,
Считает для себя великой честью
Кормить весь этот сброд.

П е р с и

На днях я встретил принца, государь,
И рассказал об оксфордских турнирах.

Б о л и н г б р о к

И что ж тебе ответил шалопай?

П е р с и

Ответил, что пойдет в публичный дом,
Возьмет перчатку у последней шлюхи,
Что, прикрепив сей знак благоволения
На шлем, участие примет он в турнире
И выбьет там любого из седла.

Б о л и н г б р о к

В нем удали не меньше, чем беспутства!
И все же в сыне проблески я вижу,
Которые мне подають надежду,
Что славы он достигнет, возмужав.

Вбегает О м е р л ь.

О м е р л ь

Где государь?

Б о л и н г б р о к

Но что с кузеном нашим?
Как дико он глядит.

О м е р л ь

Бог да хранит вас, государь. Могу ли
Просить у вас беседы с глазу на глаз?

Б о л и н г б р о к

Оставьте нас вдвоем.

П е р с и и другие уходят.

Кузен, что с вами?

О м е р л ь

(преклоня колено)

Пускай вратут мои колени в землю,
Пускай прилипнет к небу мой язык,
Коль поднимусь или заговорю,
Не получив от короля прощенья.

Б о л и н г б р о к

Ты грешен помыслом или поступком?
Но если помыслом,— пусть самым злым,—
Прошу, чтоб впредь ты другом стал моим.

О м е р л ь

Позвольте дверь мне запереть на ключ,
Чтоб не вошел сюда никто, покамест
Не кончу я рассказ.

Б о л и н г б р о к

Ну что ж, запри.

Омерль запирает дверь на ключ.

Й о р к
(за сценой)

Откройте! Государь, остерегись!
Остерегись — перед тобой изменник!

Б о л и н г б р о к
(обнажая меч)

Злодей! Сейчас тебя я обезврежу!

О м е р л ь

О нет, тебе опасность не грозит,
Не поднимай же мстительную руку!

Й о р к
(за сценой)

Открой, король беспечный, легковерный!
Любя, тебе кричу я оскорбленья.
Открой, иначе выломаю дверь!

Болингброк отпирает дверь. Входит Йорк.

Б о л и н г б р о к

Ну, что случилось, дядя? Отдышись.
Скажи нам, где опасность, чтобы мы
Ее могли во всеоружье встретить.

Й о р к
(подавая бумагу)

Здесь все прочтешь. Я так сюда спешил,
Что об измене рассказать — нет сил.

О м е р л ь

Но не забудь, что дал мне обещанье.
Ведь я раскаялся. Прошу тебя

Считать, что нет там подписи моей:
С рукою сердце не было в согласье.

Й о р к

Ложь! Ты — изменник сердцем и рукой! —
Бумагу эту вырвал у злодея
Я из-за пазухи. И здесь, король,
Не от любви он кается — от страха:
Щадя его, ты пощадишь змею,
Которая тебя ужалит в сердце.

Б о л и н г б р о к

Что? Заговор — ужасный, дерзкий, подлый!
О доблестный отец злодея-сына!
Ты — чистый и прозрачный горный ключ,
Из коего, беря свое начало,
Ручей вот этот долго тек по грязи
И вредоносным сделался теперь.
В тебе избыток доброго, в нем — злого;
Но все ж искупит преданность отца
И этот тяжкий грех дурного сына.

Й о р к

Как! Добродетель — сводня для порока?
Отцовской честью сын свой стыд оплатит,
Как золотом родительским — долги?
Нет, стыд и честь не существуют вместе.
Позор сыновний — смерть отцовской чести.
И верности в могилу должно лечь,
Когда измену не карает меч!

Г е р ц о г и н я
(за сценой)

Где государь? Впустите! Ради бога!

Б о л и н г б р о к

Кто там кричит, так жалобно моля?

Г е р ц о г и н я
(за сценой)

Я женщина, я тетка короля.
Откройте дверь во имя состраданья:
Вас просит нищенка о подаянье.

Б о л и н г б р о к

Трагедия окончилась,— и вот,
«Король и Нищенка» у нас идет.—

(Омерлю.)

Впустите мать. За ваше преступленье
Она пришла вымаливать прощенье.

Й о р к

Кто б ни молил, но если ты простишь,
То преступленья новые родишь.
Гниющий член должны отсечь мы смело,
Иль порча вскоре поразит все тело.

Входит герцогиня.

Г е р ц о г и н я

Не слушай, государь! Он так жесток,
Что даже сына полюбить не смог.

Й о р к

Безумная! Изменника ты снова
Вскормить сосцами старыми готова?

Г е р ц о г и н я

(становясь на колени)

Йорк, сжался! Сердца моего не рань! —
Послушай, государь мой добрый!

Б о л и н г б р о к

Встань!

Г е р ц о г и н я

О нет, с колен я до тех пор не встану
Рыдать, к тебе взывая, не устану,
Пока мне радость не вернешь: вина
Заблудшему да будет прощена!

О м е р л ь

(становясь на колени)

Мою мольбу прими с ее мольбою.

И о р к

(становясь на колени)

И я склоню колени пред тобою:
Им откажи, иль пожалеешь ты!

Г е р ц о г и н я

Что он сказал? Вглядись в его черты:
Нет слез в глазах, смеется он над нами.
Мы сердцем говорим, он — лишь устами.
Он просит, уповая на отказ;
Мы просим, и в отказе — смерть для нас.
Он только ждет, чтоб распрямить колени,
А мы умрем, склонившись для молений;
Притворны пылки его мольбы,
Мы ж верим в милосердие судьбы.
Прошу тебя уважить то прошение,
Которое честней, — даруй прощенье!

Б о л и н г б р о к

Встань!

Г е р ц о г и н я

Нет! Другого слова я ищу:
Я встану, если скажешь ты «прощу».
Будь нянькой я твоей, — ты это слово
Узнал бы раньше всякого другого.
О, как услышать мы его хотим!
Пусть жалость даст его устам твоим!
В нем много мягкости, хоть звуков мало.
Как это слово королю пристало!

И о р к

Ответь ей «Pardonnez-moi»¹, король.

Г е р ц о г и н я

Нет, от игры словами нас уволь!
О злой, посредством языка чужого
Двусмысленным ты сделал это слово! —
Король, тебя мы просим об одном:
Скажи «прощу» на языке родном.
Твой взгляд смягчился, дай устам смягчиться;
Пусть в сердце чутком слух твой поместится,

¹ Простите меня. (Франц.)

Чтоб, вняв мольбам, от сердца полноты,
«Прошу» ответил милостиво ты.

Б о л и н г б р о к

Но встань же!

Г е р ц о г и н я

Нет! Молить я перестану,
Когда простишь. А не простишь,— не встану.

Б о л и н г б р о к

Прошу, и пусть меня простит господь.

Г е р ц о г и н я

Он будет жить! Он, кровь моя и плоть!
О, счастье коленопреклоненья!
Мне страшно... Повтори слова прощенья,
Чтоб я уверилась.

Б о л и н г б р о к

Прощен он мной,
Прощен от всей души.

Г е р ц о г и н я

Ты — бог земной!

Б о л и н г б р о к

Но за вернейшим братцем, за аббатом,
За этой всей достопочтенной шайкой,
Как гончий пес, сейчас помчится смерть.—
Погоню, дядя, отряди немедля,
Пускай их ищут в Оксфорде и всюду.
Ах, только бы их разыскать смогли,—
Изменников сотру с лица земли.
Счастливым путь, мой благородный дядя.—
Кузен, ступайте. Мать вам жизнь спасла,
Служите ж нам, не замышляя зла.

Г е р ц о г и н я

Мой сын не юн, но воля, знать, господня,
Чтоб заново он начал жизнь сегодня.

Уходят.

СЦЕНА 4

Там же.

Входят сэр Пирс Экстон и слуга.

Экстон

Ты тоже слышал, как король сказал:
«Иль не найдется друга, чтоб избавить
Меня от этого живого страха?»
Не так ли?

Слуга

Точные его слова.

Экстон

«Иль не найдется друга?» — он спросил.
Он дважды это повторил, и дважды —
С особым ударением. Так ведь?

Слуга

Так.

Экстон

И на меня он поглядел при этом,
Как будто говоря: «Не ты ли снимешь
Давящий ужас с сердца моего?» —
Того, кто в Помфрете, в виду имея.
Мне дружба государя дорога
И я его избавлю от врага.

Уходят.

СЦЕНА 5

Помфрет. Замковая башня.

Входит король Ричард.

Король Ричард

Живя в тюрьме, я часто размышляю,—
Как мне ее вселенной уподобить?
Но во вселенной — множество существ,
А здесь — лишь я, и больше никого.
Как сравнивать? И все же попытаюсь.
Представим, что мой мозг с моей душой
В супружестве. От них родятся мысли,
Дающие дальнейшее потомство.

Вот племя, что живет в сем малом мире.
На племя, что живет в том, внешнем, мире,
Похоже удивительно оно:
Ведь мысли тоже вечно недовольны.
Так, мысли о божественном всегда
Сплетаются с сомнениями, и часто
Одна из них другой противоречит:
Здесь, например, «Придите все», а там —
«Ко мне попасть не легче, чем пройти
Верблюду сквозь игольное ушко».
Иное у честолюбивых мыслей,
Им надобно несбыточных чудес:
Чтоб эти ногти слабые могли
Прорыть проход сквозь каменную толщу,
Разрушить грубый мир тюремных стен.
Но так как это неосуществимо, —
В своей гордыне гибнут мысли те.
А мысли о смиренье и покое
Твердят о том, что в рабстве у Фортуны
Не первый я и, верно, не последний.
Так утешается в своем позоре
Колодник жалкий — тем, что до него
Сидели тысячи бродяг в колодках, —
И ощущает облегчение он,
Переложив груз своего несчастья
На плечи тех, кто прежде отстрадал. —
В одном лице я здесь играю многих,
Но все они судьбою недовольны.
То я — король, но, встретившись с изменой,
Я нищему завидую. И вот,
Я — нищий. Но тяжелые лишения
Внушают мне, что королем быть лучше.
И вновь на мне венец. И вспоминаю
Я снова, что развенчан Болингброком
И стал ничем. Но, кем бы я ни стал, —
И всякий, если только человек он,
Ничем не будет никогда доволен
И обретет покой, лишь став ничем.

Музыка.

Что? Музыка? Ха-ха! Держите строй:
Ведь музыка нестройная ужасна!
Не так ли с музыкою душ людских?
Я здесь улавливаю чутким ухом
Фальшь инструментов, нарушенья строя,

А нарушение строя в государстве
Расслышать вовремя я не сумел.
Я долго время проводил без пользы,
Зато и время провело меня.
Часы растратив, стал я сам часами:
Минуты — мысли; ход их мерят вздохи;
Счет времени — на циферблате глаз,
Где указующая стрелка — палец,
Который наземь смахивает слезы;
Бой, говорящий об истекшем часе,—
Стенанья, ударяющие в сердце,
Как в колокол. Так вздохи и стенанья
Ведут мой счет минутам и часам.
Послушное триумфу Болингброка,
Несется время; я же — неподвижен,
Стою кукушкой на его часах.
Не надо больше музыки. Устал я.
Хоть, говорят, безумных ею лечат,—
Боюсь, я от нее сойду с ума.
И все ж, да будет мне ее пославший
Благословен. Ведь это — знак любви,
А к Ричарду любовь — такая редкость,
Такая ценность в этом мире злом.

Входит конюх.

К о н ю х

Привет мой королю!

К о р о л ь Р и ч а р д

Привет вельможе!

Мы вместе стоим фартинг, не дороже.
Кто ты? Зачем ты здесь, куда приходит
Лишь мрачный пес, который носит пищу,
Чтобы мое несчастье жить могло.

К о н ю х

Я конюхом был у тебя, король,
Когда ты королем был. В Йорк я еду
И, хоть с трудом, добился разрешенья
На господина прежнего взглянуть.
Как больно сжалось сердце у меня
В день коронации, когда — вдруг вижу:
На Берберийце едет Болингброк!
На жеребце, тобою столь любимом,
На жеребце, так выхоленном мной!

К о р о л ь Р и ч а р д

На Берберийце? Расскажи мне, друг,
Как шел мой конь под ним?

К о н ю х

Так горделиво, словно бы гнушался
Землею, по которой он ступал.

К о р о л ь Р и ч а р д

Гордился тем, что Болингброка нес?
Из рук моих хлеб ела эта кляча,
Она гордилась ласкою моей!
И не споткнулась кляча? Не упала
(Раз уж случилось, что упала гордость)
И шею не сломала гордецу,
Который сел в ее седло насильно?..
Прости, мой конь! За что тебя бранить?
Ты сотворен для подчиненья людям
И выношен, чтоб их носить. А я,
Хоть по рождению — человек, не лошадь,
Ташу свою поклажу, словно мул,
И загнан беспощадным Болингброком.

Входит тюремщик с блюдом.

Т ю р е м щ и к
(конюху)

Приятель, уходи! Прошел твой срок.

К о р о л ь Р и ч а р д
(конюху)

Коль ты мне друг,— переступи порог.

К о н ю х

Так много в сердце, а сказать — не смог.
(Уходит.)

Т ю р е м щ и к

Милорд, вам не угодно ль пообедать?

Король Ричард

Изволь сначала, как всегда, ответить.

Тюремщик

Я не смею, милорд. Мне запретил это сэр Пирс Экстон, который только что прибыл от короля.

Король Ричард

Пускай сам дьявол заберет тебя
И Генриха Ланкастера впридачу!
Мое терпенье истощили вы.

(Бьет тюремщика.)

Тюремщик

Помогите! Помогите! Помогите!

Входят сэр Пирс Экстон и вооруженные слуги.

Король Ричард

Вот как! Мне угрожает смерть? — Злодей,
Погибнешь ты от собственной секиры!

(Выхватывает секиру у одного из слуг и убивает его.)

И ты найдешь пристанище в аду.

(Убивает второго слугу.)

Экстон поражает короля Ричарда.

Рука, меня сразившая, да будет
В неугасимом пламени гореть.—
Свою страну ты, Экстон дерзновенный,
Забрызгал кровью короля священной.—
Душа, с греховной плотью распростиись.
Твой трон на небе,— отлетай же ввысь!
(Умирает.)

Экстон

О нем скажу одно в надгробном слове:
Он был король по доблести, по крови.
Я пролил кровь и доблесть я убил;
Благое ли я дело совершил?
Но дьявол, сам мою толкавший руку,
Теперь мне адскую пророчит муку.—
Я к королю сведу труп короля,
А эти два пусть примет здесь земля.

СЦЕНА 6

Уиндзор. Покои в королевском дворце.
Трубы. Входят Болингброк, Йорк и свита.

Болингброк

Мятежники, как слышно, в Глостершире
Творят свои преступные дела:
Наш город Сайстер там сожжен дотла.
Успели ли схватить их, мы не знаем.

Входит Нортемберленд.

Добро пожаловать. Какие вести?

Нортемберленд

Да будет счастье над твоей державой! —
Шлю в Лондон я четыре головы:
Блент, Спенсер, Солсбери и Кент — мертвы.
(Подает бумагу.)

Здесь, государь, в подробном донесеньи
Перечисляются их преступления.

Болингброк

Нортемберленд, за твой достойный труд
Тебя достойные награды ждут.

Входит Фицютер.

Фицютер

Я, государь, из Оксфорда вернулся.
Всех прочих заговорщиков опасных,
Готовивших убийство короля,
Там ждали Брокас и сэр Беннет Сили.
Их головы я в Лондон отослал.

Болингброк

Фицютер, ты достоин восхваленья,
Я твоего не позабуду рвенья.

Входят Перси и епископ Карлейльский

Перси

Аббат Уэстминстерский, главарь их шайки,
Замученный раскаяньем и скорбью,
Плоть бrenную свою могиле предал.
Но вот Карлейль. Я взял его живым,
Чтоб сам король вершил свой суд над ним.

Б о л и н г б р о к

Так слушай же, Карлейль!
К тебе судьба не будет столь жестокой:
Вдали от мира, в келье одинокой
Жить будешь ты и там, в святой тиши,
Молиться о спасении души.
Хоть мне как давний враг мой ты известен,
Но ты порой бывал и прям и честен.

Входит сэр Пирс Экстон, за ним слуги несут гроб.

Э к с т о н

Великий государь, вот гроб. Узнай же,
Что Ричарда Бордоского в нем прах.
Взгляни — в гробу покоится твой страх:
Твой злейший недруг больше не опасен.

Б о л и н г б р о к

Прочь, Экстон, прочь! Поступок твой ужасен.
И за него не жди себе похвал:
Меня и Англию он запятнал.

Э к с т о н

Он вами был внушен, хоть он и дерзок.

Б о л и н г б р о к

Порою нужен яд,— и все ж он мерзок.
Убийца гадок мне, убитый — мил,
Хоть звал я смерть к нему, пока он жил.
Ты встретишь не мое благоволение,
Но совести нечистой угрызенья:
Бродить, как Каин, будешь ты в ночи,
И солнце спрячет от тебя лучи.—
О горе! Неужели, боже правый,
Чтоб вырос я, был нужен дождь кровавый? —
Пусть все разделят скорбь мою сейчас;
Облечься в траур призываю вас.
Сей тяжкий грех я на себя приемлю,
Смыть кровь отправлюсь я в святую землю.
Несите гроб.— Восплачем же над ним,
Безвременно усопшего почтим.

Уходят.

**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Трагедия эта при жизни Шекспира была издана три или четыре раза — в 1597, 1599, 1609 годах и еще один раз, неизвестно в каком году, прежде чем она была включена в F (фолио) 1623 года. Ввиду чрезвычайной краткости текста первого издания (2232 строки вместо 3007 строк второго издания) долгое время думали, что это две последовательные редакции пьесы, принадлежащие самому Шекспиру, который после 1597 года сам переделал свою трагедию, расширив ее. Но затем было выяснено, что Q (кварто) 1597 года является «воровским», сильно изувеченным и сокращенным изданием, к которому Шекспир не имел никакого отношения. Вероятно, пьеса возникла на несколько лет раньше ее первого издания; об этом говорят неровность ее стиля, обилие эвфемизмов и целый ряд других стилистических признаков, указывающих на раннюю манеру Шекспира. Полной определенности тут нет, но большинство критиков датируют пьесу 1595 годом или даже ранее.

Еще больше, нежели значительное число прижизненных изданий, о популярности пьесы в шекспировские времена свидетельствует то, что в фолио 1623 года, находившемся в читальном зале Оксфордского университета, наиболее замусолены уголки страниц, содержащих данную трагедию, и из них те, где напечатана ночная сцена свидания (III, 5).

История юной любви двух отпрысков враждующих домов, кончающаяся трагически вследствие случайного рокового недоразумения, много раз обрабатывалась уже в древней литературе, и тема эта была хорошо известна Шекспиру хотя бы по истории Пирама и Фисбы, забавно использованной им в «Сне в летнюю ночь». Но в данном случае, как по казывает итальянская оболочка трагедии, эта тема была взята им из новелл и драм итальянского Возрождения.

Самая ранняя из сохранившихся обработок этого сюжета, крайне популярного в ренессансной Италии, принадлежит Мазуччо («Новеллино», 1476 г.; новелла 36), у которого любящие носят еще другие имена и события происходят в Сьене. Но уже у Луиджи да Порто («История двух благородных любовников», около 1524 г.) действие перенесено в Верону, любящие получили имена Ромео и Джульетта, а кроме того, получили фамильные имена упоминаемых Данте враждующих семей — Монтекки и Капулетти («Чистилище», VI, 106). В этой форме от да Порто сюжет перешел к Больдери («Несчастливая любовь», 1553), Бан-

делло («Новеллы», 1554), Луиджи Грото (трагедия «Адриана», изд. 1578 г.) и, наконец, к Джироламо делла Корта, который в своей «Истории Вероны» (1594—1596) выдает эту повесть за истинное происшествие. Вероятно, вскоре после этого и была сфабрикована явно поддельная гробница Ромео и Джульетты, которую до сих пор показывают в Вероне туристам.

Рассказ Банделло послужил основой для драмы Лопе де Вега «Кастельвини и Монтези» (около 1600 г.), а, кроме того, французский перевод его, сделанный Пьером Буато («Трагические истории», 1599), был в свою очередь переведен на английский язык Пейнтером в его «Дворце наслаждений» (1565—1567) и свободно обработан в обширной поэме (более 3 000 стихов) Артура Брука «Ромео и Джульетта» (1562). Именно последняя и послужила Шекспиру главным, а может быть, даже единственным источником для его пьесы. Правда, сам Брук сообщает, что он уже видел на сцене пьесу на этот сюжет. Если принять это свидетельство за чистую монету, можно было бы предположить, что трагедия Шекспира восходит не к поэме Брука, а является переработкой упоминанной им пьесы. Но безлостное его упоминание оставляет неясным, где он ее видел и не была ли эта пьеса итальянской (вроде трагедии Грото), или, быть может, даже латинской (у самого Брука герой носит латинскую форму имени — *Romeus*). Да и не является ли эта пьеса просто выдумкой Брука? Не забудем, что в эту эпоху лучшей рекомендацией какой-либо истории все еще была (как и в средние века) не новизна ее, а именно ссылка на то, что она уже рассказывалась раньше. Проще и естественнее поэтому допустить, что именно и только поэма Брука, с которой пьеса совпадает и в целом и во множестве деталей, послужила источником последней.

Но в то время как поэма Брука представляет собой тягучее и мало художественное произведение, Шекспир создал из того же самого материала подлинный шедевр. Он внес в свой образец ряд новых лирических и патетических черт, углубил или переосмыслил большинство характеров персонажей, привнес удивительно яркие, нежные краски и в результате этого придал всей истории совсем иной характер, чем тот, какой она имела у Брука и, добавим, у большинства старых итальянских авторов.

Начнем с внешних, но очень глубоких по смыслу черт. Тогда как у Брука действие длится девять месяцев и влюбленные целых три месяца наслаждаются своим счастьем, у Шекспира действие уложено всего в пять дней (по точным, заботливо им расставленным указаниям, от воскресенья до пятницы), и блаженство влюбленных длится лишь несколько часов. Отсюда — чрезвычайная стремительность действия, подчеркивающая пылкость чувств. В связи с этим Шекспир перенес время событий с зимы на июль месяц, когда от южного зноя страсти — как любовь, так и ненависть — еще более разгораются (см. слова Бенволио в самом начале сцены — III, 1). Еще существеннее то, что Шекспир ввел ряд очень выразительных сцен, которых нет у Брука: последнее прощание любящих на заре (III, 5), вмешательство Тибальта на балу (I, 5), появление Париса в склепе (V, 3) и т. д., очень усиливающих и лиризм и драматизм пьесы. Добавлено также несколько смешных буффонад, оживляющих пьесу и придающих ей колоритность.

Но главное отличие — в основном замысле шекспировской пьесы, имеющем очень мало общего с поэмой Брука. Последняя — никак не ренессансная поэма любви, поэма расцветающей человеческой личности, порывающей с миром косных средневековых норм и борющейся за свое свободное чувство. Правда, Брук изображает любящих не без некоторого сочувствия, но все же в его тягучей поэме ощущается при-

вкус морали покорности и умеренности (морали, которую один немецкий критик середины XIX в. удивительным образом хотел найти и в трагедии Шекспира). Чувство Ромео и Джульетты у него — если и не «грех», то, во всяком случае, — трезмерность и заблуждение, за которые их постигает неизбежная кара. У Шекспира в связи с коренным изменением смысла всей истории соответственно, как мы сейчас увидим, изменены и переосмыслены все главные характеры. Все в его пьесе подчинено идее прославления любви, солнечной и свободной.

Лессинг в «Гамбургской драматургии» (письмо XV) говорит: «Сама любовь диктовала Вольтеру его «Заиру!» — говорит один учтивый критик довольно любезно. Вернее было бы сказать: галантность. Я знаю только одну трагедию, которую внушила любовь: это «Ромео и Джульетта» Шекспира». И Беллинский писал о шекспировской трагедии («Сочинения Александра Пушкина», статья пятая, 1844): «Пафос шекспировой драмы «Ромео и Джульетта» составляет идея любви, — и потому пламенными волнами, сверкающими ярким светом звезд, льются из уст любовников восторженные патетические речи... Это пафос любви, потому что в лирических монологах Ромео и Джульетты видно не одно только любование друг другом, но и торжественное, гордое, исполненное упоения признание любви, как божественного чувства. В тех монологах Ромео и Джульетты, когда их любви начало угрожать несчастье, бурным потоком изливается энергия раздраженного чувства, вдруг встретившего препятствие своему вольному и широкому разливу».

Но любовь представлена здесь не абстрактно, не как обособленный случай, вне всякой связи с борющимися общественными силами, а как продукт и выражение социальных конфликтов данной исторической эпохи. До того времени, когда столкновение общественных сил стало предметом непосредственного изображения в литературе, а нередко даже и после этого, оно выступало в ней в обличье любовного чувства, угнетаемого или раздавленного окружающим обществом. Таков смысл трагической легенды о любви Тристана и Изольды, трагедии Расина «Баязет», любовной темы «Дон Карлоса» Шиллера и целого ряда других произведений, в которых любящие как бы бросают вызов существующему строю и общепринятым законам и нормам, в результате чего они гибнут жертвой господствующих нравов и понятий. То же самое находим мы и в шекспировской трагедии, где несчастная случайность с посланцем-монахом воспринимается читателем лишь как внешняя причина гибели любящих, тогда как истинная, «коренная» причина заключается в атмосфере вражды, окружающей их и принуждающей все время прибегать для спасения своей любви к самым рискованным средствам, из которых не то, так другое, не сегодня, так завтра неизбежно должно привести к катастрофе. Правда, в пьесе наличествует и другая концепция, перешедшая к Шекспиру из современной ему теории трагедии: идея роковой случайности, превратностей, фатальности судьбы человека, в силу тайных, непостижимых причин возносящих его на вершину величия и счастья или ввергающих в пучину бедствий. Следы этой концепции мы видим во многих местах пьесы, особенно в роли Ромео. Собираясь на бал к Капулетти (I, 4), он томится предчувствием беды; когда влюбленные объясняются в любви, Джульетта (II, 2) просит его не клясться, чтобы это не оказалось дурным предзнаменованием; убив Тибальта, Ромео восклицает: «Судьба играет мной» (III, 1); глядя сверху на уходящего в изгнание Ромео, Джульетта говорит: «Душа моя полна предчувствий мрачных!» (III, 5); Лоренцо боится силы их страсти: «Таких страстей конец бывает страшен, и смерть их ждет в разгаре торжества» (II, 6).

И все же не «фатум», не роковая природа их чувства повинны в гибели Ромео и Джульетты, а та обстановка, в которой они оказались, старинная вражда их семей, создавшая невозможные условия, которые привели к гибели этих исключительных по силе и душевной красоте людей. Вся композиция пьесы, все ее ведущие характеры указывают на это. На пять приведенных выше цитат приходится много десятков мест в пьесе, указывающих именно на такой смысл ее. И в свете этих мест названные пять фраз получают другое смысловое значение: это — литературный прием (подобный вещим снам, призракам, странным совпадениям), в условной поэтической форме резюмирующий общий характер ситуации, неизбежность надвигающейся катастрофы, но неизбежность закономерную, обусловленную конкретными обстоятельствами.

Старинная вражда двух семей, Монтекки и Капулетти, препятствует браку любящих, которые принадлежат к ним. Вся зловерность и все бездушные этой слепой, бессмысленной вражды подчеркиваются тем, что никто уже не помнит ее причин. Нигде в пьесе эти причины ни малейшим намеком не обозначены! Оба старика, главы домов, в душе тягостятся этой враждой (см. явное равнодушие к ней старого Монтекки и пахлбучку, которую задает в сцене бала старик Капулетти своему не в меру задорному племяннику). Но вражда не умерла, и всегда находятся горючие головы, особенно из числа молодежи (особенно Тибальт), готовые по любому поводу снова ее разжечь, — и тогда снова льется кровь, снова кипят дикие страсти и нарушается здоровая, нормальная жизнь города.

Это старое, средневековое начало, восходящее корнями еще к феодальному институту родовой вражды и кровной мести, напоминает картину эгоистического своеволия феодальных баронов, изображенную в почти одновременно созданных Шекспиром хрониках. И как там, так и здесь носитель здорового начала, пытающимся обуздать этот разгул анархофеодалных сил, выступает монарх, веронский герцог, обреченный на изгнание всякого, кто возьмется за оружие, возобновив эту старую внутреннюю распрю.

Но есть еще третья сила, более великая и мощная, чем монарх, сила, выразителем воли которой, как представлялось Шекспиру и как казалось столь многим в XVI—XVII веках, являлся монарх. Это — народ. Не случайно во время очередного уличного побоища между приверженцами обоих домов (I, 1) на сцену выбегают горожане и приставы с палками, крича: «Бей Капулетти!» — «Бей Монтеки!», а некоторые призывают бить без разбору и тех и других; ибо дерущиеся, и те и другие, одинаково чужды и враждебны им вследствие их упорства в застарелом соперничестве. Так и Меркуцио, друг Ромео, жизнерадостный и остроумный выразитель духа Ренессанса, умирая от руки Тибальта, одного из Капулетти, не делает различия между ними, когда восклицает: «Чума на оба ваши дома!» (III, 1). И в последней сцене, когда все уже свершилось, мы узнаем, что народ с криками: «Ромео!», «Джульетта!», «граф Парис!» — бежит по улицам, очевидно, стремясь увидеть тела всех трех погибших и выразить им свое сочувственное восхищение.

Воплощенное в темной распре двух семей злое начало глубоко противоположно гуманистическим идеям свободы, человечности, радости жизни, воплощенным в образах Ромео и Джульетты.

Злоба и ненависть убили светлое, молодое чувство. Но в своей смерти юные любовники победили. Над их гробом происходит примирение обеих семей. Поэтому от трагедии в целом веет не пессимизмом, а бодрым утверждением новой жизни. История Ромео и Джульетты, которыми их родители клянутся соорудить золотые статуи, будет жить в ве-

как как обличение человеческой слепоты и бездушия, как славословие правды и любви. Так любовь оказалась сильнее ненависти.

Это приводит нас к вопросу, упорно обсуждавшемуся в шекспировской критике: можно ли признать пьесу трагедией в полном смысле слова. Этому препятствует помимо только что указанного жизнеутверждающего финала общий светлый фон ее. Вся пьеса как-то особенно «принаряжена» и расцветена. Замечательно обилие в ней веселых сценок и шуток. Комический элемент мы встретим и в других, более поздних трагедиях Шекспира («Гамлет», «Макбет», особенно «Король Лир»), но там он имеет целью усилить трагическое, оттенить его. Здесь же он приобретает почти самостоятельное значение, ослабляя трагическое. Сходным образом и картина столь короткого, но такого полного и светозарного счастья любящих (III, 5) уравнивает, — если не превосходит, — горечь их печального конца. С этим связано и обилие рифм, введение в диалог (в двух местах) сонетной формы, и передние черты эвфизма (см., например, жалобу Джульетты, получившей известие о смерти Тибальта; III, 2), симметрия многих мотивов и эпизодов. Обилие в пьесе музыки и тому подобные «прикрысы», усиливающие веселый, жизнерадостный тон многих мест.

Но больше всего мешает признать пьесу трагедией в шекспировском понимании этого термина то, что наряду с борьбой героев против их окружения здесь нет внутренней их борьбы (как, скажем, в «Гамлете», «Отелло», отчасти «Макбете» и т. п.).

Тем не менее, если пьеса и не удовлетворяет всем требованиям жанра трагедии, она все же воспринимается нами как трагедия — как особый тип трагедии, трагедии лирической и оптимистической — по величественности образов и возвышенной величавости борьбы, которую ведут protagonисты пьесы с господствующим укладом. И то и другое нисколько не умалется тем, что борьба эта далеко не является испоконной или преждевременной, как мы обычно наблюдаем это в трагедиях эпохи (например, в названных выше трагедиях Шекспира), а наоборот, победа светлого начала кажется обеспеченной и исторически созревшей. В этом-то и заключается своеобразие данной пьесы в ряду творений Шекспира, как бы мы ее ни называли, следуя терминологии канонической поэтики.

Существенным для этой трагической поэмы любви является то, что помимо раскрытия всей силы и очарования юной страсти Шекспир показывает ее развивающее и обогащающее действие на человеческую личность.

Ромео вырастает в пьесе на наших глазах, последовательно проходит три стадии. Вначале, до встречи с Джульеттой, это наивный юноша, еще сам не понимающий своей натуры и своих душевных запросов. Он хочет тоже принять участие в типично ренессансном (сравните с этническими сонетами, поэмы, некоторые ранние комедии Шекспира) культе любви, хочет не отстать от других и внушает себе, что влюблен в червоглазую Розалинду, по которой томно вздыхает. На самом же деле это чисто «мозговое», надуманное увлечение, которое не затрагивает понастоящему его сердца. Как бы желая подчеркнуть это, Шекспир вовсе не выводит на сцену этот бледный фантом, в отличие от Брука, делающего его вначале активным действующим лицом. Но, увидев Джульетту, Ромео сразу перерождается. Он мгновенно чувствует, что она — его избраница, что с ней связана его участь. Ромео становится взрослым, зрелым человеком, который не просто мечтает, но уже действует, борется за свое живое чувство. С этой минуты все его слова и поступки полны энергии и решительности, а вместе с тем большой внутренней простоты и искренности.

Наконец, когда Ромео получает ложное известие о смерти Джульетты, он еще раз преображается. Он чувствует, что для него жизнь кончена; он как бы поднимается над собой и всем окружающим, чтобы посмотреть на мир извне, с большей высоты. Ромео приобретает ту провидательность и мудрость, ту отрешенность и объективность, которые свойственны иногда старым людям, многие испытавшим и продумавшим. Теперь Ромео начинает понимать мир лучше, чем раньше. Ему открываются силы, руководящие людьми. В эту минуту высшего страдания и высшей ясности мысли Ромео, покупая у аптекаря яд, называет золото, которое дает ему, «ядом похуже», чем полученное им зелье (V, 1). Когда затем, у гробницы Джульетты, он встречает Париса, этот молодой аристократ с благородными, но неглубокими чувствами кажется Ромео ребенком по сравнению с ним, и он называет его «юношей».

Таким же образом, под влиянием овладевшего ею всепоглощающего чувства вырастает в пьесе и Джульетта. Из кроткой и наивной девочки, какой она показана вначале, она превращается в созревшую душой женщину, идущую на все ради своего чувства, в подлинную героиню. Она порывает со своей семьей, со своими привычками и обстановкой жизни ради любимого. Во имя своей любви она подвергает себя величайшей опасности, когда решается выпить снотворный напиток. Достаточно прочесть ее замечательный монолог по этому поводу (в конце сцены — IV, 4), чтобы понять тот ужас, который она испытывает, и всю силу проявленного ею мужества. Наконец, она бестрепетно принимает смерть, чтобы уйти из жизни вместе с Ромео.

Следует отметить, что Джульетта на протяжении всей пьесы проявляет гораздо больше энергии и инициативы, чем Ромео, изобретая средства в защиту своей любви, борясь со своей судьбой или активно устремляясь навстречу судьбе. Ведь ей, юной девушке, гораздо труднее оторваться от родной семьи, бежать из отцовского дома, чем молодому человеку, как Ромео, с самого начала изображенному эмансипировавшимся, обособившимся от родителей и семейной обстановки. Родителям приходится лишь издали следить за его судьбой, узнавать о его действиях и чувствах не непосредственно от него, а от его друзей, например от Бенволио (I, 1). (Вот, кстати почему обстановка дома Капулетти, да и характеры родителей Джульетты обрисованы Шекспиром несравненно подробнее, чем дом Монтекки.) Джульетта гораздо сердечнее, теплее, душевно богаче, чем ее избранник. Он риторически сравнивает себя со школьником, тогда как первая ее мысль — об опасности, которой он подвергается во владениях ее отца. Не Ромео, а Джульетта отвергает клятвы. Не он, а она говорит простые слова: «Хотела бы приличье соблазнить... Но нет, прочь, лицемерье! Меня ты любишь?» (II, 2). Ей, а не ему принадлежит столь характерное для всего образа мыслей Шекспира рассуждение: «Монтекки — что такое это значит? Ведь это не рука и не нога, и не лицо твоё... О, возьми другое имя! Что в имени? То, что зовем мы розой, и под другим названием сохранило б свой сладкий запах!» Ромео даже и после своего перерождения лишь пополюину избавился от самонаблюдения. Джульетта цельнее, богаче оттенками чувства, деятельнее. Стоит сравнить разницу между горячностью ее речей с Ромео, кормилицей, братом Лоренцо и сдержанностью, уклончивостью с родителями или с Парисом. Не случайно в заключительной строке трагедии у Шекспира сказано не «повесть о Ромео и Джульетте», а «повесть о Джульетте и ее Ромео».

Это выдвижение ее имени на первое место в эпоху, когда приходилось еще доказывать моральную равноценность женщины мужчине

(вспомним хотя бы «Укрощение строптивой»), отчепь показательно. Наряду со всем прочим оно также знаменует борьбу Шекспира за новые понятия, за новую жизнь.

Главные герои трагедии окружены целым рядом образов, которые оттеняют и усиливают основную мысль пьесы. Здесь на первое место должен быть поставлен брат Лоренцо. Этот помощник влюбленных в борьбе с угнетающим их миром — монах только с виду: кроме звания и одежды, в нем самом, как и в его речах, нет ничего церковного. Беседуя с любящими и наставляя их, он никогда не говорит о боге, не ссылается на его волю и мудрость. Замечательно, что единственный раз во всей пьесе, когда он ссылается на бога и предлагает смириться перед его волей, — это сцена (IV, 5), где он корит родителей Джульетты за избыток скорби и ораторствует о ее «блаженстве в раю», в то время как лучше всех знает, что никакой «божьей воли» тут не было, ибо она жива и всего лишь выпила снотворное зелье.

В средние века и нередко еще в эпоху Возрождения молодые люди уходили в монастыри не из благочестия, а чтобы обеспечить себе возможность спокойного существования, посвященного занятию науками и далеко не «богобоязненным» размышлениям (вспомним хотя бы Рабле). Монах Лоренцо отнюдь не был явлением исключительным. По существу он — философ и естествоиспытатель, который собирает травы и минералы, исследует их, изучает добрые и злые силы природы (II, 3). Глубокий материализм звучит в его сведении всего сущего к проявлениям природы: «Земля, природы мать — ее ж могила: что породила, то и скоронила. Припав к ее груди, мы целый ряд найдем рожденных ею разных чад...». Зачатки диалектики есть и в его рассуждении о наличии доброго в злом и злого в добром (там же) в зависимости от того, как мы им пользуемся — разумно или злоупотребляя. Истинный пантеист, брат Лоренцо занимает место на прямой линии развития, идущей от Франциска Ассизского к Джордано Бруно, сожженному за свободомыслие на костре. Лоренцо — олицетворенне мудрости, естественности и доброты. За добро, которое он творит, он не получает, — да и не ищет, — даже слова благодарности. Он сочувствует любящим, заботится о них, помогает им как может, а когда все его усилия оказываются бесполезными — он оплакивает их с глубокой любовью.

Очень характерен эпизодический образ Меркуцио. Характерен потому, что он акцентирует итальянский и ренессансный колорит всей пьесы. Пушкин писал об этой трагедии: «В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *concelti*. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульетты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской гении, Меркуцио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркуцио, есть замечательнейшее лицо из всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века». К этой тонкой характеристике трудно что-либо прибавить.

Очень интересен образ графа Париса — жениха Джульетты, назначенного ей отцом. Шекспиру легко было бы сделать его уродом, стариком, существом грубым и низменным. Вместо этого он обрисовал Париса как красивого и изящного юношу, хорошо воспитанного, благородного, искренне любящего Джульетту. В этом заключена тонкая мысль. При всех своих видимых достоинствах Парис, если сравнить его с Ромео, внутренне пуст и бездушен. Недаром кормилица говорит, что он «словно вылит из воска». В нем нет огненного чувства Ромео,

все его слова и движения посредственны, лишены значительности. Он оплакивает Джульетту, считая, что она умерла, и приносит на ее могилу цветы, но он оказался в силах пережить ее. Парису более подошла бы в качестве возлюбленной Розалинда, которую он окружил бы своей благопристойной и спокойной любовью, чем Джульетта, для которой любовь — это вся жизнь. Джульетта приходит в ужас от мысли о браке с Парисом не потому, что он был чем-нибудь плох или противен ей, а лишь потому, что она может любить только одного, избранного ею навеки — Ромео.

Для оживления и раскраски действия Шекспир ввел в пьесу еще ряд более или менее ярких фигур (старый Капулетти, Тибальт, Бенволио и другие). Очень забавны шутовские сцены со слугами. Еще больше веселья, хотя и другого рода, несет с собой образ кормилицы — натуры грубой и достаточно пошлой, но не лишенной здравого смысла и своеобразного юмора. Очень живо передана также атмосфера итальянского города, залитого солнцем, от горячих лучей которого мысль работает быстрее и страсти разгораются с еще большей силой.

«Ромео и Джульетта» — одна из тех пьес Шекспира, которые наиболее богаты красками. В ней много разных тонов, от веселой улыбки до дикого отчаяния, от нежной любви до лютой злобы. Но над всем преобладает любовь к жизни и вера в победу правды и добра.

Трагедия эта — одно из тех созданий Шекспира, которые не только вызвали огромное число критических исследований и оценок, но и обрели долгую жизнь в искусстве. Из ее литературных отголосков одним из наиболее известных является, пожалуй, новелла Готфрида Келлера «Сельские Ромео и Джульетта». Бесчисленны отражения этой пьесы в изобразительном искусстве. Но особенно глубоки и проникновенны музыкальные переложения (опера Гуно, симфония Берлиоза, поэмы Чайковского и Свендсена, балет Прокофьева) этого музыкальнейшего творения Шекспира.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ»

Стр. 5. Эскал, герцог Веронский. — Описываемые события, согласно легенде, произошли в начале XIV века, когда Вероной правил Бартоломео дела Скала; отсюда имя в шекспировской пьесе: Эскал.

Стр. 7. Пролог. — Текст пролога произносил Хор — так в шекспировском театре назывался актер, который перед началом пьесы или одного из актов выходил на сцену и давал пояснения, помогавшие зрителям лучше понять содержание пьесы. Обычай этот возник в подражание античному театру, в котором участвовал хор, дававший оценку изображаемым событиям. В английском театре и сам этот актер и его речь назывались также Прологом.

Стр. 13. Подать мой длинный меч! — В эпоху Шекспира длинные средневековые мечи были уже пережитком; деталь эта является намеком на старость синьора Капулетти.

Стр. 14. Виллафранка — город близ Вероны.

Сикомора — то же, что смоковница или фиговое дерево.

Стр. 20. Ей нет еще четырнадцати лет. — В ту эпоху не только в Италии, но и в Англии девочка четырнадцати лет считалась уже невестой.

Стр. 21. ...это вылечит твой подорожник. — Подорожник применялся как средство лечения при ранениях и ушибах.

Стр. 29. Пусть беспечные танцоры камыш бездушный каблуками топчут.— В Англии того времени ковры еще не были в употреблении, и полы в лучших домах и даже дворцах устилали тростником.

Стр. 30 Царица Меб.— Фантастический персонаж английских народных поверий. Имя этой феи — кельтского происхождения. Меб названа «повитухой» в двойном значении: во-первых, согласно народному поверью, она помогала рождению спов, а во-вторых, согласно другому поверью, подменивала новорожденных младенцев оборотнями.

Она не больше агата, что у олдермена в перстне.— Олдермен — член городского совета в Англии. Многие английские чиновники и зажиточные горожане того времени носили перстни с печатью или изображением крошечной человеческой фигурки.

...вроде червячков, живущих у ленивца под ногтями.— Существовало поверье, что у ленивых девушек в пальцах заводятся черви.

Десятина.— Католическая церковь требовала от всех частных лиц уплаты ей налога в размере одной десятой всех доходов. Налог этот назывался десятиной.

Стр. 31. ...колтуны, которые расчесывать опасно.— Считалось, что расчесывать такой колтун опасно для жизни человека.

Стр. 32. Потпен.— Шутовские персонажи, которые выводятся у Шекспира в маленьких вставных сценках вроде этой, носят чисто английские имена даже тогда, когда основные персонажи пьесы — итальянды и французы. Иногда имена этих лиц имеют шуточный смысл. Например, имя Потпен составлено из двух слов, означающих «горшок» и «кастрюля». Имя Грайндстон, встречающееся немного дальше, значит «жернов».

Стр. 36 Целует ее.— Во времена Шекспира поцеловать в обществе незнакомую даму с ее согласия не считалось неприличным поступком.

Стр. 40. Кофетуа.— Легендарный африканский царь, воспетый в старинной английской народной балладе. Кофетуа был женоненавистником, но однажды он увидел из окна своего дворца молоденькую нищенку по имени Зелелефон и полюбил ее на всю жизнь.

Стр. 47. Не то б я потрясла пещеру Эхо...— Древние объясняли явление эхо тем, что на человеческие голоса откликается нимфа по имени Эхо, живущая в пещере.

Стр. 53. Он почище кошачьего царя Тиберта.— Шутка, основанная на сходстве имен: Тибальт и Тиберт. Второе — имя кста в популярном в средние века «Романе о Лисе».

Стр. 60. Розмарин — цветок, который считался символом верности.

Стр. 69. ...взять всего лишь одну из ваших девяти жизней...— Имеется в виду английская пословица «У кошки девять жизней» (т. е. кошки живучи).

Стр. 76. Василиск — сказочное чудовище, по преданию убивающее одним своим взглядом.

Стр. 77. Аквавите (aqua vitae — лат., буквально — вода жизни) — так называли водку в тех случаях, когда она употреблялась как лечебное средство и потому продавалась в аптеках.

Стр. 88. ...жаворонок с жабой глазами обменялся.— По народному поверью, жаворонок отдал жабе свои прекрасные глаза в обмен на ее маленькие тусклые глазки. Джульетта хотела бы слышать голос не жаворонка, а жабы, что означало бы, что сейчас вечер, а не утро.

Стр. 97. Отец мой, Капулетти...— Парис уже считает Капулетти своим тестем.

Стр. 105. ...похожие на стоны мандрагоры.— Существовало мнение, что корень мандрагоры (растение, встречающееся в южных странах) имеет сходство с фигурой человека. Отсюда произошло суеверное представление, что корень мандрагоры обладает и некоторыми человеческими свойствами: например, когда его вырывают, он будто бы испускает человеческие стоны.

Стр. 115. ...и кожи всяких страшных рыб.— В окнах аптекарских лавок для привлечения покупателей часто выставлялись чучела редких животных.

Стр. 118. Кладбище, склеп Капулетти.— На кладбище в Вероне до сих пор туристам показывают «гробницу Джульетты». Но это явная подделка.

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

Ф. Мерес своим упоминанием этой комедии в 1598 году все еще помогает нам установить предел, до которого были созданы некоторые из ранних произведений Шекспира. «Сон в летнюю ночь» также находится в его списке, и это значит, что комедия была написана до 1598 года. Пробовали определить дату ее создания, исходя из того, что она явно была создана для спектакля по случаю свадьбы каких-то высокопоставленных лиц. Исследователи проявили большую старательность, стремясь установить, чье брачное торжество послужило поводом возникновения этой замечательной комедии, но, так как таких свадеб в 90-е годы было изрядное количество и все они с равным основанием могли сопровождаться такого рода спектаклем, то мы даже не станем разбирать вопроса о том, какую из них следует считать причиной, послужившей толчком для шекспировского творчества. Единственное более или менее достоверное основание для датировки пьесы находится в самом ее тексте. Это речь Титании (II, 2) о недавних стихийных бедствиях и наводнении, представляющая собой намек на бурную погоду 1593 и 1594 годов. По-видимому, вскоре после этого — в 1594 или 1595 году — пьеса и была создана.

Название пьесы показывает, что события, изображенные в ней, относятся к празднику почти на Ивана Купалу, то есть 24 июня. Но в тексте (IV, 1) Тезей упоминает «майские игры», что относит события к 1 мая. Это подало повод для многочисленных догадок комментаторов, по-разному объяснявших такое противоречие. Не вдаваясь в детали, ограничимся тем, что отметим связь комедии Шекспира с народными празднествами и древними поверьями, коренившимися в давних языческих обрядах.

Исследователи установили в пьесе Шекспира отголоски многих литературных источников. Образ Тезея был явно навеян рассказом рыцаря из «Кентерберийских рассказов» Чосера. Может быть, Шекспир запомнил кое-что также из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в переводе Норта, где также есть рассказ об этом афинском царе. Историю Пирама и Фисбы Шекспир, конечно, знал из своего любимца Овидия, чьи «Метаморфозы» он учил еще в школе. Фантастические фигуры Оберона, Титании, Пэка и лесных эльфов встречались во многих литературных произведениях, но вероятнее всего, что наименьшую роль здесь играли книжные источники. Подобного рода фантастикой был наполнен английский фольклор, с которым Шекспир был знаком еще с детства. Озорной лесной дух Пэк, иначе Добрый Малый Робин, встре-

чается во многих сказках, откуда он, по-видимому, и был заимствован Шекспиром.

Однако ни эти, ни другие литературные источники, которые исследователями обнаружены в большом количестве, не говорят нам ничего о самом главном. Все они послужили только составными частями поэтического сплава, созданного Шекспиром совершенно самостоятельно. «Сон в летнюю ночь» — пьеса, выделяющаяся среди произведений Шекспира уже в том отношении, что прямого и непосредственного источника ее сюжета не найдено. Замысел сюжета и композиция действия полностью принадлежат самому Шекспиру.

Каждая из предшествующих комедий Шекспира представляла собой какую-нибудь новую разновидность жанра. То же следует сказать и о «Сне в летнюю ночь». Эта комедия совершенно не похожа на другие ранние комедии Шекспира. Путь Шекспира от «Комедии ошибок» до «Сна в летнюю ночь» характеризовался все большим отходом от бытовизма и постепенным усилением мотивов, которые мы условно назовем романтическими. «Сон в летнюю ночь» — наиболее романтическая из всех комедий Шекспира. Это волшебная феерия, и еще Белинский отметил, что наряду с «Бурей» «Сон в летнюю ночь» представляет собой «совершенно другой мир творчества Шекспира, нежели его прочие драматические произведения — мир фантастический». В этой комедии великий реалист отдался на волю своего воображения. Он наполнил пьесу вымышленными, фантастическими существами, представил события в таком необычном виде, что у зрителя создается впечатление, похожее на то, какое бывает во время сновидений.

Да, это сон — сон в летнюю ночь, когда луна мягким светом озаряет нежно шуршащую под легким ветерком листву деревьев и в шорохе ночного леса чудится какая-то странная и таинственная жизнь. Белинский писал, что в этой пьесе образы героев несутся перед нами, словно «тени в прозрачном сумраке ночи из-за розового занавеса зари, на разноцветных облаках, сотканых из ароматов цветов...».

Но даже фантазия никогда не бывает у Шекспира оторванной от земной реальности. Как и сновидение, она соткана из элементов жизни, и, подобно тому как в сне есть своя логика, так есть она и в этой комедии.

Разнородные мотивы составили основу этого причудливого сна в летнюю ночь. Английская природа и типы, взятые из английской жизни, современной Шекспиру, соседствуют с чертами культуры и быта южных стран. Еще Энгельс отмечал, что в комедии «Сон в летнюю ночь» «в характерах действующих лиц чувствуется влияние юга с его климатом так же сильно, как в «Ромео и Джульетте»¹.

Действие происходит в Афинах. Правитель Афин носит имя Тезей, одного из популярнейших героев античных преданий о покорении греками воинственного племени женщин — амазонок. На царице этого племени, Ипполите, и женится Тезей. Юные герои комедии Лизандр и Деметрий, Гермия и Елена, похожи на образы итальянских комедий Шекспира. Царь эльфов Оберон попал в шекспировскую комедию из средневекового рыцарского романа «Гююн Бордокий», а его жена Титания носит имя, заимствованное Шекспиром у его любимого римского поэта Овидия. Что же касается ремесленников — Основы, Питвы, Дудки и других, то они были списаны Шекспиром из современной ему английской жизни. И лес, который, судя по ремарке в тексте, должен быть неподалеку от Афин, конечно, совсем не греческий лес. Молодой Энгельс в очерке «Ландшафты» писал: «О, какая дивная поэзия заклю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. II, стр. 60.

чена в провинциях Британии! Часто кажется, что ты находишься в golden days of merry England и вот-вот увидишь Шекспира с ружьем за плечом, крадущимся в кустарниках за чужой дичью, или же удивляешься, что на этой зеленой лужайке не разыгрывается в действительности одна из его божественных комедий¹. В таком именно лесу и разворачивается перед нами все действие «Сна в летнюю ночь».

Это одна из самых поэтических комедий Шекспира. Она производит удивительно обаятельное впечатление совершенно неповторимым сочетанием реальности и фантастики, серьезного и смешного, лирики и юмора. Все это спаяно у Шекспира так прочно и органически, что критический анализ, разлагающий это единство на отдельные элементы, разрушает поэтическую цельность произведения. Зато, с другой стороны, может быть, он в какой-то мере прольет свет на замысел Шекспира и средства, примененные им для его осуществления.

В комедии два основных плана действия — реальный и фантастический. Но внутри каждого из них есть еще свои градации. Они воплощены в сюжетные мотивы, составляющие действие комедии, а оно складывается из пяти элементов.

Бракосочетание Тезея и Ипполиты составляет обрамление всего сюжета. Комедия начинается с изображения двора Тезея, и в ходе первой сцены мы узнаем о предстоящей свадьбе афинского царя с повелительницей амазонок. Завершением действия комедии является празднество по случаю состоявшейся свадьбы Тезея и Ипполиты. Эта сюжетная рамка не содержит никаких драматических мотивов. Здесь нет и намека на конфликт. Тезей — мудрый царь, любящий свою невесту и пользующийся взаимной любовью с ее стороны. Эти образы даны Шекспиром статично.

Второй и центральный сюжетный мотив — истории Лизандра и Гермии, Деметрия и Елены. Действие, разворачивающееся здесь, содержит уже значительные драматические мотивы и конфликты. Прежде всего возникает тема отцов и детей и вопрос о праве детей на свободный выбор спутника жизни. Отец Гермии Эгей является к Тезею с жалобой на свою дочь. Он выбрал ей в мужа Деметрия, но она предпочитает Лизандра. Тезей, будучи государем, стоит на страже отцовского права и велит Гермии повиноваться родительской воле. Но молодость не желает мириться с насилием над чувствами. Гермия решает бежать в лес вместе со своим возлюбленным. Туда же отправляются Елена и Деметрий. Но здесь, в лесу — свой мир, в котором уже не действуют законы государства, нравы и обычаи, выработанные обществом. Это царство природы, и чувства здесь раскованы; они проявляются с максимальной свободой.

Мир природы поэтически одухотворен Шекспиром. В чаще леса, среди деревьев и кустарников, травы и цветов витают маленькие духи, легкие, воздушные. Они — душа леса, а что такое душа вообще, душа человека в частности, — не лес ли это, где человек может заблудиться среди собственных чувствований? Так, во всяком случае, можно подумать, глядя на то, что происходит с молодыми влюбленными, попавшими в этот заколдованный мир.

В этом мире есть свой царь — лесной дух Оберон, которому подвластны все эльфы леса. Если афинский царь Тезей требует повиновения обычаям и законам, предоставляя при этом возможность подумывать и осознать свою ошибку, лесной царь применит чары колдовства для того, чтобы подчинить своей воле. Так он наказывает Титанию, поспоришую с ним.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. II, стр. 59—60.

Если в жизни всякие отклонения от принятых норм влекут за собой серьезные последствия, то в царстве лесных духов все превращается в веселую шутку.

В этом лесу мы встречаем еще одну группу персонажей, и перед нами возникает еще один сюжетный мотив комедии. Сюда приходят афинские ремесленники, чтобы репетировать пьесу, которую они собираются показать в день свадьбы своего государя. Простодушные ремесленники с крайней серьезностью относятся к своему делу. Им не до шуток, но и они, попав в мир лесных чудес, оказываются вовлеченными в круговорот странных событий и необыкновенных превращений, происходящих в этом мире причуд. Читатели, конечно, помнят, как ткач Основа вдруг оказался с ослиной головой и, несмотря на это уродство, в него влюбилась воздушная царица эльфов красавица Титания. Наконец, последний сюжетный мотив возникает перед нами уже тогда, когда, казалось бы, все действие завершено: ремесленники разыгрывают историю любви Пирама и Фисбы, лишь косвенно связанную с остальными сюжетными мотивами комедии, но имеющую значение в ее общем замысле.

Мы уже сказали выше, что центральный драматический мотив возникает тогда, когда обнаруживается противоречие между волей отца и чувством дочери. На чьей же стороне оказывается победа? Минуя все перипетии, происшедшие во время пребывания молодых людей в лесу, и приходя к тому, чем все это завершилось, мы видим, что любовь Гермия и Лизандра, пройдя через все испытания, восторжествовала. Что же касается Деметрия, он убедился, что его чувство к Гермии было непрочным. В лесу он полюбил Елену, которая уже давно пылала к нему страстью. Таким образом, чувства двух девушек преодолели все препятствия. Гермия утвердилась в намерении соединить свою жизнь с Лизандром, а Елена завоевала любовь Деметрия, который долго был к ней равнодушен.

Перед этой победой любви вынужден смириться даже Эгей, ревниво оберегавший свое право решать судьбу дочери и навязывавший ей в мужа нелюбимого человека. Перед ней, перед победой чувства склоняется и Тезей, дающий молодым людям возможность вступить в брак согласно своим сердечным влечениям.

Таким образом, природа оказалась сильнее закона и обычая. В этом отражается гуманистический взгляд Шекспира на вопросы морали. В конечном счете весь этот конфликт выражает сдвиги, происшедшие в сфере личных отношений в эпоху, когда старые феодальные нормы уже перестали быть действенной силой, регулирующей взаимоотношения людей в их личном быту, в вопросах любви и брака.

Именно в связи с этим центральным мотивом пьесы находится история Пирама и Фисбы, составляющая сюжет пьесы, которую разыгрывают ремесленники. Пирам и Фисба полюбили друг друга вопреки воле родителей. Вынужденные встречаться тайно, они подвергались опасностям. На Пирама напал лев, и, когда он погиб, любящая Фисба не перенесла смерти своего возлюбленного. Вся эта история ремесленниками изображается со всей серьезностью, но пьеса, которую они разыгрывают, явно устарела. Зрители, наблюдающие ее представление, сопровождают спектакль ироническими репликами. И мы можем сказать, что пародийный характер этого представления обусловлен не только тем, как играют пьесу ремесленники, и даже не тем, что драматургия этого произведения наивна, а больше всего тем, что в мире, где природа и чувство оказались сильнее воли отца и традиционного закона, сюжет и самая тема пьесы о Пираме и Фисбе кажутся архаичными.

Однако Шекспир показывает нам не только торжество природы и победу чувства. Со свойственным ему умением видеть явления жизни со всех сторон Шекспир раскрывает нам и противоречия, возникающие там, где чувства выступают в качестве определяющей жизненной силы. Может быть, ни в чем гениальность Шекспира в этой комедии не проявляется так, как в изображении перипетий любовных отношений Деметрия, Лизандра, Гермии и Елены.

Именно здесь сосредоточен основной комический мотив пьесы. Комическое проявляется у Шекспира в разных формах. В «Сне в летнюю ночь» сравнительно мало того острословия, которое вызывает смех зрителя в других комедиях. Зато здесь достаточно фарсовых положений. Элементы фарса особенно наглядны во всей линии действия, связанной с ремесленниками. Фарсовой является также знаменитая сцена, когда Титания ласкает Основу с ослиной головой. Но есть в «Сне в летнюю ночь» и юмор иного, более высокого порядка. Он связан с историей четырех молодых людей, когда они находятся в лесу.

Шекспир с большим поэтическим пафосом воспеал любовь как одно из самых прекрасных и возвышающих проявлений человеческой природы. Такой именно предстает перед нами любовь в «Ромео и Джульетте». Но если там Шекспир показал нам трагедию любви, разбившейся о враждебные ей жизненные условия, то в «Сне в летнюю ночь» Шекспир изобразил комедию любви.

Если любовь может поднять человека до высот истинного героизма, как мы это видим в «Ромео и Джульетте», то бывают и такие жизненные ситуации, когда увлеченность своей страстью делает человека смешным. Любовь иногда заставляет человека совершать странные, причудливые поступки. Об этом очень ясно говорит в комедии мудрый Тезей. Сумасшедший, поэт и влюбленный, замечает Тезей, одинаково поддаются воле своего воображения и, находясь под его влиянием, способны наделать тысячи глупостей (V, 1).

Когда человек руководствуется только чувством, он нередко ошибается. Чувства обманчивы, и человек, поддавшись воображению, может ошибиться в своих привязанностях. Так, Деметрию кажется сначала, что он любит Гермию, а потом его чувство переносится на Елену, и он убеждается в том, что первое влечение было ошибочным. Мы знаем, что в комедии метаморфоза чувств юношей и девушек, бежавших в афинский лес, вызвана чарами того волшебного цветочного сока, который Добрый Малый Робин выжал им в глаза. Но если здесь случай представлен в фантастическом образе веселого лесного духа, то это лишь символ того, что может произойти с человеком и в реальной жизни, когда стечение обстоятельств заставит его менять свои симпатии и привязанности самым неожиданным образом.

Эта переменчивость чувств и ослепление, вызываемое ими, достигают своей кульминации тогда, когда Титания под воздействием чар влюбляется в Основу, как если бы он был изумительным красавцем.

Комическое, следовательно, проявляется в «Сне в летнюю ночь» как причудливая игра человеческих чувств, заставляющих героев совершать странные поступки и менять свои симпатии самым необъяснимым образом. Весь этот массив комедии проникнут тончайшей иронией, с какой Шекспир смотрит на странные причуды человеческого сердца. И если он посмеивается над этими героями, проявляющими непостоянство чувств, то в смехе его нет и тени осуждения или сарказма. Ирония Шекспира добродушна. Хотя юным героям и может казаться, что они на грани трагической потери всякой возможности счастья, Шекспир знает, что юность склонна преувеличивать страдания, вызывае-

мые неудачами в любви. В этой комедии, как и в других, Шекспир знает, что истинная любовь победит все препятствия. Тем более должна она победить в сказочном мире, возникающем перед нами в комедии «Сон в летнюю ночь», ибо в сказке добро и все лучшие начала жизни всегда одерживают победу. А «Сон в летнюю ночь» — сказка, полная чарующей прелести, рисующая вымышленный мир, в котором трудности и противоречия жизни преодолеваются легко, по мановению волшебства. Это сказка о человеческом счастье, о свежих юных чувствах, о прелести летнего леса, в котором происходят чудесные и необыкновенные истории.

Художественная смелость Шекспира проявилась в том, как не принужденно сочетал он тончайшую поэзию с самой низменной прозой, волшебную фантастику с фарсом. Именно потому, что он уже сознавал силу своего искусства, он мог так посмеяться над ремесленниками с их примитивным театром и стремлением к натуралистическим подробностям.

Мы не знаем точно, как ставилась комедия «Сон в летнюю ночь» шекспировской труппой. Даже если кое-какие машинные приспособления и применялись при постановке, в основном театр того времени мог рассчитывать главным образом все же на то, что зритель сумеет многое вообразить. Весь сюжет комедии — это смелый полет творческой фантазии драматурга, и от зрителя требовалась способность поддаться игре воображения художника, проникнуться ею, забыв о всех рассудочных требованиях натуральности и правдоподобия.

Мы можем сказать, что ирония пронизывает не только сюжет комедии, но и всю ее художественную структуру. Автор как бы говорит нам: все, что вы видите, конечно, фантазия, шутка, но и в фантазии, и в шутке есть доля правды.

«Сон в летнюю ночь» — вызов художника всякого рода педантизму и догматизму в искусстве, и можно представить себе Шекспира, который, перефразируя слова Гамлета, как бы говорит: «Есть многое в искусстве, друг Горацио, что и не снилось философии твоей». И действительно, эта комедия не укладывается в рамки одного определенного жанра. В ней столько разнообразия вымысла, поэтического взлета, иронии, шутовской буффонады, тонкой психологии, лирики и фарсовых положений, что даже не верится в возможность совместить все это в одном произведении. И, однако, созданная Шекспиром поэтическая форма оказалась настолько емкой, что для всего нашлось место и все слилось в такое нерасторжимое единство, когда уже трудно отделить вымысел от правды. Нам, зрителям, остается лишь поддаться обаянию Шекспира, пойти за ним в это поэтическое царство и пробыть три часа на головокружительных высотах, где владычествуют музы поэзии, веселья и мудрости.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «СНА В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

Стр. 134. ...в ином ключе.— Музыкальный термин, здесь означает в другом тоне — весело, радостно.

Стр. 135. ...быть заключенной в монастырь, всю жизнь прожить монахиней бесплодной.— В Древней Греции не было, конечно, ни монастырей, ни монахинь. Это — один из частых у Шекспира анахронизмов.

...роза, в благовонье растворясь...— Имеется в виду изготовление духов из роз.

Стр. 138. Клянусь крепчайшим луком Купидона, его стрелою лучшей, золотой.— Поэты отмечали стрелы Купидона с золотым острием (счастливая любовь) от стрел со свинцовым наконечником (несчастливая любовь).

Стр. 139. ...венериных голубок чистой.— Афродиту (Венеру) сопровождали целующиеся голубки.

...огнем, в который бросилась Дидона.— В «Энеиде» Вергилия рассказывается, что Дидона, царица карфагенская, после того как троянец Эней покинул ее, сожгла себя на костре.

Стр. 140. Фебея (или Феба) — одно из имен Дианы, богини ночи и луны. В данном случае Фебея — поэтическое название луны.

Стр. 142. Пирам и Фисба — герои трагической повести о любви, рассказанной в «Метаморфозах» Овидия. Содержание ее довольно верно воспроизведено в пьесе, которую дальше разыгрывают афинские ремесленники.

Еркулес.— Основа искажает имена древнегреческих богов и героев: Еркулес — вместо Геркулес, как немного дальше Фиб вместо Феб.

Стр. 143. ...не заставляйте меня играть жеишину: у меня борода пробивается! — В английском театре времен Шекспира женские роли исполнялись очень молодыми, еще безбородыми актерами.

Стр. 145. Я вам его представляю в бороде соломенного цвета.— В театре того времени цвет парика и бороды соответствовал характеру того или иного персонажа. Так, бороду рыжего цвета надевали при исполнении ролей злодеев и предателей, например Иуды. Все цвета, перечисленные Основой, очень мало подходили для роли нежного любовника Пирама.

...цвета французской кроны — чисто желтого цвета... У некоторых французских корон и вовсе никаких волос нет... Французская корона — золотая монета, то есть монета желтого цвета. Весь этот диалог построен на перекрестной игре словами: «французская корона» (монета) гола, на ней не может быть волос, но «французская корона», союпа Veneris (мед.), является последствием «французской болезни», часто приводящей в выпаданию волос.

Стр. 146. Круг в траве кроплю росой.— По народному английскому поверью, в тех местах, где выросла особенно яркая и сочная трава, водили хороводы эльфы и феи. Считалось, что овцы боятся есть эту «заколдованную» траву.

Стр. 147. Из-за ребенка, что при ней в пажих (похищен у индийского султана). — По народному поверью, эльфы и феи похищают иногда из колыбелей маленьких детей, взамен оставляя собственных.

Стр. 148. Корин и Филлида — условные имена, которые часто давались в античной, а вслед за ней и в ренессансной пасторальной поэзии влюбленным пастухам и пастушкам.

Котурнами у древних греков и римлян пазывались шнурованные башмаки на высоких каблуках. По преданию, амазонки носили котурны, тогда как обычной обувью у древних греков и римлян были сандалии.

Перигена — дочь разбойника Синниса, убитого Тезеем. После смерти отца она была некоторое время возлюбленной Тезея.

Эгмел — нимфа.

Ариадна.— См. примечание к «Двум веронцам», т. 2, стр. 541.

Антиопа — одна из амазонок.

Стр. 150. Нептуновы пески — морской песчаный берег.

Стр. 151. Весталки (в Древнем Риме) — жрицы богини Весты, принесшие обет безбрачия. «Царящая на Западе Весталка» — английская королева Елизавета.

«Любовь в праздности» — старинное английское народное название цветка «анютины глазки».

Левиафан — упоминаемое в Библии морское чудовище, которое обладало способностью передвигаться с необыкновенной быстротой.

Стр. 153. Грифон (или гриф) — сказочное хитрое животное, имеющее туловище льва, а голову и крылья — орла.

Стр. 154. ...на нем афинские одежды. — Афиняне носили плащи особого покроя.

Стр. 161. ... пусть этот Пролог доложит публике... — Актер, произносивший пролог, сам назывался Прологом.

... пусть уж будут восьмисложные с восьмисложными и. — Чередование восьмисложных (то есть четырехстопных) и шестисложных (то есть трехстопных) стихов было обычным в английских народных балладах. Но некоторые баллады были написаны сплошь восьмисложными стихами. Основа полагает, что более длинные строки придадут прологу больше пышности.

Стр. 162. Поглядите в альманах. — Альманахами называли в старину подробные календари, содержавшие некоторые астрономические и астрологические сведения.

Как только отговоришь свои слова, так ступай в кусты. — Кусты при случае заменяли актерам кулисы.

Стр. 163. Клянусь, мы встретимся у Ниновской гробницы. — Имеется в виду Нинова гробница, т. е. гробница легендарного ассирийского царя Нина, основателя города Ниневии, столицы Ассирии. Дудка говорит неправильно, так же как и дальше, когда он называет гробницу Ниневей.

Стр. 164. Чего тебе видеть, кроме собственной ослиной головы? — Одна из ходячих во времена Шекспира остроум. Юмор ее в данном случае усиливается тем, что Основа еще не знает о постигшем его превращении.

Стр. 165. Кто ей скажет, что она врет, сколько бы она ни кричала свое «ку-ку»? — Здесь Шекспир не упускает случая сыграть на созвучье слов: cuckoo — «кукушка» и cuckold — «рогоносец».

Стр. 167. ... великан Ростбиф пожрал не одного члена вашей семьи. — Горчица считалась весьма лакомой приправой к мясу.

Стр. 171. Помчусь быстрее всех татарских стрел. — Купидон обычно изображался держащим в руках изогнутый лук с перехватом посередине. Лук такой формы называли во времена Шекспира «татарским» в отличие от прямого английского лука. Поэтому и стрелы Купидона — «татарские».

Стр. 174. ... как бы два поля, что в одном гербе увенчаны нашлемником единым. — Дворянские гербы состояли из двух половинок (полей) с изображением так называемых геральдических зверей (львы, единороги и тому подобное), которые увенчивались перемычкой («нашлемником»).

Стр. 176. Прочь, эфиопка! — Эфиопов считали уродливыми главным образом по причине черного цвета кожи. Лизандр называет Гермнию «эфиопкой» для того, чтобы оскорбить ее. С этой же целью он называет ее ниже «смуглой татаркой».

Стр. 177. Раскрашенная жердь — украшенное «майское дерево».

Стр. 179. ...карлица, пигмейка, зачатая на спорынье! — Существовало поверье, что спорынья задерживает рост детей.

Стр. 181. Быстрее летят драконы черной ночи. — В древности движение солнца объясняли тем, что бог солнца Феб в своей колеснице едет по небу. Соответственно этому течение ночи рисовалось в виде катящейся колесницы божества ночи. Но колесница Феба запряжена белыми конями, а колесница ночи — черными драконами.

Аврора — богиня утренней зари. «Звезда Авроры» — планета Венера, которую называют также «Утренней звездой».

...ее завидев, духи... спешат домой... — Считалось, что духи бродят только во мраке и не показываются после восхода солнца.

Стр. 185. сыграйте мне что-нибудь на щипцах и на костяшках. — В Г имеется ремарка, которую можно истолковать в том смысле, что здесь дело идет о деревенской «шумовой» музыке, стбивающей лишь ритм ударами щипцов о кости.

Стр. 187. Прогони, цветок Дианы, Купидона все обманы! — Диана, древнеримская богиня девственности, противница Венеры и Купидона.

Стр. 188. ...затравили мы медведя спартанскими собаками. — Спартапские псы, по утверждению древних авторов, отличались особенной лютостью.

Стр. 189. ...ведь Валентинов день прошел, а птички только начали слетаться. — По народному поверью, в день святого Валентина (14 февраля) птицы прилетают с юга.

Стр. 192. Потерял он шесть пенсов в день на всю жизнь. — Дудка надеялся, что Основа за хорошо сыгранную роль получит от Тезея пожизненную пенсию. Такие случаи бывали при английском дворе. Так, например, пожизненную пенсию получил актер Престон.

Стр. 196. Фракийский певец — легендарный Орфей, о котором рассказывалось, что после смерти своей жены Эвридики он погрузился в мрачное отчаяние, чем вызвал гнев вакханок, растерзавших его за это.

«Плач муз, скорбящих о судьбе Науки...» — вероятно, намек на поэму Спенсера «Слезы муз» (1591).

Стр. 198. Не думайте. Коль мы не угодим, что может быть, и т. д. — Пигва делает паузы не там, где следует, что местами придает тексту смешной или обидный для слушателей смысл. Он должен был сказать: «Мы не жалеем своего труда. Вас оскорбить не входит в наши цели» — и так далее.

Стр. 201. Липандр — вместо Леандр. — См. примечание к «Двум геронцам», т. 2, стр. 540.

И я, пока жива, верней Елены. — Елена Спартапская, конечно, плохой пример женской верности.

Шафал — вместо Кефал; Прокруса — вместо Прокрида. — Кефал — герой древнегреческого сказания, покончивший с собой после гибели жены.

Стр. 203. «Двурогу луну фонарь являет сей, а я — тот человек, что обитает в ней». — В старину пята на луне принимали нередко за очертания человеческой фигуры. Считалось, что

это какой-то великий грешник (например, Каин), который в наказание за свои грехи осужден жить на луне.

Стр. 205. Какие же он кости слагает? — Деметрий шутит, играя словами. Основз говорит о своих костях, Деметрий — об играль-ных костях.

Стр. 206. Вы, три сестры, сюда скорей!.. — Три сестры — Парки, богини судьбы. Они якобы пряли нить жизни человека и, когда она достигала определенной, предназначенной ими длины, обрезали ее. Тогда человек умирал.

Угодно вам посмотреть эпилог или прослу-шать бергамаский танец!.. — Основа по обыкновению пу-тает слова. Он хочет сказать: «прослушать эпилог и посмотреть танец». Бергамаский танец — веселый народный итальянский танец.

Стр. 209. Коль я не смог вас позабавить, и т. д. — Этот монолог, являющийся эпилогом всей пьесы, Прэк произносит, обра-щаясь к зрителям.

«ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУНЕЦ»

Пьеса эта до фолио 1623 года была отдельно издана дважды: в первый раз — в 1600 году под заглавием «Превосходнейшая история о венецианском купце. С чрезвычайной жестокостью еврея Шейлока по отношению к сказанному купцу, у которого он хотел вырезать ровно фунт мяса; и с получением руки Порции посредством выбора из трех ларцов. Как она неоднократно исполнялась лорда-камергера слугами. Написана Уильямом Шекспиром»; во второй раз в 1619 году, под тем же заглавием, но без указания на постановку. Разница между этими двумя изданиями и между ними и текстом в фолио 1623 года очен невелика.

Пьеса содержит несколько намеков на сенсационный процесс при-дворного врача, португальского еврея Родриго Лопеса (который был казнен 7 июня 1594 г.), и Антонио Переса, претендента на португаль-ский престол, жившего в Лондоне, — обвиненных в попытке отравить королеву Елизавету. Самый яркий из этих намеков содержится в сцене IV, 1: «Твой гнусный дух жил в волке, повешенном за то, что грыз лю-дей (по-латыни волк — *lupus*, откуда происходит испано-португальская фамилия Лопес). С другой стороны, в двух письмах к Роберту Сесилию, лорду Берли, канцлеру Елизаветы, от 27 октября и 10 ноября 1596 года Фрейсис Девисон насмешливо называет общего их врага Эссекса «святым Гоббо», что предполагает знакомство с «Венецианским купцом», вероятно, незадолго перед тем представленным. Эти обстоя-тельства, а также значительная зрелость языка и версификации комедии делают наиболее вероятным возникновение ее ранней осенью 1596 года.

Историю о жестоком заимодавце, пытавшемся вырезать, согласно условиям векселя, фунт мяса у несправного должника, в соединении с необычным сватовством юноши, ради которого этот купец занял деньги, рассказывается в целом ряде средневековых произведений. Пря-мым источником послужила Шекспиру новелла (день IV, новелла 1) из сборника «Овечья голова» Джованни Фьорентино, составленного около 1378 года, хотя напечатанного впервые лишь в 1558 году. Именно из всех дошедших до нас версий сказания только в этой содержится на звание Бельмонте и мотив кольца, отданного в награду искусному адво-кату. Хотя сборник Джованни Фьорентино был переведен на англий-ский язык только в XVIII веке, вполне допустимо, что уже во времена

Шекспира существовал более старый перевод его, который он мог прочесть в рукописи.

В повелле рассказывается, что молодой венецианец Джаннетто, воспитанник купца Ансальдо, путешествуя, познакомился в Бельмонте с прекрасной и богатой молодой вдовой, поставившей всем искателям ее руки условие — овладеть ею в первое же любовное свидание; в противном случае прстендент должен отдать ей все свое состояние. Хитростью алчной вдовы заключается в том, что она дает выпить влюбленному снотворный напиток. Ансальдо дважды снаряжает Джаннетто в путь, и тот дважды терпит неудачу. Он хочет попытаться счастья в третий раз, и добрый Ансальдо, уже совсем разоренный им, занимает для этой цели десять тысяч дукатов у еврея ростовщика на тех же самых условиях, как в пьесе Шекспира. Однако на этот раз служанка вдовы, тронутая красотой и достоинством Джаннетто, предупреждает его о напитке. Джаннетто незаметно выливает его и достигает своей цели. Но среди радостей любви он забывает о сроке векселя и вспоминает об этом слишком поздно. Он все же устремляется в Венецию, так как Ансальдо, прощаясь с ним, сказал, что единственное его желание в случае неудачи Джаннетто — увидеть его перед смертью. Жена следует за ним и, переодевшись адвокатом, выступает на суде. Все происходит так, как у Шекспира, за исключением того, что ростовщик не подвергается никакой каре. После этого мнимый адвокат выпрашивает у Джаннетто кольцо, подаренное ему женой, и когда Джаннетто, привезя с собой Ансальдо, снова встречается с женой в Бельмонте, она обвиняет его в неверности, но затем раскрывает секрет. В заключение Ансальдо женится на служанке, которой Джаннетто обязан своим счастьем.

Шекспир кое-что изменил в этой фабуле и довольно многое добавил от себя. Прежде всего он заменил мотив сонного напитка мотивом трех ларцов, который он заимствовал из совершенно другой истории, рассказанной в латинском сборнике новелл «Римские деяния», возникшем в XIII веке и изданном в английском переводе в 1577 году. Но, по-видимому, Шекспир уже нашел соединение мотива ларцов с историей жестокого ростовщика в недошедшей до нас пьесе «Еврей», ставившейся, по показанию Госсона («Школа обманов», 1579), в театре Бик. Однако, привлекая во внимание свидетельство пуританина Госсона, который хвалит эту пьесу за то, что она «не оскорбляет никакими непристойностями ни зрения, ни слуха чистых душою зрителей», можно сказать, что пьеса эта, при всей возможной сюжетной близости ее к «Венецианскому купцу», по своему характеру имела с ним мало общего. Едва ли также повлияла на него другая, тоже не сохранившаяся пьеса — «Венецианский еврей» Деккера (дата неизвестна).

Скорее можно говорить о влиянии на Шекспира пьесы Марло «Мальтийский еврей» (1588), откуда он взял краски для обрисовки характера Шейлока и мотив любви дочери жестокого еврея к христианину (Джессика — Лоренцо), не считая нескольких прямо заимствованных выражений.

Опуская более мелкие подробности, отметим важнейшие добавочные черты, введенные Шекспиром в его пьесу. Они относятся не столько к ее сюжету в собственном смысле слова, сколько к построению характеров и через это — к идейному содержанию комедии. Это мотивировка (совершенно отсутствующая в повелле) ненависти Шейлока к Антонию; культ дружбы, соединяющий Антонию с Бассанио (вместо полуродственных отношений между ними), делающий отношения между ними более трогательными; знаменитый монолог Шейлока о праве еврея быть человеком (III, 1); благородный характер Порции и влюбленность ее в

Бассанио; речь ее о «милости» на суде; широкий показ ее женихов и различного их поведения во время предложенного им испытания; развитие образа Нериссы (служанка из новеллы) и заключительный брак ее с Градиано, а не с Антонио (Ансальдо), что безусловно поднимает последнего; шутивно-лирическая сцена в пятом акте, полная философского смысла; наконец, веселые интермедии с Ланчелотом Гоббо и его отцом. Всего этого более чем достаточно для признания глубокой оригинальности пьесы, являющейся одним из шедевров Шекспира.

Своеобразие этой комедии заключается прежде всего в особенном полусказочном-полуновеллистическом тоне, который ее пронизывает. Мало можно найти комедий Шекспира, где неправдоподобие и подчеркнутая условность положений, характеров, всего сюжета были бы так заметны. Несостоятельность аргументов Порции-адвоката давно уже была отмечена юристами. Не нужно быть особенно ученым законоведом, чтобы признать, что в любую эпоху и в любой стране закон не мог не разрешать займодавцу взять меньше, чем то, на что он, согласно договору, имел право, и что кровь должна считаться частью тела, поскольку она неотделима от него, подобно тому как вместе с яблоком покупается и его кожура, а вместе с комнатой сдается и содержащийся в ней или притекающий в нее воздух. Невероятно также, чтобы наивная загадка с тремя ларцами не была разгадана давно уже до Бассанио одним из предшествовавших ему женихов Порции или чтобы Порция не нашла способа намекнуть полюбившемуся ей Бассанио, па какой из ларцов ему следует указать. Почему Антонио с первого появления его в пьесе все время томит какая-то непонятная грусть? Почему друзья Антонио, так ему преданные (см. сцену суда), не пришли ему заблаговременно на помощь, одолжив необходимую сумму? Как мог Бассанио забыть о сроке векселя, подписанного лучшим его другом Антонио на таких страшных условиях, чтобы достать для него, Бассанио, деньги, составившие счастье всей его жизни? Не приводя других примеров такого рода, отметим лишь, что все эти условности и натажки придают пьесе, несмотря на чувственный оттенок ее и материальную яркость и пластичность образов, какой-то фантастический, иллюзорный оттенок, делающий ее слегка похожей на типичные пьесы-сказки Шекспира, как «Сон в летнюю ночь» или «Буря». Не без основания поэтому в своей постановке «Венецианского купца» (в начале XX в.) немецкий режиссер Макс Рейнгардт трактовал его как мимолетную интригу, легкую игру мыслей на фоне происходящего в Венеции карнавала (см. сцену — II, 4).

Другой особенностью, также придающей пьесе большое своеобразие, является богатство ее идейного содержания и многогранность, доходящая почти до противоречивости, ее ведущих характеров. Две тьмы, как будто бы не имеющие между собой ничего общего, выделяющиеся среди множества мыслей и тенденций комедии, это — тема отношения человека к имуществу, собственности, и тема дружбы как одного из главных устоев светлой, гармонической жизни — именно дружбы, соединяющей благородные натуры независимо от их пола, а не любви между мужчиной и женщиной, которой в пьесе, собственно говоря, и нет; ибо чувство, соединяющее Бассанио и Порцию или Лоренцо и Джессику, менее всего можно назвать страстью: это просто склонность, влечение, имеющее целью наслаждение и счастливую дружную жизнь.

Первая тема выразительнее всего представлена сюжетной линией Шейлока и Антонио, о которой мы подробнее скажем ниже. Но она появляется, хотя и слабее, и в других частях пьесы. Мы не находим в ней ни малейшего намека на презрение к земным благам, на пренебрежение

к богатству. Антонио при всей его щедрости производит торговые операции, относясь к ним как к делу естественному и вполне благородному. Бассанио откровенно стремится к женитбе на богатой наследнице. Да и Порция, умелая и разумная хозяйка, отнюдь не равнодушна к своему достоянию. Джессика, убегая из отцовского дома с Лоренцо, не забывает захватить с собой фамильные драгоценности. Но для всех них деньги — лишь средство, обеспечивающее им светлую и привольную жизнь, а не самодель, как для Шейлока, влюбленного в деньги, одержимого жадной накопления и способного пойти на все ради приумножения своего капитала.

Вторая тема, тема дружбы, занимает в пьесе не менее видное место. Культ дружбы, столь типичный для культуры и литературы Возрождения, можно рассматривать как естественный, закономерный ответ гуманистов на безудержную и беспощадную погоню за наживой, все более охватывающую активные элементы общества в век зарождения первоначального капиталистического накопления. Лозунгу «человек человеку — волк» гуманизм противопоставил лозунг человеконости, милосердия, дружбы. Как дополнение и корректив ко все более утверждающейся в национальных монархиях XVI века идее «легальности», железной и бездушной, не признающей никаких исключений «законности», выдвигается доктрина милосердия («милости»), к которой призывает в сцене суда адвокат — Порция) как необходимого корректива, без которого нет в жизни человека красоты и радости, без которого, — как в случае Антонио — Шейлок, — по выражению юристов, *summum ius* (высшее право) становится *summum iniuria* (высшее несправедливое). Одной из форм этого светлого альтруизма, украшающего и обогащающего человеческую жизнь, и является идея дружбы, занимающая также огромное место в творчестве Шекспира (его сонеты, дружба Валентина и Протей в «Двух веронцах»), где дружба поддерживает содействие с любовью; дружба Гамлета с Горацио, дружба Селии с Розалиндой в «Как вам это понравится» или Ромео с Меркуцио). Такова же дружба Бассанио и Антонио, который готов отдать своему молодому другу все, что ему принадлежит, и даже то, чего у него нет. И эта тема дружбы в данной комедии глубоко связана с мечтой о более прекрасной жизни, в которой деньги должны служить человеку, не делая его рабом. Вот в чем заключается связь двух тем, образующая сложное идейное единство этой чудеснейшей пьесы.

Два мира противопоставлены здесь друг другу. Один — мир радости, красоты, великодушия, дружбы; его составляют Антонио с группой его друзей, Порция, Нерисса, в известной мере Джессика. Другой — мир хищничества, скардености и злобы; его составляют Шейлок, Тубал и их присные, которые не показаны в пьесе, но ощущаются как ее фон. Если в предыдущих комедиях возможно было примирение, превращение злых в добрых (Протей), то здесь это исключено. Между двумя мирами идет война не на жизнь, а на смерть.

Трудно сказать, которая из двух сторон начинает нападение, которая из них более агрессивна: обе они одинаково, еще до начала действия, презирают и ненавидят друг друга. Лица первой группы смотрят на жизнь с доверием, они ощущают ее красоту, их душа открыта всему радостному, прекрасному, благородному. Таков прежде всего сам Антонио, который из природного великодушия одалживает деньги, никогда не беря за это процентов, который исповедует настоящий культ дружбы. Таковы же и все другие члены этого кружка, друзья Антонио. Напротив, Шейлок и ему подобные не знают ничего, кроме сухого расчета и корысти. Им недоступны жалость, душевная щедрость, милосердие. Это хорошо показано в четвертом акте пьесы, в сцене суда, когда

Порция в своей замечательной речи о «милости» тщетно призывает Шейлока проявить по отношению к Антонио великодушие.

Разница между этими двумя душевными складами очень тонко обозначена Шекспиром одним поэтическим образом. В пятом акте, этом своеобразном музыкальном финале к сказочному действию, говоря о «небесной музыке», о «гармонии небесных сфер», которая в эту дивную ночь слышится ему и его возлюбленной, Лоренцо отмечает свойство музыки очаровывать и смягчать человеческие сердца. Он прибавляет:

«Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб».

Такая угрюмая, темная душа — у Шейлока, который не ощущает и не может создать себе гармонию жизни, который не носит в своей душе музыки.

Многие западные критики пытаются изобразить столкновение между Антонио и Шейлоком как противопоставление идеалов христиан-европейцев идеалам еврейства. По их мнению, Шекспир хотел разоблачить в «Венецианском купце» порочность евреев и написал, таким образом, антисемитскую пьесу. Это, конечно, есть грубейшее искажение замысла пьесы. В целом ряде своих пьес Шекспир проводит идею равенства людей всех рас, наций, вероисповеданий, всех общественных положений. Но почему же в таком случае он сделал Шейлока евреем? Прежде всего, эту черту Шекспир придумал не сам, а заимствовал из итальянской новеллы, послужившей ему источником. Он воспроизвел ее потому, что она соответствовала действительности. В XVI веке евреи, жившие в разных странах Западной Европы, не имея доступа к очень многим, и притом наиболее выгодным и почетным профессиям, усиленно занимались торговлей и ростовщичеством. Но самое существенное — как именно и насколько разносторонне обрисовал своего Шейлока Шекспир, ибо он дал чрезвычайно многогранный образ его. Вспомним замечание Пушкина в его высказывании о разносторонности характеров Шекспира: «Шейлок скуп, сметлив, мстителей, чадолюбив, остроумен».

Чтобы проникнуть лучше в подлинные намерения Шекспира, необходимо учесть, каково было положение евреев в Англии времен Шекспира и каков был господствующий взгляд на них в общественном мнении и художественной литературе эпохи.

С конца XIII века до времен Кромвеля (середина XVII в.) верующие евреи были лишены права жительства в Англии. Евреи, встречавшиеся во времена королевы Елизаветы в Лондоне, — по большей части иностранные подданные, вроде упомянутого выше врача Лопеса, — были редкими исключениями. За все указанные три с половиной столетия в Англии крепко держался религиозный и расовый предрассудок, и среди населения ходило немало рассказов, компрометирующих евреев. Особенно распространены они были в XVI веке, когда в связи с ростом национального сознания и патриотических чувств как искаженная форма их стал усиливаться шовинизм — нелюбовь ко всему иностранному, насмешки над ним и т. п. Эти настроения проявились и в драме того времени, в частности и у Шекспира, но у него в шутиливой и весьма безобидной форме (см., например, подтрунивание над замашками и слабостями представителей разных национальностей в «Комедии ошибок», «Виндзорских насмешницах», разбираемой комедии или

выпады против французских и итальянских мод в «Ромео и Джульетте»). Но особенно остры были во времена Шекспира нападки на евреев. Госсон в своей «Школе обманов» (1579) упоминает какую-то пьесу о еврее ростовщике, шедшую в одном из лондонских театров. Модный романист эпохи Энтони Мендей обработал в 1580 году в виде романа историю о жестоком ростовщике и похищении его дочери. Существовала баллада (неизвестно, возникла ли она до пьесы Шекспира, или после нее) о еврее Герунтии и бесцердечных условиях полученного им векселя, а в своем «Руководстве красноречия» (1596) Александр Сильвен посвящает одну из глав истории еврея, требовавшего от одного христианина в уплату долга фунт мяса. Известен, наконец, успех, каким пользовалась упомянутая уже выше, возникшая лет за десять до «Венецианского купца» трагедия Марло «Мальтийский еврей», где выводится богатый еврейский банкир, который совершает ужасающие предательства и жестокости вплоть до отравления родной дочери, лишь бы отомстить христианам, посягающим на его деньги. Гуманист Джордано Бруно, побывавший в Англии в 1584 году, рассказывал потом, что в Лондоне ни один еврей, проходя по улице, не был гарантирован от худших оскорблений и издевательств. Среди этого потока злобы и ненависти редкими исключениями были такие проявления гуманности и благожелательности, как анонимная пьеса (изд. в 1584 г.) «Три лондонские дамы», где был выведен поражающий своим душевным благородством еврей. Другим примером такого отношения к евреям, но скрытого, требующего комментария, является пьеса Шекспира.

Лучшим свидетельством истинного отношения Шекспира к злым проявлениям грубого шовинизма является пьеса, коллективно написанная (вероятно, около 1600 г.) пятью авторами и в том числе, как теперь полагает большинство критиков, Шекспиром, — «Сэр Томас Мор». В той части пьесы, которая приписывается Шекспиру, есть и сцена, изображающая бунт лондонских горожан, охваченных таким зоологическим, хищническим национализмом и собирающихся разграбить товары иностранных приезжих купцов. Томас Мор, который был в ту пору лорд-мэром Лондона, выходит навстречу своим мятежным землякам и предлагает им представить себе, что бы они почувствовали, если бы они сами были на чужбине и их имущество подверглось бы опасности такого же расхищения. Вот истинное лицо Шекспира, сторонника человечности, справедливости, морального равенства всех людей, — и эти же черты, как мы покажем далее, наличествуют и в «Венецианском купце».

Еще Гейне в своей замечательной книге «Женщины и девушки Шекспира» (глава «Джессика») заметил, что «о различии религии в этой пьесе нет и речи, нет малейшего намека», как нет намека и на этнические особенности, которые автору, будь он во власти «расового предрассудка», было бы соответственно постараться изобразить в смешном или отталкивающем виде. Нигде во всей пьесе нет ни слова о каких-либо страшных суевериях и мрачных религиозных обрядах, якобы свойственных иудаизму, или о превосходстве христианской веры над иудейской. Насквозь фальшивой и грубо искажающей Шекспира следует считать тенденцию английских актеров XVII и XVIII веков, применяя соответствующую мимику, интонации, жестикуляцию, делать образ Шейлока уродливым, мерзким и часто даже комическим. Текст не дает для этого ни малейшего основания. Дело в том, что Шекспир строго различает в Шейлоке, с одной стороны, хищного ростовщика, с другой стороны — еврея как человека, имеющего такое же право на существование, как и окружающие его венецианцы. Сильнее всего это

подчеркнуто Шекспиром в знаменитом монологе Шейлока (III, 1), в котором доказывается тождественность природы всех людей независимо от их религии и этнической принадлежности, с помощью аргументов физического тождества их строения, которые не раз повторяются у Шекспира (например, в пьесе «Конец делу венец» — слова короля к графу Бертраму; II, 3). Тот, кто прочел его один раз, никогда не забудет этих страстных, потрясающих в своей справедливости восклицаний Шейлока: «Он меня опозорил... насмеялся над моими убытками, издевался над моими барышами, поносил мой народ... А какая у него для этого была причина? То, что я еврей. Да разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей?.. Если нас уколоть, разве у нас не идет кровь?.. Если нас отравить, разве мы не умираем? А если нас оскорбляют, разве мы не должны мстить?»

Зритель на одно мгновение забывает весь ход пьесы, характер Шейлока, его жестокость и весь проникается сочувствием к нему как к человеку, к его угнетенному человеческому достоинству. Некоторые критики справедливо называют этот монолог лучшей защитой равноправия евреев, какую только можно найти в мировой литературе. Но это не мешает Шекспиру сурово осуждать кровопийцу Шейлока и клеймить его ростовщическую деятельность и мстительность. Эта широта и сложность подхода Шекспира к образу Шейлока проявились между прочим, и в сложности его характера.

Осуждение власти денег и золота выражено в пьесе не только в связи с действиями Шейлока. Та же самая мысль повторена, в более общей и скрытой форме, в сцене выбора ларца (III, 2). Бассанио отвергает золотой ларец, называя золото «личиной правды», которая прикрывает всякое уродство и порок. Он презрительно отталкивает и серебро второго ларца, которое он называет «тусклым, пошлым посредником между людьми». Им обоим он предпочитает «прямой» и «честный» свинец — и действительно, в свинцовом ларце он находит портрет Порции и свое счастье. И крайне примечательно для идейного единства пьесы то, что в этой сцене Бассанио от темы золота так естественно переходит к теме правды, которая есть основа мира гармонии, греющейся всем чистым и светлым душам, и которая искажается, уничтожается золотом.

Но дело сводится не только к наличию в злодее и хищнике чело века. Надо посмотреть, как этот хищник возникает в человеке и как Шекспир понимает соотношение ростовщической профессии с окружающей средой.

Надо посмотреть также, как рисует он связь между жестокими на выками Шейлока и самыми естественными человеческими началами в его душе.

Шекспир изображает Шейлока не только как парост на теле Венеции, не только как бич ее, но и как продукт и жертву ее уклада, самого ее строя. Шекспир хорошо знал, что Венеция его времени была образцом торговой республики, все благосостояние и политическая сила которой покоились на той «коммерческой честности», которая составляла и основу английского пуританства, уже медленно подбирившегося в ту пору к политическому господству. Ведь если нарушить хоть один раз условил векселя, законные права займодавца, этим будет создан опасный прецедент, Венеция сразу потеряет свой внешний кредит, свою основу и мощь! Вот почему в сцене суда ни все сенаторы, ни сам дож, как им ни хотелось бы спасти Антонио, не решаются вмешаться и нарушить «священную» букву закона, так для них важную. И Шейлок этим пользуется. Поскольку он лишен поло-

жения в обществе, титулов, даже равноправия, ему не остается ничего другого. «Отнимая у меня имущество, вы отнимаете у меня жизнь!» — восклицает он в сцене суда. И эти слова, так потрясавшие звучавшие в исполнении Кина (1814), положившего начало новой, трагической трактовке этой роли, служат ключом к пониманию всей сущности конфликта между торговой венецианской знатью и страшным, несчастным евреем.

Пушкин указал на сложность характера Шейлока. Но им указаны еще не все положительные или, скажем, достойные человека черты его характера. Надо вспомнить не только его чадолюбие, но и былую верную и трогательную любовь к покойной жене. Ее кольцо, которое Джессика захватила с собой и потом променяла на приглянувшуюся ей обезьянку, дорого Шейлоку не только как денежная ценность (вспомним его восклицания: «Восемьдесят дукатов!..»), «Две тысячи дукатов!» III, 1), но и как память жены. Деньги, вообще говоря, для него не самое главное: дочь дороже ему, — до той минуты по крайней мере, пока она не бежала от него, а, может быть, даже, несмотря на его проклятья, и после того.

Еще дороже, пожалуй, честь, хотя иногда она облекается в страшную форму: иногда это внешнее достоинство, внутренняя гордость, с какой он держит себя с венецианцами, иногда неутолимая, ни перед чем не останавливающаяся месть.

И хотя в объяснении причин его ненависти к Антонио (I, 3) и звучит несколько разных мотивов, главным из них выделяются все же оскорбления, которыми Антонио осыпает его и которых честь Шейлока не может перенести.

Шейлок говорит в лицо своим противникам горькие истины, выраженные Шекспиром в такой прозрачной и убедительной форме, что сам поэт не мог не чувствовать их правдивости. Самая яркая из них — речь Шейлока, обращенная к дожу (IV, 1) о рабах, которых венецианцы не хотят «из милости» отпустить на волю. Шейлок претендует лишь на свое денежное имущество, дож — на живых людей. Не только в своем знаменитом монологе, но и в ряде других мест душевно сложный, хищный и ужасный, но всегда зоркий и разумный, а иногда человеческий Шейлок служит рупором мыслей Шекспира. А иногда своим рупором он делает (как в других пьесах) шутовские персонажи, как, например, в созвучном той же распре, отмеченном Гейне (там же) дерзком замечании Ланчелота Гоббо о переходе Джессики в христианство.

Характер Джессики дополняет образ Шейлока. Гейне в названной статье осыпает укорами эту бездушную дочь, стыдящуюся своего отца, не забывающую при своем побеге ограбить его, при несомненной своей внешней привлекательности несущую на себе какой-то налет цинизма. «Этот отец, которого она покинула, ограбила, которому изменила, был не жестокий, но любящий отец... Гнусная измена! Джессика даже действует заодно с врагами Шейлока, и, когда они в Бельмонте говорят про него всякие скверности, она не опускает глаз, ее губы не бледнеют, но сама она говорит про своего отца самое дурное... У нее нет души, есть только ищущий приключений ум».

Есть одна довольно слабо уловимая, но многозначительная подробность. Многие девушки Шекспира, чтобы соединиться с любимым человеком, передеваются юношами (Джулия в «Двух веронцах», Розалинда в «Как вам это понравится»). Они при этом ведут себя не принужденно, игриво шутят по поводу своего нового положения, деталей своего мужского костюма. Но в каждой из них ощущается какая-то деликатность, трогательная нежность. Джессика, напротив,

держит себя (II, 4 и 6) с подчеркнутой развязностью, и ее шутки о том, что «неся факел, она будет освещать свой собственный стыд», удовлетворение тем, что ночь скроет ее «стыд» и т. п., — носят демонстративно-пикиантский характер, оттенок какого-то бесстыдства. Сопоставление ее с Шейлоком акцентирует горечь, которую он испытывает, и трагизм его судьбы.

Из других характеров увлекателен и разработан лишь характер Порции, веселой, нежной и любящей радости жизни, истинной девушки Ренессанса, в момент рождения которой «в небе плясала звезда». Остальные фигуры, начиная с бесцветного Антонио и банального Бассанио и кончая второстепенными персонажами, как индивидуальные лица, не представляют большого значения.

Но для глубоких мыслей и ведущих образов этой пьесы Шекспир создал замечательную по живописности рамку. Немногими, но выразительными штрихами он передал атмосферу венецианской жизни эпохи — совмещение в ней кипучей деловой деятельности с праздничным духом, весельем и жадной насладжений. Этот светлый фон смягчает драматические моменты пьесы. По понятиям того времени, отчасти сохранившим значение и сейчас, «Венецианский купец» считался комедией, так как исход пьесы — счастливый. Ее светлое, оптимистическое настроение еще усиливается вставленными в нее Шекспиром (и, конечно, отсутствовавшими в его источниках) многочисленными шутками и комическими сценами, особенно теми, в которых участвует весельчак Ланчелот Гоббо. Но особенно радужный характер придает пьесе ее лирный акт, в котором красота природы, любовь и радость по поводу победы над злым началом слились в очаровательную лирическую картину.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА»

Стр. 211. Действующие лица. — Шейлок — еврейское имя, встречающееся в Италии в форме Scialossa. Имя Тубал встречается в Библии (Книга Бытия, X, 2), так же как и Джессика (Есха. — Там же, XI, 29).

Нерисса — итальянское Nericcia — черненькая, черноволосая.

Фамилия Гоббо существует в Италии, но встречается также и на английской почве (в Тичфилде).

Главной героине пьесы Шекспир по неизвестной причине дал римское имя Порция (имя жены Брута, противника Цезаря).

Нет оснований представлять себе Шейлока (как это обычно делается на сцене) глубоким стариком. Хотя он и назван два раза в пьесе «старым» (old), выражение это применялось иногда в ту эпоху к людям, достигшим сорока лет (см. замечания о возрасте Гамлета и Отелло в комментариях к соответствующим пьесам). Напротив, исходя из того, что ничего не говорится о его сединах или других признаках старости, и из того, что Джессика, которой, надо думать, лет пятнадцать или шестнадцать, изображена как единственное дитя, можно считать, что Шейлоку от сорока до пятидесяти лет.

В отношении имен Салерио, Саланио и Саларино в различных Q и F наблюдается путаница, в результате чего в некоторых изданиях XIX века Салерио совсем выпадает, что неправильно.

Стр. 214. ...срывал траву, чтоб знать, откуда ветер... — Травинка, брошенная в воздух, своим полетом показывает направление ветра.

Стр. 214. Студя мой суп дыханьем, я в лихорадке бы дрожал от мысли...—В подлиннике сказано более сложно: «Мое дыхание, студя мой суп, надуло бы мне лихорадку...».

Стр. 215. Нестор—один из персонажей «Илиады»; здесь приводится как образец серьезности, не любящей смеха.

Стр. 216. ...тем, кто их слыша, ближних дураками назвал бы, верно.—Шуточный намек на Евангелие Матфея: «Тот, кто называет братьев своих глупцами, достоин адского огня».

Стр. 218. Ей имя—Порция, она не ниже супруги Брута, дочери Катона.—Упоминаемая здесь римлянка Порция выведена Шекспиром в трагедии «Юлий Цезарь».

Стр. 220. О, это настоящий жеребенок.—Неаполитанцы в XVI веке славились как превосходные наездники.

Затем пфальцграф.—Думают, что здесь содержится намек на некоего польского пфальцграфа Альберта-а-Ласко, который в 1583 году уезжал в Лондоне роскошную жизнь, а затем, наделав долгов, скрылся.

Стр. 221. ...о шотландском лорде...—так стоит в Q, напечатанном до восшествия на престол Якова I, родом шотландца (1603). Но после этого насмешки над шотландцами, хотя бы самые невинные, были признаны цензурой недопустимыми, и поэтому она здесь подставляет: «о другом лорде».

Кажется, француз был его поручителем и подписался за него.—Намек на обещания, неоднократно дававшиеся Францией поддерживать Шотландию в ее борьбе против Англии.

Стр. 223. Будь у него нрав святого, а лицо дьявола...—Намек на черный цвет кожи Марокканского принца.

Стр. 224. Риальто—островок в Венеции, где помещалась биржа.

...пророк-назарянин.—Иисус Христос, который, согласно легенде о нем, провел детство в городе Назарете, в Палестине. В евангелии рассказывается, что Иисус изгнал из одного «одержимого» бесов, которые будто бы переселились из его тела в стадо свиней. Поэтому Шейлок называет свинью «сосудом, в который Иисус загнал бесов заклинаниями». На самом деле религиозный запрет евреям есть свинину не имеет ничего общего с этой легендой о бесах.

Мытарь—старинное слово, обозначающее сборщик податей (в Древней Иудее).

Стр. 225. Иаков—один из «патриархов», о которых рассказывается в Библии. Он пас стада Лавана, будущего своего тестя.

Стр. 226. ...узором ветки обдира л...—«узором», то есть фестонами, вследствие чего они становились наполовину белыми, наполовину черными, «пестрыми». От этого будто бы ягнята, матки которых смотрели на эти ветки, рождались тоже пестрыми.

Стр. 227. ...рода нашего примета.—Примета—в двойном смысле. Евреи в Венеции носили как отличительный признак своей национальности желтые шапки. Произноса слово «примета», Шейлок догадывается до своей шапки.

Стр. 231. Софи (Сефевиды)—династия персидских шахов, правившая с 1499 по 1732 год.

Сулейман—турецкий султан Сулейман II Великолепный (1495—1566), завоевавший Венгрию и едва не взявший Вену в 1529 году. Лихас—раб Геркулеса.

Алкид—потомок Алкея, то есть Геркулес.

Сначала в храм...—Порция предлагает пройти в ее домашнюю часовню для принесения клятвы.

Стр. 232. ...был у него этаким привкус...—Ланчелот

не договаривает своей мысли: его законный отец смахивал на рогоносца.

Стр. 234. Встаньте, синьор, встаньте...— По старинной актерской традиции, быть может, воспроизводящей замысел Шекспира, старый Гоббо в этот момент ощупывает затылок Ланчелота и не допускает мысли, чтобы у его сына могла вырасти такая густая борода (см. ниже).

Стр. 236. ...как вам объяснит мой отец...— Эта фраза, повторяющаяся несколько раз дальше, объясняется следующей сценической игрой: каждый раз, как Ланчелот произносит эти слова, он выталкивает отца вперед и становится за его спиной, а затем, едва тот начинает говорить, отстраняет его и говорит сам.

...у вас — божья благодать, а у него — деньги. — Пословица гласит: «Божья благодать лучше богатства».

Стр. 238. Глаза прикрывши шляпою...— Люди знатного происхождения обедали, не снимая шляп.

Стр. 240. ...наденем маски и вернемся; за час успеем. — Маскарад, затеянный Лоренцо, имеет целью облегчить побег Джессики среди веселой суматохи.

Стр. 242. ...надеется на ваше отвращение. — Ланчелот говорит «отвращение» вместо «посещение».

Как и я — с его стороны. — Намек на ту ненависть, которую вызовет в Бассанио Шейлок, когда ему удастся погубить Антонио.

Чистый понедельник — понедельник на Фоминой неделе, то есть первый понедельник после пасхальной недели.

Стр. 243. Покаянная среда — среда на первой неделе великого поста. Как это с ним часто случается, Ланчелот говорит бессмыслицу, так как «чистый понедельник» приходится через два месяца после «покаянной среды».

...Агари семья. — По библейскому сказанию, от Агари, служанки Авраама, прогнанной им, произошло племя измаильтян, враждовавшее с древними евреями.

Стр. 245. ...что я-то — ваша? — То есть что и я — ваша любовь.

Стр. 246. Клянусь вам клобуком моим... — Клобук — капюшон плаща, который надел, замаскировавшись, Грациано.

Стр. 247. Что скажет серебро с невинным цветом? — Белый цвет — цвет девственности.

Стр. 248. Гиркания — область Древней Персии, расположенная вдоль юго-восточного берега Каспийского моря.

Стр. 250. Не делай дела кое-как, Бассанио! Жди, чтоб оно от времени созрело. — Антонио не знает, что решение Порции не зависит от ее воли, и полагает, что Бассанио должен постепенно завоевать ее сердце.

Стр. 252. Чтoб не смешаться с пошлыми умами или сравняться с варварской толпой. — Весь облик испанского аристократа, презирающего «варварскую толпу», надменного, самоуверенного и холодного (в отличие от пылкого принца Марокканского, он ничем не проявляет своего чувства к Порции), представляет собой выпад против Испании, с представлением о которой в сознании Шекспира и его аудитории связывались образы Филиппа II, Великой Армады, инквизиции и т. п.

...накрылся б гордо тот, кто спину гнет. — Сохранять на голове шляпу в присутствии знатных особ было привилегией лиц благородных.

Стр. 253. Ужель достоин я дурацкой рожи? — Сопоставьте с этим высказанное им раньше презрение к «пошлым умам»,

и «нравоучение», выраженное в следующих словах Порции, станет ясным.

Семь раз испытан я огнем.— Это говорит про себя сереброкованого ларца.

Стр. 255. Узкий пролив — старинное название Ламанша.

Гудвинские пески — находятся в устье Темзы; там действительно передко происходили кораблекрушения.

...кажется, так оно называется.— Этими словами Шекспир подчеркивает, что говорящий — итальянец, плохо знающий эти места.

Стр. 256. ...если судьей ей будет дьявол.— То есть сам Шейлок.

Стр. 259. Это была моя бирюза... я бы не отдал ее за целую обезьянью рошу! — Камень, потерю которого Шейлок оплакивает как большую денежную ценность и как дорогое ему воспоминание, имеет, кроме того, еще символическое значение. По старинным представлениям, бирюза обладает целым рядом чудесных свойств, в том числе она: 1) предупреждает владельца ее о грозящем ему несчастье, 2) обеспечивает согласие между супругами. Отсюда двойная линия мыслей Шейлока: с одной стороны, пропажа камня острее напоминает ему о постигшей его беде, с другой стороны, он злорадно думает о том, что супружество Джессики, отдавшей камень, не будет счастливым.

Стр. 260. Как пытка? — Порция делает вид, будто повяла слова Бассанио о «пытке» в буквальном смысле. Она спрашивает его, какое же преступление он совершил, если его подвергают пытке, чтобы добиться от него признания.

Стр. 261. ...освобождаящий скорбящей Трои девственную дань... — Одним из подвигов Алкида (Геркулеса) было освобождение от морского чудовища Гесионы, дочери троянского царя Лаомедонта.

Дарданянки — троянки.

Стр. 262. На красоту взгляните.— Здесь — в смысле поддельной красоты: румян, накладных локонов и т. п.

Стр. 263. ...и диянки красоты.— Сказано здесь в ироническом смысле. См. примечания к «Двум веронцам», т. 2 стр. 541.

Полубог — в значении: гениальный, «божественный» художник.

Иль потому, что движутся мои... — В подлиннике это выражение затейливее: «Или потому они кажутся движущимися, что (победоносно) катаются на моих глазных яблоках».

Стр. 265. Мне к этому ведь нечего добавить.— В подлиннике — очень неясное выражение. Возможные толкования его: 1) «вы не можете пожелать себе ничего такого, что пришлось бы отнять у меня»; 2) «ничего такого, чего бы и я вам не пожелал»; 3) «ничего с моей стороны (поскольку вам вполне достаточно друг друга)».

Стр. 267. Как царственный купец, Антонио добрый... — Эпитет «царственный» в применении к купцу объясняется тем, что крупным итальянским купцам, торговавшим на архипелаге, предоставлялись известные административные права на некоторых островах, где они чувствовали себя почти государами, а иногда и на деле основывали самостоятельные княжества. Вообще же выражение *royal merchant* было довольно привычным в Англии, где в значении «королевский купец» оно применялось, между прочим, к Роберту Грешему, основателю Лондонской биржи, советнику Елизаветы и ее агенту в разных финансовых делах.

Стр. 268. ...из берберийских стран... — Берберией или Варва-

рией называлась вся область Африки, прилегавшая к западной части Средиземного моря.

Две Индии — Ост-Индия (сейчас называемая просто Индией) и Вест-Индия — архипелаг, лежащий между материками Северной и Южной Америки.

Стр. 272. ...души моей подобье. — «Душой своей» Порция называет Бассанно.

Стр. 274. Так пол мужской нам нужен? — В подлиннике игра слов: to turn to men — «превратиться в мужчин» и «обратиться (отправиться) к мужчинам».

Стр. 275. Я спасусь через моего мужа... — пародия на одно место из первого «Послания к коринфянам» (VII, 14): «Неверующая жена спасется через своего мужа».

Это одно предположение пока... виной ее расположение ко мне. — В подлиннике очень сложная игра слов, замененная в переводе другою.

Стр. 276. Накрыться, синьор? Ни в коем случае! Я знаю свое место. — Ланчелот делает вид, будто Лоренцо предлагает ему накрыть голову в его присутствии.

О, где ты, разум? — Разум противопоставляется здесь остро словию.

Стр. 280. Так склонность, страстей хозяйка, направляет их к любви или отвращению. — Перевод несколько упрощает выражение подлинника: for affection, mistress of passion, sways it to the mood of what it likes or loathes, заключающее в себе целую психологическую доктрину: «Склонность (порождаемая впечатлениями внешних чувств), руководя страстью (внутренним чувством), заставляет ее служить по линии ее (склонности) симпатией и антипатией». Иначе говоря: «Страсть порождается впечатлениями внешних чувств, управляется ими и служит их усилению».

Стр. 282. Передает ему письмо. — В продолжение всего происходящего диалога дож занят чтением письма.

Об душу, гнусный жид, не о подошву. — В подлиннике игра слов: sole — «подошва», soule — «душа».

...ты точишь нож. — По мнению Грациано, душа Шейлока так «жестка», что об нее можно точить нож.

О, будь ты проклят, неснеумолимый! — Inexorable — «тот, для которого не найдется достаточно сильных проклятий»; в поздних F inexecrable — «неумолимый».

Пифагор — древнегреческий философ (VI в. до н. э.), учивший о переселении души, то есть о том, что душа человека после его смерти переселится в тело какого-нибудь родившегося в этот момент животного и, наоборот, из тела умершего животного — в новорожденного младенца.

Стр. 286. Даниил — древнегреческий пророк.

Стр. 288. И не жалею, что друга ты теряешь... — Вместо Repent not (привитый нами текст F) в Q стоит: Repent but, что дает такой смысл: «Пожалей лишь (немного), что теряешь друга, а он не жалеет...» и т. д.

Стр. 289. Я дочь имею... — Довольно трудное место, которое комментаторы толкуют так: Шейлок хочет сказать: «У меня нет жены, но есть дочь, и ее я не принес бы в жертву другу», но тут он вспоминает о предательстве Джессики и, оборвав начатую фразу, восклицает: «О, лучше бы...» и т. д.

Варрава — разбойник, который, согласно евангельскому рассказу, был распят на другом кресте сбоку от Иисуса.

Стр. 290. ...хотя бы на волосок ты отклонил иглу...— Иглу весов.

Стр. 292. Да, что касается той половины, которую получит государство,— то есть лишь конфискации второй половины имущества, переходящей к государству, может быть заменена штрафом.

С меня довольно, если он запишет вторую половину на меня.— Это место ввиду неясности выражения *let me have an use* допускает несколько толкований, из которых главное следующее: 1) «пусть Шейлок отдаст мне в пользование вторую половину с тем, чтобы после его смерти я передал ее...» и т. д.; 2) «пусть Шейлок передаст мне вторую половину как доверенному лицу (фактически продолжая, с моего согласия, пожизненно пользоваться доходами с нее) с тем, чтобы...» и т. д. Второе толкование, согласующееся с бескорыстием и добротой Антонио, представляется нам более вероятным.

Стр. 293. Будь я судьей, прибавил бы десяток.— Намек на двенадцать присяжных в английских судах того времени.

Те деньги... позвольте вам за славный труд вручить.— Комическая черта: Бассанио хочет подарить Порции ее же собственные деньги.

Стр. 297. ...где Крессиды покоилась в ту ночь.— История любви троянского царевича Троила к гречанке Крессиде была позже обработана Шекспиром в пьесе «Троил и Крессиде».

Фисба.— Сказание о Пираме и Фисбе использовано Шекспиром в комедии «Сон в летнюю ночь» (V, 1).

Дидона... манила друга вернуться в Карфаген.— История любви карфагенской царицы Дидоны к Энею, который ее бросил, рассказана в «Энеиде» Вергилия (песнь IV).

Медея — жена Язона, героя сказания об аргонавтах; своими волшебными зельями она омоложила Эзона, отца своего мужа Язона.

Стр. 298. ...у крестов она сейчас колена преклоненно молит...— Придорожные кресты, часто встречающиеся в католических странах.

Стр. 299. О л à — о л à, о — го — о го! О л à — о л à! — Ланчелот имитирует звуки почтового рожка, намекая на появление Стефано в качестве почтальона-вестника.

...его почтовый рог набит добрыми вестями.— Намек на рог изобилия.

Стр. 300. ...небосвод весь выложен кружками золотыми; и самый малый... поет в своем движенье...— Намек на учение пифагорейцев о «гармонии небесных сфер».

Диану разбудите гимном.— Диану — то есть луну.

Эреб — подземное царство мрака (в античной мифологии).

Стр. 301. Как многое от времени зависит...— Время (season) — «время года», «пора», «момент», в значении не только времени, но и как совокупность обстоятельств.

Эндимион — сын Зевса, возбудивший к себе любовь Селены — богини луны, которая погрузила его в вечный сон, чтобы он не мог ее покинуть.

Стр. 302. Антиподы — обитатели противоположного пункта земли на другом полушарии. Бассанио хочет сказать, что Порция могла бы заменить солнце.

Стр. 304. Мне лучше б руку левую отсечь и клятву

дать, что с ней утратил перстень.— В подлиннике сказано сложнее: «Что я потерял руку, защищая кольцо».

Стр. 305. ...просил он перстень, отказал сперва я... я принужден был вслед за ним послать.— Бассанио из деликатности не упоминает о том, что Антонио уговорил его отдать кольцо (IV, 1).

Стр. 307. ...когда б не получивший перстень, оно погибло б...— Не получивший перстень — адвокат (Порция).

«КОРОЛЬ ИОАНН»

Среди хроник Шекспира «Король Иоанн» стоит особняком. Другие драмы из истории Англии складывались у Шекспира в серии пьес. «Король Иоанн» остался одиноким. Если в других случаях Шекспира увлекала идея создания серии драм, широко и полно охватывающей целую полосу в истории страны, то здесь он ограничил себя рамками сравнительно узкого сюжета. Он не воспользовался возможностью изобразить предшественника Иоанна Безземельного, его старшего брата, прославленного Ричарда Львиное Сердце, история которого по-своему была не менее драматична. Даже и в рамках царствования Иоанна драматург счел возможным опустить не только второстепенные эпизоды, но и такое широко известное событие, как прокламирование великой Хартии вольностей и создание парламента.

У Шекспира об этом ни слова, и это всегда вызывало удивление тех английских критиков, для которых парламентаризм является идеалом государственности. Однако в эпоху Шекспира парламент не играл сколько-нибудь значительной роли в жизни страны. Если в феодальную эпоху он был органом волеизъявления феодалов, ограничивавшим власть короля, то с тех пор, как утвердилось абсолютная монархия Тюдоров, парламент превратился в собрание, угодливо подтверждавшее волю короля, в частности дававшее санкцию на всевозможные поборы для пополнения королевской казны. Естественно поэтому, что Шекспир не обратил особого внимания на историю возникновения парламента, который казался в те времена изжившим себя феодальным установлением.

Зато другие факты царствования Иоанна имели для Шекспира и его современников вполне актуальное значение. Таковы были: вопрос о престолонаследии, проблема внутреннего мира, внешние войны, борьба королевской власти против политических притязаний римско-католической церкви. Это и вошло в круг тем, охватываемых сюжетом пьесы Шекспира.

Хроника была написана между 1594—1597 годами. Ряд исследователей склоняются к сравнительно раннему возникновению ее и датируют пьесу 1594—1595 годами, тогда как Э. К. Чемберс считает, что она была создана зимой 1596/97 года. Соответственно этому одни исследователи полагают, что «Король Иоанн» предшествовал «Ричарду II», другие же придерживаются мнения, что «Король Иоанн» был создан после «Ричарда II».

Обычно, создавая пьесы-хроники, Шекспир пользовался в качестве источника собранием летописей Холиншеда. На этот раз, однако, в этом не было необходимости. Уже существовала драматическая обработка сюжета о царствовании Иоанна, и она послужила источником для Шекспира.

Эта пьеса была опубликована в 1591 году в двух частях. Первая

называлась: «Беспокойное царствование короля Иоанна, с открытием того, кто был незаконным сыном короля Ричарда Львиное Сердце (в просторечье именуемый ублюдком Фоконбриджем), а также со смертью короля Иоанна в Суинстедском аббатстве». На титуле второй части стояло: «Вторая часть Беспокойного царствования короля Иоанна, содержащая смерть Артура Плантагенета, высадку Людовика и отравление короля Иоанна в Суинстедском аббатстве».

На обоих изданиях помечено, что пьеса неоднократно игралась «актерами ее величества королевы в Лондоне».

В 1611 году обе части «Беспокойного царствования» были напечатаны вместе, причем издатель поставил на титульном листе слова: «Написано У. Ш.» Третье издание, вышедшее уже после смерти Шекспира, в 1622 году, не ограничивалось инициалами. На титульном листе полностью стояло: «У. Шекспир».

Известно, что Шекспиру при жизни не раз приписывали пьесы, которых он не писал. Но в данном случае нельзя сказать, что у издателей не было никаких оснований приписать пьесу Шекспиру. Известно было, что драматург действительно написал хронику о короле Иоанне. Она шла на сцене, и ее упоминает в своем списке пьес Шекспира Ф. Мерес в 1598 году. Опираясь на это, издатели и могли выдать «Беспокойное царствование» за шекспировскую пьесу, тем более, что по сюжету они совпадают.

Шекспировский «Король Иоанн» был впервые напечатан в фолио 1623 года. Сравнение текстов показывает, что пьеса Шекспира представляет собой сокращенный вариант «Беспокойного царствования». Здесь две ранние пьесы сведены в одну. Некоторые эпизоды при сокращении Шекспиром были опущены, но он точно следовал порядку сцен и развитию действия «Беспокойного царствования», перелипав, однако, заново весь стихотворный текст и разлив некоторые характеристики персонажей.

Вопрос об отношении пьесы Шекспира к «Беспокойному царствованию» вызвал большие споры среди шекспироведов. Существуют три взгляда на эту проблему:

1) «Беспокойное царствование» — произведение одного или нескольких предшественников Шекспира, предположительно Марло либо Марло и Грина, а, может быть, Пиля. Шекспир создал новую пьесу по канве своего предшественника. Этого мнения придерживается большинство исследователей.

2) «Беспокойное царствование» — не дошекспировская пьеса, а переделка шекспировского «Короля Иоанна», выполненная неизвестным автором. Это предположение было высказано П. Александером, но Дж. Довер Уилсон убедительно опроверг его.

3) Шекспир написал сначала «Беспокойное царствование», затем через несколько лет сам переделал эту пьесу, и таким образом появился «Король Иоанн». Этот взгляд был высказан У. Кортхопом и поддержан Э. М. У. Тильярдом.

Нам представляется наиболее вероятной первая из перечисленных здесь точек зрения, которой придерживается и Э. К. Чемберс. Тщательное сопоставление обоих текстов, произведенное им, показывает, что в «Короле Иоанне» есть только одна строка, полностью совпадающая с «Беспокойным царствованием». Правда, он же насчитал сто пятьдесят мест, где у Шекспира повторяются те или иные слова из старой пьесы, но многие из них употреблены в совершенно другом контексте.

Обращаясь к содержанию, можно увидеть, что Шекспир изменил политические мотивы, содержавшиеся в ранней пьесе. Он убрал резкие выпады против французов, имевшие место в «Беспокойном цар-

ствозании», а также смягчил антипапистскую направленность пьесы. У Шекспира первостепенное значение приобретает идея патриотизма, выразителем которой выступает Фоконбридж. Этот образ был уже в старой пьесе, но Шекспир значительно развил его, как он углубил и характеристику короля Иоанна.

Впрочем, даже усовершенствовав разработку данного сюжета, Шекспир не создал шедевра, который получил бы такое же признание, как некоторые другие его хроники. «Король Иоанн» уступает в цельности и концентрированности действия «Ричарду III», в широте охвата действительности и ее контрастов — «Генриху IV». В группе хроник эта пьеса является произведением переходного типа, как и «Ричард II». Образы героев здесь более индивидуализированы, чем в предшествующих хрониках, и не трудно заметить, что Шекспир расширил несколько рамки жанра, в частности, введением комических мотивов, что особенно проявляется в юморе Фоконбриджа, частично и пока еще отдаленно предвосхищающем фальстафовский юмор «Генриха IV».

Как и в других пьесах-хрониках, Шекспир заостряет в сюжете политические мотивы, представлявшие интерес для его современников. Он увязывает их с проблемами этическими, и это получает концентрированное выражение в образе центрального персонажа драмы — короля Иоанна.

Фигура этого монарха задолго до Шекспира появилась на английской сцене. Ему была посвящена первая историческая драма, созданная в Англии в эпоху Возрождения. Около 1547 года в царствование Генриха VIII епископ Бейль написал пьесу «Король Иоанн». В драматургическом отношении это была причудливая смесь исторической драмы с моралью, где фигурировали наряду с реальными историческими персонажами абстрактные фигуры — Мятеж, Стяжательство, Притворство и т. д. В период, когда недавно свершился разрыв с Римом, личность Иоанна привлекала внимание, ибо он был первым королем, сделавшим попытку восстать против власти пап. Это была откровенно тенденциозная пьеса, в которой Иоанн прославлялся как поборник независимости монархии от римско-католической церкви. Соответственно образ короля был представлен в идеализированном свете.

В «Беспокойном царствовании» образ уже более соответствует исторической истине. Этот набросок характера в ранней драме получил у Шекспира полноценное психологическое раскрытие. Фигура Иоанна стоит в ряду других королей, чьи портреты даны Шекспиром в хрониках в плане рассмотрения проблемы личных качеств монарха.

Иоанн является узурпатором. По праву престолонаследия королем должен был стать после смерти Ричарда Лыбиное Сердце молодой принц Артур. Но Иоанн захватил власть и царит по праву сильного. Он, однако, сознает непрочность своего положения. Ему грозят разные враги, и его подстерегает много опасностей: Констанция, мать Артура, лелеет план восстановления прав своего сына; Франциск стремится отвоювать у Иоанна его владения в Бретани; Рим зорко следит за действиями короля, оберегая интересы церкви в Англии; наконец, Иоанну приходится все время считаться с крупными феодальными баронами, отнюдь не склонными к беспрекословному повиновению.

Перед лицом всех хитросплетений политики Иоанн вначале держится как человек, намеренный отстоять свою власть от всех опасностей и посягательств. Он мужественно сражается против Франции, за-

щащая одновременно интересы свои и английского государства. Однако сознание государственных интересов не является преобладающей чертой его как короля. Личный интерес для него гораздо важнее. Стремясь удержать власть, он решает устранив силой слабого соперника — принца Артура. Что же касается противников сильных, то с ними он хочет замирился.

Мы видим, как постепенно все больше раскрывается своекорыстная натура короля, который к тому же не обладает упорной непреклонностью, какая была, например, у Ричарда III. Иоанн проявляет жестокость, хитрит, изворачивается и доходит до унижения, когда соглашается отдать свою власть, чтобы снова припять ее из рук представителя римского папы.

Даже в жестокости Иоанна проявляется его малодушие. Он жаждет смерти принца Артура, но не решается на убийство, как это сделал в подобном же положении Ричард III. Намеками он стремится вынудить своему придворному Хьюберту, чтобы тот покончил с юным принцем, но делает это так, чтобы сохранить возможность снять с себя даже моральную вину за смерть Артура.

Преобладание личных интересов над государственными особенно проявляется тогда, когда Иоанн ради закрепления своих прав покупает поддержку Франции ценой уступок территории. Это вызывает гнев даже у Фоконбриджа, самого преданного из сторонников Иоанна.

Все ухищрения Иоанна ни к чему не приводят. Он теряет друзей, сторонников, союзников и в конце концов падает жертвой заговора собственного духовенства — один монах, мстя за разграбление монастырей, отравляет Иоанна.

В лице Иоанна Шекспиром изображен монарх, недостойный править страной. И дело здесь не столько в отсутствии законных прав на владение престолом, сколько в нравственном облике Иоанна. Убийца невинного ребенка, он ничем не доказал своего морального права на то, чтобы быть главой государства. Более того, своими действиями он обнаружил, что готов в любой момент предать интересы страны ради личного благополучия.

Как и в других хрониках Шекспира, в «Короле Иоанне» коренным является вопрос о благе государства. И если Иоанн оказался недостойным монархом, то в пьесе есть другой персонаж, который выступает как носитель принципов государственности и патриотизма. Это — Фоконбридж.

Незаконнорожденный сын Ричарда Львиное Сердце, он был воспитан знатным лордом, которого считал своим отцом. Когда обнаруживается действительное происхождение Фоконбриджа, перед ним возникает необходимость выбора: признать своим законным отцом покойного Фоконбриджа и получить от него богатое наследство, либо согласиться с тем, что он будет признан незаконным сыном короля и лишиться при этом каких-либо имущественных прав. Фоконбридж выбирает второе, ибо честь быть сыном, хотя бы и незаконным, такого славного воеводы, как Ричард Львиное Сердце, ему дороже всех земель, какие он может получить в наследство от старого Фоконбриджа.

Однако Фоконбридж отнюдь не идеальный «рыцарь без упрека». Воинственный сын сурового века, он спокойно будет разить людей, сражаясь за своего короля. А когда король приказывает ему взять деньги у духовенства для пополнения отошедшей казны, Фоконбридж с веселым задором грабит монастыри.

И все же у этого грубоватого вояки есть инстинктивная нравственность, состоящая в том, что он признает для себя обязательным

служение королю и своей стране. Они для него одно и то же. И даже если король окажется недостойным или неспособным быть защитником своей страны, то Фоконбридж возьмет эту миссию на себя, действуя именем короля, хотя бы он и знал, что король совсем не тот человек, который заслуживает поклонения и повиновения. Так оно и происходит в пьесе. Даже осуждая короля, когда становится ясной его вина в гибели принца Артура, Фоконбридж не отступает от него. Он продолжает борьбу, — теперь уже не столько за короля, сколько за Англию.

Суровая мужественность Фоконбриджа несомненно привлекательна. Если в пьесе и есть герой, то это именно он. Но Фоконбридж не только храбр. Он и умен. Живя в обстановке борьбы корыстных интересов, приглядываясь к тому, что происходит, а особенно после сделки Иоанна с французами, Фоконбридж делает из своих наблюдений и опыта глубокие выводы. Он выражает их в монологе, которым завершается второй акт, когда произносит тираду о том, что миром правит «дьявол» — выгода (Commodity). Эта речь Фоконбриджа заслуживает особого внимания, как выражение взглядов самого Шекспира на общество. Она перекликается с знаменитыми монологами героя трагедии «Тимон Афинский» о власти золота, которую Шекспир осуждал и в ряде других пьес, особенно в «Венецианском купце».

Фоконбридж выступает также как выразитель идеи патриотизма, особенно сильно звучащей в его финальном монологе, которым заканчивается пьеса. Он утверждает необходимость внутреннего единства государства как наиболее прочной опоры для его независимости. В эпоху создания национальных монархий это была прогрессивная идея, направленная против феодального сепаратизма, и этот принцип поддерживался как гуманистами, так и народными массами, отстаивавшими национальную независимость страны от посягательств извне. В пьесе Шекспира такие реальные враги Англии представлены французскими феодалами и римскими церковниками.

Рядом с двумя центральными образами пьесы стоят другие персонажи, причем некоторые из них очерчены с большой рельефностью. Такова властолюбивая мать Иоанна — королева Элеонора; мать принца Артура — Констанция, не уступающая Элеоноре в честолюбивом стремлении к власти, но также показанная как скорбящая мать; патетическая фигура юного принца Артура, чья гибель является наиболее трагическим эпизодом пьесы; хитрый и беспощадный политик-макиавелист — кардинал Пандольф; воинственные французские феодалы король Людовик и дофин Филипп.

Сложная интрига пьесы развивается динамически, по заключительная часть хроники несколько скомкана из-за того, что при сокращении выпали эпизоды, предшествовавшие смерти короля, которая оказывается несколько неожиданной, не подготовленной закономерным развитием действия.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КОРОЛЯ ИОАННА»

Стр. 311. Действующие лица. — Король Иоанн (Иоанн Безземельный) царствовал с 1199 по 1216 год. Он был младшим сыном Генриха II и вззошел на престол после смерти своего старшего брата Ричарда Львиное Сердце в обход прав Артура, сына ранее умершего, следующего по старшинству сына Генриха II, Готфрида. Смерть Иоанна последовала от неизвестных причин. В качестве наследника фамилии Плантагенетов

Иоани владел целым рядом областей Франции, и в том числе городом Анжером.

Французский король — Филипп II, или Филипп-Август (1180—1223), выступивший на защиту прав Артура под влиянием его матери Констанции. Впрочем, это было лишь предлогом для задуманного Филиппом-Августом изгнания англичан из Франции. В 1203—1206 годах он отвоевал у Иоанна Нормандию и Анжу. В результате религиозно-политического конфликта Иоанна с папой Иннокентием III последний уполномочил Филиппа-Августа низложить Иоанна. Иоани смирился и в 1213 году признал себя вассалом римского престола. Еще раз Филипп-Август нанес Иоанну, организовавшему против него коалицию, сокрушительное поражение при Бувине во Фландрии (1214). Все эти сражения, с произвольной локализацией их, в пьесе искусственно приурочены к последнему году жизни Иоанна.

Филипп Фокобридж (Бастард), незаконный сын Ричарда Львиное Сердце, — лицо историческое. Полагают, что на обрисовку его характера уже в старой пьесе, а через нее и в хронике Шекспира оказал влияние образ упоминаемого в хрониках Холиншеда рыцаря Фалько Брентского, также незаконнорожденного, сначала принимавшего участие в восстании баронов против Иоанна, но затем сделавшегося его верным помощником в разных делах.

Хьюберт — также лицо историческое. Его звали Хьюберт де Бург, и Иоани поручил ему присматривать за Артуром (взятым в плен в 1202 г. при захвате Мирбо, между тем как Анжер был захвачен Иоанном лишь в 1206 г.), а затем ослепить его. Но Хьюберт последнего приказа не исполнил. Артур либо погиб при попытке бежать из темницы, либо был убит каким-то лицом, подосланным Иоанном. В момент смерти ему было пятнадцать лет, и он, вероятно, уже лично принимал участие в сражениях.

Бланка была дочерью сестры Иоанна Элеоноры и Альфонса VIII, короля Кастильского. Ее обручение с французским дофином — исторический факт.

В лице эрцгерцога Австрийского, графа Лиможского, слиты вместе две исторические личности — Леопольд, эрцгерцог Австрийский, заключивший Ричарда Львиное Сердце в тюрьму в 1193 году, и Видомар, граф Лиможский, владелец замка, под стенами которого Ричард был смертельно ранен в 1199 году. Филипп Бастард, мстя за смерть отца, убил второго из них в том же 1199 году, как сообщает об этом Холиншед.

Почти все указанные отступления от исторических фактов имелись уже в старой пьесе

Стр. 318. Ни дать ни взять — монета! — Имеются в виду монеты с очень плоскими профилями королей.

Стр. 319. Сэр Ричард, признанный Плантагенет. — При посвящении в рыцари и члены королевского дома меняется личное имя Бастарда: Ричард вместо Филипп.

Стр. 320. Приходит со своею зубочисткой... — Зубочистки были принадлежностью всех благовоспитанных людей. Щеголи ходили обязательно с собственными зубочистками, которыми ковыряли у себя в зубах, часто без всякой надобности.

Стр. 321. Кольбранд — великан — могучий витязь, датчанин, герой многих английских баллад.

Какой Филипп? — Он уже теперь не просто «Филипп», как его звал до сих пор за просто слуга, он теперь носит королевскую фамилию Плантагенет (о чем слуга еще не знает).

Базилиско — персонаж трагедии Кида «Соломон и Персида» — хвастун, утверждавший, что он рыцарь.

Стр. 324. ...бледнолицый берег. — Побережье Англии, обращенное к Франции, покрыто меловыми скалами.

Стр. 327. — Потише! — Он глашатай. — Глашатаи всегда начинали свои речи возгласом: «Потише!» (Вниманне!).

Стр. 328. Алкид — Гераклес.

...как ослу пристала обувь славного Алкида. — «Как башмаки Алкида на детской ножке» — довольно распространенная в то время поговорка. Бастард искажает ее, чтобы сильнее оскорбить эрцгерцога.

Стр. 333. Святой Георгий... учи нас биться. — Святой Георгий считался патроном английского рыцарства.

Стр. 336. Взяв за пример иерусалимских граждан во дни мятежа... — Во время осады Иерусалима императором Титом (в I в. н. э.) две партии, враждовавшие в городе, временно объединились для борьбы с римлянами.

Стр. 341. ...вели, чтоб сын и дочь соединили руки. — С момента обручения принцесса становится как бы дочерью французского короля.

Стр. 348. Свой трофей позоришь ты. — Трофей — львиная шкура, которую эрцгерцог носит после того, как отнял ее у Ричарда, убив его.

Стр. 353. ...огнем огонь врачи смягчают при ожогах. — В XVI веке раны от ожогов лечили прижиганиями.

Святая вера есть опора клятвы. Твоя же клятва не согласна с ней. — Смысл этого места, довольно темного в подлиннике, таков: «Если, давая клятву, ты не уверен в ее законности, то ты можешь соблюдать ее лишь постольку, поскольку она не противоречит другой, данной тобой ранее клятве».

Стр. 354. ...как тебе — опора он. — Возможно, что в это мгновение Людовик поднимает Бланку с колен, что дает повод Констанции назвать его ее опорой.

Стр. 357. Ангел — старинная монета.

Стр. 360. ...суда одной эскадры разделяя. — В подлиннике: «A whole armada» — намек на Великую Армаду, испанский флот, посланный Филиппом II в 1588 году на завоевание Англии и уничтоженный бурей и английскими морскими силами.

Стр. 362. Вы проиграли депь? — День — в военном смысле: «проиграв сегодня битву».

Стр. 377. Первого апреля скончалась ваша царственная мать, а за три дня до этого... Констанция. — На самом деле Элеонора умерла в июле 1204 года, а Констанция — не за три дня, а за три года до этого, в августе 1201 года.

Питер из Помфрета — лицо историческое. Как сообщает Холлинshed, он предсказал около 1 января 1213 года, что король Иоанн «в будущий праздник Вознесения» будет низложен, за что король предал его вместе с его ни в чем не повинным сыном мучительной казни.

Стр. 379. Дух времени... — Выражение, часто встречающееся у Шекспира и означающее: стечение обстоятельств, условия эпохи и т. д.

Стр. 380. В страшный час последнего расчета меж небом и землей — то есть в день Страшного суда.

Стр. 382. В Сент-Эдмондсбери я с ним встречусь... — Речь идет о дофине, который вступил с английскими лордами в переговоры через посредство графа Мелена и кардинала Пандольфа.

Стр. 386. ...и вы меня не делайте убийцей... — То есть не

заставляйте меня, защищая свою честь, обнажить меч и пролить вашу кровь.

Стр. 393. ...с нуждою слишком властной.— В смысле не личной его потребности, а принудительной потребности общих политических обстоятельств.

Стр. 398. Гудвинские песни — опасная мель на юго-восточном побережье Англии.

Стр. 403. Кто пробовал питье? — Перед тем как король что-нибудь ел или пил, один из слуг пробовал эту еду или питье, чтобы убедиться, что предлагаемая королю пища не отравлена.

«РИЧАРД II»

Эта пьеса была впервые зарегистрирована в реестре Палаты торговцев бумагой в августе 1597 года и еще до конца года вышла в свет изданием in quarto. Уже в следующем, 1598 году Ф. Мерес упоминает ее в своем известном списке пьес Шекспира. Таким образом устанавливается, что «Ричард II» был создан не позже 1597 года. До недавнего времени возникновение пьесы датировалось предположительно, и исследователи называли даты от 1594 до 1596 года. Э. К. Чемберс открыл один документ, который позволил уточнить дату написания «Ричарда II» и вместе с тем показал, насколько близки бывают догадки исследователей, даже когда они не располагают документацией. Документ этот — частное письмо члена парламента Эдуарда Хоби, который приглашал на представление этой пьесы в своем доме известного елизаветинского вельможу Роберта Сесилия, сына министра королевы лорда Берли. Приглашение датировано 7 декабря 1595 года, а спектакль должен был состояться 9 декабря. На основании этого Э. К. Чемберс считает, что «Ричард II» был создан в том же 1595 году, и его мнение разделяется Дж. Довер Уилсоном.

Различные эпизоды царствования Ричарда II и до Шекспира привлекали внимание драматургов. Крестьянскому восстанию 1381 года была посвящена пьеса «Жизнь и смерть Джека Строу», напечатанная в 1593 году, но появившаяся на сцене за несколько лет до этого. Другая пьеса сохранилась в рукописи. Она дошла до нас без названия, и исследователи обычно называют ее «Томас Вудсток». (Текст ее был напечатан в 1870 г.) В драме изображаются события, предшествовавшие тем, которые составили сюжет шекспировского «Ричарда II». Исходя из этого, некоторые исследователи называют ее «первой частью» «Ричарда II» и считают хроникой Шекспира продолжением «Томаса Вудстока». Высказывалось предположение, что существовала хроника в двух частях, первой частью которого был «Томас Вудсток» неизвестного автора, а второй — «Ричард II» Шекспира. Но против этого говорит то обстоятельство, что персонаж «Томаса Вудстока» Грин, которого убивают в этой пьесе, снова появляется живым в начале драмы Шекспира. Не совпадает и другой эпизод: Джон Гант в «Томасе Вудстоке» обещает герцогине Глостер отомстить за ее мужа, а в «Ричарде II» он отказывает ей в поддержке. Версия о том, что «Ричард II» продолжение «Томаса Вудстока», таким образом, отпадает.

Основным источником Шекспира при написании этой хроники был Холиншед. Однако не во всем. Некоторые детали, отсутствующие у Холиншеда, он заимствовал у других авторов.

Наибольший интерес представляет вопрос об отношении пьесы Шекспира к поэме его современника Сэмюэля Дензеля «Гражданские

войны» (1595), где в стихотворной форме излагается история царствования и падения Ричарда II. У Шекспира и Денъела есть совершенно одинаковые отклонения от исторических источников. В частности, это касается образа королевы Изабеллы, жены Ричарда II. Во время изображаемых событий ей было всего двенадцать лет. И Шекспир и Денъел изображают ее взрослой женщиной. Замечен также ряд других текстуральных совпадений. Возникает вопрос: кто у кого заимствовал — Шекспир у Денъела или Денъел у Шекспира?

Делиус, Грант Уайт, Кларк и Райт считали, что Денъел подражал Шекспиру. Найт и некоторые другие исследователи склонны были считать, что, наоборот, Шекспир воспользовался кое-чем из поэмы Денъела, и Довер Уилсон убедительно подкрепляет этот взгляд в своем предисловии к изданию «Ричарда II».

Накануне восстания Эссекса (1601) один из заговорщиков заказал труппе, в которой состоял Шекспир, поставить «Ричарда II», за что обещал актерам дополнительное вознаграждение в сорок шиллингов. Актеры пробовали отговориться тем, что пьеса устарела и едва ли привлечет публику, но, уступая настояниям заказчика, все же поставили ее. После неудачи восстания, во время следствия один из заговорщиков признался, что постановка «Ричарда II» имела целью «возбудить чувства народа изображением на сцене отречения одного из английских королей». Труппе Шекспира было предложено дать свои показания по этому поводу. Ответ держал актер Огастин Филиппс. Его показания убедили следователей, что труппа была непричастна к заговору, и Филиппс отпустили с миром.

Весь этот эпизод хорошо объясняет нам, почему в первых изданиях пьесы сцена низложения Ричарда II отсутствовала. Мнение, будто она написана позже, явно опровергается показаниями на следствии по делу о заговоре Эссекса. Совершенно очевидно, что сцена низложения Ричарда II существовала в рукописном тексте, по которому играли актеры.

Рассматривая историю создания «Ричарда II», необходимо отметить еще один очень важный факт. Известно, что в начале своей драматургической деятельности Шекспир испытал влияние корифея тогдашней драмы Кристофера Марло. О влиянии Марло мы можем говорить также и в связи с «Ричардом II». У Марло была историческая драма «Эдуард II». Ее сюжет и образ главного героя во многом сходны с тем, что мы видим в пьесе Шекспира.

Однако при несомненной близости этих двух произведений все же сравнение их показывает, что Шекспир здесь был гораздо более самостоятелен, чем, скажем, при создании «Генриха VI» и «Ричарда III». Это видно уже в стихе шекспировской пьесы, в значительной мере освободившемся от помпезности, свойственной стилю Марло. Стих у Шекспира легче, ближе к живой речи, хотя и сохраняет поэтическую образность, введением которой английская драма была в большой степени обязана Марло. Отличие от последнего проявляется у Шекспира и в более тонкой трактовке образа центрального героя. В особенности же творческая самостоятельность Шекспира проявилась в идейной концепции пьесы.

Для Марло тема «Эдуарда II» была связана с постоянно волновавшим его вопросом о правах личности. В отличие от Марло для Шекспира центральной является не проблема личности, а вопрос о судьбах государства. Именно это определяет композицию шекспировского «Ричарда II». Конечно, и вопрос о личности короля имеет для Шекспира существенное значение, но эта проблема ставится Шекспиром совсем в ином плане, чем Марло.

С четкостью, не оставляющей места для недоговоренности, в «Ричарде II» поставлен вопрос, являются ли наследственное право и так называемое «божественное право» короля неизблемыми. Ричард II представлен в пьесе носителем феодального принципа «божественного» происхождения королевской власти. Он глубоко убежден, что его сан имеет своим источником санкцию самих небес. Ему представляется, что божественное право накладывает отпечаток на самую его личность и что человек и король в нем неразделимы. Мы слышим из его уст патетическую речь о божественности его королевского достоинства (III, 2). Принципы божественного происхождения королевской власти поддерживает и епископ Карлейль. Но епископ считает, что божественное право короля не исключает его определенных обязанностей по отношению к государству. Однако Ричард настолько упоен своей властью, что не считает необходимым заботиться о каких бы то ни было обязанностях. Своим могуществом он пользуется лишь для удовлетворения своих страстей и прихотей, нимало не заботясь о благе страны.

Поведение Ричарда II вызывает все большее недовольство в стране. Перечень его несправедливостей мы узнаем из беседы Россса, Уилоуби и Нортемберленда (II, 2, конец сцены): тяжелыми налогами он разорил общины, и новым поборам нет конца; он проматывает и раздает государственные достояния; забирает в свою казну имущество опальных дворян; отдает государство на откуп своим фаворитам. Ричард II смотрит на страну как на свое личное владение. Старый вельможа Джон Гант с полным основанием говорит ему, что он ведет себя в государстве не как король, а как «помещик» (II, 1).

И действительно, Ричард II считает существенными только свое право и свою волю. Он живой носитель принципа, согласно которому в личности монарха сосредоточена вся сущность власти, ее начало и конец. Поэтому он и смотрит на государство лишь с точки зрения того, что он может извлечь из него для удовлетворения своих дорожных прихотей.

Этому взгляду Шекспир на протяжении пьесы противопоставляет другую точку зрения, выражающую политическую концепцию гуманизма. Согласно этой точке зрения, средоточием всего является не личность монарха, а государство. Соответственно этому королевская власть представляет собой не самоцель, а функцию, которая должна обеспечить благосостояние страны. Именно эту идею выражает старый Джон Гант. Шекспир идеализировал это историческое лицо. Подлинный Джон Гант был таким же феодалом, как и все остальные. Шекспиром он преобразен в благородного мудреца, высшей заботой которого является процветание государства. В его уста вложен полный патристического пафоса монолог об Англии (II, 1), которая представляется ему чуть ли не райским островом, «вторым Эдемом», который мог бы процветать, — если бы ею не правил плохой король.

Принцип государственности утверждается Шекспиром с такой настойчивостью, что для большей ясности своего тезиса он вводит в действие пьесы сцену, в сущности, никак не связанную с сюжетом и имеющую откровенно дидактический характер. Мы имеем в виду сцену в саду Йорка (III, 4), где Шекспир выводит садовника, беседующего с двумя слугами. Их беседа представляет собой рассуждение о государстве, облеченное в форму аллегории. Садовник уподобляет государство саду, а короля — садовнику, который обязан заботиться о процветании сада, выпалывая ненужные растения, обрубая засохшие ветки и всячески ухаживая за полезными растениями. По мнению садовника, король Ричард дозволил паразитическим растениям рас-

цвести за счет полезных. Тем самым он нарушил свой долг, за что и понесет кару.

Ричард оказывается недостойным королем не только потому, что, пользуясь своим «божественным» правом, пренебрегал интересами государства, но также потому, что поправил и земные законы, на которых зиждется порядок в государстве. Он владеет своим королевским саном по праву наследства, но при этом наследственное право других он нисколько не уважает. Когда умирает Джон Гант, владения которого должны перейти его сыну Болингброку, Ричард II присваивает себе имущество своего подданного. Поправ закон наследования, он тем самым подрывает наследственное право вообще, в том числе и свое собственное, ибо закон в государстве должен быть один.

Всем ходом пьесы, логикой развивающихся в ней событий опровержение «божественного» права монарха подкрепляется обоснованием права на восстание против короля и свержение его с престола. Вопрос о том, имеют ли право подданные низлагать монарха, неоднократно рассматривается Шекспиром в его хрониках. Шекспир в принципе считал восстания ненужным нарушением порядка в государстве и осуждал мятежи, поднимаемые во имя частных интересов отдельных лиц или даже целых сословий. Именно с этой точки зрения Шекспир осуждает как восстание феодалов, так и крестьянский бунт в трилогии «Генрих VI». Но уже в «Ричарде III» утверждается право на восстание против короля. Однако при этом нужно иметь в виду, что Ричард III сам является узурпатором, захватчиком власти и кровавым тираном. В «Ричарде II» Шекспир признает право на восстание даже против короля, владеющего престолом законно, по наследству, но пользующегося своей властью во вред государству.

Такова политическая концепция, лежащая в основе пьесы. Надо сказать, что стремление утвердить определенный политический тезис во многом определяет художественный строй этого произведения. Ряд эпизодов драмы обладает откровенно иллюстративным характером, имея целью выразить посредством речей персонажей те или иные политические принципы.

Однако политические вопросы не заслоняют для Шекспира проблем нравственных и задачи создания живых образов участников политической драмы, разыгрывающейся перед нами. Сравнивая «Ричарда II» с предшествующими хрониками, можно заметить, как углубляется мастерство Шекспира в изображении характеров.

Это заметно уже в обрисовке второстепенных фигур. Если в ранних хрониках подобные персонажи мало чем отличались друг от друга, то в «Ричарде II» Шекспир находит уже достаточно выразительные штрихи, чтобы придать каждой фигуре четкое отличие от других. Вот образы двух почтенных государственных деятелей — Джон Гант и епископ Карлейль. Оба они носители идеи государственности. И вместе с тем они различаются не только своим отношением к королю, которого Гант осуждает, а Карлейль поддерживает, но и характерами. В Джоне Ганте мы замечаем страстность, с которой он судит о государственных делах, а в епископе — спокойную рассудительность. Герцог Йоркский характеризуется миролюбивостью и благодушием, доходящими у него до слабости и нерешительности, когда дело идет о серьезных государственных делах. Герцог Омерль — верный слуга короля Ричарда II. Нортемберленд честолюбив и суров. Если фавориты Ричарда II — Буши, Бегот и Грип — не наделены чертами, позволяющими отличить одного от другого, то в данном случае это может быть сознательный художественный прием, аналогичный тому, который Шекспир впоследствии применил и

«Гамлете», изображая Розенкранца и Гильденстерна во всем похожими друг на друга.

Все эти участники разворачивающейся перед нами драмы служат, однако, лишь фоном для двух центральных фигур, конфликт между которыми составляет главное содержание пьесы. Это — Ричард II и Болингброк, будущий Генрих IV.

Ричарду II нельзя отказать в царственности. Она присуща его внешнему облику. Он красивый, обаятельный человек, даже внешне выделяющийся среди своего окружения. Ему присуще сознание своего высокого положения, которым он гордится и любит покрасоваться. Он хочет, чтобы все видели, что он и в самом деле король — человек, призванный повелевать другими.

Ричард II весь сосредоточен на своей личности, представляющейся ему как бы центром всей жизни. Поэтому он очень любит говорить о себе, своих чувствах и настроениях. Он склонен поэтизировать себя и все свои переживания, о которых всегда говорит с большим вдохновением. И даже тогда, когда наступает время, требующее решительных действий, он предпочитает рассуждать о себе и своем трудном положении.

Он жадно ищет в жизни удовольствий и не знает удержу в роскоши и мотовстве. Его при этом несколько не беспокоит то, что траты производят им за счет средств, которые нужны государству. О королевских обязанностях он вспоминает лишь тогда, когда этого избежать уже нельзя. Да и то это всегда в большей или меньшей степени связано с какими-нибудь его личными интересами.

Этот изнеженный и сибаритствующий монарх, однако, совсем не безобиден. Он может быть жестоким и беспощадным. Если ему это нужно, он не остановится и перед преступлением.

Легко возбудимый, он очень неустойчив в своих чувствах и настроениях. Переходы от одного состояния к другому происходят в нем мгновенно. То он хитер и коварен, как тогда, когда судит Болингброка и Норфолка; то груб, как, например, у ора смертельно больного Джона Ганта; то появляется перед нами глубоко чувствительным человеком с тонким строем душевных переживаний. Но это последнее качество проявляется в нем только по отношению к самому себе.

Переменчивость, капризность, присущие Ричарду II, не ограничиваются только сферой его личной жизни и личных отношений. Эти качества он проявляет и как король. Будучи человеком в достаточной степени мужественным, он, однако, не способен действовать целеустремленно. Так, он затевает ирландский поход, тратит на это массу государственных средств и человеческих жизней, в то время как ему следовало бы позаботиться об упрочении своей власти внутри страны. С присущей ему беззаботностью он необдуманно назначает на время своего отсутствия правителем страны герцога Йорка, который по мягкости своей не способен оградить владения Ричарда II от грозящей им опасности. А когда его престол нуждается в защите, он, вернувшись из Ирландии, не прибегает сразу к решительным действиям, давая противнику возможность собрать все силы для удара против него, Ричарда II.

Все эти личные качества Шекспиром раскрываются для того, чтобы наглядно показать, что Ричард не способен быть королем и не достоин им быть.

Характер Болингброка во всех отношениях противоположен характеру Ричарда II. Если все качества короля являются, так сказать, внутренней Немезидой, с неизбежностью приводящей его к пораже-

нию, то Болингброк — человек, успех которого обусловлен его волевым и целеустремленным характером.

Еще тогда, когда он предстает перед нами всего лишь одним из крупных баронов государства, в нем ощущается дарственное чувство своего достоинства и смелая независимость суждений. Мы видим это в той настойчивости, с какой он требует наказания виновника убийства Глостера. Мы видим это в том мужестве, с каким он принимает приговор короля, осуждающего его на изгнание. И зрителю понятно, что, подчиняясь силе и власти, Болингброк тем не менее внутренне не смиряется.

Действительно, как только возникает возможность, он поднимает знамя борьбы против короля. Начинает он с защиты своих прав, отнятых у него Ричардом II, но постепенно Болингброк осознает, что он ведет борьбу не только за себя и свои интересы, но и за интересы государства в целом. В отличие от Ричарда II, который любит Англию лишь как нечто принадлежащее лично ему, Болингброк любит свою страну независимо от того, какое положение он в ней занимает.

Умный и расчетливый политик, он умеет завоевать симпатии народа. Его поведение по отношению к другим крупным феодалам отличается тактичностью. Способный быть и суровым и мягким, он умеет управлять своими чувствами. Поэтому он проявит суровость по отношению к фаворитам короля, которых предаст казни, но будет достаточно осторожен с теми, кого ему нужно завоевать в качестве союзников для борьбы против Ричарда. Болингброк отнюдь не является альтруистом. Но он умеет сочетать борьбу за свои права со стремлениями других людей, оказывается способным выступать как представитель национальных интересов и именно в качестве такового противопоставлять себя откровенно эгоистичному Ричарду.

Болингброк в самом точном смысле слова политик. Он умеет рассчитывать обстоятельства, предвидеть события и вместе с тем проявляет способность направлять ход событий в сторону, выгодную для него и соответствующую стремлениям большинства окружающих его людей.

Таким образом, он обнаруживает качества, свидетельствующие о том, что он способен быть монархом, руководящимся интересами страны. Однако Болингброк далек от того, чтобы быть тем идеальным королем, которого Шекспир хотел бы видеть на троне.

Прежде всего уже одно то, что он приходит к власти посредством восстания и, сколь ни справедлива его борьба против Ричарда, все же является в конечном счете узурпатором, — это обстоятельство само по себе противоречит тому понятию государственности, которого придерживался Шекспир в период создания данной драмы. Захват власти Генрихом IV является нежелательным прецедентом, который может вызвать и у других честолюбивых баронов стремление завоевать корону. Такая власть является непрочной, а главное — опасной для государства, ибо если вправде захватить власть один, то утрачивается всякая возможность объявлять незаконной подобную попытку со стороны другого лица. В эпоху Шекспира это было вполне актуальной политической проблемой, и передовые слои общества, а в особенности народ, не хотели того, чтобы честолюбивые стремления представителей крупной знати ввергли страну в ужасы гражданской войны.

Но власть Генриха IV становится непрочной еще и потому, что новый король решает навсегда избавиться от опасности восстановления на престоле прежнего монарха. Хотя он уже обезвредил Ричарда II, но это кажется ему недостаточным, и тогда он затевает тай-

ное убийство свергнутого короля. Этой ненужной жестокостью Генрих IV пятнает не только свою личную честь, но и свое королевское достоинство. Точно так же, как началом всех бедствий Ричарда II явилось убийство Глостера, совершенное им для упрочения своей личной власти, так убийство Ричарда II, осуществленное по приказу Генриха IV, является началом бедствий и смут, которые будут сотрясать его царствование.

В первых изданиях эта пьеса именовалась трагедией. Какие основания могут оправдать такое жанровое определение этого произведения? Несомненно, что трагичной является судьба Ричарда II. В подлинном соответствии с законами трагического он сам своим характером и поведением обусловил и потерю короны и свою гибель. Ричард II вызывает разные чувства у зрителя. Когда мы видим его как недостойного короля, наши симпатии оказываются на стороне тех, кто борется против него. Но когда Ричард свергнут с престола и становится узником нового короля, он вызывает к себе другое отношение. Из тирана он сам превращается в жертву. Со свойственной ему привычкой поэтизировать все он поэтизирует теперь свое страдание.

Личная трагедия Ричарда II, однако, не исчерпывает всего трагического содержания драмы. Как и в других хрониках Шекспира, главным субъектом трагедии является не тот или иной отдельный человек, а государство, несправедливо управляемое, не знающее мира и покоя, терзаемое борьбой интересов. И если вначале перед нами — государство, трагичность положения которого определяется тем, что существующая в нем власть не обеспечивает стране спокойного благосостояния, то в конце драмы государство оказывается в таком же положении. Уже первые шаги Генриха IV подрывают основы законности и общественной нравственности, предвещая новые бури и бедствия.

Финал драмы содержит в себе зародыши новых драм, и было совершенно естественно, что Шекспир продолжил работу над созданием пьес, в которых перед зрителем предстали картины дальнейшей истории Англии. «Ричард II» явился, таким образом, естественным началом цикла исторических драм, посвященных вопросам гражданского мира и внешних войн, власти и ее отношения к народу. Трагедия этого круга вопросов была продолжена в «Генрихе IV» и «Генрихе V».

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «РИЧАРДА II»

Стр. 409. Действующие лица.— Ричард II, родившийся в 1365 году и царствовавший с 1377 по 1399 год, был сыном Эдуарда, принца Уэльского (который прославился своими победами над французами и был прозван по цвету доспехов Черным Принцем; умер до смерти своего отца и потому не царствовал), и внуком Эдуарда III. Ричард II был лицемерным и трусливым тираном. В его царствование произошел ряд крупных народных восстаний, из которых главнейшее — восстание Уота Тайлера в 1381 году, в пьесе не нашедшее прямого отражения. Народное недовольство королем Шекспир упрощенно объясняет лишь грабительством группы откупщиков, королевских фаворитов.

Джон Гант (т. е. Гентский), герцог Ланкастерский (ум. в 1399 г.), и Эдмунд Ленгли, герцог Йоркский (ум. в 1402 г.), третий и четвертый сыновья Эдуарда III, приходились дядями Ричарду II. Во время малолетства Ричарда II Джон Гант, стоявший во главе партии круп-

ных помещиков-феодалов, стремился к власти и оказывал огромное влияние на внутреннюю политику Англии. В 1399 году ему было всего лишь сорок восемь лет. Его сын Генри Херифорд был прозван Болингброком по месту своего рождения в замке Болингброк в Линкольншире. После своего воцарения он стал называться Генрихом IV.

Томас Маубрей, герцог Норфолк, был одним из крупнейших феодалов эпохи. По историческим данным, он вместе с Болингброком и Томасом Вудстоком, герцогом Глостерским (еще одним дядей Ричарда II, пятым сыном Эдуарда III), составил заговор с целью убийства Ричарда II. Но затем он выдал заговор королю, который поручил ему убить герцога Глостерского. Маубрей, однако, этого приказа не выполнил, и герцог Глостерский был убит по распоряжению короля наемными убийцами. Этим объясняются в пьесе слова Маубрея (I, 1) о том, что «он пренебрег своим долгом». Надо сказать, что причины и характер столкновения с Болингброком изображены у Шекспира весьма неясно, с явным расчетом на знакомство зрителей с некоторыми историческими фактами.

Весь образ королевы — плод фантазии Шекспира. На самом деле французской принцессе, второй жене Ричарда II, в 1399 году было десять лет. (Такие скороспелые браки, заключавшиеся ради политических целей и некоторое время остававшиеся фиктивными, вообще были в ту пору нередким явлением.)

Стр. 413. Залог (здесь и дальше) — брошенная перчатка.

Стр. 414. Но бль — старинная монета стоимостью от 5 до 6 шиллингов.

Стр. 415. Его я не убил; мой долг был сделать это... — Маубрей жалеет о том, что не он убил Глостера, повинного в смерти его брата.

Стр. 416. Ведь в этот месяц не пускают кровь. — В старых календарях указывалось, какие месяцы благоприятны и какие неблагоприятны для пускания крови.

Львы укрощают барсов. — На гербе Ричарда был изображен лев, на гербе Норфолка — барс.

Стр. 426. Раз мы отинули ваш долг пред нами... — Ричард уже не может налагать на изгнанников обязанностей по отношению к самому себе.

Стр. 428. ...с вами я помчусь до рубежа земли — до берега моря.

Стр. 429. Что я ходил в поденщиках у скорби. — В подлиннике игра слов: *journeyman* значит и «поденщик» и «путешественник».

Стр. 432. Придется сдать в аренду королевство. — В последние годы царствования Ричарда II, как отмечено в хрониках Холиншеда, в народе ходили слухи, что государственные имения сданы в аренду любимцам короля. На этом построена в пьесе вся характеристика Ричарда — как разорителя страны, а Уилтшира, Буши, Бегота и Грина — как гнусных хищников.

Стр. 435. Я, вдохновенный свыше, как пророк... — Этот патристический монолог Ганта пользовался огромной популярностью и уже в 1600 году был перепечатан отдельно в сборнике «Английский Парнас».

Стр. 436. О, мне сейчас так впору это имя! — Имя *Slant* созвучно слову *gaunt* — «худой», «изможденный».

Стр. 439. Керны — легко вооруженные ирландские воины.

...на острове, где гадов нет других. — Согласно легенде,

святой Патрик, обративший Ирландию в христианство, изгнал из нее всех ядовитых змей.

...расстройство брачных планов Болингброка.— Ричард II расстался с дочерью герцога Беррийского, дяди французского короля.

Стр. 442. ...пожертвованья разные и бланки...— Под «пожертвованиями» подразумеваются дополнительные налоги по какому-нибудь особенному случаю. «Бланками» называли письменные обязательства — без обозначения суммы, которая вписывалась затем королевскими чиновниками по их усмотрению.

Стр. 446. Граф Вустер — Томас Перси, граф Вустер, брат герцога Нортемберлендского. Он появляется как действующее лицо в «Генрихе IV», часть 1.

Стр. 454. Черный Принц — сын Эдуарда III, брат Йорка и дядя Болингброка.

Стр. 459. Глендаур (Оуэн) — один из уэльских князей, который после воцарения Болингброка поднял восстание за независимость Уэльса, притязая на титул принца Уэльского. Борьба короля с Глендауром изображена, между прочим, в «Генрихе IV», часть 1.

Стр. 463. ...гнуть лук из дважды гибельного тиса.— Дважды — потому, что тис сам по себе уже считался ядовитым деревом.

Стр. 464. ...эта жалкая щепотка глины, что служит оболочкою костям.— Выражение это может иметь двоякий смысл: 1) могила, 2) брениое тело, созданное богом, согласно библейской легенде, из глины.

...припомним предания о смерти королей.— В Англии времен Шекспира были весьма популярны несколько сборников рассказов о падении и смерти великих людей.

Стр. 469. Смотрите, вот и сам король! — Первые шесть строк этой речи английские издания, на основании данных F и Q, обычно приписывают Болингброку. Но этот хвalebный тон в устах лица, ненавидящего Ричарда, крайне неправдоподобен. Наоборот, он вполне понятен в устах лояльного Йорка.

Стр. 472. ...спущусь, как Фазтон, не удержавший буйных жеребцов.— В мифе о Фазтоне, сыне Аполлона, бога солнца, рассказывается, что, выпросив у отца на один день его солнечную колесницу, он не справился с конями, которые понесли и разбили колесницу.

Стр. 474. Сыграем, государыня, в шары.— Игра в шары, состоявшая в том, чтобы попасть пущенным шаром в цель, была весьма популярна в Англии.

Стр. 479. Тронный зал в Уэстминстерском дворце.— В залах Уэстминстерского дворца уже в те времена происходили заседания парламента. В данной сцене слиты вместе два исторически различных заседания парламента двух различных созывов. Низложение Ричарда произошло 30 сентября 1399 года в парламенте, созванном им самим. Суд над Беготом состоялся 16 октября того же года в парламенте, созванном уже новым королем. Ни на том, ни на другом заседании сам Ричард не присутствовал.

Стр. 482. ...прославиться мечтаю я в этом мире, новом для меня.— Намек на молодость Фицуотера.

Стр. 483. Избави боже! Нет! — и далее.— По свидетельству Холиншеда, подобная речь была действительно произнесена епископом Карлейльским после отречения Ричарда и провозглашения Болингброка королем.

Стр. 494. Помфрет — замок в Йоркшире.

Тауэр (tower значит «башня») — старинная лондонская крепость, по преданию сооруженная Юлием Цезарем. Первоначально она была резиденцией английских королей, но уже при Ричарде II была превращена в политическую тюрьму.

Стр. 501. ...беспутный сын — принц Гарри, молодость которого изображена в «Генрихе IV», части 1 и 2.

Стр. 505. «Король и Нищенка» — намек на народную балладу о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

Стр. 506. Нет, от игры словами нас уволь. — Приведенное выше французское выражение помимо своего прямого смысла (просьбы о прощении) имело еще второй смысл: «увольте меня», и именно он был в Англии обычным.

Стр. 507. Вернейший братец — граф Эксетер, в пьесе не фигурирующий, один из участников заговора. Причем, «братцем» он назван иронически, так как Эксетер не брат, а шурин Ричарда II.

Аббат — уэстминстерский аббат.

Стр. 510. Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня. — Время (time), как нередко у Шекспира, имеет здесь широкий смысл: условия эпохи или момента.

Мы вместе стоим фартинг, не дороже. — Фартинг — грош. В подлиннике непереводаемая игра слов: перед этим конюх назвал Ричарда «королевским принцем» (royal prince). Но royal есть также название старинной монеты. Ричард хочет сказать: «я не стою сейчас и десятой доли рояла».

Стр. 512. Экстон поражает короля Ричарда. — В хрониках сообщается три версии относительно смерти Ричарда II: согласно одной — он умирал себя голодом, согласно другой — его умирили голодом по приказанию Болингброка, согласно третьей — он был убит Экстоном по приказанию того же Болингброка.

Стр. 514. Ричард Бордоский — титул, который Ричард носил, еще будучи принцем, по месту своего рождения — в Бордо. (В XIV в. значительная часть Франции принадлежала англичанам, в том числе и город Бордо.)

СОДЕРЖАНИЕ

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА. Перевод Т. Щепкиной-Куперник	5
СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ. Перевод Т. Щепкиной-Куперник	131
ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ. Перевод Т. Щепкиной-Куперник	211
КОРОЛЬ ИОАНН. Перевод Н. Рыковой	311
РИЧАРД II. Перевод Мих. Донского	409
А. Смирнов. Послесловие к «Ромео и Джульетте»	517
А. Аникст. Послесловие к «Сну в летнюю ночь»	526
А. Смирнов. Послесловие к «Венецианскому купцу»	535
А. Аникст. Послесловие к «Королю Иоанну»	549
А. Аникст. Послесловие к «Ричарду II»	556

Примечания к текстам пьес составлены

А. Смирновым

Уильям Шекспир
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ, т. 3

Редактор *Т. А. Путинцева*
Оформление художников
А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова
Художественный редактор *В. П. Богданов*
Технический редактор *Г. Я. Шебалина*
Корректоры
С. И. Габинова и М. И. Цециор

Сдано в набор 8/V 1958 г. Подп. в печ. 8/IX 1958 г.
Форм. бум 60×92¹/₁₆. Печ. л. 36,125 Уч.-изд. л. 31,05.
Тираж 225 000 экз. (125 001—225 000). Изд. № 12071.
Зак. тип. № 4014.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР,
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 15 руб.

